

ISBN 978-5-91458-222-4

9 785914 582224

В сборник докладов
Международной
конференции «Великие
евразийские миграции»
вошли материалы, в которых
отражены актуальные
проблемы исследований
истории евразийских
трансконтинентальных
миграций.
Издание предназначено
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам,
аспирантам
и всем, кто интересуется
историей.

Издательство
Калмыцкого университета, 2016

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

11-14 октября
2016 г.

ВЕЛИКИЕ
ЕВРАЗИЙСКИЕ
МИГРАЦИИ

ВЕЛИКИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Б.Б. ГОРОДОВИКОВА»

ВЕЛИКИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ

*Материалы Международной научной конференции
11-14 октября 2016 г.*

Элиста 2016

УДК 94(4/5):314.15(082)

ББК ТЗ(2Рос.Калм)-284.6я431+ТЗ(051)-284.6я431

В 273

Международная научная конференция
проведена по гранту Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-01-14069)
и при финансовой поддержке
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»

В 273 **«Великие евразийские миграции». Междунар. науч. конф. (2016; Элиста).** Международная научная конференция «Великие евразийские миграции», 11-14 октября 2016 г. [Текст]: материалы / редкол.: В.И. Колесник [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. – 458 с. – В надзаг.: Правительство РК, Российский гуманитарный научный фонд, ФГБОУ ВО «КалмГУ».

В издание вошли материалы международной научной конференции. В докладах и сообщениях отражены актуальные проблемы исследований истории евразийских трансконтинентальных миграций.

Издание предназначено научным сотрудникам, преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется историей.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

Редакционная коллегия:

д-р исторических наук, профессор В.И. Колесник (отв. редактор),
д-р исторических наук, профессор П.М. Кольцов,
канд. ист. наук, доцент Е.Ш. Музраева,
старший преподаватель Р.Г. Саряева

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-91458-222-4

© ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет
им. Б.Б. Городовикова», 2016
© Авторы, 2016

Памяти Владимира Ивановича Колесника

8 ноября 2016 г. ушел из жизни руководитель оргкомитета по проведению международной научной конференции «Великие евразийские миграции» – доктор исторических наук, профессор Владимир Иванович Колесник. Российская наука и образование понесли тяжелую утрату.

В. И. Колесник родился в г. Комсомольске-на-Амуре 14 мая 1950 г., вырос и закончил школу в Крыму в г. Алуште, но большая часть его жизни была связана с Калмыкией.

В 1973 г. после окончания исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова В. И. Колесник прибыл на работу в Калмыцкий государственный университет, где работал до конца своих дней. Владимир Иванович преподавал студентам историю средних веков, руководил магистратурой по истории международных отношений, занимался наукой и общественной деятельностью. Это был высококвалифицированный преподаватель, талантливый ученый, скромный и интеллигентный человек, которого любили и глубоко уважали студенты и коллеги. Владимир Иванович ответственно и добросовестно, с принципиальных позиций относился ко всему, что касалось вопросов науки и образования.

Труды В. И. Колесника, публикации в центральных периодических изданиях, выступления на научных конференциях отличались глубиной научного анализа, новизной подходов, трактовок и неизменно вызывали большой интерес у специалистов и всех, кто интересовался историей. Он исследовал проблемы истории средневековой Франции, проблемы нomaдологии, историю калмыцкого народа. Одним из направлений его исследований стала история евразийских миграций. Этой проблеме была посвящена состоявшаяся в октябре 2016 г. международная научная конференция, ини-

циатором и организатором которой выступил В. И. Колесник. Ученый считал, что вклад кочевых народов в мировую цивилизацию был очень значительным. Политические и культурные процессы, происходившие в степях Евразии, были не менее важными для всемирной истории, чем те, которые происходили в оседлой зоне. Произошло это во многом вследствие миграционной активности кочевников. Все крупные регионы, благодаря миграциям, оказались интегрированными в единое цивилизационное, культурное и экономическое пространство. Кочевые народы активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, активном освоении новых земель, влияли на темпы и направления развития многих народов и государств, участвовали в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации.

Профессор Колесник был автором многих учебных изданий по истории средних веков, которыми пользуются не только студенты Калмыцкого университета, но и студенты других вузов России. Помимо научной и педагогической деятельности, Владимир Иванович занимался и общественной работой. Он принимал близко к сердцу всё, что касалось интересов нашего народа и Отечества, выполнял свой профессиональный и гражданский долг добросовестно и ответственно.

Надеемся, что состоявшаяся научная конференция и высказанные в ее ходе идеи и рекомендации будут способствовать развитию научных знаний, которые в свою очередь являются единственным надёжным фундаментом и мощным импульсом для практических социальных и политических инициатив, верного решения проблем, поднимающихся в современном многополярном, меняющемся мире.

Для тех, кто знал В. И. Колесника, его жизнь и бескорыстный труд являются примером высокого служения делу российского образования и науки, интересам людей. Светлая память о нашем коллеге, докторе исторических наук, профессоре, почетном работнике высшего профессионального образования России Владимире Ивановиче Колеснике навсегда останется в наших сердцах.

Ректорат КалмГУ им. Б.Б. Городовикова

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Салаев Б. К. Миграции как один из факторов развития человечества....	9
Колесник В.И. Кочевые миграции как выбор модели социального развития (на материале истории ойратов XVII-XVIII вв.).....	15
Канторович А.Р. Гипотезы происхождения искусства скифо-сибирского звериного стиля и его восточноевропейского локального варианта в контексте проблемы евразийских миграций	21
Юнусова А.Б. Геоинформационные технологии в исследовании миграционных процессов.....	29
Кафар-Заде Ламия Расим Кызы. Сельджукское миграционное движение в контексте этнополитической истории Азербайджана (по материалам англоязычной историографии).....	35
Судаев Н.Д. Миграционные процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века	40
Кольцов П.М. Миграции кочевников в степной части Евразии в IX – XIII веках	47
Уланов М.С. Распространение буддизма на Западе в контексте феномена миграций	54

СЕКЦИЯ 1. ГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ; ВЕЛИКИЕ МИГРАЦИИ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Гунны и Боспор в V в.	61
Бурыкин А.А. Этноты, географическая среда, динамика климата и миграции: к новому прочтению трудов Л.Н.Гумилева	65
Ержанова А.Е. Некоторые трасологические исследования каменных орудий поселения Талдысай (Улытау-Жезказганский регион, Центральный Казахстан).....	72
Кардонов В.Т. Этнический состав населения юга Восточной Европы в период сарматской миграции.....	79
Перцева М.А. Погребальные ямы в форме повозки в памятниках бронзового века Калмыкии и Восточного Тянь-Шаня: свидетельство древней миграции?	84
Пилипчук Я.В. Переселение аваров из Внутренней Азии в Центральную Европу (по данным письменных источников)	90
Рахно К.Ю. Восточноиранские элементы в каракалпакском сказании о возникновении кобыза.....	95
Сидоров В.Г. Реки как естественные предпосылки миграционных процессов.....	101

Турдалиев А.У., Куаныш С.О. Основные пути миграций населения по Великому шелковому пути.....	106
---	-----

СЕКЦИЯ 2. ВЕЛИКИЕ МИГРАЦИИ ЭПОХИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Алымкулов Н.А Миграционные процессы в Центральной Азии в эпоху Чингис-хана	120
Авлиев В.Н., Горяев М.С., Дорджиева Е.В. Миграция калмыков в третьей четверти XVIII в.: проблемы дореволюционной историографии	127
Бурыкин А.А., Шарина С. И. Средневековые миграции народов Средней и Восточной Сибири: поиски причин и анализ последствий...133	
Вереш Петер Тибор. Возникновение кочевничества и миграция венгрово-номадов в евразийской степной зоне до Среднего Подунавья в 895-900 гг.	139
Виноградов С.В. О некоторых миграционных процессах в Нижнем Поволжье в XVIII в.: заселение Астраханской губернии.....	145
Ильянов В.Ю. Роль русско-монгольского взаимодействия в развитии международной деятельности Руси	156
Коломейцева М.А. Аграрные миграции на юге России в XVIII – XIX веках (на материалах крестьянства Дона)	162
Кудрявцев А. А. Дербент в эпоху монгольского владычества на Кавказе	167
Манджиев С. Х., Отчиев М. А. Великое переселение народов: миграция германских племен на Британские острова.....	173
Музраева Е.Ш. Изучение евразийских миграций в Калмыцком государственном университете. Историографический обзор.....	178
Пузанов В.Д. Миграции ойратов в Центральной Азии в 20-е гг. XVII в.	194
Сарангов Д.В. Миграционные процессы в странах Европы и в России в XVI-XVII веках: общее и особенное.....	198
Уланова С.В. Причины миграции ойратов в XVII в. в исторической науке	202
Фукалов И.А. Миграция алтайских кыргызов на Тянь-Шань в XVI–первой половине XVIII века.....	207
Шумилов Е.Н. Последний всплеск военной активности хазар на рубеже 30–40-х гг. X века.....	211
Щавелев С.П. Завершающий этап экспансии Руси на территории Восточной Европы по данным топонимики (имена летописных городов с формантом «-ск»)	217

СЕКЦИЯ 3. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ

Таяя Д. Легенды и предания, связанные с уходом торгудов из России в 1771 г.....	224
Абаева Ю.Д. Влияние языковых контактов на фонетические особенности говора нижеудинских бурят: современное состояние	257
Азатбек Т.А. Казахстан в системе образовательной миграции в ЕАЭС	261
Айталиев Е.С. Неповторимый послужной список.....	267
Асаналиева К.А., Трофимова С.М. Вопросы лингвистической систематики пословиц и поговорок с зоонимами в русском и киргизском языках	273
Бадгаева Д.Н., Сохацкая С.Р. Математическая модель влияния смены имени мигранта на его заработок	276
Басангова Т.Г. Бытовая сказка калмыков в свете миграционной теории	285
Болдырева И.М., Горяева Б.Б. Фольклорные материалы из архива Кольдонга Соднома	290
Борлыкова Б.Х., Омакаева Э.У. Калмыцкие музыкальные инструменты как артефакты материальной и духовной культуры тюрко-монгольских народов (на материале эпоса «Джангар»)	298
Босхомджиев М.В. Торгудские джангарчи Калмыкии XX века и их репертуар	308
Васильева М.А. Деятельность органов государственной власти в отношении неимущих киргизских детей, привозимых на Оренбургскую пограничную линию	318
Джалаева А.М., Команджаев А.Н. Российское востоковедение в XIX – начале XX века	321
Дулахаева В. Т. Первые правительственные документы и материалы по реабилитации калмыцкого народа в первой половине 1950-х гг.....	341
Кдиршаев А.С., Кдиршаев О.А., Шагимгереева Б.Е., Мендигалиева А.С. Традиции красноречия у кочевых народов (на примере казахов).....	347
Львова А.В. Влияние внутренней миграции казачества на процесс взаимообогащения горской и казачьей культур	359
Магомедов М.И. Миграционные процессы и проблемы сохранения дагестанских языков	363
Манджиев С.Х., Манджиев Н.Ю., Отчиев М.А. Российские корейцы: полтора века в России.....	368

Манджиева Э.А. Истоки современного миграционного кризиса в Европе	378
Монраев М.У. По следам калмыцких географических названий на Северном Кавказе и Кубани	384
Мушаев В.Н. К теоретическим вопросам создания словаря омонимов калмыцкого языка	387
Намруева Л.В. Миграция сельского населения как следствие трансформации крестьянского сознания (на примере Республики Калмыкия).....	392
Омакаева Э.У. Тема миграции и антропотока в монголоязычном песенном фольклоре: на материале ойратских и калмыцких исторических песен о Шуна-баторе и Убаши-хане.....	397
Рассадин В.И. Тюрко-монгольские соответствия в области лексики, относящейся к человеку и человеческому обществу.....	405
Ряжев А.С. Миссионерская работа пиетистов и гернгутеров в первой половине XVIII в.: планы в отношении российского буддизма	407
Саряева Р.Г. Миграция российских немцев: Калмыкия – новая родина	415
Туржанова С.С. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства.....	424
Убушаев В.Б. Взаимодействие народов Юга России в первые годы Советской власти.....	431
Убушаев К.В. История и география принудительных миграций народов Юга России в восточные регионы СССР в 1940-е годы	437
Ханинова Р.М. «Бродячие сюжеты» литературы в аспекте миграционной теории.....	446
Шадманов К.Б. Восточная школа переводчиков и Ренессанс Запада.....	453

УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ»

Миграции как один из факторов развития человечества

Уважаемые участники и гости конференции!

Тема нашей конференции сколь глубоко академична, столь и остроактуальна. Собственно, всемирная история началась с расселения людей по планете в период Первобытной истории. Главным вектором миграций тогда стало направление с юга на север и далее на восток и запад.

Приблизительно 2 млн. лет назад *Homo erectus* (хомо эректус) покинул Африку и заселил Евразию. Около 70 тыс. лет назад из Африки на Ближний Восток вышел *Homo sapiens* (хомо сапиенс) и около 50 тыс. лет назад заселил Южную Азию, около 40 тыс. лет назад – Австралию, около 30 тыс. лет назад – Европу, Дальний Восток и Америку. В Арктику и на острова Тихого океана люди пришли уже в нашу эру.

В первобытные времена просторы планеты Земля представлялись нашим немногочисленным предкам безграничными. Люди расселялись, разрывая древние связи, теряя друг друга из вида и, таким образом, фрагментируя единую человеческую общность. Это были, если можно так выразиться, расходящиеся миграции.

Так, в верхнем палеолите началось формирование рас – групп людей, объединённых общностью происхождения и наследственными признаками внешнего облика, которые, по-видимому, сформировались в результате адаптации популяции к условиям среды обитания.

В неолите началось формирование этнолингвистических общностей. Оттолкнувшись от общего языка-основы, человечество за время своего многотысячелетнего первобытного существования в виде разрозненных общин создало бесконечное разнообразие родовых и племенных языков, и люди разучились понимать друг друга.

В период Античности главный вектор миграций развернулся с севера на юг, на запад и восток. В 5-4 тыс. до н.э. Северное При-

черноморье и Нижнее Поволжье занимали арийские племена. С 3 тыс. до н. э. они начали волнами расселяться на Балканы, в Малую Азию, Иран, Среднюю Азию, Индию, Восточную Азию. В отличие от первобытных античные миграции стали сходящимися, контактными и воинственными. В них пришельцы вступали в борьбу с автохтонным населением за обладание жизненным пространством. И это оказало огромное влияние на формирования новых этнополитических реалий.

Так у северных и северо-западных границ Китая в 1 тыс. до н. э. оказались явившиеся с запада племена, которых китайцы именовали жунами. И описывали их как «рыжих чертей», светловолосых, с зелёными и голубыми глазами и густыми рыжими бородами. Эти типичные признаки европеоидов у жунов прослеживаются до III–IV вв. н.э. В последующие века монголоидный тип становится доминантным. Очевидно, жуны изначально принадлежали к народам скифо-сарматского круга, а позднее приняли участие в этногенезе монголоязычных народов.

Юэчжи – ещё одни варвары, которые в китайских источниках описываются как «белые люди с длинными волосами». В литературе их иногда называют восточными сарматами из-за близкого сходства культур. Исходно юэчжи обитали в Таримской котловине (ныне Синцзян-Уйгурский автономный район КНР). Здесь они оставили таримские мумии, возраст наиболее древних из них составляет 4 тыс. лет. Потом они продвинулись ещё дальше на восток – в современную провинцию Ганьсу. Во времена империи Цинь царство юэчжей процветало и враждовало с охватывавшими его с северо-востока племенами сунну. Видимо, из-за давления сунну во II в. до н. э. часть юэчжей перекочевала на запад, сначала в Бактрию, потом в Северную Индию. Здесь они стали известны под именами эфталитов и кушан и основали Кушанскую империю.

Усуни – ещё один кочевой народ индоевропейского происхождения в своём движении на восток дошёл до Ганьсу, провинции в центральной части современного Китая. Во II веке до н.э. из-за раздоров с юэчжами усуни переселились на земли саков в Семиречье, современный Восточный Казахстан.

Динлины – следующий древний европеоидный народ, явившийся в Восточную Азию. Они жили в Южной Сибири и Монголии. Затем они обосновались на территории Китая в составе

южных сюнну. Они играли довольно большую роль в варварских династиях.

К Античности относится зарождение понятия «возвратные миграции» и первые попытки интеграции разных народов в единое государственное пространство.

В конце VI в. до н. э. скифы – потомки индоевропейских народов, оставшихся на этнической родине, когда их соплеменники расселялись по миру, подверглись нашествию персов. По Геродоту, Дарий I Великий во главе 700-тысячного войска переправился через Дунай и вступил в страну, из которой предки персов когда-то ушли в Иран. И вот теперь они решили вернуть прародину под свою власть. Но дикие скифы не хотели быть под властью цивилизованных сородичей и прибегли к излюбленной тактике кочевников. Они отступали, угоняя скот, поджигая траву, засыпая источники воды и нападая на отдельные отряды персов. Дарий ушёл из Скифии ни с чем.

Первая удачная, хотя и непродолжительная, попытка создания многонационального гармоничного сообщества была реализована в IV в. до н. э. Александром Македонским. Его Империя лежала на трёх континентах от Дуная, Адриатики, Ливии и Кавказа до Памира и Инда. Во всемирной истории она стала третьей по счёту – после Ассирийской и Персидской – и первой, основанной на политике синкретизма, т. е. смешения идей и образов разных религий и этносов.

В ходе завоеваний Александра Великого были разведаны и обустроены коммуникации между отдалёнными областями – построены мосты, гавани, колодцы, размещены сторожевые гарнизоны, расселены многие тысячи греческих колонистов, основаны новые города общим числом до 70, названные Александриями.

Александр стремился уравнивать победителей и побеждённых и соединить их обычаи в единое целое. Он публично демонстрировал свою приверженность к восточным одеждам, образу жизни и придворным церемониям. В Бактрии Александр женился на Роксане, дочери побеждённого сатрапа Оксиарта. В Сузах по возвращению из похода он устроил грандиозную свадьбу, одновременно взяв в жёны Статиру, дочь царя Дария III, и Парисат, дочь царя Артаксеркса III. Вместе с ним около ста его ближайших сподвижников женились на знатных персиянках. Ещё до 10 тысяч македо-

нян взяли себе местных жён, и все они получили подарки от царя. Гетайры – элитная конница и личная охрана царя были пополнены молодыми персидскими аристократами, а фаланга – тяжёлая пехота – 30-ю тысячами иранских юношей.

Политике синкретизма, направленной на создание первого в мировой истории мультикультурного общества, благоприятствовало то, что она распространялась на этнически близкие народы, происходившие от древних ариев. Власть Александра органично ложилась на социально-экономические институты и культурные традиции правления Ахеменидов, которые получили новую долгую жизнь в эллинистических государствах и сыграли большую роль в мировой истории.

История Средних веков ознаменовалась новым разворотом главного вектора миграций. На этот раз он впервые сориентировался с востока на запад. И открыли его азиатские кочевники. Во II в. «неукротимые» хунну пришли из Центральной Азии на Урал и, смешавшись здесь с местными племенами, под именем гуннов в IV в. вторглись в Европу, дав импульс Великому переселению народов.

В VI в. из Центральной Азии в Центральную Европу пришли теснимые тюрками кочевники-авары. Они создали Аварский каганат на территории современной Венгрии. Авары бежали из Азии в Европу от тюрков – кочевого племени, обитавшего на Алтае. В VI в. тюрки во главе с родом Ашина объединили всех азиатских кочевников, большей частью родственных им, в государство под названием Тюркский каганат на пространстве от Жёлтого до Чёрного морей. Тюркский каганат стал одним из крупнейших в истории человечества государств, которое просуществовало до VIII в.

Но воинственные миграции восточных кочевников на запад не прекратились. Массовые переселения тюркоязычных кочевых племен, среди которых были огузы, туркмены, кипчаки и др., распространили ареал обитания тюркских народов на Среднюю Азию, Переднюю Азию, всю Малую Азию, север Сирии, Северный Кавказ и Закавказье.

Второй важнейший вектор средневековых миграций развернулся с юга на север. В VII в. арабские племена, выйдя из Аравийского полуострова, за одно столетие завоевали страны Ближнего Востока, Среднюю Азию, Северо-Западную Индию, Испанию,

Южную Италию, Сицилию, Мальту, Родос, Кипр, Крит и расселились на всём этом пространстве. В дальнейшем арабы закрепились в Северной Африке, Сирии, Палестине и Ираке, где они этнически составили большинство населения и ассимилировали автохтонное население.

На восточном направлении арабы вышли в долину р. Талас, на границе современных Казахстана и Киргизии. Здесь в 751 г. они столкнулись с китайцами, потерпели поражение и отказались от дальнейшей восточной экспансии. Однако и Танская империя вынуждена была отказаться от продвижения своих границ на запад.

Принципиальным отличием арабской экспансии от всех предыдущих стало её распространение под конфессиональными лозунгами. На завоёванном арабами пространстве ислам превратился в господствующую религию.

Этнически арабам удалось закрепиться в Северной Африке, Сирии, Палестине и Ираке, где они составили большинство населения и ассимилировали автохтонное население. Ислам сохранил господствующие позиции гораздо шире – на Ближнем Востоке, в Закавказье, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Ислам приняли все тюркские народы, народы Северного Кавказа, индоевропейские народы Передней и части Южной Азии. Так сформировался новый важнейший и при определённых обстоятельствах первостепенный – конфессиональный исламский фактор миграций.

С переходом от Средневековья к Новому времени вектор миграций вновь разворачивается. Теперь он направлен с севера на юг. Его генерируют европейцы. Они осваивают Сибирь, Новый Свет, Африку, Австралию, Новую Зеландию. Старт новому витку миграционной активности дали Великие географические открытия XV – первой половины XVII века. А главной отличительной чертой и принципиальной новацией этого периода миграций стало зарождение и прогресс процесса глобализации.

В Новейшей истории доминирующими направлениями миграций вновь стали «север-юг» и «восток-запад». И в них с всё большей силой заявляет о себе конфессиональный фактор. Ещё одним важнейшим фактором миграционных процессов стало преодоление древнего разнообразия и уменьшение количества языков при увеличении числа носителей доминирующих языков.

Картина миграций предстаёт перед нами в величественном, противоречивом и трагическом виде. Многие народы становились в них непримиримыми врагами. Вписавшие свои имена во всемирную историю носители экспансии, казалось, безоговорочно торжествовавшие, вдруг бесследно исчезали уничтоженные и ассимилированные вчера побеждёнными народами. Так произошло с гуннами и вандалами. Стремительное и тотальное уничтожение франками аваров в VIII в. получило такой резонанс, что отразилось в ставших крылатыми словами древнерусской летописи «Погибоша аки обре».

Но были другие примеры. Азиатские, финноугорязычные, т.е. совершенно чуждые западным европейцам кочевники-венгры в X в. стали органической частью Западной Европы, не потеряв при этом своей этно-культурной самобытности. В этой связи мне особенно приятно сказать о моём народе. Калмыки, не менее воинственные и неукротимые чем их далёкие предки хунну, несмотря на непростую историю отношений с вновь обрётёнными соседями стали неотъемлемой частью восточноевропейского мира. Полагая, что в изучении опыта венгров и калмыков состоит главный позитивный смысл изучения миграций.

И ещё об одном я не могу не сказать, завершая своё выступление. Как известно, калмыки в XVII в. стали последними в череде азиатских кочевников, которые приходили в Европу в течение всего Средневековья. Гунны в конце IV в. были в ней первыми и положили начало Великому переселению народов, результатом которого стало падение Западной Римской империи. В 1771 г. часть калмыков вернулась из Восточной Европы в Центральную Азию. Калмыки оказались последними азиатскими кочевниками, явившимися в Европу, и единственными, кто покинул ее, обозначив тем самым изменение вектора евразийских миграций. Это событие осталось почти незамеченным современниками.

Действительно, с точки зрения реального воздействия на экономику, политику и идеологию возвратная миграция калмыков была таким же малозначашим эпизодом всемирной истории, как и формальное упразднение Западной Римской империи в 476 г., и не идет ни в какое сравнение с такими явлениями конца XVIII в., как промышленный переворот в Англии, война за независимость США и Великая французская революция. Но синхронность этих

событий вряд ли можно назвать случайной. Уход калмыков как бы подчеркнул значение первых трех исторических феноменов, окончательно утвердивших приоритетность капиталистической модели развития общества. В этом смысле он не менее символичен, чем низложение последнего императора Западной Римской империи, и заслуживает такого же места в периодизации всемирной истории.

Желаю вам плодотворной работы, новых успехов в научной и педагогической деятельности, счастья, здоровья и благополучия.

*С глубоким уважением,
ректор Калмыцкого государственного
университета им. Б.Б. Городовикова*

Б.К. Салаев

В.И. Колесник,
*КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста*

Кочевые миграции как выбор модели социального развития (на материале истории ойратов XVII-XVIII вв.)

Вопрос о причинах периодических массовых переселений на огромные расстояния евразийских кочевников принадлежит к числу не теряющих актуальности проблем нomaдологии. Разумеется, каждая миграция была обусловлена своей собственной и неповторимой исторической конъюнктурой. Но в то же время очевидно, что действовали некие базовые причины данного, не укладывающегося в рамки ординарных кочеваний нomaдов феномена.

Имеющиеся в историографии оценки этих причин Н.Н. Крадин суммировал следующим образом: 1) разнообразные глобальные климатические изменения; 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба; 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых торговать с нomaдами (излишки скотоводства некуда было

продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы, – отметив, что при всей рациональности этих факторов их значение преувеличивается. [6, с. 23].

С другой стороны, предложенная А.М.Хазановым классификация форм кочевого скотоводства, а именно: 1) абсолютная мобильность всего населения без фиксированных маршрутов (скифы IX-VIII вв. до н.э., гунны IV-V вв. н.э., авары в VI в., венгры в VIII-IX вв., тюрки-огузы на юге России в X в); 2) мобильность всего населения со сравнительно нестабильными маршрутами и без постоянных зимников (современные кочевники самых сухих районов Казахстана, Туркменистана и Монголии); 3) мобильность всего населения с фиксированными маршрутами и постоянными зимниками и отсутствием земледелия (сарматы, современные калмыки и часть казахов); 4) подвижность всего населения весной, летом и осенью с зимовкой в постоянных поселениях (форма номадизма, характеризующаяся преобладанием скотоводства при вспомогательной роли земледелия); 5) мобильность населения в определенную часть года, тогда как остальное время оно ведет оседлую жизнь (полуномадизм) [7, р. 119-125], позволяет рассматривать массовые переселения номадов как начальную из пяти стадий кочевого образа жизни и, в частности, кочевой экономики.

Но такой вывод вступает в противоречие с периодизацией эволюции номадной экономики, а именно: «Развитие пастушеского хозяйства в Центральной Азии, в той мере, в какой оно может быть реконструировано по археологическим источникам, историческим документам и т. п., начиная со времени его возникновения и до позднего средневековья, прошло несколько основных стадий: 1) зарождение специализированной экономики (животноводство в рамках смешанной экономики); 2) использование лошади как тяглового животного; 3) использовании колесных повозок; 4) изобретение боевой колесницы на конной тяге; 5) полностью мобильное скотоводство и военное использование всадников; 6) использование тяжелой кавалерии в военном деле и первое появление стрелы в IV в. н. э. (Китай и Корея)». [3, с. 16]. В свете этой логики массовые переселения номадов следует рассматривать не как начальную, а как завершающую стадию кочевого образа жизни.

При этом перечисленные мотивирующие факторы миграций кочевых сообществ не объясняют крупнейшие в их истории

переселения ойратских субэтносов (хошоутов из Джунгарии – в Цинхай, торгоутов из Джунгарии в Нижнее Поволжье и обратно в Джунгарию) в XVII-XVIII вв.

Все ойратские миграции имели место в одних и тех же климатических условиях. При этом торгоуты, превратившиеся в приволжских калмыков, сменили четыре из пяти названных форм кочевания, начав и завершив его трансконтинентальными миграциями, которые оказались последними в истории евразийской кочевой цивилизации.

Доминирующая в калмыковедении идея о земельной тесноте как главной причине ойратских миграций выглядит неубедительной порой уже на стадии её формулирования. В частности, В.Ш.Бембеев связал вопрос о земле с переселением ойратов из Джунгарии в Россию следующим образом: «В конце XVI века ойраты, предки современных калмыков, занимали небольшую территорию в пределах: на западе оз. Зайсан – г. Карашар; на востоке – западные склоны Хангайских гор; на юге кочевья их не доходили до Турфана, Баркуля, Хами; на севере не выходили за линию южных границ владений казахов, киргизов и других национальностей, кочевавших в верховьях Иртыша и Енисея. Следовательно, ойраты расположились в небольшом пространстве между Могулистаном, Казахстаном и Восточной Монголией. Оказавшись в тяжелом положении, стесненные со всех сторон, не имея доступа на китайские и среднеазиатские рынки сбыта, ойрат-калмыцкие тайши вынуждены были задуматься над разрешением земельно-территориального вопроса». [2, с. 3]. Но на данном пространстве помещается практически весь Монгольский Алтай с окружающими его степями, которые простираются до Алтая, Тарбагатая, Джунгарского Алатау и Тяньшаня, поэтому назвать его небольшим невозможно. Особенно, если иметь в виду, что общая численность ойратского этноса в период его наивысшего подъёма по самым оптимистичным и завышенным расчётам не превышала 2 млн. чел. [1, с. 8].

По мнению И.Я. Златкина: «Основной причиной, вынудившей эту группу (ойратских правителей – В.К.) откочевать из западных районов Монголии, была уже отмеченная земельная теснота, проявившаяся в результате роста стада, дробления уделов и неудачных войн (под влиянием этих же факторов некоторая часть восточно-

монгольских ханов и князей в свое время покинула центральные области Монголии и обосновалась в Алашане, Ордосе и Кукуноре). В дальнейшем, в 20–30-х годах XVII в., нежелание местных правителей подчиниться центральной власти Хара-Хулы и Батурхунтайджи вызвало очередное обострение междоусобной борьбы и откочевку в 1635 – 1637 гг. новых владетельных князей во главе с хошоутским Туру-Байху (Гуши-ханом) в прилегающие к Тибету районы Кукунора». [4, с. 104.] Таким образом, крупнейший советский специалист по истории ойратов обосновал идею о земельной тесноте за счет экономической детерминированности и политической обусловленности.

Однако прогрессивный рост поголовья скота в кочевой, т.е. экстенсивной, застойной, тесно и непосредственно зависимой от даже краткосрочных и самых незначительных природных аномалий, экономике, по определению невозможен. Так статистические данные о состоянии кочевой экономики приволжских калмыков в XVIII-XIX вв. показывают, что, примерно, раз в 5 лет в результате засухи летом, больших снегов или гололедицы зимой поголовье скота резко сокращалось. После чего наступал период недолгого экологического оптимума, и поголовье скота восстанавливалось. Затем кризис повторялся [5].

Что касается неудачных войн, то в XVII-XVIII вв. Джунгарское, Хошоутовское и Торгоутское ханства, соответственно на Алтае, Кукуноре и Прикаспии, были главными политическими центрами кочевого сообщества в евразийском степном поясе от Тибета до Придонья. Да, в их истории случались военные поражения и политические неудачи, но в целом военно-политическое доминирование в Великой степи, безусловно, принадлежало ойратам. И уходили они из этнического очага не потому, что спасались от давления более сильных соседей, но, наоборот, чтобы расширить сферу своего доминирования.

Но что же в таком случае вызвало миграции ойратских субэтносов в XVII в.? Представляется удобным отдельно рассмотреть переселения хошоутов, торгоутов и дербетов в XVII в. и возвратную миграцию торгоутов в XVIII в.

В первом случае миграции вызвал сам факт возникновения Джунгарского, Хошоутовского и Торгоутского (Калмыцкого) ханств, отразивший начальный этап и первые результаты процесса

перехода ойратских сообществ от родоплеменной политической организации к протофеодальным государственным образованиям.

Джунгары на этом пути опередили хошоутов, торгоутов и дербетов, и это вызвало обострение трайбализма. Трайбализм как форма социально-политического устройства доклассовых обществ основывался на представлении об особом значении своего субэтнуса и его приоритетной роли. Члены одного субэтнуса очень ревниво оберегали узы солидарности, которые их охраняли и противопоставляли другим субэтнусам.

Для хошоутов, торгоутов и дербетов, в равной степени знати и массы рядового населения, была неприемлема сама мысль подчинения вождям родственного субэтнуса. Поэтому они предпочли уйти на край света, где можно было сохранить собственную племенную исключительность.

Оказавшись в окружении иноплеменных народов на восточной и западной окраинах Великой степи, они избавились от проблемы трайбализма, но столкнулись с проблемой выживания в окружении иноплеменных народов. Это стимулировало процессы этнической консолидации на новом уровне и формирования государственной социально-политической организации.

Таким образом, миграции ойратских субэтнусов XVII в., субьективно направленные на сохранение традиционного общества, привели к противоположному результату – форсировали складывание раннеклассового общества.

Возвратная миграция приволжских торгоутов в 1771 г. была вызвана иной исторической конъюнктурой. В Калмыцком ханстве набирал силу процесс социальной дифференциации. При посредстве административных, законодательных и политических механизмов формировалась принципиально новая – сословная стратификация общества. Власть всё больше отчуждалась от общества, эволюционируя в направлении государственной в собственном смысле этого слова. В целом, калмыцкое общество делало первые шаги на пути национально-государственной консолидации, принципиально отличной от родоплеменного единства.

При этом Калмыцкое ханство давно уже превратилось в ойратский анклав внутри Российской империи. Его социально-политическое развитие неизбежно подвергалось и стихийному, и целенаправленному имперскому воздействию. Благотворным или пагуб-

ным было это воздействие для ойратской самобытности – в данном случае значения не имеет. Важно другое – оно воспринималось калмыцким социумом как враждебное и угрожающее, поскольку требовало от него интеграции в неподконтрольное и чуждое ему в этническом, социально-политическом и ментально-культурном отношении пространство.

В таких обстоятельствах калмыцкая элита приняла поддержанное народом решение об уходе на этническую родину ойратов в Джунгарию, чтобы на земле предков вернуться к традиционной модели существования на суверенном степном пространстве, окружённом далёкими и поэтому безопасными и в то же время легко достижимыми для кочевников границами оседлого мира.

Таким образом, можно констатировать синхронизацию миграционной активности и точек социальных кризисов роста в ойратском обществе XVII-XVIII вв. Каждый раз, когда ойраты подходили к точке невозврата в процессе разложения родоплеменных отношений и оказывались перед необходимостью выбирать между отказом от традиционного общественного строя или его сохранением, миграция становилась главным механизмом выбора модели социального развития.

При таком подходе к проблеме экономическая составляющая миграций (в нашем случае кочевой образ жизни ойратов) превращается во второстепенный фактор. Кочевые и оседлые народы одинаково прибегали к миграциям как способу разрешения социального кризиса родоплеменного общества. Так в Великом переселении народов IV-VI вв., разделившем в Западной Европе Античное и Средневековое общество приняли участие как кочевые племена гуннов и аваров, так и оседлые германские и славянские племена.

Литература

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – первая четверть XVIII в.). – Москва-Элиста, 1994.
2. Бембеев В.Ш. Переселенческая политика калмыцких тайшей в конце XVI – 60-е годы XVII века // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Сб. статей. – Элиста, 1982.
3. Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI-IV вв. до н. э.). М., 1994.

4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 2-е изд. М., 1983.
5. Колесник В.И. Демографическая история калмыков в XVII-XIX вв. – Элиста, 1997.
6. Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. – Москва. 2001. № 4.
7. Khazanov A.M. Characteristic Features of Nomadic Communities in the Eurasian Steppes // The Nomadic Alternative. Modes and models of Interaction in the African-Asia Desert and Steppes. The Hague-Paris, 1978.

А. Р. Канторович,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

Гипотезы происхождения искусства скифо-сибирского звериного стиля и его восточноевропейского локального варианта в контексте проблемы евразийских миграций

Одним из ключевых факторов формирования и развития единой культурно-исторической общности, условно именуемой «скифо-сибирский мир» (VII – начало III в. до н.э.), как известно, была высокая мобильность кочевых народов, приводившая к быстрому установлению контактов между культурами данной общности, что усиливалось отдельными крупными степными миграциями (в основном направленными с востока на запад). Это обусловило быстрое распространение по всему поясу степей различных инноваций и, прежде всего, элементов «скифской триады»: вооружения и конского снаряжения – наиважнейших компонентов материальной культуры воина-кочевника, а также изображений в “зверином стиле”, преимущественно украшавших и оформлявших предметы, относящиеся именно к этим двум категориям. При этом если два первых элемента «скифской триады» находят себе (в той или иной мере) определенные прототипы среди некоторых форм вооружения и конского снаряжения предскифской эпохи, то для искусства скифо-сибирского звериного стиля до сих пор не выявлено сораз-

мерного по масштабам субстрата в зоне Евразийских степей. Этим и объясняется многообразие гипотез происхождения данного художественного направления.

Попытки однозначно установить прародину скифского звериного стиля предпринимали ещё основоположники его изучения – Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев, Г.И. Боровка и Э.Х. Миннз. Ионийская гипотеза, предложенная более столетия тому назад Б.В. Фармаковским [28, с.33-37, 78], с учетом накопленного материала, представляется ныне неактуальной, исключая появление в скифском зверином стиле грифонов раннегреческого типа и, возможно, сюжета лежащего козла с головой, обращённой назад [31, рис. 2, 3, табл. XXX, 6, 7; 18, с. 62-65; 11, с. 106-110].

Г.И. Боровка обосновал южносибирскую (центральноазиатскую) теорию зарождения скифского звериного стиля. При этом исследователь не отрицал существенного влияния иранского и греческого искусства на последующих стадиях развития данного стиля [32, с. 66-69]. В частности, Г.И. Боровка возводил мотив головы кошачьего хищника анфас (своего рода «маски») в скифском зверином стиле к греческим образцам и, через их посредство, к хеттскому искусству [8, с. 20].

Ещё более неоднозначную позицию по этому вопросу занимали Э.Х. Миннз и М.И. Ростовцев. В частности, Э.Х. Миннз, предложив, как и Г.И. Боровка (и за 15 лет до него) версию южносибирского происхождения скифского звериного стиля, допускал предварительный приход зооморфной традиции в саму южносибирскую прародину из юго-западной Азии и даже из критомикенского искусства [33, с. 261-262].

М.И. Ростовцев в одной из первых своих статей на эту тему (написана в 1921-1922 гг., впервые опубликована в 2001 г.) высказал мысль о некоем едином истоке для скифского и китайского зооморфного искусства: «Мы видели, что и на юге России, и в Китае звериный стиль орнаментации пришел извне. Мы видели, что родиной этого стиля не были ни Месопотамия, ни Сибирь, а какая-то местность, которая находилась под сильным влиянием Месопотамии, но имела свое искусство и свою культуру. Единственной местностью, которая удовлетворяет этим условиям, является Центральная Азия, которая, как известно, в значительной степени была заселена племенами великой иранской расы» [25, с.

294]. При этом в предыдущих пассажах данной статьи исследователь утверждает, что мотивы китайского звериного стиля были «заимствованы откуда-то, где искусство находилось в тесной связи с вавилоно-ассирийским искусством» [25, с. 293]. Из контекста очевидно, что термин «Центральная Азия» М.И. Ростовцев употребил здесь либо: 1) в расширительном значении, которое было принято в немецкой (начиная с середины XIX века, с исследований Александра Гумбольдта) и в русской географической традиции, т.е. с включением в эту территорию, помимо прочего, и Средней Азии [15, стб. 482]; 2) взамен термина «Средняя Азия», как это принято в политологической традиции, особенно популярной в наши дни¹.

Позднее в своей главной монографии по звериному стилю М.И. Ростовцев допустил (наряду с иными версиями) происхождение звериного стиля Месопотамии и Китая из единого источника, одновременно подчеркнув, что в дальнейшем эти стили развивались в различных направлениях [34, с. 74]. В той же книге исследователь заявляет об отказе от своей более ранней идеи о наличии общего источника скифского и китайского анималистического искусства [34, с. 73]. В синхронной по публикации статье, переизданной в 1993 году, М.И. Ростовцев объяснил появление звериного стиля в Китае под влиянием кочевников «Срединной, главным образом кочевой Азии» [24, с.63]. В еще одной основополагающей работе М.И. Ростовцев постулировал, что скифо-сибирский звериный стиль берет начало не в ионийской, а в передневносточной среде – «в ассиро-вавилонском, хеттском и древнеперсидском или, лучше, иранском художественном творчестве» [23, с. 306].

После выхода этих основополагающих работ проблема генезиса скифо-сибирского звериного стиля становилась, с учетом нарастающего объема материала, накапливаемого археологией, всё более актуальной. В результате к 1970–1980-м годам сформировались две принципиально различные концепции происхождения скифо-сибирского звериного стиля (при наличии определенных оттенков и нюансов): полицентрическая и моноцентрическая; в

¹ Ср., напротив: «Центральная Азия, внутриматериковая часть Азии. Пл. 5–6 млн. км². На В. ограничена юж. частью Большого Хингана и хр. Тайханшань, на Ю. – продольной тектонической впадиной верхнего течения Инда и Брахмапутры, на З. и С. – горными хр. Вост. Казахстана, Алтая, Зап. и Вост. Саяна. Здесь расположены Монголия и большая часть Китая» [29].

свою очередь, в рамках моноцентрической концепции наиболее актуальными остаются противостоящие друг другу гипотезы – центральноазиатская (и, в частности, южносибирская) и малоазиатская (или, шире, переднеазиатская).

В последние десятилетия центральноазиатская гипотеза обрела «второе дыхание» на основе раннего радиоуглеродного датирования важнейшего памятника скифо-сибирской общности – кургана Аржан-1 – и была вновь поддержана В.Ю. Зуевым [9, с. 38–52], Я.А. Шером [30, с. 226] и Д.Г. Савиновым [26, с. 154–165; 27, с. 35–55]. В частности, Д.Г. Савинов оспорил мнение об отсутствии в изначальном («нуклеарном») скифо-сибирском зверином стиле многофигурных композиций и о заимствовании последних исключительно из переднеазиатского искусства (что является одним из основных аргументов сторонников переднеазиатской гипотезы. Д.Г. Савинов противопоставил этому идею о наличии внешне не взаимосвязанных, но внутренне единых композиций (однорядных, многорядных, круговых, “два в одном”, “совмещение разных фигур в одном изображении” и “загадочные картинки”), появившихся, по его мнению, раньше всего в центральноазиатской части “скифо-сибирского мира” [27, с. 38–51].

Кроме того, центральноазиатская (и связанная с ней китайская) гипотеза генезиса получила в последние десятилетия особенно активную поддержку в работах Г.Н. Курочкина [13, с. 92–104], А.А. Ковалева [12, с. 122–131] и Е.С. Богданова [7, с. 50–56].

Напротив, в защиту переднеазиатской гипотезы, восходящей к работам 1960-х – 1970-х гг. (см., в частности: [2, с. 35; 3, с. 239–251; 4, с. 27–45; 6, с. 32–38; 13, с. 11, 23–24]), в последние годы активно выступали Д.С. Раевский и М.Н. Погребова [17, с. 74–163; 18, с. 260–274; 19, с. 45–52]. Данные исследователи в одной из своих статей [20, с. 578–588] и в опубликованной совместно с С.В. Кулландой монографии [22, с. 152–174] обосновали идею происхождения скифского звериного стиля в западной части евразийского культурного континуума на основе воздействия переднеазиатского искусства. Последующее распространение данного стиля на широкие пространства евразийских степей вплоть до Южной Сибири объясняется авторами органическим присутствием в его поэтике языка индоиранских певцов-сказителей (отсутствие или второстепенная роль сюжетной композиции, повтор на разные лады одного

и того же имени, зооморфного изображения и т.п.), облегчавшим восприятие этого стиля другими ираноязычными народами скифо-сибирского мира. Эти выводы в сочетании с палеолингвистическими реконструкциями С.В. Кулланды и анализом письменных источников позволили исследователям поставить под сомнение теорию центральноазиатского происхождения не только скифского звериного стиля, но и скифского этноса и скифской культуры в целом [22, с. 175–219].

Вместе с тем в последние десятилетия, прежде всего в трудах Е.В. Переводчиковой, активно разрабатывалась и полицентрическая концепция формирования скифо-сибирского звериного стиля [16, с. 58–85]. Эту позицию разделяем и мы, поскольку такой подход позволяет объяснить гетерогенность важнейших образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов, изначально присущих большинству локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля [10, с. 823–824].

Примечательно, что элементы полицентрического подхода мы наблюдаем и в трудах некоторых сторонников моноцентрических гипотез (как мы это видели ранее у Г.И. Боровки). Так, М.И. Артамонов – сторонник переднеазиатской гипотезы – сделал оговорку в пользу происхождения некоторых образов скифского искусства, в частности, лося, в результате «приспособления заимствованных сюжетов в местной среде» [5, с. 27]. А.Ю. Алексеев в фундаментальной монографии, посвященной хронографии Европейской Скифии, обосновывая центрально- или среднеазиатское происхождение раннескифской археологической культуры Северного Причерноморья, вывел скифский звериный стиль за рамки индикаторов данного процесса (в силу гетерогенности этого феномена), хотя и сделал исключение для ряда “мотивов, образов и иконографических схем” [1, с. 55]. Еще ближе к полицентрической концепции подошел Д.Г. Савинов. В вышеупомянутой работе он в принципе допустил разновекторное направление заимствований и индивидуальную траекторию отдельных образов скифо-сибирского звериного стиля [26, с. 132, 160–164].

Полученные нами результаты в отношении восточноевропейского скифского звериного стиля, как представляется, говорят в пользу полицентрической теории происхождения скифо-сибирского звериного стиля и, косвенно, всей скифо-сибирской культурно-исторической области. Образно-сюжетный репертуар и систе-

ма художественных приемов скифо-сибирского звериного стиля сформировались в результате как глобальных миграций, так и постоянных локальных контактов евразийских кочевников скифской эпохи, на фоне их периодического непосредственного или опосредованного взаимодействия с утонченным зооморфным искусством Древней Греции, Передней Азии и Китая. Поэтому, как представляется, поиск соответствий между художественными источниками скифо-сибирского звериного стиля и историческими судьбами народов скифо-сибирского мира следует проводить не глобально, а конкретно и дискретно для разных этапов их развития.

Литература

1. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
2. Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифского искусства // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII. 1962.
3. Артамонов М.И. К предыстории скифо-сибирского звериного стиля // *Melanges offerts a Kazimierz Michalowsky*. Warszawa, 1966.
4. Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // Советская археология. 1968. № 4.
5. Артамонов М.И. Скифо-сибирский звериный стиль (основные этапы и направления) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 177. Проблемы скифской археологии. М., 1971.
6. Блэк В.Б. К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976
7. Богданов Е.С. Проблема происхождения образа хищника, свернувшегося в кольцо, в “восточной провинции” скифского мира // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4.
8. Боровка Г.И. Распространение древнегреческого сюжета через Скифию и Бактрию в древний Китай // Донецкий археологический сборник. Вып. 5. Донецк, 1994.
9. Зуев В.Ю. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в Европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до н.э. // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. СПб, 1993.

10. Канторович А.Р. Еще раз о проблеме прародины восточно-европейского скифского звериного стиля // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008.

11. Канторович А.Р. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012.

12. Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. СПб., 1998.

13. Курочкин Г.Н. Свернувшийся в кольцо хищник и “летащий” олень (генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Часть II. Новочеркасск, 1993.

14. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

15. Обручев В. Центральная Азия // Большая Советская энциклопедия, 1-е изд. М., 1934.

16. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

17. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

18. Погребова М.Н., Раевский Д.С. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана №2 // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

19. Погребова М.Н., Раевский Д.С. “Уйгаракский аргумент” в контексте дискуссии о происхождении звериного стиля скифской эпохи // РА. 2001. №4.

20. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Звериный стиль скифской эпохи как *lingua franca* евразийских степей // Центральная Азия: источники, история, культура. М., 2005.

21. Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. XXII. 1948.

22. Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.
23. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. М., 1925.
24. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский археологический вестник. Вып. 5. ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб., 1993.
25. Ростовцев М.И. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Миф. Вып. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. ΑΠΟΘΕΩΣΙΣ. София, 2001.
26. Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. Проблемы археологии. Вып. 4. СПб, 1998.
27. Савинов Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. М.- Кемерово, 2012.
28. Фармаковский Б.В. Архаический период в России // Материалы и исследования по археологии России. Вып.34. Пг., 1914.
29. Центральная Азия // География. Энциклопедия. Гл. ред. А.П. Горкин. М., 2006.
30. Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – М., 1998.
31. Amandry P., 1965. Un motif scythe en Iran et en Grece // Journal of Near Eastern Studies. V. XXIV, № 3. 1965.
32. Borovka G. Scythian Art. London, 1928.
33. Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
34. Rostovtzeff M. The animal style in South Russia and China. Princeton, N.Y., 1929.

А. Б. Юнусова,
*Институт этнологических исследований УНЦ РАН,
Россия, г. Уфа*

Геоинформационные технологии в исследовании миграционных процессов*

**Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ
по проекту № 15-01-12014 «Геоинформационная система
"Ислам на Южном Урале"»*

Оценка миграционной ситуации и процессов будет неполной без актуальной информации и визуального представления данных. При всей значимости традиционных методов исследования – социологии, демографии, географии и пр., – целесообразным является применение информационных технологий и геоинформационных систем (ГИС). Исследование миграций предполагает использование ГИС в качестве инструмента оценки на основе картографирования пространственных и статистических данных, создания визуальных представлений об основных тенденциях миграций, пространственного анализа баз данных. При этом пространственные данные могут быть многомерными, отражая миграционные процессы в динамике. ГИС как инструмент предусматривает операции ввода, экспорта, импорта, обмена, предобработки, обработки, анализа, вывода, визуализации и т.п., включаемых в состав функциональных возможностей ГИС.

Разработка ГИС возможна на базе современной программной платформы ArcGIS Engine (ERSI), которая позволяет качественно реализовать все функции настольных ГИС-приложений.

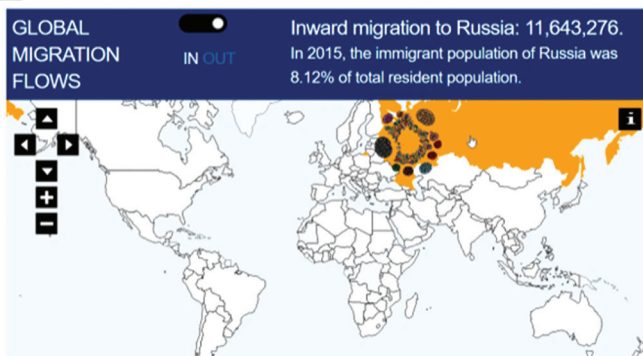
Если говорить конкретно о миграциях, то функциональные возможности ГИС позволяют пользователю отображать на карте всю информацию, содержащуюся в базе данных, в том числе страны въезда и выезда мигрантов, маршруты миграций, территориальное распределение мигрантов, пол, возраст мигрантов, трудовую занятость мигрантов и многое другое, в зависимости от структуры базы пространственных данных. Пользователи ГИС могут получать информацию по запросам, управлять масштабом карты, управлять

областью просмотра, выбирать тип подложки карты, выстраивать запрошенные данные в таблицы и графики, отображать динамику исторических процессов.

Для решения поставленных задач прежде всего необходима актуальная информация, официальные статистические данные, данные мониторинга миграционных процессов, включенные в глобальные и национальные базы данных.

Одна из крупнейших БД создана International Organization for Migration (Международная организация миграций – МОМ) [1]. МОМ основана в 1951 году, является ведущей межправительственной организацией в области миграции и работает в тесном сотрудничестве с правительственными, межправительственными и неправительственными партнерами из 165 государств-членов и 8 стран наблюдателей. Более чем в 100 странах имеются представительства МОМ. Цель организации – обеспечение принципов гуманности и упорядочение миграции, оказание услуг и консультаций правительствам и мигрантам.

Другим крупным геоинформационным ресурсом является «Global Migrant Origin Database» [2] – Глобальная база данных, разработанная в Центре исследований проблем миграции, глобализации и бедности (ДПК) (Development Research Centre on Migration) в рамках программы «Миграция и бедность». База создана на основе информации о численности мигрантов в каждой стране, ее экономике, данным переписей населения.

<http://www.iom.int/world-migration>

ООН ежегодно публикует International migration report [3], который готовится на основе мониторинга глобальных социальных процессов. База данных ООН – одна из наиболее актуальных и достоверных, визуализирует в динамике количественные данные миграционных потоков по всем странам, соотношение постоянного населения и мигрантов, мужчин и женщин в составе мигрантов [4].

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД РФ (до 2016 г. – Федеральная миграционная служба), в первом полугодии 2016 г. в России поставлено на учет 2757444 иностранных граждан [5]. Основным поставщиком мигрантов в Россию является Центральная Азия в лице государств – бывших республик Союза ССР. В России трудилось почти 100% трудовых мигрантов из Таджикистана или 37% экономически активного населения самой республики. Власти относительно малолюдного Кыргызстана заявляют, что в России работает полмиллиона его граждан или 17% занятого населения республики. Более половины трудовой миграции из Узбекистана также едет в Россию, это около 15% трудоспособного населения.

Традиционно миграционный поток направляется в экономически сильные и развивающиеся регионы России и, прежде всего, в Москву. Вместе с тем, значительная часть мигрантов оседает на приграничных с азиатскими государствами территориях Российской Федерации, которые встречают основную массу мигрантов. Свообразными транзитными регионами из Центральной Азии в Россию стали Оренбургская, Челябинская и Самарская области, Республика Башкортостан. Отсюда потоки мигрантов распределяются в Приволжский, Уральский и Центральный округа, а также частично в северо-западном направлении.

По данным бывшего Управления федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан, за период с начала 90-х годов XX в. в республике осело более полумиллиона выходцев из центральноазиатских регионов, ставших гражданами России, – таковых сегодня в составе постоянного населения Башкортостана свыше 11%. Среди них татары, башкиры, русские, большую часть которых составляют так называемые «возвращенцы» – потомки тех, кто в советские годы выехал в среднеазиатские республики на военную службу, различные стройки, по распределению, по семейным обстоятельствам и т.д.

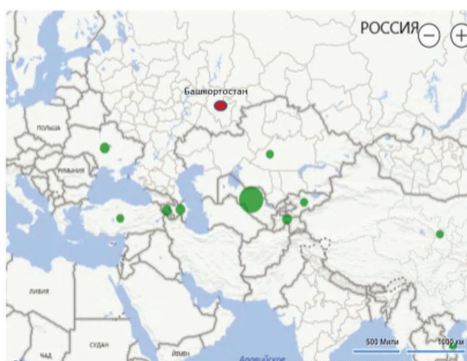
Прибывшие в республику иностранные граждане представляют 116 государств мира. Наибольшее количество граждан прибыло из таких стран СНГ, как Узбекистан (35500 или 54,6%), Казахстан (8519 или 13,1%), Таджикистан (8742 или 13,4), Азербайджан (5526 или 8,5%), Кыргызстан (3421 или 5,3%), Армения (2883 или 4,4%), Украина (945 или 1,5%). Из стран дальнего зарубежья наибольшее число – это граждане Германии (1435 или 14,3%), Турции (1413 или 14,1%), Вьетнама (818 или 8,1%), Китая (389 или 3,9%), США (354 или 3,5%), Италии (294 или 2,9%) и Чехии (230 или 2,3%).

Высокая доля выходцев из стран Центральной Азии (вместе с Азербайджаном – 85%) в составе населения Башкортостана существенно повлияла на этноконфессиональные процессы в республике, что актуализирует проблему мониторинга миграционной ситуации с применением геоинформационных методов. Кроме роста религиозности среди «этнических мусульман» – татар и башкир, заметными стали негативные тенденции – появление в среде мусульман носителей радикальных идеологий. В ряде мечетей имамами стали также выходцы из стран Центральной Азии. Рост численности мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья стал катализатором негативных тенденций в Башкирии и в целом на Южном Урале.

Узбекистан	42065
Таджикистан	8227
Украина	5824
Азербайджан	5141
Армения	5040
Казахстан	3090
Кыргызстан	2100
Турция	1912
Вьетнам	616
Китай	482

Из каких стран прибывают мигранты в Башкортостан

Большинство иностранных граждан прибывает на заработки. В числе профессий, заявленных работодателями Башкортостана, больше всего представителей сельского хозяйства, особенно овощеводов, а также тех, кто занят в строительной, транспортной сфере и общепите, среди них – тракторист, арматурщик, каменщик, бетонщик, кровельщик, маляр, сварщик, дорожный рабочий, машинист бульдозера и водитель. Работодатели республики также заинтересованы в привлечении на работу животноводов, птицеводов, трактористов-машинистов, водителей, плотников, подсобных рабочих, официантов и поваров. Уровень заработной платы, предлагаемый иностранным работникам, – от семи тысяч рублей. Вместе с тем есть и такие предложения, когда работодатели готовы платить трудовым мигрантам 25, 35, 40, 55, 65, 70 и даже 96 тысяч рублей. Среди них – инженер, монтажник технологических трубопроводов, инженер-механик, технический директор, менеджер в общепите и гостиничном бизнесе, менеджер, директор филиала, спортсмен-инструктор, тренер волейбольного клуба. Из числа высококвалифицированных работников, чья зарплата должна составлять не менее 2 млн. руб. в год, сейчас в республике трудятся около 20 человек, это в основном топ-менеджеры крупных компаний ТЭК (Газпром, Башнефть и т.п.) и игроки хоккейной команды «Салават Юлаев».

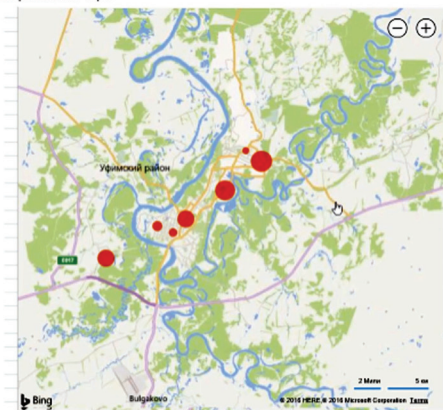
Больше всего трудовых мигрантов оседает в Уфе, составляя конкуренцию местному трудоспособному населению на рынке труда, что может создать социальную напряженность в городе. Для оптимального распределения мигрантов в интересах работодателей, мигрантов и постоянного населения в республике необходима координация трудовой миграции службами занятости, работодателями, МВД, представителями объединений мигрантов.

Заявки работодателей свидетельствуют об отсутствии координации между предпринимателями, службами занятости, миграционной службой, с одной стороны, с другой – о предпочтениях работодателей использовать в основном иностранных работников. Глава республики Рустэм Хамитов отметил, что в Башкирии «не координируется в должной мере работа в сфере миграции». Отдельными вопросами занимается Башкортостанстат, Управление федеральной миграционной службы по РБ, Минтруда, Минэкономразвития РБ. Работает межведомственная комиссия по миграционной политике при правительстве республики, которая

Расселение мигрантов в Уфе

Демский район Уфы	5703
Калининский район Уфы	6329
Кировский район Уфы	3819
Ленинский район Уфы	4241
Октябрьский район Уфы	6118
Орджоникидзевский район Уфы	3479
Советский район Уфы	5727

РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В РАЙОНАХ Г. УФЫ, 2015 Г.

определяет квоту рабочих мест для иностранцев. «Вопросами миграции занимаются многие, а единого координирующего центра нет, в результате нет и четко продуманной стратегии в этой сфере, слаженных действий, — подчеркнул Хамитов. — Вместе с тем миграционные процессы нарастают с каждым годом, увеличивается как внешняя, так и внутренняя миграция. Мы должны, наконец, определить центр координации работы с мигрантами».

Именно с этой целью необходимо осуществление мониторинга миграционных процессов, создание единой базы данных, отражающей как потребности в трудовых ресурсах, так и предложения, с геоинформационным картографированием.

Литература

1. <http://www.iom.int/world-migration>
2. http://www.migrationdrc.org/research/typesofmigration/global_migrant_origin_database.html
3. http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf
4. <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimatesmaps.shtml?0t0>
5. Основные показатели деятельности ФМС России по миграционной ситуации в Российской Федерации. <https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/opendata/7701549553-osnovpokazdeytfms>

Л. Р. Кафар-заде,
*Институт истории им. А.А. Бакиханова
Национальной академии наук Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку*

**Сельджукское миграционное движение
в контексте этнополитической истории Азербайджана
(по материалам англоязычной историографии)**

С возникновением в XI в. Великой Сельджукской империи, охватывавшей обширные территории от Средней Азии до Средиземного моря и от Дербентского прохода до Персидского залива, начался переломный период в средневековой истории как Востока, так и Запада. Миграционное движение сельджуков из Центральной Азии на запад, оказавшее влияние на политическую, социально-экономическую, этноконфессиональную и культурную жизнь многих стран и народов не только Центральной и Передней Азии, но также Европы, совпало с военно-политической активностью сельджуков, т.е. сопровождалось активной завоевательной политикой сельджукских султанов в XI – XII вв., именно поэтому новая волна переселения огузов в Азербайджан тесно переплеталась с этнополитической историей последнего.

Одной из главных территорий расселения сельджуков был Азербайджан. Наряду с тем, что он располагался непосредственно на пути движения новых потоков тюрков-огузов в западном направлении, большую роль сыграла этноконфессиональная особенность Азербайджана. Так, автохтонное население страны являлось тюркским и главным образом было представлено именно огузами, проникшими через Дербентский проход и другие горные перевалы Большого Кавказа. Кроме того, существенное значение для переселенцев представлял и религиозный фактор – исповедание местным населением ислама, приверженцами которого также являлись сами сельджуки. Так, прибывшие огузы легко смогли адаптироваться к тюрко-мусульманскому социокультурному пространству.

Именно ввиду исключительного геостратегического расположения Азербайджан был выбран сельджуками в качестве основной базы для дальнейших военных кампаний в западном направ-

лении. По сообщению Э. Пиккока, именно территория Раввадидов использовалась ими как база для продвижения в Арминию и восточную Анатолию [7, с. 212]. У. Аллен и Э. Пикок указывают, что не только травянистые степи и высокогорные пастбища Азербайджана привлекали кочевников Центральной Азии, но и Муганская степь, известная как коневодческая местность, стала главной базой пополнения лошадей для кавалерии тюрков-сельджуков [1, с. 235; 7, с. 213, 223-225]. Первая волна тюрков-огузов прибыла в Азербайджан в 1015-1016 и 1018-1021 гг. Первые набеги огузов сюда носили скорее разведывательный характер. В первом случае они коснулись южных земель Азербайджана, а во втором северных – Аррана. Первая группа прибывших огузов под предводительством Буки, Кокташа, Мансура и Даны насчитывала около 2 тыс. шатров. Вторая волна огузов, численно намного превосходивших первую, хлынула в 1038 г.

Кроме того, сельджуков с правителями местных государств связывали взаимовыгодные отношения: прибывшие турки-огузы являлись боевой силой азербайджанских правителей против своих врагов, сами же главы азербайджанских феодальных государств стали незаменимыми союзниками Сельджуков в борьбе с христианским блоком, главным образом с Византией, за установление гегемонии на Кавказе. К примеру, К.Босворт сообщает, что раввадидский правитель Вахсудан (1020-1059) зачислил тюркских конных лучников в разряд иностранных наемных войск с целью использовать их против армянских и грузинских феодалов, а также враждующего мусульманского рода Шаддадидов Гянджи в Арране и Двине [3, с. 32]. Вахсудан доброжелательно их принял и породнился с ними, чтобы избежать дальнейших разорений своих владений. Он даже женился на дочери одного из глав огузских племен. П. Гольден отмечает, что роль основных союзников сельджуков в реализации дальнейших завоеваний в западном направлении принадлежала именно Шаддадидам. Более того, П.Гольден указал, что одной из основных целей Сельджуков в кавказских кампаниях было именно обеспечение безопасности Азербайджана, являвшегося платформой для дальнейших военных действий тюрков, направленных главным образом против их противников в христианском мире [5, с. 56]. Причем Э. Пикок подчеркнул, что исповедание ислама большинством местного населения Азербайд-

жана также сыграло большую роль в выборе его сельджуками в качестве своей базы для запланированных военных кампаний против христианского блока. Столицу Шаддадидов Гянджу автор характеризует местом притяжения религиозных борцов против византийской угрозы [7, с. 208, 210-211, 216-221, 225-226].

Однако, как отмечает К.Босворт, из-за своей недисциплинированности огузы стали неконтролируемы, а мародерство причиняло вред аграрной системе Азербайджана, вследствие чего вскоре после разграбления огузами Мараги в 1038 г. Вахсудан в союзе с главой курдских племен Абул-Хайджа ибн Рабиб-ал-Давла лишил жизни многих из них. В результате часть огузов переселилась в Мосул и Джазиру. Тем не менее, по сообщению К.Босворта, группы «тюркских мародеров» продолжали прибывать в Азербайджан [2, с. 228]. Э. Пикок указывает, что именно эта резня спровоцировала главную волну наплыва огузов в 40-х гг. XI в. [7, с. 212].

Тот факт, что уже в I трети XI в. тюрки-огузы заволокли территорию Азербайджана, а султан Тогрул-бек лишь в 1054 г. решил установить свой контроль над Азербайджаном и Арраном, П.Гольден объясняет тем, что продолжительные набеги Сельджуков в регион до этого носили разведывательный характер и показали, насколько местные государства были уязвимы в плане обороноспособности [5, с. 56]. Кроме того, лишь после разгрома газневидских сил при Данданакане в 1040 г. Сельджуки приступили к активной экспансионистской политике на западе, а также последовало массовое переселение тюркских племен в Переднюю Азию, в том числе на Кавказ, а в 1055 г. политически ослабевший аббасидский халиф ал-Каим (1031-1075) был вынужден даровать Тогрул-беку титул «царя Востока и Запада». Э.Пикок характер сельджукского продвижения и управления на территории Азербайджана связал с особенностями кочевого образа жизни Сельджуков и главным образом внутридинастийными противоречиями. Так, автор сообщает, что ко времени восхождения на трон султана Тогрул-бека в Азербайджане уже насчитывалось около 40 тыс. переселенных туркмен *Iraqiyyah* – сторонников сына Сельджука Арслана Исраиля, находившиеся, как и Кутулмуш, которому в 1038 г. было поручено управление Кавказом, в недоброжелательных отношениях с султаном. Э. Пикок указывает, что, хотя туркмены *Iraqiyyah* номинально и были подчинены султану Тогрул-беку,

они всегда сопротивлялись любым попыткам султана распространить свою власть на них [7, с. 216-221].

Одними из главных последствий переселения тюркских племен огузов из Средней Азии в Азербайджан и включения последнего в состав империи Великих Сельджуков были, как отмечает П.Гольден и Л.Джохансен, стремительные изменения этнолингвистического характера, в частности «тюркизация» Азербайджана [5, с. 45; 6, с. 166], что не соответствует исторической действительности, ибо исторически территория Азербайджана была населена главным образом тюрками. Причём численность участвовавших в миграции ограничивалась несколькими десятками тысяч человек, что никак не могло нарушить принцип этногенетической непрерывности на территории Азербайджана и привести к значительным изменениям в этнодемографической ситуации, тем более, к тюркизации. Дж. Бучан отмечает, что с нашествием и обоснованием в Азербайджане в XI в. сельджуков тюркское население Ширвана, Аррана и Мугани лишь увеличилось в количественном соотношении [4, с. 229]. Тюрки являлись главными носителями азербайджанской государственности. На протяжении многих веков земли Азербайджана испытывали на себе влияние миграционных процессов и подвергались нашествию тюркоязычных племен, которые в свою очередь принимали активное участие в этногенезе азербайджанцев. Появление же тюрков-сельджуков лишь внесло свою лепту в многовековый процесс формирования азербайджанского тюркского народа и азербайджанского тюркского языка, более усилив тюркскую доминанту. К тому же, 1300-летний героический эпос огузов «Китаби Деде Горгуд» сложился именно на территории Азербайджана, причем задолго до миграции сельджуков.

Сведения англоязычных исследователей о якобы отрицательных последствиях социально-экономического характера в результате наплыва сюда тюрков-сельджуков *en masse* также не обоснованны, т.к. в XI – XIII вв. как экономика, наука, так и культура Азербайджана переживала бурный расцвет. Именно в этот период Азербайджан превратился в один из значимых культурных центров Ближнего и Среднего Востока.

Итак, в результате миграционного движения сельджуков тюрки-огузы превратились в главный этнополитический фактор на всем Южном Кавказе и Передней Азии. Тюрко-исламский фактор

стал играть определяющую роль по всему Ближнему и Среднему Востоку. Процесс формирования азербайджанского народа, в котором главную роль сыграли тюрки-огузы, был завершен, а азербайджанский тюркский язык, вытеснив арабский и персидский языки, превратился в общенародный язык во всем Азербайджане. К тому же, азербайджанские огузы сыграли большую роль не только в захвате сельджуками Анатолии и Сирии, но и в их дальнейшей тюркизации, т.к. большая часть огузов-тюркманов осела именно в Азербайджане.

Литература

1. Allen W. The Caucasian Borderland // The Geographical Journal. 1942, vol. 99, № 5/6, pp. 225-237
2. Bosworth C. Azerbaijan IV. Islamic History to 1941 / Encyclopaedia Iranica. Vol. III, fasc. 2-3. London, 1987, pp. 224-23
3. Bosworth C.E. The Political and Dynastic history of the Iranian world (A.D. 1000-1217) / The Cambridge History of Iran. Vol. V. Cambridge, 1968, pp. 1-202
4. Buchan J. The Baltic and Caucasian States: the Nations of Today. A New History of the World. London, 1923.
5. Golden P. The Turkic Peoples and Caucasia / Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Michigan, 1996, pp. 45-67
6. Johansen L. On the roles of Turkic in the Caucasus Area / Linguistic Areas Convergence in Historical and Typological Perspective. London, 2006, pp. 160-181
7. Peacock A. Nomadic Society and the Seljuq Campaigns in Caucasia // Iran & the Caucasus. 2005, vol. IX, № 2, pp. 205-230

Н. Д. Судаццов,
*Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

Миграционные процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века

В середине XIX века очень остро встал вопрос об освоении Северного Кавказа. К завершению близилась Кавказская война, и главная задача состояла в том, чтобы в сжатые сроки освоить территории, вошедшие в состав Российской империи. Быстрейшее освоение территории Северного Кавказа имело для Российской империи большое значение, так как он занимал важное геополитическое положение и представлял значительный интерес не только для сопредельных государств, но и ведущих западноевропейских держав. Пока шла война, на передовые позиции Северного Кавказа государство переселяло казаков, продвигаясь в горы и создавая новые станицы. Но это был ограниченный контингент. Сюда также переселялись государственные крестьяне, которые наделялись землёй. Но на новые места они шли неохотно, опасаясь набегов отрядов горцев, которые будучи конными, отличались большей мобильностью. Против них безоружные крестьяне были бессильны. Войска же из-за своей малочисленности не могли их защитить.

Благоприятные условия для переселения на Северный Кавказ и быстрейшее его освоение создались после окончания в 1864 году Кавказской войны и проведения «великих» реформ. Переселение было ещё очень важно и потому, что в ходе Кавказской войны и особенно после её завершения с территории Западного Кавказа произошёл исход горцев и переселение их в Турцию. Дело в том, что правительство России поставило перед ними вопрос о переселении на плоскость, в частности, в Ставропольскую губернию. Правительство хотело очистить горы от местного населения и, переселив его на плоскость, установить за ним жёсткий контроль и, таким образом, предотвратить различного рода эксцессы с их стороны. Подавляющая часть горцев решила переселиться в Турцию. Перебравшись туда, они рассеялись по всей Османской империи. А всего с 1858 по 1865 гг. эмигрировало с Западного Кавказа бо-

лее 493 тысяч человек [1]. Переселившись в Турцию, они попали в очень трудное положение, поскольку турецкое правительство только продекларировало о том, что окажет им помощь, но по существу ничего не сделало в этом направлении. Так, в Трапезунде пребывало 247 тыс. человек, из них умерло 19000 [2].

После отмены крепостного права в губерниях, где было за- силье помещиков, крестьяне получили мизерные наделы. Кроме того, с каждым десятилетием с ростом численности населения на- делы мельчали и не обеспечивали хотя бы сносного уровня жизни. Это толкало крестьян, прежде всего Центрально-Чернозёмного региона и Малороссии, к переселению в места, где можно было получить более значительные наделы, на которых можно было бы вести своё хозяйство.

Часть бывших крепостных, отказавшись от наделов в своих обществах, отправлялась в том числе и на Северный Кавказ, где наделялась землёй. Конечно, сам процесс переселения был очень сложным и тяжёлым. Приходилось к новым местам двигаться своим ходом, с нехитрым скарбом, находясь нередко в пути месяцами, переживая немалые трудности. Но на Кавказ их манило то, что там, по слухам, земли было «немерено». К тому же, когда в 1875 году построили железную дорогу Ростов-на-Дону – Владикавказ, то немногие переселенцы могли ею воспользоваться.

На новых местах их никто не ждал и существенной помощи не оказывал. Поэтому приходилось обустраиваться самим. Поскольку в Степном Предкавказье лесов почти не было, то широкое распространение строительства построек получил малороссийский опыт возведения жилых и хозяйственных построек из самана. Тем не менее, шла массовая крестьянская колонизация региона.

Особенностью Северного Кавказа было то, что сёла и станицы здесь были крупными. Это в значительной мере было связано с недостатком воды. Поэтому населённые пункты располагались, как правило, у источников воды, которые летом часто пересыхали. Населению приходилось рыть колодцы, которые в наиболее засушливых местах в восточных районах региона достигали нескольких десятков метров. Воду из них приходилось доставать с помощью лошадей объёмными бадьями. Во дворах часто устраивали бассейны, в которые собирали дождевую воду или завозили.

По мере колонизации, обживания Северного Кавказа требовалась категория людей, которая бы решала многие жизненные вопросы: занималась строительством, благоустройством, торговлей, бытовым обслуживанием и т.д. Поэтому сюда приходило из разных мест значительное количество ремесленников, мастеров, которые плотничали, выделывали овчины, кожи, шили одежду, обувь, строили дома, завозили и продавали необходимые товары и пр.

Проживая в сёлах и станицах, они не входили в состав сельских общин и не пользовались никакими правами: не получали землю, не участвовали в сельских сходах, где решались вопросы жизни сельского общества. Проживая на общинной земле, они за всё должны были платить сельскому обществу. Они формировали категорию «иногогородних».

Иногогородние, которые в зависимости от местности составляли от 10 до 30 процентов населения, формировали армию сельских пролетариев «батраков», живя за счёт работы по найму. Часть из них занималась ремеслом, торговлей, тем более, что в регионе всё больше развивалась магазинная торговля. Немало из них были корабейниками, разнося и продавая мелкие товары. Более состоятельные «иногогородние», имея орудия труда, скот, арендовали землю у помещиков, крестьян, кочующих народов, на которой вели своё хозяйство. При наличии или по мере накопления средств часть из них покупала землю и нередко создавала свои латифундии.

На Северный Кавказ в период уборки урожая, которая здесь начиналась значительно раньше, чем в Центральной России, пешком за сотни километров приходили десятки тысяч крестьян, чтобы заработать, так как рабочие руки здесь ценились очень высоко. И потом по мере созревания хлебов они двигались на север к родным местам. Будучи бесправными, они часто подвергались жестокой эксплуатации.

Переселенцы из Центральной России и Малороссии были главным контингентом наемной рабочей силы в сельскохозяйственном производстве на Северном Кавказе. Из 202,2 тыс. наемных рабочих региона 127,8 тыс. (или 63,2%) были неместные уроженцы. На Кубани наемных рабочих из числа неместных уроженцев насчитывалось 84,1 тыс. (73,8%), на Ставрополье – 19,3 тыс. (53,5%), в Терской области – 15,1 тыс. (46,5%), в Дагестане – 2,1 тыс. (17,7%), в Черноморской губернии – 7,2 тыс. (96,5%) [3].

По мере увеличения их численности росла эксплуатация, в ходе которой хозяева старались работникам платить поменьше, а работы требовать побольше.

В пореформенное время Россия вступила на капиталистический путь развития, что было характерно и для Северного Кавказа, который, всё активнее включаясь в происходящие процессы, вписывался в общероссийский рынок, поставляя всё возраставшее количество сельскохозяйственной продукции. Главными товарами, поставлявшимися на рынок, были зерно и шерсть. Дело в том, что, в связи со спросом на зерно в стране, в Малороссии, прилегавшей к портам Чёрного моря, шла активная распашка земель под посевы пшеницы. В связи с этим овцеводы Таврической губернии стали покидать её территорию и двинулись на восток за Волгу и на Северный Кавказ; большинство со своими отарами овец оседали на Северном Кавказе большей частью на арендных землях. Они получили здесь прозвище «тавричане», что нередко характеризовало состоятельного овцевода. Овцеводы активно осваивали степные просторы Северного Кавказа в значительной мере в восточных, более засушливых, районах. У отдельных хозяев численность овец достигала десяти тысяч голов. Для ухода за ними им нужны были постоянные работники.

С ростом товарности земледелия хлеборобы Ставрополя и Кубани поставляли на рынок пшеницу. Кабарда, Северная Осетия поставляли зерно кукурузы.

По мере освоения территории Северного Кавказа процесс колонизации к концу XIX века стал снижаться. Это во многом было связано с тем, что значительная часть земли уже была освоена. Так, в Кубанской области, где проживало 44% всего населения Северного Кавказа, с 1878 по 1897 гг. население выросло на 280%, а в последующие 20 лет лишь на 59%. Ослабло переселенчество на Ставрополье, в Терскую область. Только в Черноморской губернии оно увеличилось в несколько раз, главным образом за счет промышленного населения. Здесь строились промышленные предприятия. Цементные заводы Новороссийска были известны на всю страну. Кроме того, в связи с ростом экспорта и импорта через черноморские порты шло их расширение и обустройство, для чего требовались рабочие руки.

Всего же в Предкавказье (без Черноморской губернии) за 20 лет (1897-1916 гг.) переселилось 441,8 тыс. человек. Причем если в пер-

вые пятилетия на Северный Кавказ прибывало до 30 тыс. переселенцев ежегодно, то в предвоенное пятилетие – 8 тыс. человек. [4]

За 10 лет (1897-1906 гг.) население Ставропольской губернии выросло с 873 тыс. человек до 1136 тыс. человек [5]. Но это произошло, прежде всего, за счёт естественного прироста. А переселенцы составляли лишь десятую часть.

Население на Северном Кавказе было многонациональным. Так, в Ставропольской губернии, по данным Всероссийской переписи 1897 года, основную массу населения составляли русские – 91,97 процента, из которых 55,25 процента были великороссы, 36,62 процента – малороссы. Они проживали не только на территории уездов, но и в поселениях, расположенных в Ачикулакском и Туркменском приставах, а также Большедербетовском улусе [6]. В Дагестанской, Терской областях процент русских был значительно ниже, что связано с расселением горских народов.

Приток значительного количества населения существенно изменил демографическую обстановку в регионе, оказал огромное влияние на социально-экономическое развитие Северного Кавказа. Помимо развития сельского хозяйства был дан толчок зарождению промышленного производства. Значительного развития получила промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырьё. Начались поиски полезных ископаемых и их практическое использование. В районе Новороссийска начали строиться цементные заводы, в Осетии на Садонских рудниках шла разработка полиметаллических руд, в Грозном и на Кубани, в районе Майкопа, в местах мощных залежей нефти начала развиваться нефтедобыча и т.д. Широкое развитие получило создание заводов по производству строительных материалов.

Но характерным для Северного Кавказа было то, что здесь не было крупных промышленных центров и даже почти не было сколько-нибудь значительных предприятий. Они не были крупного размера, а являлись скорее кустарными или полукустарными. Промышленность располагалась небольшими островками в городах, уездных центрах. Чаще всего это были небольшие кустарные предприятия: мельницы, овчинные и овчинно-шубные предприятия, кустарные гончарни, маленькие маслобойни, салотопки и т. д. К примеру, в 1905 году в Ставропольской губернии насчитывалось 3415 предприятий, с числом постоянных рабочих – 5 977 человек

и с суммой годового оборота в 5 млн рублей. Если к рабочим добавить ремесленников, то вместе они насчитывали 19000 человек, что составляло 1,75% от общего числа населения губернии [7].

Важное значение для развития региона имело решение транспортной проблемы. Поэтому шло строительство железных дорог в Закавказье, к морским портам, более целенаправленно использовался морской транспорт на Чёрном и Каспийском морях, из портов которых значительная часть товаров и продукции Северного Кавказа шла на экспорт, что имело очень важное значение для развития региона. Но, к сожалению, большую часть грузов по Северному Кавказу приходилось перевозить гужевым транспортом по грунтовым дорогам. Это существенно сдерживало социально-экономическое развитие Северного Кавказа. В те времена среди крестьян широкое распространение имело «чумакование», перевозка своим транспортом грузов в Астрахань, Царицын, к портам и другие места, особенно в свободное от напряжённых сельскохозяйственных работ время. Одновременно «чумаки» завозили в регион значительное количество товаров, которые не производились в регионе или в них чувствовалась острая потребность: промышленные товары, лес, рыба и др.

Развитие капитализма в регионе в свою очередь потребовало развитие образования, здравоохранения и решения других социальных вопросов. Поэтому возникали начальные училища, церковно-приходские школы в селениях. В городах, уездных центрах открывались гимназии, реальные училища, профессиональные учебные заведения. Тем не менее, уровень грамотности среди населения, особенно сельского и горского, оставался очень низким и не превышал к концу XIX века 15 процентов.

В условиях засилья различного рода знахарей и низкого уровня медицинского обслуживания в регионе была очень высокой смертность среди населения, особенно детей. Это требовало значительного улучшения развития здравоохранения, что способствовало поддержанию здоровья людей. В регионе открывались фельдшерские пункты, больницы. На Ставрополье этот процесс ускорился с введением в 1913 году земских учреждений.

Миграционные процессы влияли на социально-экономическое развитие региона, а оно в свою очередь влияло на миграционные процессы. Так, в конце XIX – начале XX века, в связи с тем, что

увеличилась в стране и Европе потребность в северокавказском зерне, стала значительно расширяться распашка земель. Вместе с этим шло резкое сокращение пастбищ. В свою очередь это повлекло значительное уменьшение численности поголовья овец. В 1900 году в Ставропольской губернии было 2410 тыс. овец, а через пять лет их стало 1809 тыс. голов [8]. С началом аграрной реформы наиболее нуждающаяся часть населения Северного Кавказа отправилась искать «воли» и земли в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан. Крупные овцеводы «тавричане» вынуждены были осваивать новые районы за Волгой и в Дагестане. Вместе со стадами овец уходили хозяева и работники.

Тем не менее, к XX веку Северный Кавказ прочно вошёл не только в российский, но и мировой рынок, экспортируя значительные объёмы сельскохозяйственной продукции, особенно зерна, которое высоко котировалось за рубежом.

Таким образом, в результате массового переселения крестьян из центральных губерний России и Малороссии и обеспечения Северного Кавказа достаточным количеством рабочих рук Северокавказский регион после «великих реформ» и окончания Кавказской войны устойчиво вступил на путь капиталистического развития, поступательно наращивая объёмы сельскохозяйственного и промышленного производства, занимая одно из ведущих мест в России по объёмам поступления продукции сельского хозяйства на внутренний и внешний рынки.

Литература

1. Трёхбратов Б.А. История Кубани. – Краснодар, 2000. – С. 246.
2. Берже А.П. Кавказская старина. – Пятигорск, 2011. – С. 415.
3. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 100.
4. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 100.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1907 год. Ставрополь, 1908. – С. 3.
6. Ставропольский хронограф на 1997 г. – Ставрополь, 1997. – С. 27.

7.Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906. – С. 11,12.

8.Обзор Ставропольской губернии за 1905 год. Ставрополь, 1906. – С.7.

П. М. Кольцов,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Миграции кочевников в степной части Евразии в IX – XIII веках

В период со II по VII вв. на бескрайних просторах Евразии происходили крупные миграционные процессы, именуемые Великим переселением народов. Как уникальное историческое явление оно возникло в процессе взаимодействия Барбарикума (сумрачные области, расположенные у крайних пределов земли, где проживали варвары) и античной цивилизации. Былое величие Римской империи постепенно исчезало, как струйка дыма, на запах которого стали стекаться из мест весьма отдаленных многочисленные народы, именуемые римлянами варварами из Барбарикума. Первыми были германцы, которые в поисках новых земель и добычи устремились в пределы Римской империи, переживавшей к тому времени не лучшие времена.

С конца IV несметные орды тюркоязычных племен, возглавляемые гуннами, заполонили всю Европу и основательно перекроили ее политическую и этническую карту, далее в движение пришли авары и славяне. Под натиском разноликих и разноязычных племен и народов империя пала, что означало гибель античной цивилизации. Однако «конца света» не произошло.

В ее западной части германцы создают «варварские королевства», а на востоке формируется Византийская империя. Германцы и славяне в ходе Переселения расселились на обширной территории от Британии, Галлии и Испании до Финского залива, Верхней Волги и Дона. Захватив земли бывших римских провинций, варвары (германцы, славяне и др. племена) смешались с латини-

зированным населением и дали начало романским народам. Таким образом, на смену античности и рабовладению пришла новая – средневековая – цивилизация, базирующаяся на феодальных отношениях.

Причин столь масштабных миграций множество, причем у кочевых племен они несколько иные, чем у оседлых народов. Так, например, у германских и славянских племён накануне их переселения наблюдается прирост общественного богатства и число общинников не занятых в производстве, которые пополняли число воинов. Племенная элита, для удовлетворения всевозрастающей жажды наживы, все чаще совершала военные набеги на Римское государство. Эти походы были прелюдией для последующих переселений племенных объединений на земли дряхлеющей империи.

Среди причин, толкавших кочевые племена к миграциям, чаще всего называют природный фактор – аридизацию климата, усыхание степи, а также перенаселение, постоянные войны и др.

Ко II веку кризис империи совпал с названными выше факторами, что привело к масштабным миграционным процессам на территории Евразии, которые длились вплоть до VII века. В конце этой бурной эпохи на большей части Евразии и Африки наметился экономический и культурный подъем, наступает стабилизация обстановки, появляются новые устойчивые государственные образования.

Однако относительно стабильная обстановка в Европе длилась не более полутора столетий. С середины IX до середины XI века в степной части Евразии наблюдается массовое движение кочевых племен (печенеги, огузы (торки), кыпчаки) на запад. В результате их перемещения происходила цепная реакция, когда более сильные племена, захватывая пастбища соседей, вынуждали последних уходить на другие территории и в свою очередь изгонять ее прежних владельцев.

Начнем с истории огузов, которые во второй половине I тыс. н.э. с территории Алтая и Южной Сибири мигрировали в низовья Сырдарьи. Ранняя история огузов освещена крайне слабо из-за скудных сведений о них [1]. Впервые об огузах сообщают арабские источники первой половины IX века. По мнению М.И. Артамонова, термин «огуз» первоначально был нарицательным обозначением племени с числительным детерминативом, впоследствии

потерявшим свое значение и ставшим этническим наименованием племен, которые образовались в приаральских степях в результате смешения тюркутов с местными племенами угорского и сарматского происхождения [2].

Период с VIII по IX вв. были важными в истории огузов Средней Азии. После падения Западно-Тюркского каганата они попытались завоевать лидерство среди кочевых народов Средней Азии, но потерпели поражение и ушли в Приаралье. К середине IX в. огузы окончательно захватили эти области, нанеся поражение обитавшим там печенегам, которые откочевывают в южнорусские степи. Причем в борьбе с печенегами огузы показали себя неплохими дипломатами, заключив временные военные союзы с Хазарским каганатом и с кыпчаками. Бурные события тех времен нашли свое отражение в легендах огузского героического эпоса. В конце IX – начале X вв. на основе огузской конфедерации складывается примитивная (или «дофеодальная», по мнению С.П. Толстова) держава Сырдарьинских ябгу [3, с. 43-68].

Судьба печенегов, которые под давлением огузов-торков и хазар ушли из Северного Прикаспия в южнорусские степи, сложилась более удачно. Персидский географ Гардизи характеризует их как богатый народ, имеющий большое количество скота, хорошее оружие, золотые и серебряные сосуды. Это благополучие досталось печенегам в острой борьбе. На пути в Причерноморье они встретили владения мадьяр – венгров, кочевавших в междуречье Днепра и Сирета. Перед лицом надвигающейся опасности мадьяры обратились за помощью к Хазарии, давним врагам печенегов. Печенеги в свою очередь заключили союз с болгарским царем Симеоном и напали на мадьяр, когда их основные силы ушли в поход, и разорили страну. Вернувшись из похода, венгры решили уйти в Паннонию и не продолжать военные действия против печенегов, имевших к тому времени в союзниках Византийскую империю [4, с. 332-333; 5].

Отношения печенегов с ближайшим соседом – Русью вплоть до 60-х годов X века были мирными. Во всяком случае источники ничего не сообщают о набегах.

Контакты огузов с печенегами, перекочевавшими на Нижнюю Волгу, продолжались весьма активно, что привело к ассимиляции и формированию общей для всех материальной культуры. Об этом

свидетельствуют печенежско-торческие погребения X в., почти не отличимые друг от друга [6, с. 84].

Появление огузов на политической арене изменило соотношение сил между Киевской Русью, Волжской Булгарией, Хазарским каганатом, Византией и Хорезмом. Кочевой знати огузов необходимы были новые пастбища и торговые пути, пролежавшие через Поволжье на Мангышлак и Устьюрт. Покровительство купцам приносило большой доход, поскольку средиземноморская торговля пришла в упадок в результате норманнского и арабского завоеваний. Однако осуществить эти замыслы мешал Хазарский каганат, который в свою очередь постоянно беспокоил русские земли. В 965 г. огузские правители – ябгу заключают военный союз с князем Святославом, который нанес хазарам сокрушительное поражение.

Следующей жертвой военно-политического союза огузов с Киевской Русью стала Волжская Булгария. Русские летописи сообщают, что в 985 г. князь Владимир в союзе с торками (огузами) двинулся в поход на болгар и разбил их [7]. Разгром Хазарского каганата и Волжской Булгарии укрепил экономическое и политическое положение огузов и их союзника Киевской Руси. С 70-х годов IX в. по 30-е годы XI в. огузские племена доминировали на территории от Восточного Приаралья до левобережья Волги.

Изложенные выше материалы из нарративных источников органично дополняются археологическими данными, полученными в результате раскопок печенежских курганов в Волго-Уральском междуречье, в Поволжье, а также в степях Украины и Северного Причерноморья.

Гегемония кочевников гузо-печенежского племенного союза в степной части Восточной Европы была недолгой. К концу X – началу XI вв. из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в верхнем течении Иртыша, стали формироваться новые объединения кочевников. В 30-е годы XI в. они двинулись на запад, сметая на своем пути объединения огузов, печенегов, докатились до Восточной Европы и границ Византийской империи. Часть огузов ушла в Малую Азию, другие направились в Восточную Европу и вместе с остатками печенегов поступили на военную службу к русским князьям, образовав союз Черных Клобуков.

В первой половине XI в. пришедшие из-за Волги половцы захватывают степи в бассейне Северского Донца, Нижнего Дона и в

Северо-Восточном Приазовье. Отсюда они распространяют свое влияние на всю территорию южнорусских степей.

Со второй половины XI в. летописи фиксируют появление на южных границах Киевской Руси кочевых племен с востока, которых русские источники называют половцами. Наиболее активная часть западного половецкого объединения, переправившись через Днепр, обосновалась на Южном Буге, откуда совершала свои опустошительные набеги на Русь, Византию, Венгрию, Польшу.

В начале XII в. половцы, опасаясь набегов печенежско-торческих орд, обитавших в степях Северо-Западного Причерноморья, и дружин русских князей, откочевали к Днепру. Западная граница половецких земель с этого времени стала проходить по Ингульцу, о чем красноречиво свидетельствует распространение половецких святилищ с каменными или деревянными изваяниями, которые связываются с культом предков.

Половцы ставили статуи на курганах в память умерших предков только на землях своих постоянных кочевий, поэтому картографирование половецких статуй позволило определить территорию их расселения в восточноевропейских степях. В центре Половецкой земли – междуречье Днепра и Донца (включая приазовские степи) – было обнаружено большое количество изваяний. Там же сосредоточены и все ранние типы статуй, что свидетельствует о первоначальном заселении этого района степи половцами и расселении их на другие территории именно отсюда, с берегов среднего Донца и Таганрогского залива. Расселение это шло последовательно на средний Днепр и верхний Донец, в низовья Днепра, в Предкавказье, в Крым и, наконец, уже в XIII в., – в междуречье Дона и Волги.

Степи, занятые половцами, стали называть Дешт-и-Кыпчак, русские летописи землю до Волги именовали Половецким Полем. Выход половцев на широкую политическую арену и зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами привел к тому, что в европейских хрониках стали писать о команах, в сочинениях арабских и персидских авторов – о кыпчаках, китайские хронисты упоминали племена шары, населяющие Великий степной пояс Евразии. Интересно, что упомянутые выше этнонимы обозначают один и тот же народ, что свидетельствует о повышенном интересе к половцам-кыпчакам со стороны других народов.

При изучении истории средневековых кочевников и истории их взаимоотношений с Киевской Русью исследователи долгое время опирались только на письменные источники. Из русских летописей можно назвать: «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Ипатьевскую летопись» и др. Восточные и европейские источники представлены работами таких авторов, как Карпини, Рубрук, Юлиан, Худуд-ал-Алема, Абу Хамид-ал Гарнати и др.

Нарративные материалы описывают взаимоотношения половцев и русских князей, которые были то союзническими, то враждебными. На следующем этапе изучения столь сложной темы ученые стали привлекать данные археологии, этнографии и лингвистики.

Археологический материал стал поступать с 80-х годов XIX в. [8]. Тогда же выходят монографические работы, посвященные кочевникам южнорусских степей [9; 10]. С накоплением новых археологических материалов В.А. Городцовым, Ю.В. Готье, Л.П. Зяблиным и С.А. Плетневой были предложены периодизационные схемы средневековых памятников [11; 12; 13; 14]. Особое внимание было обращено также на отнесение тех или иных кочевнических комплексов к известным по летописям группам племен – печенегам, торкам, половцам и черным клобукам. Для этого исследователи (Готье, Зяблин и Плетнева) провели классификацию материалов и выделили ряд признаков: характер надмогильного сооружения, устройство могилы, положение и ориентировка косяка, погребальный инвентарь.

Особого внимания заслуживает работа С.А. Плетневой, основанная на большом количестве археологических комплексов и изучении отдельных предметов, связанных с кочевниками [14]. В ней ставилась задача исследовать все известные археологические памятники и письменные источники о кочевых племенах IX-XIII вв. и на их основе дать «...возможно более полное освещение кочевого (печенежского и половецкого) общества в его динамике и связи кочевнического общественного уклада с их политической историей» [14, с. 186-192]. Затронула С.А. Плетнева и ряд других важных вопросов: классификация древностей кочевников и связь их с определенными этническими объединениями, общественный строй, вооружение и военное дело, быт, религия и культура. Изучение большого массива археологического материала и письменных

источников, позволили исследовательнице разделить политическую историю половцев на несколько периодов.

В этой же работе С.А. Плетнева отмечает, что различить близкие между собой тюркоязычные народы – печенегов, торков и половцев, как исторически, так и археологически очень трудно. Вещевой материал у всех трех народов почти однороден, а погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями. Причем последние в свою очередь исчезают или заменяются новыми при слиянии или смешении народов, что постоянно происходило в среде кочевников при передвижении их по южнорусским степям.

Подводя итоги, следует сказать, что эпоха средневековья в степях Восточной Европы, куда входит и территория нынешней Калмыкии, необычайно сложна тем, что кочевники этого региона в разные периоды своего существования участвовали в нескольких переселениях с востока на запад. Миграции сопровождались смешением разноэтнических участников переселений, а также включением остатков истребленных и вытесненных кочевых племен.

Литература

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. 5.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л., Госэрмитаж, 1962.
3. Синицын И.В. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. / И.В. Синицын, У.Э. Эрдниев. – Элиста, 1985. – С. 43-68.
4. Эрдели И. Археология Венгрии VI-XI вв. // Археология Венгрии: конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Наука, 1986.
5. Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
6. Шнайдштейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. Л., Изд-во ЛГУ, 1985, с. 84.
7. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I-II
8. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888-1902 гг. СПб., 1908.
9. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.
10. Эварницкий Д.И. Публичные лекции по истории России. СПб., 1890.

11. Городцов В.А. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV века // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. М. 1907. Т. 2.

12. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930.

13. Зяблин Л.П. Археологические памятники кочевников X-XIV вв. Восточной Европы. М., 1952.

14. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА № 62, 1958.

М. С. Уланов,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Распространение буддизма на Западе в контексте феномена миграций*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 15-03-00251а.*

Первые сведения о культурных контактах народов Запада с носителями буддийской культуры восходят к эпохе эллинизма. После завоеваний Александром Македонским в Азии и миграции греков на Восток здесь сформировались эллинистические государства (Греко-бактрийское и Индо-греческое царства), в культуре которых определенное место занимал буддизм. Известно, что буддизм имел распространение среди греков Центральной и Южной Азии. Буддистами были и некоторые греческие правители эпохи эллинизма. Так, в известном буддийском тексте «Вопросы Милинды» отмечается, что правитель Индо-греческого царства Менандр I (II в. до н.э.) после встречи с монахом Нагасеной официально принял буддизм. В буддистской традиции Менандр почитается наравне с Ашокой и Канишкой как царь-чакраварин, один из величайших покровителей Дхармы. Более того, согласно источникам, Менандр еще при жизни достиг освобождения от сансары и стал архатом (святым), и его мощи бережно хранились, подобно мощам Будды. Плутарх Херонейский сообщает, что после его смерти пепел от по-

гребального костра был распределён между многими городами. В честь него были построены монументы, подобно ступам Будды [3, с.8-9].

Греки считали себя союзниками индийской империи Маурья с того времени, как Селевк I заключил союз с Чандрагуптой Маурьей, закрепив его родственными связями. Существует даже мнение, что вторжение греков из Бактрии в Индию было обусловлено не только защитой греческих поселений, но и буддийского населения бывшей Империи Маурьев от религиозных преследований со стороны династии Шунгов, поддерживавшей брахманизм. В эдиктах царя Ашоки также упоминается, что многие греческие правители покровительствовали буддизму.

Продолжительное присутствие греческой культурной традиции в Индии и Центральной Азии привело к активным кросс-культурным взаимодействиям, взаимопроникновению индо-буддийской и греческой культур. Результатом этого стало появление греко-буддийского искусства, более известного как искусство Гандхары. Его специфической особенностью было соединение буддийской тематики и традиционных греческих стилей, методов и мотивов. Греческие и позже кушанские мастера в своей трактовке буддийских историй и преданий активно использовали образы и приемы классического искусства Греции и Рима [7].

Важную роль в распространении буддизма, как на Запад, так и на Восток, сыграл Шелковый путь, в частности согдийские и бактрийские проповедники и купцы. Миролюбие и терпимость буддистов способствовали обмену товарами и идеями на широких территориях. Шелковый путь был первой глобальной торговой магистралью. Объемы товарного и интеллектуального обмена поражали воображение. При монастырях строились целые мануфактуры, на которых изготавливался натуральный шелк. Ткани из буддийских монастырей были легко узнаваемы по орнаментам из свастика или Колес Учения.

В средние века контакты Запада с буддийским миром были эпизодическими и ограничивались в основном торговыми связями. В XIII в. Марко Поло (1254-1324) после своего знаменитого путешествия в Китай принес в Европу некоторые сведения о буддийской культуре. Буддийская религиозно-философская система первоначально отталкивала Поло, потом стала интересовать и, наконец,

заслужила его симпатию. О Будде он написал: «Несомненно, что если бы он был крещен в христианстве, то стал бы великим святым наряду с Господом нашим Иисусом Христом» [5, с.146].

Известно также, что одной из наиболее популярных историй Средневековья стало предание о «Варлааме и Иоасафе» [6]. История жизни Иоасафа в общих чертах совпадает с буддийскими сказаниями о Будде Шакьямуни. Поэтому большинство исследователей считает «Повесть о Варлааме и Иоасафе» средневековой христианской переработкой легенд о Будде. Европейские же читатели не подозревали, что в основе предания лежит житие Будды, составленное в Индии, а имя Иоасафат представляет собой искаженное слово «бодхисаттва» [5, с.146].

Уникальным явлением, связанным с историей взаимодействия буддизма и представителей Запада в Новое время является возникновение в XVIII веке миссионерского поселения немецкой общины гернгутеров Сарепта к югу от Царицына с целью обращения калмыков в христианскую веру. Расположение кочевий к югу от города явилось причиной выбора месторасположения миссионерской колонии. История взаимоотношений немцев-гернгутеров и калмыков-буддистов раскрывает глубокие традиции взаимодействия буддизма и западного христианства [4]. Миссионеры активно изучали калмыцкий язык, традиционную культуру и обычаи калмыков. Вскоре они убедились, что их проповеди не производят впечатления на калмыков, у которых уже была своя религия с развитой философией и этикой. Позже некоторые поволжские немцы стали даже специализироваться на изготовлении и продаже предметов буддийского культа, тем самым способствуя сохранению буддийской культуры калмыков.

Значительную роль в распространении буддизма на Западе сыграло прибытие в Европу и Америку мигрантов из стран Востока, которые принесли туда свои буддийские традиции. Одними из первых на Западе появились китайцы. По некоторым данным, мелкими группами они стали приезжать в США в еще XVII–XVIII вв. Однако массовый наплыв китайских мигрантов, привлеченных на золотодобычу и строительство, как в США, так и в Канаду приходится на середину XIX в. В 1880 г. в США насчитывалось более 100 тысяч китайцев [2, с.51]. Несмотря на ограничительную миграционную политику количество китайцев, проживавших в Америке, постоянно возрастало.

Позже в США стали прибывать японцы, принесшие с собой японский вариант буддизма, в частности дзен-буддизм. Неслучайно, дзен или чань-буддизм стал одним из первых направлений буддизма, которые начали распространяться на Западе в XX столетии. Широкое знакомство западного общества с идеалами дзен-буддизма началось после Второй мировой войны. При этом нельзя не отметить огромную роль японского мастера дзен Д.Т. Судзуки (1870–1966), который смог донести это восточное учение до европейцев в понятной форме. Долгое время он жил в США и Европе, где читал лекции по буддизму в Колумбийском, Гарвардском и других известных университетах. Именно благодаря активной и творческой деятельности Д.Т. Судзуки, дзен-буддизм получил на Западе широкое распространение [1].

Кроме дзен, еще одним направлением, широко распространившимся на Западе, является тибетская форма буддизма. До 1960-х годов XX века о тибетском буддизме на Западе почти никто не знал. Исключение составляли лишь ученые – буддологи и тибетологи, труды которых не имели широкой популярности. Тибетский буддизм находился в тени более известного на Западе дзена, который благодаря трудам Д. Судзуки к этому времени уже был достаточно известен в западном обществе. Свою роль сыграла удаленность Тибета от моря, сложный горный рельеф, а также то, что Тибет несколько столетий был закрыт для европейцев. Попасть туда была крайне сложно.

В 1960-е годы после оккупации Тибета маоистским Китаем и жесткой политики в отношении буддизма ситуация резко изменилась. Под угрозой репрессий тибетцы, привыкшие к жизни в горах, вынуждены были мигрировать в Индию и другие страны. При этом Тибет покинуло огромное количество лам, в отношении которых новые власти проводили особо жесткую политику. Постепенно некоторые ламы стали посещать Европу и Северную Америку, где у них появились ученики. Все это совпало по времени с ростом интереса к буддизму в странах Запада. С этого момента начался плодотворный процесс изучения и освоения тибетской культуры европейцами и американцами, для которых открылась совершенно новая форма духовности, которая, в отличие от дзен, была насыщена мистическими практиками и откровениями. Как и в случае с дзен, тибетский буддизм получил популярность прежде всего в среде студенческой молодежи и интеллигенции.

Стремление тибетцев сохранить свою уникальную культуру и религию нашли широкую поддержку у западной общественности, которая была воодушевлена политикой ненасилия, провозглашенной Его Святейшеством Далай-ламой XIV. Значительную роль сыграла и личная харизма духовного лидера тибетских буддистов, который стал восприниматься уже как неформальный глава всех буддистов мира и последовательный борец за мир и права человека. Так, по всему миру стали появляться многочисленные общества в поддержку Тибета, которые одновременно стали проводниками тибетской культуры. Все это было положительным фоном для распространения тибетского буддизма на Западе и его творческого взаимодействия с западной культурой.

Определенную роль в распространении буддизма в Европе и Америке сыграли калмыцкие эмигранты. Так, например, распространение буддизма на территории Северной Америки связано с именем калмыцкого геше Вангьяла (1901-1983) – первого учителя тибетского буддизма в США, который был одним из последних монахов, посланных учиться в Тибет из Калмыкии. Ученик геше Вангьяла, известный во всем мире востоковед, профессор Джеффри Хопкинс в своем эссе о вкладе калмыцкого народа в развитие буддизма в США отмечает, что «развитие тибетского буддизма в Соединенных Штатах, возможно, пошло бы совсем иным путем, не попади в Америку горстка эмигрантов, чья удивительная одиссея по земному шару продолжается уже четыре столетия. 23 ноября 1952 г. небольшое сообщество беженцев, этнических монголов из Советского Союза, известных как калмыки, осватило свой первый «молитвенный дом» в Америке, в местечке Фривуд Эйкрз, в Нью-Джерси. Этот ритуал фиксировал самую западную точку, куда довелось проникнуть тибетскому буддизму за его тысячелетнюю историю». [9, с.25].

Благодаря деятельности геше Вангьяла в США появился первый тибетский буддийский монастырь Лабсум Шедруб-линг, который позже был передан в дар Его Святейшеству Далай-ламе. Монастырь значительно повлиял на распространение в США тибетского буддизма. Кроме того, именно благодаря геше Вангьялу и его ученикам состоялся первый визит Его Святейшества Далай-ламы XIV в Америку. С тех пор практически каждый год Далай-лама посещает эту страну, где у него много последователей.

В современный период буддизм уже не является чисто восточной религией. На сегодняшний день в Европе, обеих Америках, Австралии и Новой Зеландии функционирует несколько сот буддийских центров и организаций. Существует также Европейский Буддийский Союз, который регулярно проводит свои конгрессы в европейских столицах. Характерно, что буддизм интенсивнее распространяется в наиболее развитых странах Запада, где местное население зачастую не находит ответы на свои духовные запросы в традиционных конфессиях и находится в самостоятельных поисках веры.

Современное распространение буддизма в мире заметно отличается от феномена исламизации стран Запада, которая происходит за счёт притока мигрантов из мусульманских стран Азии и Африки. При этом многие из них остаются не инкорпорированными в западную цивилизацию. Буддизм же, наоборот, распространяется, главным образом, среди представителей западной культуры, которые, становясь буддистами, продолжают оставаться людьми своей культуры и цивилизации. Буддизм здесь выступает как способ духовного самосовершенствования, как метод борьбы со своими психическими проблемами. Буддийские идеи активно используются в литературе, искусстве, философии и даже спорте. В последнее время можно отметить даже случаи применения буддийских принципов в экономике: он начинает влиять на деловую этику, принципы менеджмента и корпоративную культуру Запада [8].

На Западе – в странах Европы, обоих американских континентах – теперь также, как и в азиатских странах до этого, формируются собственные виды буддийской бытовой религиозности, которые обусловлены современными реалиями, культурой и образом жизни в данных регионах. Данный процесс адаптации буддизма к западной культуре сам по себе исторически обусловлен и не имеет какой-то новой собственно западной специфики. В то же время буддийские методы и практики, выполняемые западными буддистами, сохраняются в тех же рамках классической традиции. Именно об этой специфике буддизма тибетцы говорят, что Учение Будды подобно алмазу: когда тот лежит на красном фоне, то становится красным, когда на синем – синим, при этом фон остается фоном, а алмаз – всё тем же алмазом.

В результате распространения на Западе различных буддийских направлений и школ здесь постепенно складывается так называемый «глобализированный» или транснациональный буддизм, который, в отличие от традиционных форм, в значительной степени свободен от контекста конкретных культурных традиций.

Литература

1. Абаев Н.В. Д.Т. Судзуки и культурное наследие дзэн (чань)-буддизма на Западе // Народы Азии и Африки. 1980. №6. – С. 176-187
2. Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «Новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2010. №355. – С.51-54.
3. Вопросы Милинды. Серия: Памятники письменности Востока. Bibliotheca Buddhica. М.: Наука, 1989. – 485 с.
4. Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII-XX веках. Взаимоотношения в области истории, науки, религии и культуры. Волгоград; Старая Сарепта: Издатели Дидрих Берлин и М.И. Табаков, 2001. – 368 с.
5. Кеун Д. Буддизм. М.: Весь мир, 2001. – 176 с.
6. Повесть о Варлааме и Иоасафе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. – С. 360-387.
7. Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М.: Искусство, 1982. – 196 с.
8. Уланов М.С., Уланова Г.В. Буддизм и этико-философские основы развития современных экономик // ЭКО. 2012. №6. – С.177-187.
9. Хопкинс Д. Калмыцкий вклад в развитие буддизма на Западе // Буддизм России. 2009. №42. – С.25-27.

СЕКЦИЯ 1. ГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ; ВЕЛИКИЕ МИГРАЦИИ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева,
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород*

Гунны и Боспор в V в.

Гунны, которые до недавнего времени считались разрушителями Боспора в 370-е годы, по всей видимости, как убедительно показал А.И. Айбабин, вошли в Крым с севера лишь на рубеже IV-V вв. или в начале V в., а не ранее [1, с. 73]. Их погребения этого времени локализуются в степной Таврике, а на Боспоре – до Узунларского вала, исключая единичные находки в Керчи. Гунны, видимо, разрушили Феодосию и западную часть Боспора, двигаясь с запада. Остальная часть европейского Боспора от гуннов не пострадала.

В середине V в., в эпоху державы Аттилы, северопричерноморские и северокавказские степи входили в сферу влияния гуннов. При гуннской гегемонии в степном Крыму постоянного населения в I пол. V в., по-видимому, не было. Доминировало здесь кочевое племя альциагиров, которых Иордан помещал в степях «около Херсоны, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степи, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. 37). Действительно, Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевков. В степном Крыму из-за этого ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Кроме того, постоянные передвижения племен в условиях Великого переселения народов не способствовали политической стабильности в Крымской степи.

Укрепление института наследственной власти у гуннов относится, вероятно, к 20-30-м гг. V в. Вместе с тем, обложив покоренные племена данью, гунны были вынуждены оставить их под управлением их вождей [2].

А.В. Ивченко указывает, что памятники гуннов в Северном Причерноморье можно разделить на два локальных варианта (крымские альциагиры и гунны «внешней степи»; этническая неоднородность?) [3].

Возвращение части гуннов в Восточную Европу имело место в 1-й пол. V в. В 430-431 гг. гунны-утигуры возвращаются из Европы в Предкавказье через Боспор. Они «со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним» (Procop.BelloGoth. VIII, 5). Утигуры оттеснили альциагиров и прошли в Крым, где их и локализует Прокопий: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (BelloPers. I, 12), и «если идти из Боспора в Херсон, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» (BelloGoth.VIII, 5). Движение утигуров на восток свидетельствует о том, что путь через «устье Меотиды» был им хорошо известен и ранее использован при движении гуннов на запад.

Первыми их встретили жители боспорских поселений, находившихся недалеко от современного села Белинское и у Караларского побережья Керченского полуострова. Учитывая то, что жизнь на Караларском побережье продолжилась и далее, можно сделать вывод, о том, что с гуннами на восток ушла только часть населения, непосредственно имевшая соприкосновение с ними, это жители форпоста в Верхнезаморском, и воины с семьями из поселения Белинское. Именно они вступили в соглашение с гуннами, «...чтобы соединившись, сделать сообща переход и ... поселиться на ... самом берегу пролива ...». Не исключено, что эти готы с семьями и всем своим скарбом оказались «заложниками» беспрепятственной переправы. Наиболее вероятно, что их совместный с гуннами путь пролегал через урочище Артезиан, затем мимо развалин крепости Багерова Северное, горы Туркмен, кургана Кара-Оба, затем движение продолжилось в направлении Темир-Горы, по её южному склону и вокруг горы Хронис севера, к переправе у мыса Фонарь. Таким образом, обойдя город Боспор с севера и имея у себя в заложниках около пятнадцати тысяч (как минимум) местного населения, гунны перешли пролив на восток [4, с. 23].

Интересна хронология перехода. До последнего времени считалось, что происходило это во второй половине V в., после смерти Атиллы и распада его державы [5, с. 308; 6, с. 109-110; 7], но о событиях этого времени Прокопий Кесарийский не упоминает. Однако в его тексте присутствует следующее замечание: «В это время вандалы уже поднялись со своих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании» (Procop.Bell. Got., VIII, 5). Как известно, это происходило в 430 г. Этот пассаж прекрасно разобран М.Б. Щукиным [8, с. 453], и можно только присоединиться к его мнению. Отдельно надо сказать и о времени года, скорее всего, это был конец зимы. В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что «... гунны не хотели терять здесь своего времени, ...», т. е. они спешили перейти Меотийский пролив по льду [5, с. 297-300].

Полностью степные пространства Таврики оказались во владении гуннских орд лишь со 2-й пол. V в. [9, с. 55]. Утигуры расположились в Прикубанье, а Таврика становится местом из сезонных выпасов.

Мы не знаем, насколько мирным было возвращение утигуров для азиатского Боспора. С уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище [10, с. 376-377].

В 454 г. в битве при Недао основная масса гуннов была разбита гепидами во главе с Ардарихом, в 463 г. – сарагурами, а в 469 г. – остготами и византийцами. Погибло 30 тысяч гуннов. В 469 г. последний гуннский союз Денгизиха был разбит Анагастом, правителем Фракии. В условиях распада гуннской державы в Крым двинулись из Паннонии и иные утигуры.

Очень важным обстоятельством, на которое не было обращено должного внимания исследователями, было передвижение в Северное Причерноморье сарагуров, урогов и оногуров (Prisc.IV. 30) с Востока, из Предкавказья. Около 463 г. как сообщает Приск, они были вытеснены сабирами и двинулись на акациров. «Во многих битвах» сарагуры отвоевали себе, видимо, Северное Приазовье и отправили послов в Константинополь. Империя признала новую расстановку сил в регионе и в дальнейшем использовала позднегуннские племена Понта в своей персидской политике (Prisc.IV. 37) [11, с. 89-90].

Сарагуры, видимо, составляли союз, распавшийся во 2-й пол. V в. Оногория к востоку от Меотиды была известна в VII в. еще Равеннскому Анониму (Rav. Anon. Cosm., 2).

Известная ранее надпись КБН 1099 в новом прочтении В.П. Яйленко приобретает значение важнейшего источника по истории гуннов V в. на Боспоре. Эта надпись датируется V веком и следует структуре аналогичного типа актов римского времени. Надпись происходит из Гермонассы и сообщает, что в одной христианской общине, организованной по типу прежних фиасов, состоят лица с греческими, иранскими и, самое главное, с гуннскими именами [12, с. 165]. Эти имена соответствуют строю известных ныне гуннских имен [13]. К сотне известных гуннских имен надпись добавляет 14 новых: Оримаг, Салдих, Малдаг, Мидах, Севраг и др. Из надписи ясно следует, что гунны не уничтожили местную позднеантичную цивилизацию, но, напротив, судя по облику их потомков в V в., адаптировались к ней: восприняли греческий язык, религию и местную культовую организацию.

Утигуры, обосновавшиеся близ Боспора, по всей видимости, установили над ним военно-политический протекторат, продолжавшийся до конца 520-х гг., когда Византия непосредственно вмешалась в дела на Боспоре, сначала попытавшись крестить вождя утигуров Грода (Malal. Chron., XVIII), а после провала этой попытки прямо аннексировала Боспор.

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Щукин М.Б., Шаров О.В. К проблеме финала черняховской культуры // *Stratum+*. 2000. № 4. – С. 369-383.
3. Івченко А.В. Поява гунів у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. 2003. № 2. С. 41-47.
4. Ермолин А.Л. Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III-VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012.
5. Васильев А.А. Готы в Крыму / ИРАИМК. 1921. Т. 1. Ч. 1.
6. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
7. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. I-IV. B., 1959-1960.
8. Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. – 592 с.

9. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914.
10. Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. – С. 376-377.
11. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.
12. Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. С. 160-171.
13. Яйленко В.П. Гунно-булгары II-V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // Древности Боспора. № 5. М., 2002. – С. 306-324.

А. А. Бурыкин,
*Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, г. Санкт-Петербург*

**Этносы, географическая среда,
динамика климата и миграции:
к новому прочтению трудов Л.Н. Гумилева**

Изучение проблем древних и средневековых миграций народов Евразии и, в особенности, народов Центральной Азии немыслимо без присутствия в нем имени Л.Н. Гумилева (1912-1992), автора широко известных трудов по истории народов Центральной Азии, тюркских и монгольских народов.

Как известно, научное наследие Л.Н.Гумилева обширно и разнообразно, более того, с точки зрения содержания и жанра основные монографии ученого получили разные оценки в диапазоне от перспективных оригинальных концепций до популярных сочинений и произведений антинаучного характера. Даже литература в теме «Историк Л.Н.Гумилев: pro et contra» по существу необозрима. Тем не менее предмет исследований ученого и материалы его интерпретаций – Евразия, азиатские степи, циркумкаспийский регион, Тибет, тюркские и монгольские народы, и мн. др – тесно связаны со сферой деятельности ученых разных стран, представляющих различные школы и такие направления в истории и исторической этнографии, которые имеют региональную и этническую

ориентированность. Не случайно имя Л.Н. Гумилева столь популярно на границе Европы и Азии, в Татарстане и Казахстане.

Труды Л.Н. Гумилева (см. [3-5] и др.) в целом формируют междисциплинарную основу для исследований в области древней и средневековой истории в ее связи с исторической этнографией и исторической географией, но имеют другой предмет исследования – этносы.¹

Из идей, формирующих научные взгляды Л.Н. Гумилева на стыке географии, в основном ландшафта, и истории, наилучшим образом известны оригинальная теория этноса и идеи пассионарности.

Проблеме этноса или теории этноса посвящена объемная литература. В специальном справочном издании отмечается, что в науке преобладает мнение, согласно которому этносы «представляют собой одну из разновидностей социальных общностей» [1, с. 47], хотя С.М. Широкогоров и Л.Н. Гумилев определяли этнос как биологическую единицу [1, с. 42, 47], см. также [7]. Понятие этноса в ряду социальных общностей, выдвигаемое в центр теоретических построений Л.Н.Гумилева, универсально в силу ряда обстоятельств – оно не зависит от конструируемой хронологической

¹ Судьба научного наследия Л.Н.Гумилева в последние 25 лет парадоксальна: рынок печатных изданий и электронных версий насыщен разнообразными переформатированными новыми изданиями сочинений ученого, которые, несомненно, пользуются спросом. Однако в массе таких изданий невозможно найти прижизненные издания таких книг, как «География этноса в исторический период» (Л., 1990) или первое издание книги «От Руси до России» (М., 1992). Такая ситуация существенно искажает имидж оригинального ученого-историка, этнографа и географа, ставя его в интервал между популярной сенсационностью и псевдонаукой типа Г. Носовского и А. Фоменко. То, что в концепции этноса Л.Н.Гумилева остается вне экспликации политическая история этноса на ранних и на самых поздних этапах его существования, очевидно, но приложение данной теории к истории относительно моноэтнических государств Европы, Азии и Америки Нового времени, государств, имеющих титульную этническую доминанту, в которых пассионарии (утрачивающие в иной среде этническую противопоставленность и составляющие консолидированные общности выходцев из Англии, Франции, Испании и т.п.) составили население постепенно освобождавшихся колоний и новых государств, обещает весьма перспективные результаты. Не менее увлекательным представляется выстраиваемое в рамках данной концепции моделирование истории полиэтнических государств с разным временем сложения входящих в них этносов.

стадиальности типа «племя-народность-нация», оно не является политическим определением обозначаемого им социума, и характеризует этот социум со стороны его культурной специфики, включающей комплекс средств жизнеобеспечения (материальная культура), коммуникативный комплекс (язык или языки), и комплекс обеспечения идентичности (духовная культура, религия, искусство). Это понятие позволяет абстрагироваться от социальной проблематики, малоактуальной при обсуждении проблем взаимодействия этноса и природной среды. Под понятие этноса при помощи номинации «субэтнос» успешно подводятся в исследовательских целях различные этнотерриториальные, этноконфессиональные, этносословные группы и т.п. Разница между этносом и социальными общностями на самом деле очень велика: если генезис социальных общностей зависит от воли индивидуумов (входить или не входить в них) и от воли макросоциума в целом или его потестарной верхушки (признавать или не признавать, разрешать или запрещать и т.п.), и такие процессы неизбежно дискретны и точечны во времени, то этногенез как генезис этносов – это процесс непрерывный, не зависящий от чьей-либо воли, и в отличие от генезиса социальных общностей, не поддающийся управлению извне. «Взрывы этногенеза», о которых писал Л.Н.Гумилев – это не столько интенсификация непрерывного этногенеза, сколько проявления требования признания самостоятельности этносов, которые, понятно, не могут выражаться и проявляться столь же непрерывно, как и этническая дифференциация – кстати, и интеграция этносов, о которой так любили говорить историки ранее, становится основанием для дальнейшей дифференциации любого суперэтноса. На процесс этногенеза в его непрерывности так же невозможно повлиять, как нельзя воздействовать на процесс полураспада радиоактивных элементов в природе.¹ Изменение критериев этничности (из них выпадают единство языка и конфессиональное единство,

¹ Показательно, чем занимаются героини романа И.А.Ефремова «Час Быка» во время длительного космического полета (действие романа происходит в очень отдаленном будущем) – они играют в этничность. Ученый-палеонтолог, выдающийся отечественный философ и писатель, И.А.Ефремов, изобразивший себя в своем романе под именем жившего в далеком прошлом философа Эрф Рома, недвусмысленно дал понять – даже те этнические признаки, которые существуют в наши дни, будут сохраняться неограниченно долгое время и, очевидно, будут дополняться новыми признаками, характерными для новых общностей.

утратившие обязательность) и даже отсутствие проявлений тотального этнического само-осознания или декларирования этнической обособленности не могут характеризовать особой специфики развития общества, когда этнические разграничения и объединения уступают место политическим (развитие этнического самосознания может подавляться разными формами воздействия, в группах-изоляциях этническая декларативность неактуальна и сводится к именованию «люди»). Провозглашенная автором «Мозаичность как свойство этноса» [4, с.84] – это и реликт формирования этноса, и его перспектива в непрерывном этногоническом процессе.

Пассионарность. «Итак, пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный» [4, с.312-313].

В главной книге Л.Н.Гумилева о генетической/биохимической природе пассионарности сказано довольно много [4, с. 321 и сл.]. Однако есть подозрения, что за определением биологической природы пассионарности и указанием на то, что типы пассионарности не имеют классового или сословного характера [4, с.338] скрывается (вольно, по авторскому замыслу, или невольно, как наша читательская интерпретация) указание на надсоциальный, надклассовый,¹ гиперсубэтнический, передающийся в простран-

¹ В 2007 году автор обсуждал с А.М.Решетовым (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) вопрос о том, не было ли учение о классах как движущей силе истории хорошо спланированной политической провокацией, поскольку класс по определению не имел управляющей им социальной субструктуры. Собеседники пришли к выводу, что такого сценария развития теорий общества исключать нельзя, и единодушно отметили, что управлять обществом могут только многоуровневые социальные структуры с жесткой вертикалью, сводимые к четырем типам и характеризующиеся этнокультурной спецификой: армия, церковь, политическая партия и мафия – пятого не дано.

стве (от одного этноса к другому, к соседям) и во времени (от родителей к потомству) вектор активности этноса. Этот вектор может иметь три направления: 1) направление во внешнее пространство – географический вектор, обеспечивающий расширение территории этноса и с учетом непрерывности этногенеза порождающий новые этносы-родственников и союзников; 2) направление на соседние этносы – политический вектор, обеспечивающий экономическое, идеологическое, конфессиональное, культурное воздействие; 3) направление на самого себя и свою сферу активности – экономический вектор, обеспечивающий эволюцию и прогресс в сфере жизнеобеспечения. Против биологического понимания пассионарности говорят и слова ученого: «Пассионарность обладает еще одним крайне важным свойством: она заразительна» [4, с.326], то есть она распространяется либо путем подражания и примыкания к пассионариям, либо путем сознательного насаждения с какой-либо целью. Очевидно, тем же свойством подражательности – «заразительности» характеризуется и субпассионарность, и нулевая пассионарность, и выбор направления приложения сил разными группами пассионариев и иже с ними – «попутчиков». Показательно, что пассионарность в этих рассуждениях превращается в социальное явление, а ее связь с этносом, его состоянием и генезисом новых этносов – лишь одним из ее проявлений и приложений.

Универсальность этногенетических и этноисторических процессов показана Л.Н.Гумилевым в небольшой статье, которую придется воспроизвести почти целиком: «1. Принято различать закономерности развития культуры и этногенеза кочевников и оседлых народов. Это неправомерно. Культуры отражают индивидуальные черты отдельных этносов и их групп, точнее – систем (суперэтносов), а этногенезы – природные процессы, развивающиеся по единой модели – подъем пассионарности, перегрев пассионарности и инерционное затухание, которое оставляет памятники культуры. Эта модель одинакова для всех этносов: бродячих, кочевых, земледельческих и урбанистических, причем все они коррелируют друг с другом. Взаимодействие суперэтнических целостностей и типов культуры определяется характером комплиментарности – этнического притяжения и отталкивания чужого этнопсихологического склада. Слияние этносов при отрицательной комплиментарности может привести к летальному исходу. При положительной комплимен-

тарности может быть достигнут «расцвет культуры» – повышение уровня гармонического разнообразия. Следовательно, необходимо рассматривать этнические и культурные взаимодействия не как нечто целое, а как постоянное сочетание двух форм развития: природной и социальной.

2. Этногенез определяют три параметра. Первый – ландшафтно-географический, или жесткая связь этноса с кормящим ландшафтом. Так как ландшафтные условия нестабильны, особенно во внутренних регионах континента, то сила и слабость кочевых этносов зависят от степени увлажнения степной зоны Евразии. В XIII – XIV вв. условия были оптимальны. В XVI в. наступила вековая засуха; следовательно, XV в. был периодом переходным и неустойчивым.

Второй параметр – энергия, создавшая этносистемы и убывающая за счет общения с окружающей средой. Пассионарность рассеивается среди окружающих этносов, поднимая их активность, или уходит в никуда вместе с гибелью ее носителей – богатырей. Чем быстрее идет энтропийный процесс, тем скорее пассионарии уступают поприще истории гармоничным особям, которые достаточно устойчивы, чтобы продлить существование этноса на несколько веков.

Третий параметр – этническая доминанта, образованная за счет освоенного наследия былых этносов, пассионарность коих иссякла, но культура еще очаровывает потомков. Так, франки и лангобарды уважали забытую античную мудрость, россияне – византийскую иконопись, богословие и музыку, табгачи династии Тан – конфуцианство и даосизм...» [2, с. 17-18].

Сложные зависимости этноса от динамики природной среды, наблюдаемые в основном на материале исторической географии народов Евразии и Центральной Азии, освещены в специальных работах Л.Н.Гумилева, составивших две книги [3; 5]. Их изучение, в особенности последней ([5]) заставляет задуматься над тем, что в общей концепции Л.Н.Гумилева социально-политическая составляющая истории этноса все-таки присутствует, хотя и имеет особое понимание. Прежде всего она присутствует в осмыслении разных истоков групп пассионариев (а равно субпассионариев и нулевых пассионариев) и разных векторов интересов этих групп. Далее, взаимоотношения этносов при миграциях, часто до Л.Н.Гумилева принимаемых или выдаваемых за военные действия против сосе-

дей, демонстрируются и объясняются им как союз, альянс, предполагающий взаимную инициативу в единой сфере общественно-политической активности этносов-соседей, в которой реализуется своего рода метagosударственность или «непрерывная государственность», сфера с природно-географическими границами, этническими границами, но не имеющая политических демаркаций между этносами.

Перспектива истории полиэтнических государств, очевидно, связанная с идеей метagosударственности во внутренних пределах империи или конфедерации, в какой-то мере намеченная Л.Н.Гумилевым по материалам истории народов России, их этничности в концепции автора и их государственности, выглядит напрямую связанной с идеей евразийства. Слова из последнего интервью ученого «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [6], на наш взгляд, понимаются в концепции автора с учетом не показываемой им метagosударственности, разного возраста соседствующих этносов и, самое главное – непрерывности этногенеза, обеспечивающего территориальную и культурную преемственность на самых разных уровнях.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. (Свод этнографических понятий и терминов). М., 1988. С.41-53. С.42,47.
2. Гумилев Л.Н. Культурогенез и этногенез кочевых и оседлых цивилизаций в Средние века// Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов: Алма-Ата. 19-24 октября 1987 г. – Алма-Ата. 1987. – С. 18-19.
3. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2002.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб., 2003.
6. Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» [Интервью] // Социум, 1992, № 5.
7. Еникеева Д.М. Культурология, конспект лекций. М., 2008.

А. Е. Ержанова,
*Институт археологии
им. А.Х. Маргулана,
Казахстан, г. Алматы*

**Некоторые трасологические исследования каменных орудий
поселения Талдысай
(Улытау-Жезказганский регион, Центральный Казахстан)**

На древних рудниках и поселениях металлургов Центрального Казахстана (ЦК) в большом количестве встречаются орудия труда рудокопов и металлургов, изготовленные из камня, кости, рога и глины. Одним из таких поселений металлургов является Талдысай, расположенное в Улытау-Жезказганском регионе. Поселение и одновременный с ним могильник расположены в 80 км от города Жезказган в одноименном урочище в Улытауской степи на слиянии рек Жезды и Талдысай (Бала Жезды). Поселение соседствует с современным поселком одноименного названия и постоянно находится под разрушительным антропогенным воздействием. Негативное воздействие усиливается и природными факторами, выражающимися в затопливании в паводковый период территории поселения водой двух рек. Поселение было открыто совершенно случайно в начале 90-х годов прошлого столетия, когда во время сильного весеннего половодья река проложила новое русло через южную часть поселения. После спада большой воды в новом русле реки и его береговых обрывах обнажились культурные отложения и остатки каменных конструкций.

На поселении Талдысай найдены разные орудия труда, изготовленные из камня, кости и глины, применявшиеся в металлургии. Среди них особое место занимает каменный инвентарь, служивший основным инструментом при добыче, обогащении и подготовке руды к плавке.

На Талдысае в основном встречаются орудия, приспособленные для дробления и растирания руд и шлаков, о чем свидетельствуют каменные молоты, кайла со следами сильного износа.

Найденные каменные молоты довольно массивные, ударного типа, удлиненных пропорций.

Молоты изготавливались из оркозового крупно-зернистого песчаника, из осадочных пород и травертина, применялись как рудодробильные орудия, а некоторые из них были многофункциональными. На поселении встречаются массивные молоты трапециевидной, прямоугольной и цилиндрической формы. На некоторых массивных молотах имеется 2-3 поперечных круговых желобка и одностороннее уплощение для привязывания инструмента к рукояти. На некоторых молотах, кроме поперечных желобков, присутствуют продольные желобки. На рабочих торцах видны следы заботности, примятости поверхности (Рис. 1. 3, 4, 8).

Кроме того, молоты использовались как **молоты-кайла**. Они служили для откалывания кусков руды, а также для разрушения верхней толщи и снятия каменного грунта. Обивке подвергались боковая грань и нижний рабочий конец. Верхний край слегка подкруглен обивкой и пришлифован. Зашлифована и выемка для перевязи на одной из боковых граней. Нижний рабочий край широкий, приостренный. Он притуплен в ходе работы и слегка обколот (Рис. 1. 1, 2).

На поселении часто встречаются **шарики-дробилки** (Рис. 2. 6), **плоские кружки** (диски) [1] (Фото 1. 4). Они имеют следы нагара и накипи. Дисковидной формы, обработаны методом обивки, некоторые неправильно дисковидной формы. Одна сторона этих каменных кружков сильно прокалена. Создается впечатление, что они покрывали какие-то небольшие емкости, где происходили процессы, связанные с плавкой или рафинированием меди. Более всего эти кружки подходят в качестве крышек для литейных ямок-лунок, обнаруженных в ямах-печах (Рис. 2. 6).

Для размельчения руды использовали абразивные плиты и песты-терочники. Размельчение проводилось путем растирания до порошкового состояния. На поселении в большом количестве встречаются разные формы абразивных плит. Найденные на поселении кусочки руды, свидетельствуют о том, что подготовка к ее производству происходила здесь.

Песты-терочники использовались для дробления руды на мелкие фракции и растирания шлаков на плитах-ступках, а также при обработке бронзовых изделий (Рис. 2. 2, 3, 4). Обнаруженные на Талдысае печи являются подтверждением того, что выплавка производилась на поселении. Среди материала часто встречаются

камни со следами температурного воздействия, которые, вероятно, служили элементами для конструкций медеплавильных печей.

Свёрла на Талдысае (найдено всего 3 экземпляра) конической формы трех- и четырехгранного сечения, длина 8-12 см, ширина от 2 до 5 см в основании. Ребра боковых граней в средней части обработаны техникой пикетажа, в одном случае скруглены в процессе утилизации. Рабочая часть острия конуса покрыта заломами. Возможно, данные предметы использовались для высверливания отверстий в породе. Орудия изготовлены в основном из базальта.

Последующая обработка металла производилась с помощью подставок-наковален, лоцил, молотков дляковки, многочисленных абразивных плит.

Подставки-наковальни выполнены из прочных пород, их изготавливали из песчаника, метаморфических пород. Наковальни одноплощадочные, рабочие поверхности зашлифованы. Боковые грани обработаны методом обивки, выровнены, углы зашлифованы. Основания ровные, видны следы утилизации в виде выбоин и царапин в центральной части. Вероятно, такого плана орудие использовалось с подставкой и зажималось в коленях (Рис. 2. 1, 7).

Молотки дляковки [2] по размерам обозначены среднего действия. В качестве сырья использовались кремнь, кварцит, оолитовый известняк. По общим очертаниям орудия имеют более массивные рабочие основания и сужаются к пятке, лишь отдельные экземпляры по форме близки к цилиндру. В поперечном сечении орудия округлые или уплощенно-овальные. Основные технические приемы обработки – техника пикетажа и последующая пришлифовка поверхностей. Наиболее тщательно оформлен боек орудий, форма и характер обработки которого является функциональными признаками типа. Рабочие площадки молотков слегка выпуклые, тщательно зашлифованные, с небольшими выбоинами – следы ударов [3] (Рис. 1. 6, 7, 9).

Абразивные плиты разного размера изготавливались из разновидности песчаника, из амфиболитового кварца, а также из породы конгломерата. В качестве абразивных инструментов использовались плоские плитки толщиной 0,8-2,5 см с шлифованной поверхностью. Обрабатывается в основном пикетажной техникой, боковые грани шлифованные. Абразивы во многих случаях использовались специально для заточки лезвий ножей и кинжалов

или топоров и тесел, иногда вторично использовались для заострения металлических шильев (Рис. 2. 5, 10.). Окончательная доводка и заточка орудий производилась с помощью *оселков*.

Для лощения поверхности отлитых изделий и керамики применялись *каменные лошिला* (Рис. 2. 8, 9, 13, 15, 17). После отливки вещей практиковалось выравнивание, проковка, полировка их поверхности и убиение каверн, швов, неровностей и прочих дефектов [4]. В основном они изготовлены из четырехгранного бруска удлинённой формы. Для металла часто использовали бруски микрокварцита, гранито-гнейса, габбро, оплитовидного гранита, сланца, а для керамики – мономинеральный кварц, слоистый алевролит, порфирит. Боковая или верхняя рабочие поверхности доведены до зеркального блеска, рабочая площадка формировалась в процессе лощения. Рабочая поверхность орудий выпуклая с сильно заполированными глубокими царапинами, нанесенными частицами твердых примесей в глиняном тесте. На некоторых орудиях наблюдалось по 2-3 сработанных участка. Таким образом, по материалам поселения мы можем проследить практически полный цикл обработки металла, начиная от добычи руды до окончательного изготовления металлических орудий.

В домашнем производстве многочисленны пряслица, лошिला по мягкому материалу, терки-ступки.

Лошिला по мягкому материалу изготовлены в основном из гальки округлой уплощенной формы. Диаметр – 5 см, толщина – 0,8 см. Практически вся поверхность использовалась для лощения кожи, имеет характерный матовый блеск и заполированность. Рабочие плоскости ровные или выпуклые (Рис. 2. 14, 16, 18, 19, 20).

Терки-ступки встречаются мало. Для их производства использовался гранит и разные виды песчаника. Ступки полусферические, корпус неправильной формы, дно скругленное, поверхность обработана техникой пикетажа, вероятно, использовались для растирания пород или краски (Рис. 1. 11).

Кроме того, на поселении Талдысай встречаются многочисленные *шаровидные камни*, сделанные из кварцита; они обработаны техникой пикетажа и абразивной подшлифовкой. Некоторые не доведены до идеально шаровидной формы. Встречаются мелкие и крупные от 1,5 см. до 17 см. Не имеют следов утилизаций. Ис-

точники таких шаровидных камней использовали в качестве утяжелителей.

Металлурги поселения использовали аморфные подвески-предметы из камня, вероятно, служившие *амулетами* (Фото 1. 3), а в прядильном деле использовали различные по размеру и весу каменные пряслица. На поселении найдены каменные *пряслица* из гальки, из оолитового известняка. Они имеют круглую форму, диаметром 4-6 см, толщиной 1,2-1,5 см, диаметр отверстия, расположенного в центре, – 1-1,3 см. Орудия отшлифованные, края округленные. Сверление отверстия – биконическое (Фото 1. 2).

Кроме того, встречаются орудия для обработки кожи и шерсти.

Во время раскопок найдены орудия дисковидной формы разного размера, вероятно, выполнявшие функцию *скребел и гзузил*. Оказывается, ими выполняли первичную обработку шкуры – снятие мездры, остатков жира. К основной стадии обработки шкуры относятся: завершение снятия мездры, пушение бахтармы – производилось скребками средних размеров. Мелкие скребки использовались для обработки труднодоступных или неудобных мест и мелких шкур.

Скребки поселения Талдысай изготовлены из яшмовидной породы, иногда из кварцевого сланца. Кромка лезвий орудий скруглена крупнофасетчатой ретушью. Видны линейные следы, направленные перпендикулярно к рабочему краю (Фото 1. 1).

На поселении часто встречаются *мотыги (мотыгообразное орудие)* разного размера. В качестве сырья использовались разновидности песчаника, эклогитов. Лезвие ассиметрично. Для крепления сделаны два перехвата глубиной до 1,5 см для крепления орудия в деревянной рукояти. Ширина перехвата – до 4 см. Перехваты обработаны техникой пикетажа, на них прослеживаются слабые следы заполированности от привязывания к рукояти. Рабочий край овальной формы, следы сработанности заходят на плоскости орудия. Орудие сильно сработано в результате интенсивного использования. Поверхность рабочего края покрыта патиной. Судя по следам сработанности, орудие интенсивно использовалось для работы по почве с наличием твердых включений, вероятно, руды. Они отличаются массивностью и заостренным, двусторонне отбитым рабочим краем. Вероятно, они использовались в горном деле и металлургии.

1

3

2

4

Фото 1

Таким образом, найденные на поселении орудия использовались в трех направлениях: в горном деле, металлообработке и домашнем производстве.

Каменные орудия из поселения Талдысай показывают довольно выразительные серии, относящиеся к производствам и занятию населения. Используя трасологический анализ можно увидеть, что они участвовали в металлургии, переработке минералов, глины для хозяйственных нужд; предоставляется возможность определить функциональное назначение орудий, а также датировать их. В заключение отметим, что орудия сначала изготавливались в стационарных условиях, затем применялись по назначению. В целом, характеризуя облик производства жителей поселения Талдысай, возможно реконструировать их занятие металлургией, а также тот факт, что орудия для производства изготавливались из местного сырья.

Литература

1. Курманкулов Ж., Загородний А.С., Жауымбаев С.У., Волошин В.В. Научный отчет о работах Центральной Казахстанской археологической экспедиции за 1977 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. – Оп. 2, ф. 11, д. 1582 а. – Л. 6

2. Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 60-79.

3. Зайков В.В., Зданович С.Я. Археологический источник моделирование древних технологий // Сб. науч. статей «Труды музея-заповедника Аркаима». – Челябинск, 2000. – С. 73-93.

4. Алексашенко Н.А., Кернер В.Ф. Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья (по материалам пос. Исетского Правобережного). – Свердловск, 1990.

В. Т. Кардонов,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Этнический состав населения юга Восточной Европы в эпоху сарматских миграций

Ранний железный век на территории степного юга Восточной Европы, в первую очередь, характеризуется масштабными миграционными процессами, обусловленными приходом сюда сарматского племенного массива. В результате происходит изменение этногеографической карты этого региона: на смену скифам и «савроматам Геродота» приходят родственные им по происхождению и языковой принадлежности ираноязычные сарматы. Однако этот собирательный этноним не отражает конкретный состав населения степного юга, который известен нам благодаря данным античных письменных источников. В связи с этим определенный интерес вызывает рассмотрение проблемы определения этнического состава сарматских племен.

В рамках сарматской истории принято выделять четыре хронологических периода:

1. Савроматский (VIII – IV вв. до н.э.);
2. Раннесарматский – прохоровский (IV-II вв. до н.э.);
3. Среднесарматский – сусловский (I в. до н.э. – II в. н.э.);
4. Позднесарматский (II-IV вв.) [1, с.103]

В данной статье использованы свидетельства античных авторов, которые были собраны и переведены В.В.Латышевым в 1890-1906 гг. [3,4,] и позже проанализированы М.И.Ростовцевым [9].

В скифосавроматский период (VIII–V вв. до н.э.) в ряде обобщающих работ исследователей указывается, что скифы с момента их появления в восточноевропейских степях занимали лишь территорию к западу от Дона (Танаиса), т.е. там же, где их помещал Геродот, когда повествовал о событиях VI – середины V вв. до н.э. [Геродот.IV.47, 99-101]. При этом, к востоку от скифов – за Доном локализуют савроматов [5, с.37]. Таким образом, в VI–V вв. до н.э. в степях к западу от Дона господствовали скифы, а к востоку и юго-востоку от Дона обитали савроматы.

После бурных событий, вызванных передвижениями кочевников в VIII–начале VI вв. до н.э., на протяжении VI – V вв. до н.э. в степях юга Восточной Европы наблюдается некоторая стабилизация. Но уже в IV в. до н.э. в этногеографии данного региона происходят существенные изменения, связанные с появлением нового этнонима – «сарматы».

В раннесарматский период (IV – II вв. до н.э.) в истории кочевников Европы начинается новый период тесно связанный с этнонимами «сирматы», «сарматы» и «Сарматия».

Первое сообщение о «сирматах» относится к первой половине IV в. до н.э. и принадлежит «Землеописанию» Евдокса Книдского, писавшего около 370-365 гг. до н.э. [9, с.23, 25]. Он локализует их «вблизи Танаиса». Позже перипл Псевдо-Скилака (около 338 г. до н.э.) отчетливо размещает скифов на Днестре и на западе Меотиды, а восточнее их, но западнее Танаиса, – сирматов, а за Танаисом савроматов [3, I, с.85]. Похожую картину передает Эфор (IV в. до н.э.), пересказанный Псевдо-Скимном и основанный на традиции Геродота. Эти два автора отразили расстановку этнополитических группировок не позднее времени правления скифского царя Атея (умер в 339 г. до н.э.), но несколько десятилетий спустя происходят крупные перемены.

В конце IV в. до н.э. в сочинениях Гераклида Понтийского впервые появляется слово «Сарматия». Теофраст в отрывке «О водах» также сообщает о «Сарматии» [3, I, с.388]. О существовании Сарматии в III в. до н.э. свидетельствует легенда о сарматской царице Амаге, жене сарматского «царя» Медосакка, рассказанная Полиеном [3, I, с.368]. По мнению М.И.Ростовцева, она восходит к труду историка Филарха, описавшего события 272-220 гг. до н.э. [9, с.137, 138]. Согласно этой легенде, в период между этими годами сарматы обитали на Понтийском побережье, откуда совершили набег на крымских скифов, чтобы защитить Херсонес.

Во II в. до н.э. сарматы оставались значительной силой в северо-причерноморских степях. Ситуация, аналогичная зафиксированной в легенде об Амаге, нашла отражение в мирном договоре 180-179 гг. до н.э. припонтийских государств. Его участниками были Гатал – «царь» сарматов, живших в Европейской Сарматии (т.е. западнее Танаиса), Херсонес и Фарнак I – понтийский царь [Полибий. Всеобщая история. XXV, 2, 12]. К этому времени отно-

сится важный документ – декрет в честь Протогена. В нем упоминаются новые этнонимы – фиссаматы и савдараты, которых можно отнести к кругу сарматских племен.

В этот период в степях господствуют грозные «саи» во главе с царем Сайтафарном, которым Ольвия платит дань. Вероятно, это название какого-то племенного союза кочевников сарматского круга, господствующих в степях между реками Южный Буг и Днестр и даже на восток.

К раннесарматскому времени (IV – I вв. до н.э.) относятся два сообщения Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) о сокрушительном набеге савроматов – сарматов на земли скифов [Диодор. Историческая библиотека. II, 43-46].

Следующий – среднесарматский период в плане этногеографии степного юга Восточной Европы представлен «Географией» Страбона, в которой впервые после Геродота дается подробная картина размещения племен и народов. В устье Дуная живут бастарны-певкины. Между Дунаем и Днестром находится «Гетская пустыня» – территория, опустошенная набегами гетов и сарматов. Между Днестром и Днепром находятся сарматы – царские, сарматы-язиги и урги. Сразу же за Борисфеном вплоть до Танаиса живут роксоланы [Страбон. VII. 3, 15-17]. Крым заселен тафриями, скифами и таврами. За Танаисом живут различные «скифские» и «сарматские» (или «савроматские») народы, населяющие «сарматские равнины» до предгорий Кавказа и северо-западного берега Каспия. Среди этих народов выделяются аорсы, живущие по Танаису, сираки, живущие по Ахардею (вероятно, река Маныч), верхние аорсы, живущие по северо-западному Прикаспию. За Каспием живут уже чистые и «скифские» народы – восточные скифы, даги, массагеты, саки и другие.

Центральную часть территории древней Сарматии в этот период занимали роксоланы. У Страбона они помещены между Борисфеном и Танаисом [Страбон. VII. 3, 17]. Здесь же рассказывается о войне Диофанта с роксоланами. Важным документом по этому событию и периоду времени является декрет в честь Диофанта благодарных херсонеситов, в котором упоминается «народ ревкси-налов», т.е. роксоланы.

Последние века до нашей эры – первые века нашей эры тесно связаны с миграцией сарматских племен, которые становятся

значительной политической силой на северо-восточных границах античного мира [10,с.37]. К I в. сарматы занимают огромную территорию от юга Урала до Северного Кавказа и до Дуная. До появления готов в Северном Причерноморье сарматы господствовали в степях юга Восточной Европы.

«Особенности развития кочевой экономики, определяемые экономическими условиями и находящиеся в зависимости от демократических процессов, в сочетании с развитой общественной организацией («военная демократия») – все это стало основной причиной сарматской экспансии [10, с.38]. В начале нашей эры, после освоения сарматами северо-причерноморских степей в античной письменной традиции начинают различать Европейскую и Азиатскую Сарматии (около 90-160 гг.) [Птолемей, ок. 90-ок. 160 гг.]

Этногеографическая карта Страбона сохраняется до сер.I в. н.э. – до событий т.н. сирако-аорской войны 49 г. [Тацит. Анналы. XII.15-19] Согласно этому сообщению Митридат VIII, претендовавший на Боспорский престол, захватил земли дандариев (между Меотидой и устьем Кубани) и привлек на свою сторону сираков. По данным Плиния, союзниками Митридата VIII были другие «савроматы» предгорий Кавказа [Плиний. Естественная история. VI. 16; 4, II, с.180]. В ответ ставленник Рима боспорский царь Котис и римский полководец Аквила обращаются за помощью к аорсам. Аорсы объединились с боспорцами и римлянами, нападают на дандариев, а затем на сираков.

Другой римский автор Помпоний Мела (около 44 г.н.э.) в своем труде, основывавшемся на данных Геродота эллинистического и римского периодов, сообщает, что вблизи Сиваша живут савроматы, называемые амаксобиями [Мела. II. 2; 4]. В 77 г. Плиний отличит их уже у устья Дуная [Плиний. IV, 80], а «Певтингеровы таблицы» фиксируют сарматов-амаксобиев на среднем Дунае. Плиний указывает, что амаксобии – это те же аорсы, которые мигрируют на запад. Эти движения во второй половине I в.н.э. были связаны с вторжением в Северное Причерноморье из закаспийских степей аланов. Этногеографическая карта, данная Страбоном, вероятно, сохранялась до третьей четверти I в. до н.э. Тенденция к движению кочевников на запад сдерживалась мощью оседлых и полуоседлых бастарнов, которые в 62 – 61 гг. до н.э. даже нанесли поражение римлянами гетам. [Кассий Дион. XXXVIII, 10, 1-3, 26]

Но в 29 г. до н.э. Марк Лициний Красс наносит сокрушительные поражения бастарнам и гетам. После этого сарматы начинают проникать в Подунавье, не встречая сопротивления. Уже в начале I в. Овидий фиксирует сарматов-язигов в Подунавье как самых опасных врагов местного населения [4, II, 77-101, 104]. Позже – в середине I в. – язиги передвигаются в степи Паннонии, где их фиксирует Тацит [Тацит. Анналы. XII, 29, 30].

Вероятно, одновременно с продвижением язигов, начинается миграция мощного объединения аорсов из степей Поволжья и Подонья.

Позднесарматская культура была создана на основе достаточно сложного этнического микстирования – это местные сарматские племена Поволжья и Приуралья (носители среднесарматской археологической культуры) и пришлое население из Средней Азии, близкое местным сарматам. Часть из них, вероятно, входила в аланское племенное объединение [X, с.29]. Сарматская эпоха заканчивается, когда в 70-х гг. IV в. гунны разгромили аланов и вторглись во владения Эрманариха [Аммиан Марцеллин. XXXI,3,1]. С этого времени на смену ираноязычным сарматам приходят тюркоязычные народы.

Литература

1. Греков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. №3
2. Крупнов Е.И. Древняя история северного Кавказа. – М. 1960
3. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. – СПб., 1904
4. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том II. Латинские писатели. – СПб., 1906
5. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по сведениям античных письменных источников. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. №13. – Л. 1971. стр.30-54
6. Мачинский Д.А. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифской и сарматской эпох // КСИА АН СССР. 1973. Вып.133, с.3-9
7. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. №16. 1974, стр.122-133.

8. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. – Пт. 1918
9. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников материальных и археологических. – Л.1925
10. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград. 2010
11. Смирнов К.Ф. Савроматы. – М. 1964
12. Смирнов А.П. Скифы. – М.1966

М.А. Перцева,
*Санкт-Петербургский государственный
музей-институт семьи Рерихов,
Россия, г. Санкт-Петербург*

Погребальные ямы в форме повозки в памятниках бронзового века Калмыкии и Восточного Тянь-Шаня: свидетельство древней миграции?

Серия своеобразных погребальных памятников была получена в результате археологических исследований Института культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района на могильном поле Сазньсаи в Восточном Тянь-Шане (уезд Урумчи) несколько лет назад. Отдельной статьей эти комплексы были опубликованы на русском языке в издании Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов [6]. Могильные сооружения этой, неизвестной ранее, культуры XXII-XX веков до н.э., а также многочисленные находки аналогичных погребальных конструкций в материалах восточноманьчжской катакомбной культуры позволяют ставить новые вопросы о культурно-историческом процессе в эпоху бронзы на обширных пространствах Евразии.

Все погребальные комплексы имеют схожие конструктивные особенности: фигурные дугообразные или подпрямоугольные выемки в стенках и дне ям. Впервые такие погребения были открыты на территории республики Калмыкия в 1965 году при проведении спасательных раскопок под руководством профессора И.В. Сини-

цына, предварявших строительство Манычского водохранилища [12, таб. 37, 4, таб. 86, 4]. К сожалению, тогда многие элементы погребального обряда не были зафиксированы, но дальнейшее накопление материала позволяло совершенствовать методику его полевого изучения.

Исследователи уделяли внимание погребениям с фигурными стенками из-за их неординарной формы и, зачастую, наличия богатого заупокойного инвентаря. Были предложены интерпретации данных погребений, согласно одной из которых, конструкция ямы имитировала разобранный повозку [4, с. 76-78]. М.В. Андреева в своих работах связала специальное оформление ямы или шахты с архитектурной моделью повозки, а также статистически подтвердила связь фигурных ям с транспортными средствами [1, 2]. Однако в целом, в литературе вопрос о подобных сооружениях разработан довольно слабо.

Сейчас нам известно о 58 погребениях (32 ямы и 26 катакомб), происходящих из курганов Нижнего Поволжья, Приазовья и Степного Предкавказья. Все они относятся к позднекатакомбному времени, наибольшая их концентрация отмечается на территории Республики Калмыкия. В двенадцати из этих погребений (8 катакомб и 4 ямы) были зафиксированы остатки четырехколесных повозок, в пяти случаях поставленных в углубления дна (Бережной-VI 1/9; Шахаевская-II 2/8; Малаи 9/25, Буденновск-X 7/9; Буденновск-IV 12/3). Схожие углубления встречены и в десяти входных и погребальных ямах (Ергенинский 6/3, 6/5; Цаган-Усн-VII 4/16; Чограй 5/3, Чограй-IX 9-4; Эвдык-I-83 12/1, Первомайский-VII 36-11, Раздольное 1/25, Спасское 1-12, Зakanальный 5-1). Выемки подовальной или округлой форм в дне этих ям устраивались по четырем углам, дугообразные выступы стенок переходили на уровне дна в перемычки между выемками, либо у дна сооружалась только одна поперечная перемычка-возвышение [3, 5, 11].

Почти во всех ямах с фигурными выемками в стенках и дне исследователями было зафиксировано положение погребенного и инвентаря на 10-40 сантиметров выше дна или перемычки. Схожая ситуация отмечена и в некоторых ямах с плоским дном (Веселая Роща 21/15; Перекопка-V 1/7; Цаган-Нур 7/1; Эвдык-I 17/5). В трех ямах (Троицкое 3/6; Черноярская 1/9, Комарово 7/12) погребенные были уложены в деревянные короба (кузова повозок?), два из ко-

торых находились в грунтовом заполнении на высоте 58 см от дна [10, с. 68-77]. По углам этих коробов были прослежены деревянные столбы, к которым крепился короб. Схожая конструкция выявлена и в погребении 5 кургана 6 могильника Ергенинский, в каждом из четырех углублений дна которого были расчищены остатки деревянных столбиков. Они, вероятно, служили подпоркой для деревянного щита, на который был уложен погребенный.

Все вышеописанные особенности могильных ям Калмыкии, Ростовской и Волгоградской областей, Ставрополя и Северной Осетии (выемки в стенках, фигурно смоделированное выступами и желобами дно, лежащие выше дна кости погребенных) характерны и для погребений могильника Сазньсаи. Форма ям этого могильника и размеры желобов для установки колес свидетельствуют о том, что кузов повозки был короче всей ее длины, колеса выступали вперед и назад. Диаметр колес, вероятно, не превышал 1-1,2 м, а длина кузова повозки составляла 1,5-1,7 м [6, с. 297]. Общие параметры ям и размеры предполагаемых к размещению повозок (или их частей) совпадают с параметрами входных или могильных ям восточноманычской культуры и фрагментов повозок, иногда находимых в этих ямах. Пропорции полностью сохранившегося саркофага на колесах из Утамышского кургана Каякентского района Дагестана [8, с. 43-61] также схожи с синьцзянскими повозками.

Бронзовые предметы, найденные в погребениях Сазньсаи (изделия из витого бронзового стержня, плоские дисковидные зеркала, косметические стержни с копьевидным навершием), обнаруживают аналогии в среднеазиатских материалах конца III – начала II тыс. до н.э.: в инвентаре могильников Заманбаба, Сапаллитепе и Гонура. Культура Заманбаба может быть отнесена к XXIII-XXI вв. до н.э., погребения Сапаллитепе датируются XX в. до н.э., Гонурский некрополь – XXIII-XIX вв до н.э. [6, с. 298]. Находки керамических сосудов в фигурных ямах Сазньсаи (баночные и чугунковидные сосуды, каменный ковшик) можно сравнить с керамическим материалом посткатакомбных культур Восточной Европы, в частности, с керамикой лолинской культуры (XXII-XVIII вв до н.э.) (9, с. 285).

Фигурные погребальные ямы, аналогичные синьцзянским, были исследованы российскими и казахстанскими археологами на могильнике Копя в 400 км к северу от Сазньсаи [7]. В дне погребальных сооружений были устроены желоба, заходящие в по-

перечные стенки. Кроме того, в продольных стенках могильной ямы кургана Копя 2 на уровне 80-90 см от дна были устроены друг напротив друга по два симметричных углубления для ступиц, что позволяет точнее рассчитать параметры повозок. Рассчитанный диаметр колес предполагаемых к размещению здесь транспортных средств оказался большим, чем в Сазньсаи – 1,7-2 м. Фрагменты костей взрослого человека были также собраны в 5-15 см выше уровня придонного выступа. Вероятно, тело умершего первоначально было уложено на повозку. Курган Копя 2 авторы раскопок датировали 2100-1900 гг. до н.э.

Восточноевропейские аналогии датируются XXV-XVIII вв. до н.э (1, с. 13) и, таким образом, предшествуют погребениям Сазньсаи. Можно предположить, что появление в Восточном Тянь-Шане аналогичного восточноманычскому обряда реконструкции повозки или ее составных частей внутри ямы, реализуемой посредством выступов-перемычек или столбовых конструкций, является свидетельством миграции носителей этой традиции из Северо-Западного Прикаспия. Во время продвижения по территории Средней Азии культура этого населения приобрела новые черты, характерные для развитых культур Бактрии и Маргианы.

Литература

1. Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М., 2014. – 272 с.
2. Андреева М.В. К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тезисы докладов. М., 1996. – С. 13-16.
3. Андреева М.В., Новикова Л.А. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология. Антропология, палеоклиматология. М., 2001. – С. 5-51.
4. Избицер Е.В. К вопросу о форме погребальных ям в культурах эпохи средней бронзы Предкавказья // Древности Волго-Донских степей восточноевропейского бронзового века. Материалы международной конференции. Волгоград. 15-17 апреля 1996 г. Волгоград, 1996. – С. 76-78.
5. Калмыков А.А. Об использовании повозок в погребальном

ритуале восточноманычской катакомбной культуры // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016. – С. 27-29.

6. Ковалев А.А. Сазньсаи – новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч.ред. А.А. Ковалев – СПб.: МИСР, 2015. – С. 293-306.

7. Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998-2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч.ред. А.А. Ковалев – СПб.: ЛЕМА, 2014. С. 9-162.

8. Котович В.Г., Котович В.М, Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М.: Наука, 1980. – С. 43-61.

9. Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2012.

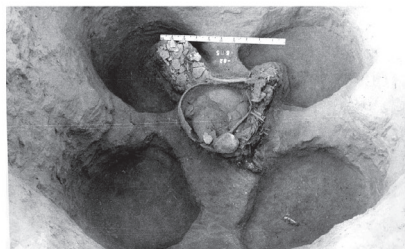
10. Наглер А.О., Антипина Е.Е. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы Моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. – С. 68-77.

11. Романовская М.А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. М.: Изд-во Наука, 1982. Вып. 169. – С. 102-108.

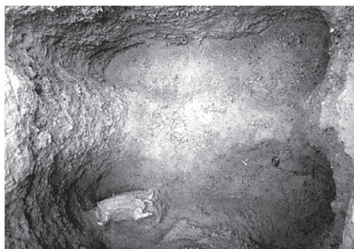
12. Синицын И.В. Древности Восточного Маныча. Ч. II. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.

13. Шилов В.П. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 году (могильник Эвдык) // НА ИА РАН. Р-1. № 9589.

14. Шилов В.П. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 году // НА ИА РАН. Р-1. № 9516.

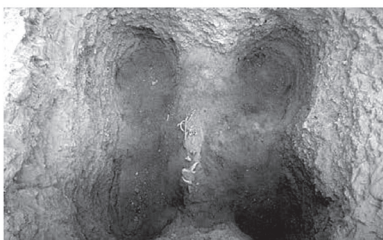
1

4

2

5

3

6

Рис.1

1 – Ергенинский к. 6 п. 2 [14, с. 13]; 2 – Спасское к. 1 п. 12 [1, с. 275]; 3 – Эвдык-I к. 12 п. 1 [14, с. 16]; Могильник Саэньсаи: 4 – могила в кургане М43 [6, с. 302], 5 – могила в кургане М42 [6, с. 300]; 6 – могила кургана Копя 2 [7, с. 104].

Я. В. Пилипчук,
*Институт востоковедения им. А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины,
Украина, г. Киев*

**Переселение аваров из Внутренней Азии
в Центральную Европу
(по данным письменных источников)**

Одним из ведущих государств евразийских степей эпохи Раннего Средневековья был Аварский каганат. Его истории посвящены работы многих австрийских, венгерских, украинских, русских, сербских и хорватских ученых. Одной из до сих пор нерешенных проблем его истории является вопрос происхождения аваров, и мало места уделяется самой миграции аваров из Внутренней Азии в Центральную Европу. Этим вопросам и посвящено данное исследование.

По поводу происхождения авар имеется немало гипотез, однако источники немногословны. Почти все источники, которые сообщают нам об аварах, написаны европейцами (лангобардами, греками, римлянами), и только хроника Захария Ритора написана сирийцем. Нужно иметь в виду, что арабы и китайцы знали аваров под другими названиями. И все они являются экзоэтнонимами. Ибн Саид знал их как бурджан. Кстати, похожую легенду касательно исчезновения авар рассказывал древнерусский летописец Нестор, который называл их обрами [8, с. 929-931; 7].

О аварах упоминал Приск Панийский, сообщая, что в середине V в. сабиров потеснили авары. Сирийский хронист Захарий Ритор сообщал об аварах как об одном из северных народов. Впрочем, Феофилакт Симокатта считал, что европейские авары – это на самом деле племена вар и хунни, то есть вархониты, и что они не авары, а псевдоавары. Но эта речь была вложена Феофилактом Симокатта в уста Приска, так что эти слова о псевдоаварах не обязательно правда, поскольку он желал этим обидеть кагана.

Внимательное изучение текста греческого источника окончательно снимает вопрос о тождественности аваров и жужаней. Говорилось, что когда авары были побеждены турками, то одна

группа из них нашла убежище в стране Тавгаст (Китае), другие остались жить в стране народа мукри (маньчжуро-тунгусских народов). Каган подчинил себе племя отер, которое славилось могуществом, вождями этого племени были Уар и Хунни. Когда Византией правил Юстиниан, часть уар и хунни бежала на запад и назвалась аvaraми. Они разбили племена барсельт (барсилов), уннугуров (оногуров) и сабиров (савиров). В «Бей-ши» указано, что часть жужаней бежала к китайцам. Китайцы у тюрков назывались табгачами. Менандр называл аваров вархонитами, ссылаясь на данные посольства Зимарха. Таким образом, часть информации попала к ромеям через тюркютов, которые, впрочем, не пожелали упомянуть, что прежде их правитель плавил железо для жужаней. Данные китайских хроник «Вэй-шу» и «Бей-ши» указывают также на бегство жужаней к Хингану, к родственным протомонгольским племенам. Византийские источники отмечали у аваров присутствие заплетенных кос. Так, Анастасий Библиотекарь отмечал, что в 550 г. прибыло посольство от авар. Отмечалось, что у них было много кос, в которые были вплетены ленты. Их войска дошли до Мизии и Скифии (Добруджи). Этот обычай был распространен у сяньбийских протомонгольских племен, а у тюркютов и хазар волосы не были заплетены, хотя были длинными. Правящие кланы жужаней сами были близки к протомонголам тоба (табгачам) и муюнам. Ромеи и тюркюты впоследствии принизили значение жужаней в истории. Два тумена жужаней, не желавших покоряться тюркютам, бежали на запад, вовлекая в переселение вместе с собой ряд огурских племен. В союз с ними вошли кутригуры. Монголоидные краниологические серии аваров из Венгрии разнообразны и представляют дальневосточный, тунгидный и байкальский типы, которые были свойственны протомонголам и тунгусо-маньчжурским народам. Европеоидные серии, вероятно, принадлежат местному романизированному населению византийских владений на Балканах (средиземноморский, динарский, альпийский типы), склавинам (балтийский, динарские, кроманьон Б типы), гепидам (нордический тип). Присутствовал также переднеазиатский тип (вероятно, евреи). Без сомнения, в Аварский каганат входили самые разные племена, но доминирующими были монголоидные кочевники. Феофилакт Симокатта сообщал, что около 590 г. племена тарних, забендер и котзагир бежали от тюркютов к аварам. В ка-

честве слуха он указывал, что говорят о том, что племя забендер из уар и хунни. Также отмечалось, что в правление Маврикия аварский каган принудил переселиться в свою землю жителей Сингидуна [12; 2; 10; 7; 1; 5, с. 228; 4, с. 84-85].

Под 558 г. сообщалось, что авары прислали через страну аланов царя Саросия посольство Кандиха. Авары называли себя самым сильным и великим народом. Они сообщали, что уже победили утигуров, залов и савиров. Он огласил, что только тогда народ авар будет в дружбе с ромеями, если будет давать им подарки и деньги каждый год, а также чтобы они были поселены на плодородной земле. В ответ был послан мечник Валентин для того, чтобы достичь мира и союза с аварами против врагов империи. Отмечено, что земли антов были опустошены аварами, но некто Мезамир, отправленный послом к аварам, был дерзок по отношению к ним, и кутригур посоветовал им убить этого славянского вождя. После этого они еще больше опустошали и поработывали антов. В 562 г. Юстиниан принял новое посольство от авар. Авары заявляли, что поселятся в Паннонии на прежнем месте жительства герулов и не будут жить за границами степей (Скифией). Подданный Юстиниана Юстин выведаль у авара Икуниона, что авары обманывают ромеев, умастивая их слух сладостными речами, а сами намерены перейти Дунай. Бону, который возглавлял придворную гвардию, было поручено охранять переходы через реку. Аварские послы получили дары, среди которых было оружие, и удалились из Византии. Тогда же правитель тюркютов высказался, что еще нагонит авар, а пока займётся эфталитами. В 565 г. к новому императору Юстину II прибыли аварские послы, которые требовали даров из золотых тканей. Авары подтверждали союз с ромеями и говорили, что они истребили всех врагов империи, которые ранее опустошали Фракию. На самом деле от их вторжений пострадали анты и утигуры, которые были союзными ромеям, а кутригуры, с которыми авары договорились, были врагами империи. Сокрушение савиров аварами тоже не сулило ромеям ничего хорошего, поскольку создавался вакуум силы, и неясно было, кто этот вакуум заполнит. Сообщалось, что они страшатся аваров и что послы прибыли за должным. Юстин II отвечал аварам, что их речи надменны и что никаких денег он им не даст, пусть авары сами боятся ромеев. Возвратившись назад, послы примкнули к единоплеменникам, которые совершили

набег на землю франков. В 568 г. Юстин II отправил Зимарха в посольство к тюркютам, которые ранее изгнали авар из их земли. Заручившись союзом с тюркютами, василевс ромеев считал, что авары ему не страшны. В то время авары заключили мир с правителем франков Сигибертом. Баян огласил, что более не задержится в землях франков, если те поставят им продовольствие, что те и сделали [2; 11, с. 317-318].

Сведения Менандра и Павла Диакона перекликаются со сведениями франкского латиноязычного хрониста Григория Турского. Тот сообщал, что после смерти франкского короля Хлотаря в Галлию вторглись гунны (то есть авары). Отмечалось, что в это время (561 г.) Сигиберт разбил авар, однако против него выступил Хильперик. В 566-568 гг. авары снова вторглись во владения франков. Григорий Турский сообщал, что гунны вновь вторглись в Галлию. Христианский монах приписывал победу аваров над франками колдовству аварских шаманов. Авары обратили франков в бегство, а самого короля взяли в плен, и он удерживался ими в заточении, пока не заключил с ними договор, что никогда между франками и аварами не будет войны. Правитель аваров Гаган дал королю франков много подарков. Григорий Турский указывал, что Гаганами называли всех правителей авар. Он принял титул каган за имя [3].

Павел Диакон в «Истории лангобардов» указывал, что после войн с герулами и свевами лангобарды сразились с гепидами. Альбойн, сын короля Авдуина, сразился с Тирусмондом, сыном Туризинда. Туризинд пригласил Альбоина на пир, на котором гепиды начали словами издеваться над лангобардами, на что те ответили угрозой войны. Гепиды и лангобарды на пиру готовы были перерезать друг друга, но король гепидов не допустил этого, разрешив конфликт. После смерти короля Авдуина власть получил Альбойн, а от Туризинда власть у гепидов перешла к Кунимунду, который разорвал союз с лангобардами и начал войну. Тогда Альбойн вступил в союз с гуннами, называемыми аварами. Сообщалось, что, когда гепиды выступили против лангобардов, на их страну напали авары. Кунимунд был огорчен и стеснен с обеих сторон, но предпочел сражаться с лангобардами и надеялся после победы над лангобардами противостоять аварам. Но Кунимунд пал в битве, а из его черепа Альбойн сделал чашу для пира. Земля гепидов и часть их народа оказалась под властью авар, другая часть пред-

почла покориться лангобардам. Византийский полководец ранее привлек в Италию лангобардов против остготов и франков. Тогда же была война против остатков герулов. После окончания готских войн лангобарды оставили Паннонию союзным им аварам. Альбоин поставил аварам условие, что лангобарды имеют возможность вернуться в Паннонию на протяжении трех ближайших годов. Это была предосторожность на тот случай, если бы лангобарды в Италии были разбиты войсками Византийской империи. Сам Альбоин опасался своих новых союзников и, к счастью своего народа, смог занять Италию и уже мог не опасаться соседства с аварами, и буфером между ними и лангобардами были племена склавинов [6].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Авары были частью монголоязычного народа жужаней, которые решили не покоряться тюркютам, а переселились сначала на Северный Кавказ, а потом в Центральную Европу. Два тумена жужаней пополнялись за счет покоренных ими огурских (булгарских) племен. Авары в военном отношении были сильнее разных тюркских племен Северного Кавказа, а также умело использовали противоречия между племенами и государствами Центральной Европы. Ключевым моментом в их переселении было достижение союза с лангобардами, которым нужна была аварская помощь для войны с гепидами. Впрочем, после победы над гепидами лангобарды сочли за лучшее мигрировать в Италию и оставить Паннонию аварам.

Литература

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_III/frameset4.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_III/frameset5.htm

2. Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1860. http://krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_06.htm

3. Григорий Турский. История франков. М., 1987. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Greg_Tour/frameset4.htm

4. Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд, 1977.

5. Латински извори за българската история. Т. 2. София, 1960.

6. Павел Диакон. История лангобардов // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв. М., 1970. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frameset1.htm

7. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник Древней истории. М., 1939. № 1. <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Zacharia/text1.phtml>

8. Повесть временных лет. Прозаический перевод на современный русский язык Д. С. Лихачёва. <http://www.old-russian.chat.ru/01povest.htm>

9. Прицак О. Походження Русі Стародавні скандинавські саги та Стара Скандинавія. К., 2003.

10. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861. <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frameset21.htm>

11. Свод древнейших письменных сведений о славянах. Т. 1. М., 1995.

12. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Simok/index.php

К. Ю. Рахно,

Национальный музей-заповедник украинского гончарства

в с. Опошном

Института керамологии –

отделения Института народоведения

Национальной академии наук Украины,

Украина, с. Опошное

Востоочноиранские элементы в каракалпакском сказании о возникновении кобыза

Разновидности фрикционных хордофонов под различными названиями встречаются у многих тюркоязычных народов Евразии (кобуз, кобыз, тын'грынг, топ-шуур и другие). В их фольклоре бытовали различные версии об изготовлении первого из таких струнных инструментов. Так, например, легенда об «отце Коркуте» (Коркут-ата) как о создателе кобыза и о покровителе пользующихся этим инструментом народных музыкантов и сказителей,

известна в Каракалпакстане. Она записана со слов сказителя из каракалпакского рода кондекли, принадлежащего к племени кунграт.

Согласно легенде, Коркут-ата мечтал сделать себе такой музыкальный инструмент, на котором можно было бы исполнить любую мелодию. Долго мучился он, выбирая нужное для этого дерево, но ничего не получалось. Однажды, бродя по лесу в поисках такого дерева, он увидел шайтанов, попросивших его показать им музыкальный инструмент, над которым он работал. Сделав вид, что он уходит из леса, Коркут-ата обошёл их стороной, подкрался тихонько и стал слушать, о чём они говорят. А они говорили как раз о нём: «Коркут-ата не сможет сделать кобыз, так как он не знает, что его нельзя изготовить из обычного дерева. Нужно взять ствол сухого дерева лох-жиде (мелкий кустарник, растущий в тугаях), сломанного диким кабаном, сделать из него желобок, обшить шкурой крикливого верблюда, изготовить струны из хвоста звонкоржущего жеребца, укрепить их на подставке из сухого обломка тыквенки и натереть струны клеем растения сасык-курай (шерешник), – вот это был бы настоящий кобыз!». Коркут-ата подслушал все это и сделал, как говорили шайтаны. У него получился очень хороший кобыз. Вот почему Коркут-ата считается «пиром» (покровителем) играющих на кобызе [5, с. 553]. Легендарный старец Коркут – персонаж средневекового огузского эпоса. Племенные союзы огузов и печенегов сыграли определенную роль в формировании этноса каракалпаков. При этом фольклор каракалпаков, среди прочего, характеризует северную линию связей их предков, территориально охватывающую Приуралье, Поволжье, Причерноморье и Крым, Северный Кавказ. Это этапы огузо-печенежских племенных объединений, которые сложились в Приаралье в IX–XI веках при значительном участии иранского этнического компонента и позднее подверглись значительному влиянию со стороны пришедших с востока половцев-кыпчаков (оставивших ощутимый след в каракалпакском этногенезе в виде каракалпакского языка и ряда названий родо-племенных подразделений). Далее следуют этапы вхождения предков каракалпаков в состав Золотой Орды и, наконец, Ногайской Орды, из которой в XVI веке выделились каракалпаки как самостоятельная народность, зафиксированная письменными источниками.

От потомков огузов культ Коркута отчасти проник к современным казахам, где он стал считаться родоначальником шаманства. Согласно легенде, записанной от шамана из Кармакшинского района Кызылординской области Казахстана, в создании Коркытом, патроном казахских шаманов, смычкового инструмента кобыза тоже участвовал шайтан. Долго мучился Коркыт, говорится в легенде, однако никак не мог извлечь чистые звуки из сделанного кобыза. Тогда жена посоветовала ему оставить музыкальный инструмент в таком месте, где его может увидеть шайтан, и подслушать, что тот скажет. Когда шайтан заметил лежащий на земле кобыз, то, смеясь над недогадливостью Коркыта, перечислил допущенные тем недостатки. Подслушав его слова, Коркыт доработал кобыз, и тот приобрёл чистый и ясный звук [21, с. 43-44]. У ногайцев технологию производства кобыза Коркуту рассказывает уже святой, явившийся во сне [7, с. 244], что свидетельствует о значительной исламизации шаманистической легенды.

Отдельные культурологи, сравнивая образ Коркута с иранскими представлениями о первочеловеке и его гибели, связывают создание кобыза с идеей преодоления смерти [8, с. 51]. Но значительно больше, чем на первого человека Йиму, шаман Коркут-ата похож на Сырдона – хитроумного героя нартовского эпоса осетин, который изобрёл струнный музыкальный инструмент фандыр [13, с. 119-120; 1, с. 47-48]. Изготовление фандыра как раз сопряжено с преодолением смерти и закреплением памяти об умерших сыновьях Сырдона, а затем и о погибших богатырях-нартах [18, с. 295-296; 20, с. 268-286]. Если Коркуту смастерить кобыз помогают шайтаны, то мудрый трикстер Сырдон – «свой» среди чертей, и сам – «чёрт», «бес». В некоторых вариантах его отцом является дьявол или повелитель бесов. Этот оборотень, благодетель и одновременно злой гений нартов был в большой дружбе с нечистой силой; ей он помог убить коня солярного героя Сослана, выпросив у повелителя чертей лучников. Вместе с тем Сырдон выманил у осиротевших сыновей этого повелителя чудесные вещи, доставшиеся им в наследство. Нарты величали его, среди прочего, «злым демоном» [19, с. 190-191, 195, 198-199, 357; 14, с. 529-530, 563, 566, 588, 613-614, 630, 777; 16, с. 5, 7-11, 18, 77, 79, 159, 174, 189-190, 249, 252; 22, с. 230-233; 24, с. 17; 23, с. 52, 55; 3, с. 103; 4, с. 194]. Образ Сырдона намного древнее и глубже Коркута, так что

речь идёт о наследии восточноиранских кочевников – саков, массагетов и сарматов, внесших свою лепту в каракалпакский этногенез.

Стоит напомнить, что в эпическом рассказе о героическом сватовстве Бамси Бейрека Коркут выступает мудрым ходатаем огузского богатыря, обладающим незаурядной хитростью [10, с. 58; 9, с. 182]. Кобыз в Центральной Азии, как и фандыр у осетин, – шаманский музыкальный инструмент, а такие инструменты, которые играют первостепенную роль в обрядах, обычно делают из ветви дерева, выступающего в роли мирового. Музыкальный инструмент необходим для осуществления шаманских сеансов, поскольку он позволяет шаману не только сосредоточиться и завязать контакт с высшими силами, но и перемещаться в мирах. Инициационные сны будущих шаманов включали в себя мистическое путешествие в «середину мира», к местонахождению космического дерева и верховного бога. Одной из ветвей этого дерева бог позволял упасть для того, чтобы шаман сделал из неё свой инструмент. Тут была важна связь между небом и землёй при посредничестве мирового дерева, то есть через ось, которая находится в центре мира. Именно потому, что его музыкальный инструмент был сделан из древесины космического дерева, шаман, играя на нём, магически переносился к этому дереву, к середине мира, и мог вознестись в экстазе на небо. Сам выбор древесины, из которой делался инструмент, зависел исключительно от духов или внечеловеческой воли. Например, у алтайцев шаман непосредственно от духов получал указания относительно леса и места, где растёт необходимое дерево. Дереву приносили жертвы. Все эти обычаи и ритуальное уважение ясно показывают, что конкретное дерево преображалось сверхчеловеческим откровением и по существу переставало быть обыкновенным, представляя само дерево мира. И музыкальный инструмент, для создания которого использовались шкуры копытных, и мифическое дерево могли отождествляться с ездовым животным [25, с. 43, 129-133, 284]. Недаром в осетинских сказаниях для создания фандыра, при помощи которого герой поднимается на небо, используется шкура коня [11, с. 224-225; 17, с. 591].

В каракалпакской легенде сухое дерево подрито кабаном (хтоническим созданием). Здесь тоже можно усмотреть указания на то, что это дерево играет роль мирового. В этой связи особый интерес представляет осетинское нартовское сказание о борьбе грозового

вятия Батраза с диким кабаном, которое сопоставляют с одним из главных подвигов ведического громовержца Индры – поражением дикого кабана Эмуши. В основном индоевропейском мифе обыгрывается вертикальная структура мирового дерева. На его вершине – бог грозы, который поражает своего противника, находящегося у корней мирового дерева. В осетинском сказании Батраз тоже запрыгивает на дерево и с него пытается поразить вепря. Примечательно, что в некоторых индоевропейских традициях хтоническое чудовище, противостоящее Богу Грозы, пытается опрокинуть мировое дерево. У осетин кабан вырывает из земли дерево, на которое запрыгнул Батраз, и стремится унести его, а вместе с ним и героя, в свою пещеру. Возможно, этот сюжет отражают золотые пластинки-застежки из Сибирской коллекции Петра I с изображением охоты на дикого кабана (первая половина III века до н.э.), где изображённый персонаж сначала, как и Батраз, забирается на дерево, спасаясь от вепря, а затем сам преследует его. Исследователи пришли к выводу, что в мифологии скифов кабан мог выступать в роли демонического персонажа [15, с. 163-168; 2, с. 199-208, 214-215, 221, 224, 227-231; 12, с. 94, 101-103]. В ассирийской сказке, заимствованной у древних персов или скифов, где герой, оказавшись в нижнем мире, спасает от гибели птенцов орлицы, а та в благодарность выносит его наверх, им угрожает не змей, как обычно в иранских вариациях этого сюжета, а горный кабан, который подрывает корни сухого дерева [6, с. 117]. Поэтому, скорее всего, указанное предание о Коркуте, трансформировавшееся со временем в тюркской мусульманской среде, – отголосок периода вхождения древнейших предков современных каракалпаков в состав сако-массагетских и сармато-аланских племён.

Таким образом, в каракалпакском сказании о возникновении кобыза присутствуют мотивы, которые как и в случае с амазонскими, инцестными и близнечными чертами местных эпических сказаний, находят соответствия в осетинском нарттовском эпосе. Это сходство мотивов, несомненно, объясняется этническими связями народов Приаралья с ираноязычными предками осетин. Решающую роль в этногенезе последних сыграли племена аланов, кочевья которых раскинулись на обширной территории – от Северного Кавказа далеко на восток, до степей, прилегающих к Аральскому морю.

Литература

1. Бесолова Е.Б. Язык фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ, 2015.
2. Дарчиев А.В. Элементы архаического мифа в сказании о борьбе Батраза с диким кабаном // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып. 2.1.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
4. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
5. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. М., 1974.
6. Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. / Составление, перевод с ассирийского и европейских языков К.П. Матвеева (Бар-Маттая). М., 1974.
7. Капаев И. Ногайские мифы, легенды и поверья: Опыт мифологического словаря. М., 2012.
8. Кодар А. Коркут как горизонт казахского мифа // Тамыр. Алматы, 1999. № 1-2.
9. Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976.
10. Короглы Х. Шаман, полководец, озан (Эволюция образа деде Коркута) // Советская тюркология. Баку, 1972. № 3.
11. Кочиев К.К. Сырдонова арфа // *Studia iranica et alantica: festschrift for prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the occasion of his 95th birthday.* – Rome (Serie Orientale. Roma, 1998. Vol. LXXXII).
12. Лопатин В.А., Леонтьева А.С. Култ вепря в искусстве древних индоиранцев. Опыт образно-логической реконструкции одного из объектов исторической памяти // История и историческая память. Саратов, 2011. № 3.
13. Мамиева И.В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 8 (38). Ч. I.
14. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдут сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Дзæуджыхъæу, 2004. Дыккаг чиныг.
15. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдут сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Дзæуджыхъæу, 2005. Æртыккаг чиныг.
16. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдут сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред.

Джыкаайты Шамил. – Дзæуджихъæу, 2007. Цыппæрæм чиныг.

17. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ код-та, чиныг æмæ дзырдует сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. – Дзæуджихъæу, 2010. Фæндзæм чиныг.

18. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ код-та, чиныг æмæ дзырдует сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Дзæуджихъæу, 2011. Æхсæзæм чиныг.

19. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. М., 1989. Кн. 2.

20. Рахно К.Ю. Арфа Сырдона: западноевропейские параллели // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник мате-риалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014.

21. Турсунов Е.Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана, 1999.

22. Хæйрæджыты хабæрттæ. Рассказы о чертах / Составители Х.В. Дзуцев, З.В. Канукова, А.Х. Дзуцев, С.Х. Дзуцев, А.Ю. Цопанова. Владикавказ, 2011.

23. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.

24. Чочиев А.Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996. Книга 1.

25. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. К., 1998.

В. Г. Сидоров,
*Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар*

Реки как естественные предпосылки миграционных процессов

Известно, что общество можно рассматривать как целостную систему, которая представляет собой результат непрерывного вза-имодействия человека с природой. В этом взаимодействии оно не только воспроизводит самое себя, но, изменяя природу, обеспе-

чивает каждого члена общества жизненно-необходимыми благами. И чем полнее общество противопоставляет себя природе, тем больше природа превращается из условия своего существования в средство, воспроизводящее общественную жизнь.

В самом деле, если животное неотделимо от среды своего обитания и оно погибает, будучи оторванным от неё, то человек способен видоизменять непосредственную среду своего обитания, превращая её в условие существования общественного субъекта. Последний предстает как совокупность огромного числа индивидов, осуществляющих свою жизнедеятельность через производство и обмен продуктами своего труда.

Ретроспективный взгляд на историю позволяет раскрыть вышеотмеченное отличие животного и человека в том плане, что, скажем, природный ландшафт, климатические условия, характер растительности и животного мира существенно определяли общественный уклад жизни народов далекой древности в том или ином регионе. Не случайно эти факторы мыслители эпохи Просвещения нередко рассматривали как определяющие условия общественной жизни. Так, Шарль Луи Монтескье, основатель географической школы, подчеркивал, что климат, почва, ландшафт однозначно определяют дух народов, населяющих тот или иной регион, и характер их общественного устройства.

Действительно, история древних цивилизаций, культурные и религиозные памятники со всей убедительностью показывают, что естественные факторы природной среды становились объектами одухотворения и преклонения. В этом отношении хотелось бы подчеркнуть особую роль такого природного фактора, как реки. Несомненно, вода является абсолютным условием жизни людей, как и других живых организмов. Поэтому первые человеческие сообщества не могли находиться вдали от речных или иных водоемов пресной воды.

Но по мере того, как совершенствовались формы труда и общения, реки все более «превращались» в социально значимые факторы, а именно, прежде всего, как транспортные артерии, без которых не могли осуществляться миграционные процессы, связанные как с общением людей, так и обменом продуктами их труда. Так естественное механическое движение воды приобретало особое

социальное значение, превращалось в фактор консолидации и взаимного общения человеческих сообществ, превращая их в целостные цивилизации. Яркими примерами этого выступают, например, роль Нила для Древнего Египта, Тигра и Евфрата – для Месопотамии, Днепра – для Киевской Руси и т.д. Известно, что «путь из варяг в греки» проходил по многим рекам Восточно-европейской равнины.

Но не только «транспортные» особенности рек раскрывались древними народами. Во многом зрелость культурного и политического содержания древних цивилизаций определялась полнотой использования речных вод. Так, самобытность и прочность египетской цивилизации во многом была обусловлена тем, что воды Нила использовались и для орошения, тем самым, образуя фундамент сложного совместного сельскохозяйственного уклада жизни людей.

По мере того, как расширялась сфера «применения» водных дорог, совершенствовалась и цивилизация. Так от простого применения весел был сделан шаг к использованию и паруса, а это значительно повысило эффективность «водного транспорта», поскольку к естественному течению «добавлялась» и воздушная стихия – ветер.

Известно, сколь революционными стали для европейской цивилизации технические достижения средневековья. Изобретение водяной и ветряной мельницы существенно повысили эффективность, еще достаточно простой, технологии обработки зерна. А совершенствование парусной системы позволило, особенно европейским народам, освоить огромные пространственные масштабы морей и океанов. Великие географические открытия XV – XVII вв. коренным образом повлияли на миропонимание человека в целом и самого себя. Впервые осознается красота и величие окружающей природы, человек начинает видеть в ней источник радости, наслаждения, в противовес аскетизму средневековья.

На наш взгляд, именно применение естественных источников энергии – воды и ветра, содействовало более значительному изменению общественного уклада и миграции народов, чем, скажем, использование животных, в частности лошадиной и иной тяги. Из истории известно, что для народов широких равнин использование

животных вело к более мобильному укладу жизни, но менее насыщенному духовными и интеллектуальными ценностями. Между тем, как водные и воздушные источники энергии обусловили цивилизации с фундаментальными культурными ценностями. Именно таким цивилизациям человечество обязано возникновением науки – механики, основам гидро- и аэродинамики.

Эпоха промышленной революции, которая была связана с бурным развитием науки, с открытиями разнообразных законов природных явлений, обусловила ещё большую широту «вовлечения» природной энергии в сферу производства. Использование пара и электричества повлекло столь разнообразные последствия, что уже невозможно представить жизненный уклад современного человечества без разнообразнейшего применения тепла и электричества в быту, на производстве и в других сферах общественной жизни.

Все это обусловило качественно иное отношение к природе, которое легло в основу рационально-прагматического восприятия окружающего мира, в основу взгляда на природу как объекта интенсивной преобразовательной деятельности человека. Вспомним известные слова тургеневского героя: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». В значительной мере подобная точка зрения определила и иное понимание существа цивилизации. Так, известный представитель просветительного гуманизма Ж. Ж. Руссо утверждал, что переход человека от природного, естественного своего состояния к социальному стал источником всех его несчастий.

Итогом такого отношения общества к природе стала научно-техническая революция XX ст. Но она же и вскрыла всю парадоксальность и пагубность такого отношения. Научно-техническая мощь человека становится сопоставимой с масштабами природных сил, и неограниченное непродуманное отношение к природе все более убеждает в опасности этой мощи для самого человека. Возникает широкий спектр особых проблем получивших название экологических. Их решение означает глубокое изменение самого характера природопреобразующей деятельности человека, её направлений и методов реализации.

Все более осознается значение сознательного и продуманного подхода к разнообразным проблемам отношения человека и при-

роды. Массовая загрязненность морей и океанов, рек и озер, атмосферы в результате не только производственной деятельности, но и безудержной гонки вооружений, разработки атомного и ядерного оружия – это и многое другое становится практическим регулятором экономической, политической и культурной идеологией современного общества.

Таким образом, не только человек зависит от природы, но и сама окружающая человека природа становится зависимой от цивилизации, от масштабов, форм и направлений деятельности человека. Несомненно, экологическая проблематика носит комплексный и глобальный характер, её решение органически связано с конкретным социально-техническим контекстом и требует научно обоснованных действий, международного сотрудничества стран с различными социально-экономическими устройствами.

Решить современные проблемы экологии означает вскрыть её связи с различными сторонами общественной жизни, актуализировать вопросы социально-политического и гуманистического звучания. Только в единстве культурных, производственных, этико-гуманистических и эстетических проблем можно найти для человечества жизненно важное отношение к тому, что составляло, составляет, и будет составлять фундамент его собственного существования – природу.

Литература

1. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и Новое время. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
2. Французские просветители XVIII в. о религии. – М.: Госполитиздат, 1960. – 788 с.
3. Экологическая проблема и пути её решения. // Сб. Философские вопросы взаимодействия общества и природы. М., 1987.

**А. У. Турдалиев,
С. О. Куаныш,**

*Атырауский государственный
университет им. Х. Досмухамедова,
Казахстан, г. Атырау*

Основные пути миграций населения по Великому шелковому пути

Великий шёлковый путь на протяжении многих столетий служил сближению различных народов, обмену идеями и знаниями, взаимному обогащению языков и культур. Конечно, и в те далёкие времена случались политические конфликты, вспыхивали войны, но Шёлковый путь неизменно возрождался. Неистребимая тяга к общению, к разумной выгоде и более высокому благосостоянию постоянно брала верх над политической и религиозной конфронтацией. Поэтому при создании модели будущих взаимоотношений народов и сотрудничества необходимо использовать столь убедительный пример. История Великого шёлкового пути – это история широкого культурного взаимодействия и взаимообмена между народами Востока и Запада. Она доказывает, что только тесное сотрудничество и взаимообогащение культур являются основой мира и прогресса для всего человечества.

Свое начало она брала с древней страны Китая и тянулась до крупного государства своего времени – Византии. Это был путь не только торговли, но и основной путь миграции населения того периода, по нему странствовали артисты, дервиши, ученые мудрецы, миссионеры, распространяя свою культуру на разные страны. По этому пути был распространен из Индии в Китай буддизм, в Среднюю Азию манихейство, несторианство, ислам.

Это была не просто дорога или даже система дорог от океана до океана, это был сложнейший культурно-экономический мост между Востоком и Западом, соединявший народы в их стремлении к миру и сотрудничеству. Являясь условным названием, ВШП представлял собой сеть дорог, по которым в древности и средневековье осуществлялись торгово-экономические связи стран Востока и Запада, находившихся между тогдашними мировыми цивилизациями.

ми – Римской (Византийской) и Ханьской (Китайской) империями.

Охватив практически весь Евразийский континент, включая нынешнюю территорию России. Закавказья и Центральной Азии, широко разветвленная сеть ВШП разносила по свету мировые религии, письменности и культуры. Этот путь, действовавший полторы тысячи лет, сыграл огромную роль в сближении двух континентов, во взаимном культурном обогащении многих европейских и азиатских народов.

Возникновение ВШП относится ко II в. до н. э. А сам термин «Великий шёлковый путь» был введён в историческую науку учёными XIX столетия после того, как в 1877 году немецкий путешественник и историк К. Рихтгофен написал свою работу «Китай», в которой он впервые и определил этот торговый путь по восточным странам как «Шелковый путь».

Следует заметить, что еще задолго до образования Великого шёлкового пути на территории Центральной Азии и Древнего Востока существовали пути, которые служили целям войны и мира. По ним продвигались большие армии и малые отряды, разгорались кровавые битвы, расположенные вдоль них города подвергались нападениям; в мирное же время эти пути служили связующими нитями политической, торговой и культурной жизни. Именно эту их функцию всегда ценили народы.

В 629 г. буддийский паломник Сюань-Цзян отправился из Китая в Индию, «чтобы взглянуть на священные останки Будды и серьезно изучить богословие». Ехал он по международному пути, который связывал Китай с Западом и служил проводником технических новшеств, религиозных идей и культурных достижений. На верблюдах-бактрианах вместе с караваном купцов из Чаньани по краю великой пустыни Гоби через Дунхуан, пройдя соляную пустыню, известную под названием «Барханы Великого Дракона», оазисы Хами и Турфан, вдоль северных склонов Тянь-Шаня и выйдя из ледовых гор, которые, видимо, соответствуют хребту Музур-Ола, Сюань-Цзян и его спутники прибыли к «Прозрачному Голубому озеру». Его также называли «Горячим озером», и в нем нетрудно узнать Иссык-Куль. Обогнув озеро, паломник прибыл в город Суяб, где встретился с тюркским каганом, повелителем огромной империи, границы которой на Западе доходили до Черного моря. Вот как описывает кагана тюрков и его приближен-

ных Сюань-Цзян: «Лошади этих иноземцев были прекрасны. Каган был одет в халат из зеленого шелка; его голова была обнажена и обмотана лишь шелковой повязкой длиной более одного чжана (3,2 м) с отвисающими назад концами. Его сопровождали более двухсот тарханов, одетых в халаты из парчи, с заплетенными в косы волосами. Остальные воины, облаченные в одежды, подбитые мехом, и в мягкие головные уборы, несли бердыши, знамена и луки. Едущих на верблюдах и лошадях было столько, что невозможно охватить взглядом».

Описывая прием, которым удостоил его каган, Сюань-Цзян неоднократно подчеркивает роскошь шелковых одежд тюркской знати и сообщает также о подарках, которые он получил: «целый набор одежд из малинового сатина и пятьдесят кусков шелка» [1]. В этом эпизоде, вольно или невольно, несколько раз упоминается шелк – основной продукт торговли Востока и Запада, давший название великому трансконтинентальному пути древности и средневековья.

Отдельные участки «Шелкового пути» начали функционировать к III-II тыс. до н. э. и в разные времена именовались по-разному. Например, Лазуритовым, Нефритовым, Степным, Южным, Северным путем, Соболей дорогой, Дорогой в Японию.

Один из древнейших путей – «лазуритовый» – сложился еще в 3-2 тысячелетиях до н.э. «Лазуритовым путем», соединившим Среднюю Азию и Средний Восток со Средиземноморьем и Индией, перевозился лазурит. Он начинался в горах Памира, проходил через Иран до Передней Азии и Египта. Эти связи были налажены в связи с разработкой месторождений лазурита в горах Бадахшана и нефрита – в верхнем течении р. Яркендарьи, в районах Хотана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран, Месопотамию, Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тыс. бадахшанский лазурит появляется в Китае [2]. Полудрагоценный камень лазурит (ляпис-лазурь), добываемый в районе верхней Амударьи на Памире (в Бадахшане), высоко ценился ювелирами древневосточных государств, таких как Шумер (Двуречье) и Египет. При раскопках гробниц в них были обнаружены изделия из бадахшанского лазурита.

Другой путь – знаменитая «царская дорога» Ахеменидов – связывал в VI-IV вв. до н.э. малоазийские города Эфес и Сарды на бе-

регу Средиземного моря с одной из столиц Ирана и городом Сузы. Ещё один путь вёл из Ирана через Бактрию, Согдиану, Ташкентский оазис и территорию Казахстана до Алтая.

Наряду с этими путями, соединившими Среднюю Азию и Средний Восток со Средиземноморьем и Индией, существовал и «Нефритовый путь», который связывал Восточный Туркестан с Китаем [3].

В середине I тыс. до н. э. стал функционировать «Степной путь», и, если следовать описаниям «отца истории» Геродота, станет очевидным его следующее направление: из Причерноморья к берегам Дона, затем в земли савроматов в Южное Приуралье, к Иртышу и далее на Алтай, в страну агриппиев, населявших район Верхнего Иртыша и о. Зайсан. По этому пути распространялись меха и шкуры, иранские ковры, изделия из драгоценных металлов [4].

Китайские изделия предназначались не только для Средней Азии. Значительная потребность в уникальных шелковых тканях была в Персии и в государствах к западу от неё. В Европе считали, что шёлк растет на деревьях и что только китайцы знают секрет этой культуры. В период правления Августа Рим платил за китайский шёлк шерстяными товарами, специями и стеклянными изделиями.

В распространении драгоценных шелков участвовали кочевые племена саков и скифов, через посредство которых диковинный для того времени товар попал в Центральную Азию и Средиземноморье.

Однако вряд ли можно говорить о Шелковом пути в VI-IV вв. до н.э., вернее будет предположить лишь доставку престижных товаров по степной зоне, которая проходила около 40-й параллели и, начинаясь в большой излучине реки Хуанхэ, пересекала восточные и северные отроги Алтая, степи Казахстана и Причерноморья, достигала земель греков и этрусков [5].

В это же время шелк попал в Индию, о чем свидетельствует слово «синапатто» – «китайский шелк».

И лишь в середине I в. до н.э. «Шелковый путь» начинает функционировать как регулярная дипломатическая и торговая артерия. По этому пути шли на Запад караваны с шелком, а в Китай – товары из Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Средней

Азии. А все началось в 138 г., когда из Ханьской столицы вышел посольский караван, который сопровождал князя Чжан-Цзяня, посланного императором У-ди в неведомые страны Запада. Через 13 лет Чжан-Цзянь вернулся назад. Он смог добраться до районов сегодняшнего Афганистана и первым прошел прямым путем из внутренних районов Китая в Центральную Азию [6].

Караваны, выходявшие из Китая, направлялись к северным Тянь-Шаньским горам, пересекали территорию Средней Азии, а затем через Хорасан (западнее Амударьи) попадали в Месопотамию и к Средиземноморью.

Вскоре международная торговля перешла в руки торговцев из Согда – страны, расположенной в Средней Азии в долинах Зеравшана и Кашкадарьи. Согдийцы имели торговые колонии в «Тохарских» городах Восточного Туркестана и в таких городах Китая, как Ланчжоу, Дунхуан, Чаньан. Например, в Дунхуане проживало около тысячи согдийцев. Они проникали в Японию, где шелковый путь кончался, достигнув древней японской столицы Нара. Здесь в одном из храмов хранится рукопись, написанная на согдийском языке.

Караванные пути связывали Запад Казахстана с Дальним Востоком, с Приамурьем. Известна так называемая «соболья дорога», по которой осуществлялись связи Византии, Ирана, тюркских каганатов и согдийских княжеств с государствами Бохай и Японией. В VI в. морская часть «собольей дороги» получила название «дороги в Японию» [7].

На грани древней и новой эры торговые караваны из Китая начинали свой путь от Чаньяни и шли к Дунхуану, городу на границе у Великой стены.

«Северная дорога» проходила вдоль южных склонов Тянь-Шаня и реки Тарим через Турфан и вела в Кашгар, Алай, а оттуда – в Ферганскую долину (Давань), среднеазиатское Междуречье (Самарканд, Мера), затем поворачивала к низовьям Волги и Северному Причерноморью (по китайским источникам – Лисянь). Она оканчивалась в местных греческих колониях. Эта дорога, однако, не была устоявшимся торговым маршрутом [8].

Таким маршрутом стала «Южная дорога», которая начала функционировать в 115 г. до н.э. благодаря открытию государственного почтового тракта по южной и северной окраинам пу-

стыни Такла-Макан.

Одна из ветвей, в то время главная магистраль, вела в Селевкию-Ктесифон на Тигре и далее по древней ахеменидской дороге («царской дороге» Дария) в Междуречье (Месопотамию) и Сирию. Ее терминалом была тогдашняя столица Сирии – Антиохия.

Другая ветвь отходила в Армению, ее тогдашнюю столицу Арташат. Она пролегла через Гандзак-Шахастан (Газака), тогдашний центр Атропатены Мидийской (Малая Мидия, нынешний Иранский Азербайджан). Далее дорога проходила по восточному побережью озера Урмия и пересекала реку Араке у Джуги (Джультфа), затем через Нахичеван по левобережью реки Араке она выходила в Араратскую равнину.

Протяженность этой первой мировой трансконтинентальной торговой трассы превышала 7000 км. С древних времен Тянь-Шань и территорию Казахстана и Кыргызстана пересекали три ветви ВШП: Памиро-Алтайское, Ферганское, Чуйское направления.

В середине II в. н.э. Клавдий Птолемей дал описание античного варианта ВШП. По нему дорога вела через Месопотамию (Междуречье), Ассирию (Адиабена) и Мидию в Экбатану, отсюда поворачивала к Кастийским воротам (горный перевал восточнее Рея), затем проходила через Парфию в Гекатомпил, Арию (Герат), Бактру (Балх) и Маргианскую Антиохию (Мере). Путь, описанный Птолемеем, делился на три отрезка: от переправы через реку Евфрат до Балха, от Балха до Каменной башни и от нее до Серы (Чаньянь). Установление контактов и связей между странами, находившимися на всем пространстве от Рима до Китая, привело к активизации тогдашней мировой торговли.

В III – первой половине IV в.в. положение стран Передней Азии на путях мировой торговли подверглось существенным изменениям. С возникновением Византийской империи эти маршруты стали ориентироваться на Константинополь, превращавшийся в крупнейший торговый и культурный центр на стыке Европы и Азии. Тогда, наряду с сирийским участком «Южной дороги», сформировалась новая континентальная магистраль, направившаяся через Экбатану и Арташат в Константинополь.

Оживление мировой торговли, наметившееся в V – начале VII вв., привело к открытию новых путей. Китайские источники того времени описывают три дороги: «Северную», «Среднюю» и «Юж-

ную».

В VI-VII вв. наиболее оживленным становится путь, который проходил из Китая на запад через Семиречье и Южный Казахстан, хотя прежний путь через Фергану был короче и удобнее. Перемещение пути можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через Среднюю Азию. Во-вторых, дорога через Фергану в VII в. стала опасной из-за междоусобиц [9]. В-третьих, богатые тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров.

Так этот путь стал главным, и основное число посольских и торговых караванов в VII-XIV вв. шло здесь. Это направление Шелкового пути не было чем-то застывшим: в течение столетий попеременно наибольшую значимость приобретали те либо иные участки и ответвления, другие, напротив, отмирали, а города и торговые станции на них приходили в упадок. Так, в VI-VIII вв. основной была трасса Сирия – Иран – Средняя Азия – Южный Казахстан – Таласская долина – Чуйская долина – Иссык-Кульская котловина – Восточный Туркестан. Ответвление этого пути, точнее еще один маршрут, выходил на вышеуказанную трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи – Мангыстау – Приаралье – Южный Казахстан. Он шел в обход Сасанидского Ирана, когда в противовес ему был заключен торгово-дипломатический союз Западнотюркского каганата и Византии. В 568 г. в Константинополь ко двору императора Юстиниана II (565–576) прибыло посольство от тюркского кагана Дизабула, которое возглавлял согдиец Маниах, один из тех, которые, по словам китайских хронистов, «...научают и направляют тюрков». В данном случае, однако, и тюрки, и согдийцы преследовали общие цели, связанные с грандиозной торговлей шелком. Она приносила и тем, и другим огромные доходы.

Часть шелка поступала из Китая, другая изготавливалась в городах Восточного Туркестана и в самом Согде, причем производство его настолько возросло, что сбыт его превратился в острую проблему.

Позднее, в IX-XII вв., этот маршрут использовался с меньшей интенсивностью, чем «Тяньшанский» [10]. Но в XIII-XIV вв. он вновь оживает. Политическая ситуация на континенте определяла выборы маршрутов дипломатами, купцами и другими путешеству-

ющими лицами.

Что же представлял собой юг Казахстана в канун его вхождения в орбиту Шелкового пути. Здесь, как ранее отмечалось, издревле развивалась самобытная культура, в формировании которой участвовали кочевые племена и оседлые народы. Причем в этническом плане и кочевники, и оседлые жители были однородны, или же были объединены в рамках однотипных этнополитических образований. Взаимодействие и взаимообогащение культур – оседлой и кочевой – явилось магистральной линией мирового прогресса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения цивилизаций, созданных народами Казахстана и Средней Азии, а также истоки этногенеза населяющих ее народов. Так, в VI–III вв. до н.э. здесь обитали кочевые и полукочевые племена саков, высокая культура которых известна по раскопкам многочисленных курганных памятников, среди которых Бесшатыр, Иссык, Тегискен, Уйгарак. Уже тогда существовали связи саков с Китаем, Индией, Ближним и Средним Востоком: об этом свидетельствуют найденные в погребениях сакской знати китайские зеркала, импортные высокохудожественные изделия из Средней Азии, Ирана. Монументальные погребальные сооружения Тегискена из сырцового кирпича наталкивают на мысль о привлечении к их возведению иноземных мастеров. Во время существования государств Усунь и Кангюй во II в. до н.э. – пер. пол. I тыс. н. э., когда Шелковый путь начинает активно функционировать, сюда проникают римское стекло и монеты, китайский шелк, зеркала и лаковая посуда, европейские фибулы-застежки и резные камни-печатки из Сасанидского Ирана.

В этот период в долинах Чу, Таласа и Сырдарьи формируются городские центры, предтечей которых являлись земледельческие поселения, окруженные стенами с башнями. Многие из них открыты сейчас в предгорной зоне Тянь-Шаня, в долинах Арыси, в среднем и нижнем течении Сырдарьи.

Во второй половине VI в. Казахстан вошел в состав Тюркского каганата, огромной кочевой империи, охватившей пространство от Корей до Черного моря. В конце VI в. каганат распадается на две части – Восточно-тюркский и Западно-тюркский. Центром последнего является Семиречье, а столицей – город Суяб.

Именно в это время происходит оживление участка Шелкового пути, который сыграл важную роль в развитии городской феодаль-

ной культуры Семиречья и Южного Казахстана. В Семиречье он стимулировал возникновение целого ряда городских центров, а на юге Казахстана способствовал быстрому росту тех городов, которые оказались либо на трассе, либо были связаны с ней торговыми ответвлениями.

Вот как выглядел казахстанский участок Шелкового пути, если по нему двигаться с запада на восток. Из Шаша (Ташкент) дорога шла через перевал на Турбат в Испиджаб, один из крупнейших центров на Шелковом пути. Здесь останавливались торговцы из разных стран, в городе были торговые постройки и караван-сарай, принадлежавшие купцам из Бухары, Самарканда, тогда как купцы из Испиджаба имели свои фактории в Багдаде в рабаде Харба, ибн Абдаллаха ад Балхи вместе с купцами из Мерва, Балха, Бухары и Хорезма. Из Испаджаба шла караванная дорога в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье в Приаралье. Из Испиджаба вывозили рабов, белые ткани, оружие, мечи, медь и железо. Из Испиджаба караваны шли на восток, в Тараз, через города Шараб, Будухкет, караван-сарай Тамтадж и Абардадж.

Первым крупным городом, стоявшим на Шелковом пути в Таласской долине, был Джувикат, проехав который, попадали в Тараз. Это один из древнейших городов Казахстана, известный уже в VI в. Именно здесь тюркский каган Дизабул в 568 г. принимал дипломатическое посольство Юстиниана II из Византии во главе со стратегом Земархом, прибывшее для заключения военного союза против Ирана и решения вопросов о торговле шелком. Источники называют Тараз «городом купцов». Кроме того, он был столичным центром тюркшей, а затем карлуков и караханидов.

Рядом с Таразом находился город Джамукат, основанный выходцами из Бухары. Он упоминается уже в VI в. и был основан согдийцами Бухары, у которых предводительствовал некий Джамук, именем которого и был назван город. Археологи смогли найти Джамукат. Его остатки находились в Таласской долине, недалеко от Жамбыла, на правом берегу реки Талас, напротив с. Сары-Кемер. Развалины называются сейчас Костобе – «двойной бугор». Кроме этих городов, в Таласской долине находились такие известные города, как Шельджи, Сус, Куль и Текабкет – в горной части долины, где располагались крупные серебряные рудники. В равнинной части долины стоял город Атлах, у стен которого, как отмечалось,

произошла в 751 г. битва арабов с китайскими войсками за сферы влияния. Неподалеку от Тараза на торговом пути, идущем вниз по Таласу на север, находились города Адахкет и Дех-Нуджикес, а в монгольское время источники называют города Янги, Янги-Балык и Кенджак.

В Таласскую долину в Тараз караваны попадали также по дороге из Ферганской долины из Касана через перевал Чанач в Чаткальском хребте и Карабура в Таласском Алатау. Этот отрезок дороги соединял «Ферганское» и «Семиреченское» направления Шелкового пути.

Из Тараза на восток путь шел по пустынной местности к городу Кулану. Территория между Таразом и Куланом принадлежала карлукам. На пути к Кулану надо было проехать через Касрибас, Куль-Шуб, Джуль-Шуб. Остатки Касрибаса стоят на древней трассе, проходившей вдоль Киргизского хребта, и известны как развалины Ахыр-Тас, представляющие собой сооружение из камня, видимо, судя по планировке, бывшее некогда замком. Куль-Шубу соответствует городище Орнек, раскопки которого выявили его характер: это типичная укрепленная ставка с мечетью, казармами для дружины и ремесленным предместьем вокруг.

Город Кулан, который китайцы называли Цзюйлань, был известен как «приятный городок на границах страны тюрок со стороны Мавераннахра». Он, судя по маршрутам, находился на расстоянии 17 фарсахов от Тараза на восток и соответствует городищу Луговое, расположенному на восточной окраине села Кулан. От Кулана далее на восток на расстоянии 4 фарсахов друг от друга стояли города Мирки и Аспара.

Из Джуля дорога шла в Сарыг, затем в «селение тюркского кагана» и в Кирмирау. Из Кирмирау дорога приводила в один из крупнейших городов Семиречья – Навакет, китайский Синчэн. Оба эти названия переводятся как Новгород. Навакет известен как резиденция тюркских каганов и как город согдийцев. Навакету, как удалось установить, соответствует городище Красная речка, расположенное между современными селами Красная речка и Новоивановка.

Из Навакета через Пенджикент (Бунджикент) дорога приводила в крупнейший город Семиречья – Суяб. Он был столицей западных тюрок, затем тюркешей, карлуков. О нем пишут китайские

и арабские путешественники вплоть до X в., когда город вдруг исчезает со страниц летописей. Роль столицы переходит к городу Баласагуну, раннее название которого, видимо, было Беклиг или Семекна. Баласагун известен как столица Караханидов, затем каракитаев, которые его и разрушили в начале XIII в. Затем город вновь отстроили, но уже в XIV в. он лежал в развалинах, и лишь полуразрушенные дворцы, мечети и минареты и обширные кладбища с эпитафиями свидетельствовали о недавно бурлившей здесь жизни.

Археологам удалось определить местоположение этих городов: они находятся неподалеку от современного г. Токмака и соответствуют двум известным средневековым памятникам – городищу Акбешим и городищу Бурана, находящимся друг от друга на расстоянии 5 км.

Из Суяба Шелковый путь шел либо по северному, либо по южному берегам Иссык-Куля. На южном отрезке караваны проходили крупный город Верхний Барсхан, а северный отмечен остатками небольших караван-сараев, имена которых до нас не дошли. Затем эти пути соединялись у перевала Бедель, и через него, либо Ташрабат, Шелковый путь приводил к Кашгару и Аксу.

Из Иссык-Кульской котловины через перевал Санташ и долину Каркары шел путь в Илийскую долину и затем по правому берегу Или через долины Усека и Хоргоса приводил в Алмалык, а затем по северной оконечности пустыни Такла-Макан, через оазисы Хами и Турфан шел к Дунхуану и в Китай.

В X-XII вв. одно из ответвлений Шелкового пути пересекало всю Илийскую долину с юго-запада на северо-восток. Ответвление начиналось в Навакете, затем шло на Бунджикет и через перевал Кастек приводило на северные склоны Заилийского Алатау. На перевал шла еще одна дорога из Баласагуна. Здесь приметным ориентиром были священные горы Урун-Ардж, которые образуют водораздел между бассейнами рек Чу и Или. Об этих горах сообщают еще в VII-VIII вв. китайские дорожники, называя их «горами Цзедань». Здесь, согласно источникам, «каган десяти родов всегда производит утверждение владетелей и старейшин». Топоним Урун-Ардж сохранился до сих пор в названии современного села Узунагач. Трасса Шелкового пути проходила через небольшие городки, находившиеся на месте Кастека, Каскелена и Алматы, и до-

стигала города Тальхиза, который расположен на северной окраине города Талгар. Здесь у подножия гор на правом берегу р. Талгар находятся развалины крупного средневекового городища. Тальхиз (Талхир) был крупным центром транзитной торговли.

В Илийскую долину попадали и другим путем – он шел от Кулана, Аспары либо Нузкета к городам среднего и нижнего течения Чу. Через брод Ташуткуль дорога шла на северные склоны Чу-Илийских гор и спускалась в северное Прибалхашье. Вдоль Чу вниз дорога выводила к городам на северных склонах Каратау.

В Тальхизе Шелковый путь разветвлялся. Южный шел через Иссык, Тургень, Чилик к переправе через Или в районе Борохудзира, а затем по правому берегу Или он шел через Хоргос на Алмалык, соединяясь с маршрутом, шедшим сюда из долины Иссык-Куля. На этом отрезке археологи нашли развалины небольших городков Иссык, Тургень, Лавар и крупного города Чилик. По правому берегу Или дорога шла через современные поселения Коктал и город Жаркент. В районе Коктала располагался город Илибалык. Северная дорога из Тальхиза шла вдоль р. Талгар до переправы р. Или, которая находилась в районе Капчагайского ущелья. После нее путь вел на Чингильды, затем через перевал Алтын-Эмель дорога спускалась в долину Коксу и достигала города Икиогуз, находившегося на месте современного с. Дунгановка. Именно здесь обнаружено одно из крупнейших городищ Илийской долины. В этом городе, как свидетельствует посетивший его в 1253 г. Вильгельм Рубрук, жили «сарацины», то есть имелась торговая колония иранских купцов. Рубрук называет город Эквиусом.

Из Икиогуза путь шел к Каялыку (Койлаку) – столице карлукских джабгу. Город славился своими базарами, и в нем, кроме мусульман, жили христиане, имевшие свою церковь. Об этом сообщает посетивший город посол Людовика IX к монгольскому хану Мункэ, все тот же странствующий монах Вильгельм Рубрук. Каялык являлся ставкой карлуков, которым в IX – начале XIII вв. принадлежала северо-восточная часть Илийской долины. Он находился в долине р. Каратал, на окраине с. Антоновское. Неподалеку от Каялыка, судя по записи Рубрука, находилось «христианское селение», через которое также проходил Шелковый путь. Далее он следовал в долину Тентека и, обогнув Алаколь, через Джунгарские ворота приводил в долину Шихо и оттуда через Бешбалык шел в

Дунхуан и внутренний Китай. На юго-западной оконечности Ала-коля стоял город, который путешественники XIII в. называли «столицей области». Он соответствует городищу в с. Коктума. Сейчас этот памятник размыт водами озера.

Вернемся, однако, к одной из отправных точек на казахстанском участке Шелкового пути – городищу Испиджаб, чтобы проследовать в Европу путем Земарха. Из Испиджаба шла караванная дорога в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье в Приаралье. На караванной дороге, которая шла вдоль Сырдарьи, наиболее крупными городами были Отрар-Фараб и Шавгар. Рядом с Отраром находился город Кедер, бывший в X в. главным в Отрарском оазисе. О нем было известно как о «месте стечения купцов из разных стран».

Отрар был узлом многих караванных путей. Отсюда одна дорога шла в Шавгар, а другая – на переправу через Сырдарью и к городу Васиджу. Последний известен как родина выдающегося ученого Востока Абу Насра ал-Фараби. В XIII-XIV вв. этот город назывался Зернук. Из него шел путь вверх по Сырдарье, через огузский город Сюткент в Шаш, а вниз – в Джент. Отсюда же через Кызыл-Кумы была проложена трасса в Хорезм, в Ургенч, а оттуда – в Поволжье, на Кавказ. Этот отрезок Шелкового пути был особенно оживленным в XIII в., когда в низовьях Волги сформировался золотоордынский город Сарай. Этот путь в XIII-XIV вв. проходил через Сарайчик, Сарай-Бату и Каффу, т.е. через средневековые города Прикаспия.

На пороге третьего тысячелетия человечество столкнулось с необходимостью искать новые пути сотрудничества или восстанавливать забытые, занесенные песками времен. Всеобъемлющее, комплексное изучение и восстановление Великого шёлкового пути как «пути диалога» вполне соответствует такой необходимости.

Литература

1. Зуев Н.А. Китайские сведения о Суябе. Известия АН Каз ССР. Вып. 3(14) серия истории, археологии и этнографии. 1960. – С. 87-89.
2. Янковская Н.В. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. – Вестник древней истории, 1956. №1, с. 33. Сарияниди В.И. О лазуритовом пути на Древнем Востоке. Краткое сообщение института археологии АН СССР. Вып. III. М., 1968.

3. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. 1956, № 1, с. 33.
4. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифские времена. М.-Л., 1953.
5. Радкевич В.А. Великий Шёлковый путь. М., 1990; Сагдуллаев А.С. Огненные стрелы. Ташкент, 1993; Хуккэм Х. Властитель семи созвездий. М., 1995; Озерова Н.Г. Великий шелковый путь: формирование и развитие. М., 1999; Франкфор А.П. Проблема прототипа Великого Шелкового пути в II-I тыс. до н.э. и роль номадов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. – С. 78-81; Ма Юн. Шелковый путь в Востока на Запад. // Курьер ЮНЕСКО, 1984, июль. – С.22.
6. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, М., 1964. С.173. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средний Азии в древние времена, т. II, М.-Л., 1950, с.147-168;
7. Шавкунов Э.В. Соболя дорога согдийцев // Россия и АТР, №1, 1992. – С. 60-66.
8. Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. 1956, № 1, с.98-101.
9. Иерусалимская А.А. Великий Шёлковый путь и Северный Кавказ. Л., 1972. – С.57.
10. Фазалах ибн Рузбихан. Михман-наме-ий Бухара. М., 1976. – С.57.

СЕКЦИЯ 2. ВЕЛИКИЕ МИГРАЦИИ ЭПОХИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Н. А. Алымкулов,
*Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагына,
Киргизия, г. Бишкек*

Миграционные процессы в Центральной Азии в эпоху Чингис-хана

Азиатский континент является не только колыбелью многочисленных народов, матерью всех религий, источником мифов и легенд, но и родиной величайших завоевателей и создателей империй.

Как известно, кочевники Азии (в частности, монголоязычные, тюркоязычные племена) в XII-XIV веках создали удивительную военную организацию, обладали самой совершенной армией из всех тогда существовавших на земном шаре. Их техника, стратегия и тактика также стояли на высоте своего времени, что позволило Чингис-хану завоевать огромные пространства. Чингис-хан поработил 720 различных народов – свыше 100 млн. человек [12, с.122, 130; 10, с.205]. Его империя по своей величине не имела себе равных в мировой истории: ее границы, прочерченные кривой саблей монгольской конницы, превосходили рубежи, начертанные копьями А. Македонского и пушками Великой армии Б. Наполеона, когда переходы их армий измерялись не километрами, а градусами широты и долготы. Она охватывала 4/5 территории Старого Света: от устьев Дуная, границ Венгрии, Польши и Великого Новгорода до Тихого и Ледовитого океанов и до Адриатического моря, Аравийской пустыни, до Гималаев и гор Индии. Чингизидова держава просуществовала в течение длительного времени, достигнув при хане Хубилае (внук Потрясателя Вселенной, правивший с 1260 по 1295 год) своего могущества; и если она пала, то не под ударами внешних врагов, а вследствие внутренних распрей.

В XII-XIII вв. произошел один самых важных и судьбоносных взрывов в истории человечества, которые время от времени меня-

ют участь мира. По масштабам своего влияния на всемирную историю он может быть соотнесен с варварскими нашествиями V века, которые опрокинули Римскую империю, с триумфальным маршем ислама в VII столетии. Это была последняя, но кульминационная волна западной миграции евразийских кочевников.

По мнению ученых, здесь сыграло несколько факторов:

1. В степной зоне степень увлажнения меняется очень сильно и часто. За 2000 лет были отмечены три засушливых столетия: III, X и XVI века. XI и XII века были благоприятными для кочевников, в частности для монголов. Под воздействием громадного климатического маятника, который определяет изменения в климате Земли, сухие периоды на западе Евразийского континента соответствовали периодом увлажнения восточных областей. То, что было благом для Европы – сухой и теплый климат, продержавшийся до начала XIII века, был благом и для монголов: мало снега зимой и весенние дожди, приносимые тихоокеанскими муссонами, дали возможность скотоводам, как и прежде, кочевать круглый год, без заготовок сена. Длительный период влажных лет в восточной степи привел к тому, что умножились стада, а следовательно, одна и та же территория **не могла** прокормить увеличившееся население. Произошел своего рода демографический взрыв. Однако постепенно климат стал ухудшаться, стал более засушливым. В зависимости от активности Солнца циклоны и муссоны смещаются к северу – в лесную и арктическую зоны. Тогда в Монголии и Казахстане расширяются пустыни: Гоби и Бетпак-Дала-Тайга отступали в Сибирь, уступая место степи, а в Китае отходят на юг субтропические леса; на их месте появляются песчаные барханы с тамариском, немного закрепляющим песок. В результате скотоводство стало малопродуктивным, в степи стало много избыточного населения. Этот географический феномен легко увязывается с экономикой кочевников, достаток которых зависит от площади пастбищных угодий. Климатические колебания в Центральной Азии достаточно продолжительны – от 150 до 300 лет;

2. Последствия военных действий. Так, в 1208 году после поражения царя найманов Даяна (Таяна) от войск Чингис-хана наследник престола царевич Кучлук с оставшимся народом бежал под покровительство гурхана Си Ляо, на территорию бывшего восточно-караханидского государства. Это была первая волна монголоязычных племен на территории Средней Азии;

3. Результат Западного похода (1219-1221 гг.) Потрясателя Вселенной против Кучлука и султана Мухаммеда (Хорезм-шаха). Являясь потенциальными противниками монголов в случае войны с мусульманским миром, по мнению Потрясателя Вселенной, они могли усилить врагов Монгольской державы. После казни послов Чингис-хана на территории империи Хорезм-шаха война стала неизбежной.

Но противники Чингис-хана плохо представляли, с кем они имеют дело. Совершенство армейской организации, достигнутое Чингис-ханом, сделало ее наилучшей армией мира в XIII веке.

Рекрутирование в армию (ст. 6 «Джасака») позволяло собрать армию в короткое время и сформировать командные единицы. И даже с роспуском армии по домам части войск не «расформировывались», а продолжали до новой войны существовать в «потенциальном» состоянии. Таким образом, у монгольской армии XIII века мы видим осуществление принципов «вооруженного народа» и «территориальной» организации войска, которые в Европе получили всеобщее признание не ранее девятнадцатого столетия.

В кочевом обществе любой его житель – прирожденный кавалерист, который учится ездить верхом и стрелять из лука с трех лет. В дополнение к этому он – прирожденный разведчик. При кочевой жизни острота зрения и зрительная память относительно каждой детали пейзажа развиваются в высшей степени. Э. Хара-Даван писал, что и в XX веке «монгол или киргиз за 5-6 верст (5,3-6,3км) замечает человека, спрятавшегося за куст или камень и выглядывающего из-за них. Он с дальнего расстояния распознает дым от разложенного костра, пар кипящей воды и т.д. Различает животных, людей за 25 верст (26,5км) на равнине, когда воздух прозрачен. Медики доказали, что узкий глаз степняка, подобно суженой диафрагме объектива или микроскопа, приспособлен на дальностьзоркость и ясность. Всюду кругом степной горизонт до бесконечности, что развивает у степняка дальностьзоркость. Городской же житель имеет большие глаза, как открытая диафрагма, и поэтому близорук. Слух у кочевых народов так же гораздо тоньше, чем у оседлых» [12, с.151]. Кроме того, они обладали глубоким знанием климатических и сезонных условий, водных ресурсов и растительности степных стран.

Кочевники также были наделены удивительной выносливостью. Они могли находиться в седле в течение многих суток под-

ряд при минимуме еды. У кочевников годами вырабатывались на- ступательный и смелый дух, поэтому в 11-й статье «Билика» было написано: «в мирный период воин должен быть, как теленок, ма- леньким и молчаливым, а во время войны – подобным голодному соколу, который является на охоту...», т.е. в статье подчеркивалась то напряжение энергии, которое употребительно для войны и кото- рым должно быть проникнуто ее ведение.

Каждый воин в походе должен был иметь при себе неприкос- новенный запас сушеного мяса и сушеного сыра (курут), изготов- ленного из загустевшего разваренного айрана, которые никогда не портятся: их хранили в двух небольших седельных сумках («да- линг»), глиняный сосуд для варки пищи (хотя при нужде мясо употреблялось и в сыром виде), кожаную баклагу («бортохо») вместительностью около двух литров для запаса кумыса, молока, курута или воды, набор для отточки стрел, шило, иголку и нитки. Если запасов не хватало, то монгольский воин рассекал вену сво- ей лошади и пил струю крови, потом перевязывал рану жильной ниткой. 0,5 килограмма крови достаточно для насыщения, а для лошади, тем более заводной, это потеря не ощутима и за короткое время восполняется в организме. Хлеб – тесто, свернутое в виде блинов – пекли под мышкой у верблюда (где и зимой температу- ра очень высокая), который заменял в монгольских войсках обоз. Кроме того, имелись заводные, пришедшие в негодность лошади, которые могли быть убиты на мясо, что считалось лакомством. Та- ким образом, в походе монгол вез с собой все необходимое: он мог с полным правом сказать: «*Omnia mea mecum porto*» («Все свое ношу с собой»). Эту способность монгольской армии обходить- ся почти без коммуникаций обеспечивала крайняя выносливость, бережливость и неприхотливость людей и конского состава, что во многом упрощало задачу интендантской службы во время кам- пании. Если нужно, монгол мог спать, оставаясь верхом на коне, который в это время мог идти походом или пастись. За колонной следовал верблужий караван с минимумом необходимого, или, как это было перед западным походом, в район сбора армии сгонялись огромные стада, которые должны были откормиться в течение лета. Но в основном предполагалось, что армия будет жить за счет покоренных земель, т.е. потенциальная база необходимых запасов была впереди, а не в арьергарде: принцип Юлия Цезаря «война

должна питать войну», «захват богатой области не только не отягощает бюджет завоевателя, но и создает ему материальную базу для последующих войн» соблюдался неукоснительно. При необходимости монголы выходили из ситуации при помощи облавных охот.

И такая удивительно маневренная армия (конница на своих низкорослых лошадях могла проходить в среднем в сутки до 80 км, а с обозами, стенобитными, огнеметными орудиями – до 10 км) в результате превосходной выучки как одиночного конника, так и подготовки целых частей войск к быстрым передвижениям и эволюциям при искусном приспособлении к местности, а также соответствующей выезде и втянутости конского состава, успешно проходила через безводные пустыни и высочайшие горные хребты, считавшиеся у других народов непроходимыми.

Сам кочевой образ жизни заставлял монгола адаптироваться к **сезонной миграции**. В походах, перекочевках отдельные племена или отряды возили с собой двухколесные арбы для имущества и семьи, приспособленные для движения как в песчаных пустынях, так и гористой местности. На ночлегах и дневках арбы, кибитки ставились сомкнутым кольцом – *курень* (с монгольского «круг», «кольцо»), где в центре разбивалась палатка вождя и воздвигалось его знамя или значок. Такой курень предоставлял удобство для обороны, от нечаянных нападений со всех сторон, обеспечивая в то же время вождя от захвата внезапным налетом. Этот способ обороны на Западе именовался «вагенбургом».

Тайная разведка, которая Чингис-ханом была поставлена на необычайную высоту, получила широкое применение в монгольской армии, посредством которой задолго до открытия большой войны изучались (через широкую сеть шпионажа):

- до мельчайшей подробности местность будущего театра военных действий (ТВД);
- наиболее удобные подступы и благоприятное время для выступления;
- пастбища для конных масс;
- создание материальных условий для будущих войн;
- вооружение, организация, тактика, стратегия неприятельской армии;
- экономическое, политическое и военное состояние данного государства.

Для разведки все средства признавались пригодными: эмиссары (часто это были и торговцы), секретные агенты объединяли недовольных, склоняли к измене, стремились посеять недоверие народа и войска к правительству (распространяя слухи об измене отдельных чиновников, а иногда продажности всего правительства в целом и его неспособности защищать народ), подкупали крупных военачальников врага, которые срывали мероприятия по обороне страны, старались убедить религиозных инакомыслящих, что монголы установят веротерпимость, бедных – что монголы помогут им в борьбе против богатых, богатых купцов – что сделают дороги безопаснее для торговли. Данные шпионажа дополнялись и уточнялись глубокой стратегической разведкой (рейдами) в виде движения мирных караванов кочевников, проверкой боем потенциального противника.

Полученная информация должна была вовремя доставляться адресату, поэтому Чингис-хан был инициатором создания основ фельдъегерской и почтово-конной службы (*ям*), которая позднее была развита в один из наиболее полезных институтов Монгольской империи. Вся империя была покрыта густой сетью почтовых линий, которая исполняла одновременно функции современного телеграфа, железных дорог и почт.

Кроме того, монгольская армия была сплочена сверху вниз железной дисциплиной, и в отличие от некоторых постоянных армий Европы, созданных на страхе, была основана на религиозном понимании самоподчиненности власти и на родовом быте. Такой дисциплине подчинялись как офицеры, так и простые воины. Командир нес ответственность за своих подчиненных, а если он сам совершал ошибку, то его наказание было еще более жестоким. В воине, независимо от его ранга, ценились почти исключительно индивидуальные боевые качества – храбрость, удаль, отвага, выносливость, физическая сила.

Войска монголов на вражескую территорию входили несколькими колоннами, на некотором расстоянии друг от друга, т.е. не сосредоточенной массой, а врозь. Здесь была опасность быть атакованным (даже разбитым) по частям, однако такая тактика компенсировалась быстротой маневрирования отдельных групп, способностью монголов уклоняться от боя, когда он не входил в их расчеты, а также превосходной организацией разведки (о её деятельности говорилось выше) и связью, составлявших одну из ха-

рактерных особенностей монгольской армии. При таком условии она могла без большого риска руководствоваться стратегическим принципом, который впоследствии был сформулирован Мольтке в афоризме: «Врозь двигаться, вместе драться».

С продвижением монголов вперед, армия росла за счет использования населения покоренных стран. Ремесленники рекрутировались для службы в инженерных войсках или для производства оружия и инструментов, крестьяне выступали как рабочая сила для осады городов и крепостей и перемещения повозок. Кочевые и полукочевые племена принимались в монгольское братство по оружию, из которых формировались новые соединения под командованием монгольских офицеров. В результате монгольская армия была численно сильнее в конце, нежели накануне кампании. К 1227 г. собственно монгольская армия насчитывала всего 129 тысяч, а максимально – 230 тысяч воинов. Это – кульминация национального прорыва в критический период экспансии. Вероятно, численность монголов никогда не превышала миллиона, и, чтобы обеспечить существование такого количества армии, каждый район Монголии должен был мобилизовать около 13% своих жителей [12, с.125, 132].

4. В конце своей жизни Чингис-хан не только разделил захваченные или предполагаемые захватить земли, но и свою личную гвардию между своими сыновьями. Поэтому в среднеазиатском регионе оказались многочисленные монголоязычные племена: дулаты, джалаиры, барласы и др. Они были активными участниками создания ряда новых государственных объединений, вошли в состав образовавшихся в этот период народов.

Литература

1. Бартольд В.В. Образование империи Чингис-хана // Соч. в 9 томах. – Т.5. – М., 1968.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. в 9-ти томах, Т.1. – М., 1963.
3. Бентковский И.В. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру и вообще на дух народа // Ставропольские губернские ведомости. 1877. – №8.
4. Васильев В. История в древности восточной части Средней Азии от X до XII века, с приложением переводов китайских извещий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. – СПб., 1857.

5. Вернадский Г.В. Монголы и Русь (пер. с англ.). – Тверь-Москва, 1997.
6. Груссе Р. Чингис-хан. Покоритель Вселенной (пер. с фр.). – М., 2002.
7. Д'Оссон К. История монголов (пер.с франц.). Т.1. Чингис-хан. – Иркутск, 1937.
8. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. – СПб., 1875.
9. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров – М., 1997.
10. Разин Е.А. История военного искусства. В 3-х томах. Т.2. – М., 1957 (2-изд., М., 1994).
11. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей (отв.ред. С.Л.Тихвинский) 2-е изд. – М., 1977.
12. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. – Белград, 1929 (2-е изд., Элиста, 1991).

В. Н. Авлиев, М. С. Горяев,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста;
Е. В. Дорджиева,
Научно-издательский центр ИНФРА-М,
Россия, г. Москва

Миграция калмыков в третьей четверти XVIII в.: проблемы дореволюционной историографии

С распадом Советского союза, в условиях политического и экономического кризиса, обращение к национальной истории является важным фактором национального и культурного возрождения калмыцкого народа, укрепления его государственности, что объясняется социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в современном обществе и сочетающимися в себе элементы событий прошлого. В частности, актуальной остается

ся проблема начала 1771 г., когда большая часть кочевого народа покинула пределы Российской империи и отправилась в пределы Цинского Китая. До сих пор ученые, исследователи этого периода, спорят о причинах случившейся трагедии, её итогах и закономерностях: был ли это выбор всего народа или же имел быть случай простого повиновения? Тем более, что специальных работ по изучению последней крупной миграции кочевников Евразии практически нет, слабо освещены социальные вопросы, вопросы внутренней политики Калмыцкого ханства, повлиявшие на воплощение в жизнь решения об откочевке. Как нет и обстоятельств, и основных этапов процесса миграции. Имеющаяся дореволюционная литература описывает события, обстоятельства, предшествующие откочевке кочевников-калмыков, довольно фрагментарно и не дает конкретного и правильного объяснения причин ухода.

Дореволюционная российская историография XIX – начала XX в. вину за трагедию возлагает на самих калмыков, их верхушку. Так, одесский градоначальник А.И. Левшин в числе основных инициаторов исхода прямо называет нойона Шеаренга, незадолго до этого бежавшего из Джунгарии: «Разсеяв разные слухи о неприязненных намерениях русского правительства против всех калмыков, Шеренг овладел умом слабого и доверчивого ... Убаши ... прельстил его надеждою ... и убедил бежать из России ... Зюнгарию» [6, с.252].

Русский синолог Н.Я. Бичурин (отец Иакинф) в свою очередь отмечал, что в планы кочевников Нижнего Поволжья не входило подчинение китайскому правительству, а желали они «по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками» [3, с.76] вытеснить маньчжуров из Джунгарии. И, возможно, наместник не прислушался бы к Шеаренгу, «если бы не был к тому вынужден ... строгостью ... русского начальства ...» [3, с.70].

В свою очередь, астраханский губернский прокурор Н.А. Невфедьев, оправдывая политику центрального правительства, подчеркивал, что оно всегда было заинтересовано благодеянием калмыцкого народа [7, с.76].

«Калмыки же постоянно нарушали принятые на себя обязательства, более считая подданство России союзничеством», – об этом писал профессор Казанского университета А.В. Попов [10, с.19].

Барон Ф.А. Бюлер в своей работе отмечал, что до 1771 г. центральное правительство «... не входило в их внутреннее управление, которое представлялось то хану, то наместнику ханства ... и с ним ... вело переговоры ... скорее дипломатические ...» [1, с.11]. И вместе с тем он не отрицал ограничительных действий российского правительства, ущемлявших интересы калмыцкой аристократии. Так, намеченная реорганизация суда Зарго, увеличение военных поселений на Волге и Яике, целенаправленная переселенческая политика, по его мнению, были поняты превратно и «возбудили ропот» [1, с.25]. Ну а конечной целью беглецов, как он считал, являлось освобождение Джунгарии из-под власти Цинского Китая.

Во второй половине XIX в. такой подход к настоящей проблеме получил сторонников в лице Главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова и известного монголоведа А. М. Позднеева, по единодушному мнению которых, время подданства калмыков и их покровительство Россией, вплоть до трагедии 1771 г., есть время «разгула дикой свободы, необуздываемой правительством» [5, с.10], время, когда они «не переставали на каждом шагу обманывать и эксплуатировать Россию, а последняя как бы не хотела изучить и понять этого народа с тем, чтобы выработать ... определенную политику для правильных отношений к нему» [9, с.141]. Определенную роль, по их мнению, сыграли и интриги одного из основных инициаторов бегства нойона Цебек-Доржи. И все же главной причиной откочевки большей части калмыцкого народа К.И. Костенков считал увеличение русско-украинских поселений по берегам Волги, всё более сокращавших их кочевья [5, с.8]. Позднеев А.М. же в этом отдавал приоритет реорганизации суда Зарго в середине 60-х гг. XVIII в. [9, с.167]

Иной позиции в отношении этой проблемы придерживался А.С. Пушкин, который в своей «Истории Пугачева» отмечал верную службу воинов-калмыков на южных границах Российской империи и описывал тяжелое положение калмыцкого народа: «русские приставы, пользуясь их простотою ... начали их угнетать. Жалобы ... не доходили до ... начальства, ... они решили оставить Россию ... И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества» [12, с.10].

В конце 60-х гг. XIX века в «Уральских войсковых ведомостях» была опубликована статья под псевдонимом Юр.-Ко [13, с.5], по-

священная уходу кочевников-калмыков. Как видно, в основу публикации легли в основном архивные материалы Уральской войсковой канцелярии. Анонимный автор отмечает «беззаконные поборы, притеснения и вымогательства ... чиновников», упоминания при этом и астраханского губернатора Н.А. Бекетова и руководителя «Калмыцких дел» И.А. Кишенского [13, с.5-6], сообщает ценные сведения о маршруте миграции, действиях центральных правительственных, местных и военных органов по поимке беглецов, отношении казахских феодалов, через чьи владения пролегал их путь. Автор был первым, кто высказал предположение о предварительных контактах Калмыцкого ханства с цинскими властями и выразил сожаление в связи с трагедией калмыков, так как их пребывание на территории Нижнего Поволжья было весьма полезным с экономической точки зрения для русского государства.

Новолетов М.Г. на основании материалов астраханского архива «Калмыцкого Управления» предположил, что основными причинами откочевки большей части калмыцкого народа является несколько факторов. Сюда он отнес реорганизацию суда Зарго, основание казачьих станиц на правом берегу Волги, массовое крестьянское переселение, переписные мероприятия в отношении частновладельческих албату, что воспринималось нойонами улусовладельцами как «угнетение народа, искоренение его обычаев». Кроме того, автор упоминает возвращение в улусы крещеных князей, багацохуровских нойонов Дондуковых, поселение хошоутовского нойона Замьяна и ряд других мероприятий правительства, которые в комплексе, по его мнению, и стали причинами принятия трагического решения [8, с.39]. В то же время Новолетов М.Г. четко определяет главных виновников и отделяет намерения нойонов от желаний калмыков-простолюдинов, которые «по данному сигналу ... вынуждены были собраться ... бросая кибитки ... скот ... малолетних детей и больных» [8, с.47]. Кроме того, он, одним из первых проанализировав действия властей, отметил то, что правительство, имея информацию о намерении калмыков, не спешило с ответными действиями, тем самым упуская возможность предотвращения процесса откочевки.

Определенный интерес представляет труд ставропольского краеведа Н.Г. Прозрителева о службе калмыков на фронтах Российского государства, который считал колониальную политику

российского правительства главной виновнице откочевки кочевников-калмыков из пределов России: русское правительство, искусно используя междоусобицы калмыцких владельцев, активно вмешивалось во внутренние дела ханства, при этом регулярно используя военные услуги калмыков, «прощая их мелкие повинности, грабежи и разорения» [11, с.24].

Сведения о переходе беглецов через казахские кочевья имеются в статье казахского просветителя Ч.Ч. Валиханова, в которой автор, раскрывая позицию правителя Среднего жуза хана Аблая по отношению к миграции калмыков, выразил мнение, что возвратившиеся в Джунгарию, они «попались в хитрые сети китайской политики» [2, с.429].

В свете выдвинутой проблемы определенный интерес представляет работа А. А. Ивановского. [4] В ней автор, на основании анализа китайского посольства в начале XVIII в. в Калмыцкую степь, приходит к выводу о главной составляющей – переговорный процесс между ханом Аюкой и Тулишен: ему от имени императора Канси было предложено возвратиться в пределы Китайской империи. И как результат этих переговоров – откочевка большей части калмыцкого народа в начале 1771 г.

Таким образом, видно, что трагические события 1771 года постоянно привлекали внимание отечественных исследователей, и, тем не менее, очевидно, что многие вопросы, связанные с последней крупной миграцией, освещены в отечественной и зарубежной литературе недостаточно. Малоизученными в историографии остаются внутренние проблемы и процессы Калмыцкого ханства в XVIII в. накануне откочевки, процессы социально-хозяйственных изменений второй половины века, во многом повлиявшие на решение верхушки калмыцкой государственности. Не рассмотрены и не рассматриваются основные этапы процесса откочевки, так как исследователи в основном рассматривали ее организацию, нет достоверных данных о маршруте беглецов, обстоятельствах миграции, отношении казахской верхушки к этому процессу. Разногласия в вопросах о причинах и инициаторах ухода, численности покинувших Россию калмыков свидетельствует о необходимости более глубокого изучения проблемы.

Бегство большей части калмыков привело в дальнейшем к ликвидации государственности в виде Калмыцкого ханства, большая

часть Калмыцкой степи была включена в состав Астраханской губернии и в административном отношении подчинена военному и гражданскому губернаторам. Меньшая часть вошла в состав Ставропольской губернии. Произошло сокращение состава и функций суда Зарго, территории кочевий, поголовья скота, военной активности, прервался процесс сложения калмыцкой народности.

Литература

1. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т.47. №7.

2. Валиханов Ч.Ч. Аблай // Собрание сочинений. Т.1. Алма-Ата, 1961.

3. Иакинф (Бичурин Н.Я.). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

4. Ивановский А.А. Монголы-торгоуты // Труды Антропологического отдела общества любителей естествознания. М., 1893.

5. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.

6. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч.2. СПб., 1832.

7. Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.

8. Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884.

9. Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего года (XIX) столетия // Журнал Министерств народного просвещения. 1886. Ч.244. Отд.1.

10. Попов А.В. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерств народного просвещения. 1839. Ч.12.

11. Прозрителев Н.Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912.

12. Пушкин А.С. История Пугачева // Полное собрание сочинений. В 10 Т. М., 1981. Т.7.

13. Юр.-Ко. Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. №5.

А. А. Бурыкин,
Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, г. Санкт-Петербург;
С.И. Шарина,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, г. Якутск

**Средневековые миграции народов
Средней и Восточной Сибири:
поиски причин и анализ последствий**

Проблема миграций в исследовании этносоциальных общностей на этническом и этногосударственном уровнях чрезвычайно многоаспектна и многообразна. Внимание к миграционным процессам проявляется буквально во всех аспектах истории таких регионов, как Сибирь и Дальний Восток [9], где древнейшие и средневековые миграции связаны с этногенезом, а миграции нового времени по сути моделируют формирование новых этносов на русской основе *in statu nascendi*. Примеры – долганы, чуванцы, разные группы камчадалов по Охотскому побережью, русско-стынцы, колымчане, сахалары (якутоязычные потомки русских) и т.п. – показывают, что для сложения этноса достаточно 200-300 лет даже в период Нового времени, а критерии самостоятельности этноса во многом зависят от понимания этничности.

Одна из важнейших проблем в изучении миграций как пространственной, геоэтнической и геополитической истории – это причины миграций и их связь с динамикой природно-климатических условий. Эта проблема высочайшего уровня сложности не раз создавала почву для псевдооткрытий и спекуляций, в основном касающихся цикличности исторических периодов, чаще планетарного или евразийского масштаба, реже локального. Странно, что динамика арктического климата стала обсуждаться в среде самих коренных народов Арктики как один из аспектов выживания в современных условиях в ряду цивилизационных факторов [16] – и это после нескольких тысячелетий безропотного проживания на

Крайнем Севере вне интенсивных контактов с другими этносами – когда жаловаться было некуда...

Как показывает обращение к специальным работам специалистов по естественным наукам, проблема определения циклов изменений климата не так проста (см. [15]), и каждый новый, даже не верифицированный результат в этой области влияет на перспективы [10]. Для изучения этнической истории Евразии и ее отдельных регионов существенны периоды, связываемые с солнечной активностью и иными факторами, образующими сложные зависимости и колебания в пределах 1900-2000 лет. В.Г. Кривенко и В.Г. Виноградов пишут: «Обобщение исторических сведений о состоянии климата, обводненности, горного оледенения Европы и Западной Азии позволило воссоздать следующую картину климатических изменений за последние 2000 тыс. лет. С начала новой эры и на протяжении последующих 15-ти столетий (до середины XVI века) климат был очень теплым. Особенно устойчивая тенденция потепления обозначилась со второй половины первого тысячелетия, продолжаясь до начала второго тысячелетия (около 700 лет). В этот период происходило таяние горных ледников Тянь-Шаня, Алтая, Кавказа, Скандинавии и Альп, в начале медленное – до VIII века, затем более заметное – VIII-IX вв. Особенно интенсивное таяние ледников происходило в период с X века по первую половину XVI века. В это время заметно уменьшалась ледовитость северных морей.

С конца XIII века и особенно в XIV-XVIII вв. климат становится более суровым, отличаясь многоснежностью и многоводностью рек. Уровень Каспия в этот период был одним из наивысших за историческое время. Сырдарья замерзла на 5 месяцев и покрывалась толстым слоем льда, по которому ходили караваны. Амударья через Узбой впадала в Каспийское море. В Европе резкое ухудшение климата проявлялось в частых замерзаниях Балтийского моря, частично Черного и Адриатического. <...> Таким образом, за период новой эры выявлен один максимум увлажнения или прохладновлажный период, охвативший XIV-XVIII и начало XIX вв., с двумя минимумами (тепло-сухие периоды). Первый из них в полном развитии охватывал большую часть первого тысячелетия новой эры и начало второго, а второй минимум – в самом начале его проявления обозначился со второй половины XIX века. Полный цикл

прохладно-влажных тенденций климата многовекового масштаба развивался по схеме: минимум-максимум-минимум с общей продолжительностью около 1900 лет» [8].

Из числа климатических явлений, влияющих на этноисторические процессы в Арктике и Субарктике, надо отметить потепление в конце 1 тыс. н.э. [2, с.60-61], и следующее за ним потепление в начале XIII в. [2, с. 64-65], продолжавшееся до 1540 г. [2, с.67]. Для региона Сибири и Монголии имеются любопытные и важные обобщения, касающиеся временных корреляций тех или иных природных явлений с историческими событиями [6]. Это направление исследований, безусловно, перспективно, и собранные авторами факты могут быть сопоставлены с аналогичными сводами (см.[2]).

Связь хозяйственной деятельности аборигенов Арктики с колебаниями климата наилучшим образом разработана на материале комплекса «Китовая аллея» на острове Ыттыгран на Северо-Востоке Чукотки. Интерпретаторы этого памятника дали следующую шкалу изменений температуры и уровня моря, которая исключительно важна для изучения хронологии социально-экономических процессов в азиатском Берингоморье, на побережье Охотского моря, а также, возможно, на островах в южной части Охотского моря:

1) Холодный климат и низкий уровень моря – 500-800 гг н.э., бирнирская и пунукская культуры; 2) Теплый климат и высокий уровень моря – 800-1300 гг. – развитая пунукская культура; 3) Переходный климатический период и быстрое понижение уровня моря 1300-1500 гг., поздние этапы пунукской культуры; 4) Холодный климат и низкий уровень моря – 1500-1850 гг; 5) Постепенное потепление, сопровождающееся повышением уровня моря – с 1850 г до современности. [1, с.140].

Если сопоставить эту периодизацию с событиями, связанными с этнической историей народов Крайнего Северо-Востока Азии, обычно привязываемой к миграциям [12, с. 290-294], наблюдается следующее:

Примерно на рубеже I и начала II тысячелетия н.э. произошло разделение чукчей и коряков: чукчи обособились от коряков в более северных континентальных районах Чукотки и в Северной части Берингоморья. Благоприятные условия для прибрежного рыболовства – промысла лососевых и морского зверобойного про-

мысла способствовали расселению коряков по периметру Охотского моря, где коряки считаются автохтонным населением [7, с. 14], и позволили чукчам-оленеводам продвинуться далеко на север до побережья Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Возможно, непродолжительные по длительности похолодания в континентальных районах Чукотского полуострова, сопровождавшиеся утратой оленепоголовья, способствовали переходу части чукчей к морскому промыслу и формирования группы приморских чукчей-ангкальит («морские, приморские»; онкилоны у путешественников XIX века и позднейших романистов).

Вероятно, тем же временем на рубеже I и начала II тысячелетия н.э. может быть датировано продвижение эвенов – тунгусоязычных оленеводов на север, к истокам Индигирки и Колымы, и чуть более поздним временем – начало движения эвенов на восток вдоль Охотского побережья. Изменение климата в сторону похолодания, начинающееся в XIV веке, по-видимому, стало причиной депрессивного состояния хозяйства и культуры оседлых коряков в Приохотье, что повлекло за собой продвижение эвенов на восток вдоль побережья; в конце концов граница между эвенами и коряками из района к северу от Охотска сместилась к полуострову Тайгонос в северо-Восточной части Охотского моря. Следствием каких-то негативных факторов меньшей периодичности явилось формирование в XVI-XVII вв. в западном Приохотье групп оседлых эвенов, постепенно ассимилировавшихся с коряками и «камчадалами», местным русскоговорящим населением: оседлые, или арманские эвены исчезли как этнос после 1950-х годов.

Продвижение русских землепроходцев на восток по суше в континентальных районах по притокам Енисея и Лены в среднем течении не было связано с колебаниями климата, хотя возможно, что в 1640-е годы русские встретились с чукчами в междуречье Алазеи и Колымы (несколько западнее территории, которая традиционно считается местами расселения чукчей) в ходе их миграции в западном направлении. Пути перемещений чукчей на запад включают восточный Таймыр [3]. Свидетельством более ранних миграций обитателей Берингоморья в том же направлении и в тех же координатах явилась находка декоративных лабреток-вкладышей на Таймыре [14, с. 78], которые могли принадлежать только мигрантам с Востока (традиционные украшения эскимосов, за которые русские

называли их «зубатыми чукчами». Загадочное сооружение на Медвежьих островах, принятое геодезистами второй половины XVIII в. за «крепостцу», на самом деле является жертвенным помостом [4], который поставили чукчи-охотники на морского зверя, и этот помост становится последним свидетельством пребывания приморских чукчей к западу от устья Колымы. Продвижение землепроходцев на восток по суше с XVII-начала XVIII вв. совпадает с направлением миграции эвенов-оленьеводов на восток восточного побережья Камчатки и срединной части Камчатского полуострова.

Морские походы русских землепроходцев на восток и события, связанные с освоением и использованием Северного морского пути также связаны с состоянием климата Арктики в те или иные периоды, определяющие интенсивность и самую возможность походов между устьями рек и на острова Арктики. Мы мало знаем об арктическом русском мореходстве XVI века в Карском море, но история морских походов XVII века свидетельствует о том, что мореходы в походах на восток до Берингова пролива не раз встречались с непреодолимыми препятствиями. И С.Дежнев, в 1648 г. первым прошедший через Берингов пролив, и М. Стадухин, в 1649 г. не дошедший до пролива, совершили удачные плавания не с первой попытки. И. Рубец, в 1662 г дошедший с морем Лены до устья Анадыря («Камчатка», на которой он якобы побывал, – это река Канчалан в северной части Анадырского лимана), кажется, был последним, кому удался такой поход. В конце XVII в. и в XVIII в. плавания в Восточной части Ледовитого океана для землепроходцев стали невозможными.

Такие важнейшие этапы этнической истории якутов-саха, как переселение из Прибайкалья и Забайкалья на Лену, начало которого А.И. Гоголев датирует X в н.э., а завершение – XVI в.; предполагаемая кыпчакская экспансия на Лену датируется им же периодом XIII-XIV вв. ([5]; см. еще [13]); эти события также приходятся на периоды потепления климата в Средней и восточной Сибири.

Открытие стоянки древних обитателей Арктики на острове Жохова [11] также требует учета природных факторов: когда эта суша была обитаема, она составляла часть материка.

Таким образом, и миграции народов Сибири в северном, северо-восточном, западном направлениях связываются в первую очередь с динамикой климата и далеко не всегда могут увязываться

ся с особенностями межэтнических отношений, как считалось ранее. Последствиями этих миграций за последние 2000 лет стали изменения традиционных занятий и сложение новых хозяйственно-культурных типов – формирование локальных вариантов оленеводства у тунгусов, северных якутов, чукчей и коряков, а также дифференциация форм хозяйства у оленных и оседлых чукчей и коряков. Проблема взаимодействия тюркоязычных, монголоязычных и тунгусо-язычных народов в I-начале II тысячелетия н.э. требует комплексных исследований на материале лингвистических, фольклорных и этнографических данных.

Литература

1. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сеньявина. М., 1982.
2. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
3. Бурыкин А.А. Миграции с востока на запад и проблемы этнокультурной истории народов побережья Северного Ледовитого океана // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002. С. 11-13.
4. Бурыкин А.А. Ритуал поклонения головам добытых животных и «праздник голов» у чукчей (опыт анализа разнохарактерных источников) // Праздники и обряды как феномен этнической культуры. Материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург. 2011. С.78-81
5. Гоголев А.И. История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 1999.
6. Задонина Н.В., Леви К.Г. Хронология природных и социальных феноменов в Сибири и Монголии. Иркутск, 2008.
7. История и культура коряков. СПб., 1993.
8. Кривенко В.Г., Виноградов В.Г. Птицы водной среды и ритмы климата Северной Евразии. М., 2008.
http://www.ecoexpertcenter.ru/info/glava_ii_koncepciya_prirodnih_ciklov_249.html
9. Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17-18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004.

10. Нарманский В.Я. К вопросу о природе социально-экономических циклов: новые возможности прогнозирования // Электронное научное издание. Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика» (www.ugrazvitie.ru) Вып. 2 (13), 2014, ст. 5.

11. Питулько В.М. Жоховская стоянка. СПб., 1998.

12. Слободин С.Б. Этнокультурные миграции на Севере Дальнего Востока по археологическим данным // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 17-18 мая 2004 г.). Благовещенск, 2004. С.290-294.

13. Тарская Л.А., Гоголев А.И., Ельчинова Г.И., Егорова А.Г., Лимборская С.А. Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история. М., 2009.

14. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб, 1998.

15. Хромов С.П. Солнечные циклы и климат // Метеорология и гидрология: 1973, № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meteocenter.net/meteolib/sun2.htm>,

16. Шапхаев С.Г. Арктика, климат и коренные народы. По материалам рабочего семинара «Изменение климата и новые вызовы для коренных народов» 22-23 сентября 2015г., Владивосток http://www.rusecounion.ru/sites/default/files/5_Shaphaev.pdf

Вереш П. Т.,

*Институт комплексных исследований
гуманитарных наук АН Венгрии,
Венгрия, г. Будапешт*

**Возникновение кочевничества и миграция
венгров-номадов в евразийской степной зоне
до Среднего Подунавья в 895-900 гг.**

По моему мнению, угорская этноязыковая общность, куда входили общие предки венгров и обских угров, формировалась хронологически уже на рубеже 3-2 тысячелетия до н.э. на юго-вос-

точных окраинах прародины финно-угров, в лесостепях Западной Сибири. Необходимо подчеркнуть, что венгры – единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону и там приобрел черты типичного кочевого хозяйства. Южная часть угров – далеких предков венгров – мигрировала на рубеже 2-1 тысячелетий до н.э. из лесостепного Зауралья в степную зону Западной Сибири и потом в полупустынный регион нынешнего Казахстана. Протовенгров заставило переселиться на юг интенсивное заболачивание их этнической территории. Именно это движение предков венгров отражает черкаскульская археологическая культура, которая около 12 в. до н. э. неожиданно вклинивается в степную зону. Однако через 2 столетия, около 10 века до н.э. эта вышеназванная археологическая культура неожиданно исчезла в степи. Это явление гипотетично можно связывать с переходом предков венгров от полукочевничества к полному кочевому скотоводству около 10-го века до нашей эры [1, с. 3-26; 13, 45-98].

Это является важным обстоятельством, так как в настоящее время идут острые научные дебаты среди ученых не только о том, где возник культурно-хозяйственный тип кочевников внутри евразийской степной зоны, но и о том, какой этнос являлся первым, изобретавшим этот важный жизненный уклад. Долгое время в Западной Европе, в том числе и в Венгрии, господствовало ошибочное мнение, что, начиная с 7 века до н.э., первым кочевым народом были скифы восточно-европейской степи. Однако тюркологи часто подчеркивают, что в мировой истории первыми приняли кочевнический уклад турки. Так как в Венгрии в исследованиях долгое время отсутствовал междисциплинарный метод, отечественные учёные не обратили должного внимания на важнейшие результаты советских археологов и этнографов относительно происхождения евразийского нomaдизма. Долгое время у нас не были известны публикации С.И. Руденко, М.Г. Грязнова, Г.Е. Маркова, К.В. Сальникова, Л.Н. Гумилева, А.Н. Хазанова и др., хотя их работы имели колоссальное значение в исследовании мировой культуры, так как этим советским ученым удалось окончательно определить абсолютную хронологию возникновения кочевого скотоводства в евразийской степной зоне, а именно – рубежом 2-го – 1-го тыс. до н.э. К сожалению, мои будапештские коллеги, также западно-евро-

пейские или американские исследователи до сих пор не обратили внимания на докторскую диссертацию профессора кафедры этнологии МГУ Г.Е. Маркова, опубликованную и на немецком языке. В своей монографии он убедительно доказал, что кочевнический образ жизни в евразийской степной зоне возник у разных народов не конвергентно, а евразийский нomaдизм распространялся моноцентрично из одного очага, начиная с рубежа 2–1 тыс. до нашей эры, именно со степи Западной Сибири и с полупустынного региона Северного Прикаспия. Таким образом, первоначальный центр этого важного культурно-хозяйственного типа находился не в Европе, как предполагала американская исследовательница М. Гимбутас, а в Азии, в сухих районах нынешнего Казахстана, где в этот период была распространена андроновская археологическая культура, для которой характерен одноименный антропологический тип, наблюдающийся у древних венгров. Причиной, которая непосредственно вынудила предков венгров покинуть угорскую прародину и переселиться в более южный район, стало то экологическое обстоятельство, что их этническая территория, лесостепь Зауралья интенсивно заболачивалась вследствие ухудшения климата голоцена, резкого повышения влажности в лесной зоне северной Евразии. Это происходило, начиная с 13-12 вв. до н. э., в то время как на юге, в евразийской степной зоне, наоборот, засуха достигла апогея. Ксеротермический максимум, несомненно, способствовал возникновению и распространению кочевого скотоводства [9, с.35-43].

Однако древние венгры не только активно участвовали в первом общественном разделении труда, которое происходило на рубеже 2–1 тыс. до н. э. в степях Евразии, но они, по-видимому, были первоначальными изобретателями нomaдизма, когда переселились с севера в степную зону, где жили иранские группы, занимающиеся комплексным хозяйством. По мнению Г.Е. Маркова, можно установить зону первоначального центра становления кочевничества внутри евразийской степной зоны. Кочевничество как совершенно новый специализированный культурно-хозяйственный тип возникло, по его новым данным, как раз моноцентрично, северный предел этого ареала ограничивался западно-сибирской лесостепью. Критическая зона возникновения и распространения нomaдизма находилась в областях Южного Приуралья, Центрального Казахстана, Восточного Прикаспия. Весьма странно, что ученые

разных зарубежных стран, но прежде всего моей родины, до сих пор не обратили внимания на следующее интересное географическое и хронологическое совпадение. Симптоматично, что антропологический тип древних венгров формировался на этой же территории Казахстана, в засушливом степном и полупустынном регионе Северного Прикаспия в то же время, когда там возникло скотоводство кочевнического типа – номадизм. По мнению выдающегося ученого из Будапешта Тибора Тота (1929-1991), длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался в 12 в. до н. э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе Северного Каспия, между Аральским морем, Нижней Волгой и Мугуджары – южным продолжением Урала, преимущественно на андроновском субстрате. Особенно интересным является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана и особенно сарматов Нижнего Поволжья и группы Приаралья. Этот взгляд Т. Тота, поддержанный Г.Ф. Дебецем, является одним из основных достижений в исследовании этногенеза венгров. Другие финно-угры, конечно, тоже хорошо знали лошадей и других домашних животных, но они по географическо-природным причинам лесной зоны не нуждались в переходе на кочевничество. Их хозяйство осталось комплексным [4, с.102-113].

В отличие от подавляющего большинства моих отечественных коллег, я в своих исследованиях всегда пользуюсь междисциплинарным методом. Хотя я этнограф и историк, постоянно изучаю труды российских археологов, антропологов, географов, палинологов и лингвистов, прежде всего финно-угроведов, алтаистов и иранистов, занимающихся древней историей Евразии. Таким образом, мне удалось обнаружить что известный антрополог Тибор Тот, доказавший в своей докторской диссертации, защищенной в Москве в 1978-м году, что антропологический тип венгров 10 в. н.э. происходит от своеобразного краниологического материала андроновской культуры. Другими словами, как ни удивительно, но Т. Тот просто не знал о том, когда доказывал, что формирование антропологического типа древних венгров происходило именно в том засушливом районе Казахстана, куда российский профессор Г.Е. Марков локализовал моноцентрическое возникновение кочевничества. Тибор Тот не был знаком с работой о моноцентрическом

генезисе кочевничества в евразийской степной зоне, а сам Марков, к сожалению, не имел информации о результатах, полученных Т. Тотом в его диссертации, частично опубликованной в московском журнале «Вопросы антропологии». Таким образом, именно мне пришлось объединить их точки зрения в единую интегральную историческую концепцию. Этот важный междисциплинарный шаг позволил сделать мне новые выводы, которые послужили основой для научного открытия в области этногенеза венгров, удалось ответить на интригующий вопрос: собственно на каком языке говорили создатели и распространители евразийского номадизма? Конечно, если вышеназванные крупные ученые своевременно внимательно ознакомились бы с результатами исследований друг друга, то есть, если бы они сознательно пользовались не узкодисциплинарным, а междисциплинарным методом, то оба пришли бы к аналогичным выводам еще раньше меня. Все это обозначает, что междисциплинарный метод имеет колоссальное эвристическое значение [13, с.53-68].

Суть моей новой концепции заключается в комбинировании результатов профессора Маркова о моноцентрическом возникновении евразийского кочевого скотоводства с концепцией Тибора Тота о формировании андроновского антропологического типа у древних венгров. Очень важно подчеркнуть, что мои именитые предшественники не заметили того, что оба процесса протекали одновременно и в одном и том же регионе Северного Прикаспия, то есть в центре евразийской степной зоны. Моя концепция неожиданно подтверждается и в книге А.В. Коротаева и Д.А. Халтуриной «Мифы и гены» (2011) относительно общих генов финно-угорских и иранских народов mitU7. Я думаю, наши далекие предки, древние венгры, во время переселения с севера на юг, то есть степную зону, в ходе приспособления к новым географическим условиям — под экологическим давлением конвергентно изобрели номадизм как совершенно новый культурно-хозяйственный тип, чтобы выжить во время ухудшений климатических условий. По новейшим данным русских ученых Леутина В. П., Николаевой Е.Л., адаптация к новым природным факторам среды связана с улучшением межполушарного переноса информации. Другими словами, в период экологических катастроф временно действительно повышается возможность реализации творческих потенциалов внутри данного этноса. Так как культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует появление потенциальной креатив-

ности любого народа. Тем более, каждый этнос это осознанная коммуникационная сложная самоорганизующаяся адаптивная система, которая спонтанно или сознательно перманентно старается приспособливаться к своему окружению, старается повернуть ход событий в свою пользу. В этом существенную роль играет то, что функциональная асимметрия мозга является фактором, обеспечивающим адаптацию человека в новых климато-географических условиях, чтобы не погибнуть во время ухудшения экологической обстановки. Таким образом, из-за своеобразных географическо-климатических условий в полупустынном регионе Северного Прикаспия протovenгры не знали ни земледелия, ни крупного рогатого скота, как номады-скотоводы казахи этих же аридных районов до 19 века. Не случайно лингвистические факты показывают, что термины первоначального земледельчества и скотоводства, а также приемы обработки молочной продукции крупного рогатого скота были позаимствованы венграми-кочевниками, несомненно, у полукочевников, именно предков тюркских народов, прежде всего у чувашей, не говоря уже о схожести стилей народной музыки указанных народов (помимо марийцев).

Литература

1. Вереш Петер. Этногенез и ранняя этническая история венгерского народа до 895-896 гг. до н. э.: Автореферат на соискание кандидатской степени. М., Институт этнографии АН СССР, 1979.
2. Вереш Петер. Этнокультурное развитие древневенгерского этноса до появления на современной этнической территории // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.
3. Вереш Петер. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1978.
4. Вереш Петер. Этнокультурное развитие угорских народов. Издательство Томского университета. Томск, 1978. – 102-113.
5. Вереш Петер. Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров // *Acta Ethnographica*. Budapest, 1984.
6. Вереш Петер. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985.

7. Вереш Петер. Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса // Acta Ethnographica. Budapest. 1989.

8. Вереш Петер. Современные проблемы междисциплинарных исследований в области финно-угроведения на примере этногенеза древних венгров. Финно-угроведение. Ижевск, 2010.

9. Вереш Петер. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и их модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, № 3. 2014.

10. Hajdú Péter: Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. Acta Linguistica (14) Budapest: Akadémiai Kiadó 1964.

11. Serei Ch.: The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages. // VIII. th . Congress of Anthropological and Ethnological Sciences // Tokyo, 1970.

12. Veres Péter: Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien. Specimina Sibirica. Pécs, Egyetemi Nyomda. 1988.

13. Veres Péter: The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change. Occasional Papers in Anthropology. No5. G.Vargyas (Ed. by): Budapest, 1996.

14. Veres Péter: Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány-Napkút Kiadó. Ómúltunk Tára 5. Budapest, 2009.

С. В. Виноградов,
Астраханский государственный университет,
Россия, г. Астрахань

О некоторых миграционных процессах в Нижнем Поволжье в XVIII в.: заселение Астраханской губернии

Русская колонизация Нижнего Поволжья наиболее интенсивно происходила в XVIII в. Именно в этот период устойчиво росло население региона, заселялись северные районы нынешней Астраханской области, стало формироваться астраханское казачество. Тогда же наблюдался рост городского населения, прежде всего русского, но также торговых групп («дворов») из других нацио-

нальностей: армян, персов, индийцев, бухарцев, средневожских татар. XVIII столетие стало также важной вехой в истории формирования специфических этносов региона и местных региональных групп многих других народов [14, с. 210]. С 1771 г. с уходом части калмыков в Джунгарию начались значительные изменения в составе кочевого населения Нижнего Поволжья, и к началу XIX в. стабилизировался его позднейший состав.

В данной работе рассматриваются и сравниваются различные формы миграции русского населения в Нижнее Поволжье, вся территория которого входила в XVIII в. в Астраханскую губернию. Проблемы заселения края подробно рассматривались на страницах коллективной монографии «История Астраханского края», им посвящены крупные исследования П.Г. Любомирова, Н.М.Васькина и др. [18; 8; 11; 20].

Длительное время после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству Астрахань являлась практически единственным сколько-нибудь значимым городом на огромном пространстве от Казани до Каспийского моря [9]. Только через тридцать лет на этом пространстве стали появляться русские крепости, ставшие впоследствии крупными городами: Самара (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.) [7, с. 32]. Ниже Царицына относительно крупные поселения строились в XVII в. В 1627 г. в 260 км по Московскому тракту севернее Астрахани, на берегу Волги была заложена крепость Черный Яр [17, с. 154]. В 1667 г. для защиты Астрахани и рыбных промыслов от набегов казахских племен, юго-восточнее города, на большом острове, на реке Бузан (приток Волги), была основана крепость Красный Яр [2]. К началу XVIII в. этим все ограничивалось. Огромные земли вокруг важной для России в политическом и экономическом отношении водной артерии – реки Волги контролировались ей номинально. Точек опоры было крайне мало. В условиях значительной активности проживавших в регионе кочевых племен и казаков, которых государство в XVII в. контролировало весьма слабо, а также происков соседних государств (Турция, Иран) необходимо было усилить миграционный процесс населения из Центральных регионов, направленный на заселение Нижнего Поволжья [14, с. 210-224; 6, с. 187].

Важным событием в истории освоения Русским государством Нижнего Поволжья стало образование Астраханской губер-

нии. Она была создана Петром I 22 ноября 1717 г. [4]. До этого, с 1708 г. все Поволжье входило в Казанскую губернию. Теперь эти обширные земли были разделены на Казанскую и Астраханскую губернии. Причем значительная территория Поволжья, вплоть до Симбирска, входила именно в Астраханскую губернию. Но это продолжалось недолго. При административном делении 1728 г. территория Среднего Поволжья, вплоть до Саратова, была возвращена в Казанскую губернию. В 1739 г. Саратов с прилегающей территорией вновь вошел в Астраханскую губернию и находился в ее границах до 1780 г., когда он стал административным центром вновь образованной губернии. В 1752 г. от Астраханской к Оренбургской губернии отошел город Гурьев. В 1782 г. он был возвращен Астраханской губернии, вместе с городом Уральском. Таковы были крупные территориально-административные изменения в регионе в XVIII в. [14, с. 211-212].

Незаселенность и, следовательно, слабый контроль со стороны государства значительной территории от Черного Яра до Астрахани, по которой проходили: Волжский торговый путь и тракт, соединявший Астрахань с центральными районами страны, беспокоили астраханских руководителей. «Великую нужду» построить здесь «одну хотя малую крепость» выдвигал на первый план в заботах по насаждению безопасности и удобства торговли и промыслов в крае» [18, с. 54] в 1719 г. один из первых астраханских губернаторов А.П. Вольтер (будущий кабинет-министр в правительстве Анны Иоанновны). Настоятельно указывал на необходимость строительства такой крепости другой астраханский губернатор, тоже известный государственный деятель и ученый В.Н. Татищев в начале 40-х гг. XVIII в. [15, с. 254]. На этот раз ходатайство губернатора было удовлетворено, и государство выделило в 1742 г. необходимые средства на строительство небольшой крепости на берегу Волги на полпути между Астраханью и Черным Яром, которая получила название Енотаевск [18, с. 56].

В XVIII в. было проведено три переписи (ревизии) населения (1719-1727 гг., 1744-1747 гг. и 1762-1764 гг.) [1]. Наиболее полной из них была ревизия 1762-1764 гг., опираясь на данные которой можно представить, что из себя представляла Астрахань и окружающие ее поселения в середине 60-х гг. XVIII в.

В Красном Яру, по данным ревизии, проживало 99 человек, принадлежавших купеческому сословию, и 3-е мастеровых. Итого

102 человека податного посадского населения. Кроме того, в городке проживало отставных солдат – 24, отставных казаков – 60, «малороссиян» – 63. Всего же 249 человек гражданского населения. Значительнее было военное население: не менее 300 человек, из них 50 казаков. К этому нужно добавить несколько человек командного состава, штатских чиновников и духовных служителей единственной в городке церкви. Таким образом, мужская часть этого окраинного городка в середине 1760-х гг. насчитывала около 700 человек. О количестве женского населения сведений нет. Красный Яр продолжал сохранять по составу населения тип военного города [18, с. 56].

В Черном Яру по ревизии 1762-1764 гг. насчитывалось 207 человек посадского населения: 82 купца, 86 ремесленников и 39 чиновников. Помимо этого, в крепости проживало 43 чиновника ведомства комендантской канцелярии и 98 черкас или малороссиян, которые прибыли в эти места из разных украинских городов и слобод. В 1751 г. Черноморская крепость была капитально отремонтирована и оснащена 26 пушками. Численность военного населения ревизия 1762-1764 гг. не дает, но можно уверенно констатировать, что оно было значительнее гарнизона Красноярской крепости, к тому же сверх обычного гарнизонного штата «для почтового дела», для «службы в команде при калмыцких делах» и прочих надобностей имелась сотня городских казаков. Небольшой штат дворовой obsługi (дома имели лишь четверо чиновников) и духовенство единственной городской церкви дополняли пестрый состав населения Черноморской крепости. О количестве женского населения Черного Яра также ничего не известно.

В 1769 г. в Черном Яру появилось гражданское управление для «удовлетворения нужд невоенного населения». Но оно также находилось под управлением военного коменданта. Впрочем, отданные городку с 1762 г. рыбные ловли и прибыльный торг с калмыками позволяли гражданскому населению жить «небеззащитно» [18, с. 56].

Енотаевск к моменту проведения ревизии 1762-1764 гг. по-прежнему представлял из себя только военную крепость. Именно так он именовался в источниках того времени, в которых не имелось упоминаний о гражданском «податном населении». С.Г. Гмелин, проезжавший через эту крепость в 1769 г., пишет о ее населении следующее: «в ней есть небольшой гарнизон регулярных

солдат, в прочем большая часть жителей состоит из волжских казаков» [11, с. 51-52].

Ревизия 1762-1764 гг. зафиксировала, что в трех населенных городках Астраханского края имелось не более 2000 человек мужского пола, среди них более половины – военные.

Исключительной для политической, экономической и культурной жизни края в это время была роль главного города – Астрахани. В годы первой ревизии 1719-1727 гг. в этом городе насчитали 1660 человек посадского населения. После эпидемии 1728-1729 гг. осталось около половины населения: 877 человек. Во время следующей ревизии 1742-1744 гг. в Астрахани насчитали 1890 человек посадских. Во время переписи 1762-1764 гг. одних купцов было зарегистрировано 1217 человек. Эта группа населения быстро росла. В 1769 г. С.Г. Гмелин приводит цифру – 1309 купцов. Помимо этого в 1769 г. в Астрахани проживало 1469 человек: ремесленники и чиновники местной администрации. Таким образом, в Астрахани в 1769 г. общее количество посадского населения насчитывалось 2373 человека. Во внепосадское население входили: так называемые «сказкоподатели» губернской канцелярии и садовой конторы (легализовавшиеся во время переписи беглецы из центральных губерний), о численности которых ничего не известно. Немалую часть населения города составляли священнослужители 20 астраханских церквей, архиерейского дома и монахи трех монастырей. Много в городе было военных. Помимо гарнизона в Астрахани были расквартированы: артиллерийская и инженерная команды, база Каспийского флота. Кроме того, Астрахань являлась центром крупной пограничной губернии, да еще богатой рыбными запасами. Помимо обычных административных учреждений в ней имелись рыбная, садовая конторы, таможня, отделение государственного банка и т.д. Такое представительство подразумевало немалое количество чиновников высокого ранга и, следовательно, наличие обслуживавшего их персонала. По данным ревизии 1762-1764 гг., в городе проживало 879 дворовых людей, числившихся за тем или иным чиновником [18, с. 58].

Астрахань уже тогда была интернациональным центром. С момента основания русского города в нем селились купцы – представители различных восточных народов. По сведениям С.Г. Гмелина, в 60-е гг. XVIII в. на бухарском торговом дворе проживало 389

человек, на персидском (гилянском) – 182 и на индийском – 105 человек [11, с. 51-52].

Самой крупной иностранной купеческой колонией в XVIII в. в городе была армянская. Армянские купцы стали осваивать астраханский рынок с начала XVII в. В 1769 г. их было уже 1281 человек (муж. п.) [3]. В Астрахани в середине XVIII в. проживало несколько сотен грузин, которые начали в ней селиться с 20-х гг., с прибытием царя Вахтанга IV. Затем грузинская колония стала пополняться беглецами из Закавказья или из плена [16]. В Астрахани находились представители европейских народов. Их количество ревизии XVIII в. не дают, но о них упоминают записки путешественников, посещавших город в это время [11, с. 172-173].

Еще одной категорией астраханского городского населения были юртовские (астраханские) татары, жившие в городе целыми предместьями. В середине века их было не менее 500 семейств. Была также отдельная татарская слобода, в которой проживали казанские татары [14, с. 249-272].

Ревизии не давали общего количества жителей Астрахани. П.Г. Любомиров, исходя из данных начала XIX в. – 30 000 человек, считает, что городе в 60-е гг. XVIII в. проживало 22000 – 25000 человек, но никак не 70000, как утверждали некоторые источники [18, с. 58].

Однако наличие города и трех крепостей вовсе не означало заселение края. Основные драйверы в заселении Поволжья – помещики и монастыри – на Нижней Волге не были активны. Государство до 80-х гг. XVIII в. также не являлось активным заселителем этих мест. И, тем не менее, русское население края стабильно росло в течение века. Объяснялось это гибкостью государственной миграционной политики. Государственные органы, борясь с попытками ухода крепостного населения из центральных губерний страны, сквозь пальцы смотрело на крепостных беглецов и других «бедовых» людей, поселявшихся в пустынных районах Нижней Волги. Здесь их никто не ловил и не возвращал обратно. Большинство добровольных переселенцев составляли беглые крепостные крестьяне, в большинстве русские, На Нижнюю Волгу они переселялись из Верхневолжских и Средневолжских губерний (Нижегородской, Пензенской, Симбирской и др.), а в 80-90-е гг. XVIII в. – также из центральных (Московская, Тульская, Калужская и др.) [14, с. 222].

Жизнь в низовьях Волги была не простой и в отношении климатических условий, и обустроиться на новом месте, не имея лишних средств, было сложно. Но были для переселенцев мощные стимулы для освоения региона: богатые рыбные промыслы, выгодная торговля с соседними кочевыми народами, отсутствие крепостных порядков. За Астраханью закреплялась слава этакого рыбного «Клондайка». Многие исследователи подмечали, что над промыслами витал дух азарта и предпринимательства. К тому же многое в тот период зависело от удачи того или иного ловца или предпринимателя: какое место в море или на реке будет выбрано для установки сетей той или иной ватагой ловцов, какой промысел будет взят в аренду тем или иным купцом. Многое зависело от быстро меняющихся погодных условий: морских течений, ветров и многого другого. В отсутствие научных исследований эти вещи были слабо предсказуемы. Отсюда культ удачи [10, с. 145].

Впрочем, благодаря огромным рыбным ресурсам в это время многие надежды и чаяния переселенцев оправдывались. Так на морских картах начала XIX в. на Северо-Западном побережье Каспийского моря (нынешние Астраханская область и Республика Калмыкия) были обозначены поселения, которые именовались в то время байгушами (от татарского «байкеше» – богатые люди) [21, с. 10]. Имелись примеры быстрого обогащения среди людей, занимавшихся рыбным промыслом и торговлей, которые были «у всех на устах». С 1796 г. фактически начало работать рыбопромышленное предприятие астраханских купцов Сапожниковых, которые сумели самостоятельно, без дворянских покровителей, наладить добычу и обработку рыбы. Впоследствии, в XIX– начале XX вв., рыбопромышленная фирма «Братья Сапожниковы» станет, выражаясь современным языком, самым известным торговым брендом Астраханской губернии, символом качественных и вкусных рыбных продуктов [19, с. 259].

Еще одной формой колонизации Нижнего Поволжья в исследуемый период стала казачья колонизация. В основном казаки заселяли правый берег Волги, располагаясь вдоль Московского тракта. Для обеспечения этого важного для государства пути вдоль него был расселен астраханский казачий полк. В 60-е гг. XVIII в. на тракте было образовано пять казачьих станиц: Лебяжинская (49 человек), Замьян-городок (78 человек), Сероглазинская (49 человек), Ветлянская (50 человек), Грачевская (50 человек). Позже, в

70-е годы, в этих местах были построены еще 2 станицы: Косинская (52 человека) и Копановская (52 человека). В 1785 году напротив Астрахани, на правом берегу Волги была создана Городофорпостинская станица (28 человек). В 1795 г. население этих станиц увеличивалось, в том числе за счет ликвидации временных казачьих поселений, располагавшихся по Кизлярскому тракту [14, с. 222]. По подсчетам Г.М. Равинского, к концу XVIII в. общая численность населения казачьих станиц составляла более 6 тыс. человек (обоего пола), из них было около 2800 служивых казаков [14, с. 222; 5, с. 153]. Наряду с вольным заселением края это был еще один пример успешной колонизации пустующих земель Нижнего Поволжья.

С 1765 г. начался новый период в заселении Нижнего Поволжья. Именно в этом году правительство в целях освоения пустующих в крае государственных земель разрешило Межевой канцелярии Астрахани продавать их помещикам. Главным условием продажи было заселение покупателем пустой земли крепостными крестьянами. По мнению П.Г. Любомирова, именно с этого года началась помещичья колонизация региона [18, с. 65]. Одним из первых этим разрешением правительства воспользовались Астраханский губернатор Н.А.Бекетов и его родственники. Стали местными землевладельцами и другие служившие в Астрахани дворяне: князь Долгоруков – директор казенных садов, коллежский асессор Илья Григорьев – директор астраханской таможни, а также служившие по разным ведомствам надворный советник С. Поленов и секретарь губернатора Ф. Пушкин [18, с. 65].

Однако отдача от этих сделок была минимальной, ибо интересы новоявленных помещиков расходились с интересами государства. Понимая, что наибольшая ценность в приобретенных землях – это возможность организации по волжским берегам рыбных промыслов и извлечения из продажи рыбы быстрой прибыли, дворяне так и поступали, нисколько не заботясь о заселении остальных земель. Государство это предусмотрело. Земли продавались с условием отчета об их освоении через пять лет. По всей видимости, в связи с этим стали зарождаться различные мошеннические схемы, одна из которых подробно была описана Н.В.Гоголем в романе «Мертвые души» [12]. Судя по имеющимся сведениям, борьба государственных контролирующих органов с астраханскими чичиковыми шла с переменным успехом. Кого-то разоблачали, лишали купленных

земель, а кто-то проскальзывал. Но главного результата: быстрого освоения пустующих земель с помощью помещичьей колонизации в Астраханской губернии добиться не удалось. Всего за счет помещичьей колонизации с 1765 по 1792 гг. было основано около 20 сел [14, с. 222]. В 1800 г., согласно казенной ревизии, в Астраханской губернии проживало всего 3597 крепостных крестьян мужского пола. Это было гораздо меньше ожидаемого результата. К тому же, помня роман Н.В. Гоголя, трудно верить в объективность этих цифр. Скорее всего, не верило и правительство Александра I, которое в 1806 г. прекратило раздачу государственных земель в Астраханской губернии частным лицам, а позже и вовсе запретило ее [18, с. 65].

С 1785 г. началась государственная колонизация Нижнего Поволжья. Правительство Екатерины II, в связи со слабыми результатами помещичьей колонизации, решило подкрепить ее направлением на пустующие земли государственных крестьян. Как и в случае с помещичьей колонизацией, это было принудительное переселение крестьян на новые территории. С самого начала государственная колонизация натолкнулась на неспособность и нежелание астраханских чиновников выполнить это правительственное решение. Дело в том, что значительная часть земель, предназначенных Санкт-Петербургом для переселенцев, была ими незаконно приватизирована. Так губернатор П.С.Потемкин причитающиеся под государственную колонизацию землю – 54000 десятин – выделил себе и своим родственникам. Досталось из этого пирога также известному екатерининскому вельможе А.А. Безбородько, который от щедрот губернатора заимел 175 000 десятин, да еще с выходом на Каспийское море. Такое же пренебрежительное отношение к государственной колонизации выказывали и преемники П.С. Потемкина. Прибывавших в Астрахань государственных крестьян наскоро отправляли в дальние уезды, где никакой земли для них не было. В столицу же шли отчеты об устройении «переселенцев» и оказании помощи в налаживании хозяйства. Но сами устроенные себя таковыми, как правило, не чувствовали. По сведениям казенной палаты Астрахани, «крестьяне массами убежали из деревень» либо в Астрахань, где нанимались на рыбные промыслы, или просили подаяние, либо уходили в незаселенные земли, где создавали «самовольные» селения. В 1800 г. генерал Львов в своем донесении из Астрахани сообщал о том, что «тысячи го-

сударственных переселенцев шаталось праздно» по городу [18, с. 70]. Другой источник, в лице протоирея Скопина, также пишет о неустроенных государственных крестьянах, числом до 6000 человек обоего полу [13, с. 205].

Провал государственной переселенческой политики и многочисленные злоупотребления астраханских чиновников привели к тому, что губернатор Захаров в 1800 г. по результатам работы проверочной комиссии, возглавляемой генералом Львовым, был отдан под суд «за непоселение крестьян в надлежащих местах» [18, с. 71]. Однако дальнейшие события показали, что, несмотря ни на какие наказания, государственная колонизация была организована плохо, злоупотребления со стороны чиновников продолжались, результаты не оправдали ожиданий. Всего к 1803 г. государственная колонизация дала астраханскому краю около 16000 новых поселенцев (обоего пола). В Астраханском крае к концу XVIII в. насчитывалось 16 сел, образованных государственными крестьянами [14, с. 223]. Но при такой организации дела уверенности в том, что все эти крестьяне закрепятся на новой территории, будут успешно хозяйствовать и платить налоги в государственную казну, у астраханских чиновников не было. И все же при всех недостатках государственная колонизация дала Нижней Волги почти в полтора раза больше переселенцев, чем фиктивная помещицья.

Таким образом, XVIII в. стал периодом активной русской колонизации Нижнего Поволжья. Миграция населения на Нижнюю Волгу осуществлялась в разных формах, которые дали разный результат. Наиболее эффективным показало себя вольное переселение, которое осуществлялось купцами, вышедшими в отставку военными, а также беглыми крепостными и другими «бедовыми» людьми, которых Правительство не отлавливало в Астраханской губернии. Эта форма колонизации к тому же стала самой качественной, ибо дала наибольшее количество людей, заинтересованных в развитии Астраханской губернии, связавших свою жизнь с этими землями: торговцев, рыбопромышленников, ловцов. Именно их стараниями началось освоение природных богатств края, стала процветать торговля, в том числе и международная, а Астрахань стала привлекательным местом для поселения инициативных и свободолюбивых людей со всех концов России. Другой формой успешного заселения стала казачья колонизация. В ходе нее, с помощью государства, было создано Астраханское казачье войско,

занимавшееся охраной пограничной территории и стратегически важного пути – Московского тракта. Государственная колонизация, не давшая ожидаемых результатов из-за плохой организации и воровства местных чиновников, тем не менее внесла определенный вклад в заселение края. Провальной, в основном, оказалась помещичья колонизация, которая в начале XIX в. была прекращена правительством Александра I.

Литература

1. Переписи населения // Сайт историка-генеалога Александра Краснолуцкого. – URL: http://redbow.ru/perepisi_naseleniya
2. Астраханская область. История Астраханской области // Федеральный портал о городах Protown.ru. – URL: http://www.protown.ru/russia/obl/history/history_387.html
3. 400 лет армянской диаспоре в Астрахани // Волга, №111 (24032), 2 августа 2001. – URL: <http://www.volgaru.ru/index.php?retr&article=1317&PHPSESSID=b04773beca966e6be2a9fc7dffee788>
4. История образования Астрахани и Астраханской области // Портал правительства Астраханской области. – <https://www.astrob1.ru/history>
5. Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. – М., 2013. – 368 с.
6. Бурдей Г. Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40-50 гг. XVI в. // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Харьков, 1956. Т. 47. Вып. историч.1. С. 183-205.
7. Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. №5. С.27-36.
8. Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград: Нижневолжское кн.изд-во, 1974.
9. Вереин Л. Е. Присоединение Нижнего Поволжья к русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958. – 46 с.
10. Виноградов С.В. О некоторых особенностях реализации новой экономической политики в Поволжье // География, геология и глобальная энергия. 2006. №12. С.144-149.
11. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1771. Ч.II.

12. Гоголь Н.В. Мертвые души. Собр. Соч. Т.5. М., 1959.
13. Дневник Скопина // Исторический сборник. Саратов, 1891. С.204-221.
14. История Астраханского края. Астрахань, 2000. – 1122 с.
15. Карабущенко П.Л. Астраханская губерния и ее губернаторы в свете культурно-исторических традиций XVIII-XIX столетий. Астрахань, 2011. 360 с.
16. Кулаков В.О. Грузинский царь Вахтанг IV в Астрахани: страницы истории тайной дипломатии России (первая треть XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2009. №20.
17. Курбатов А.А. История Астраханского края (с древнейших времен до конца XIX в.). Астрахань, 2007. – 184 с.
18. Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII в. // Наш край. 1926. №4.
19. Марков А.С. Братья Сапожниковы. Астрахань, 2008. – 322 с.
20. Небольсин П.И. Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852. – 197 с.
21. Струбалина Н.К. Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1989.

В. Ю. Ильянов,
*директор управления ФГБУ «Фитомелиорация»,
Россия, Элиста*

Роль русско-монгольского взаимодействия в развитии международной деятельности Руси

Исходя из огромного значения монгольской компоненты в истории Руси, мы попытались рассмотреть политику монголов в отношении Руси, роль монгольского господства в процессе развития русского государства XIII-XV вв. Необходимо отметить, что определяющим политическим процессом этого периода были весьма многоплановые и многовекторные взаимоотношения Руси и Орды. Это и установление господства Орды, и совместная борьба против наступления агрессивных западных соседей, и борьба

Руси за независимость от Золотой Орды. Безусловно, монгольское влияние на Русь сказывалось на многих сферах жизни русских земель, которые чрезвычайно важны для определения и характеристики генезиса российской государственности и сущности русско-ордынских отношений.

Культура Востока, которой в XIII в. еще принадлежало первенство, культура, впитавшая в себя все лучшие достижения человечества во всей их сложности и многообразии, обусловила внешнюю сторону и ритуал дипломатических взаимоотношений между Золотой Ордой и другими странами. Все эти обряды и традиции в Золотой Орде служили одной цели – подчеркнуть всю важность дипломатической процедуры, выполнявшейся с подлинным искусством. Вместе с тем внешняя роскошь дипломатических посланий и сам пышный церемониал приема послов определялись и тем уважением, которым в ту эпоху пользовалось не только искусство дипломатии, но также и посольское звание.

По мере того как Золотая Орда угасала, теряя свое влияние на Русь, у Москвы появлялось все больше возможностей для установления непосредственных связей с другими государствами. В новых условиях прежняя дипломатическая практика уже не отвечала веяниям времени, которые требовали существенных изменений [1].

Сложность дипломатического делопроизводства требовала и соответствующих чиновников при дворе. Поскольку же труд ученых ценился значительно ниже, чем труд государственных служащих, то вполне понятно, что среди чиновников придворных канцелярий встречались не просто образованные люди, до тонкостей освоившие свою профессию, но и настоящие ученые, поэты и писатели. А это в свою очередь приводило к тому, что дипломатическое делопроизводство и форма посланий, безусловно, становились одним из элементов культурных, а отчасти и научных достижений той эпохи. С этой точки зрения они представляют большой интерес, ибо детальное изучение их, без сомнения, поможет прояснить еще недостаточно освещенные периоды истории Золотой Орды, тесно связанные с историей нашей Родины.

Орда не смогла полностью изолировать Великое княжество Московское и от европейских держав, хотя круг стран, с которыми Москва поддерживала дипломатические сношения, сильно сократился. В XIV – первой половины XV вв. это были Византия, Литва,

да Новгород еще осуществлял торговые операции с немецкой, датской и шведской Прибалтикой. Отношения с великим княжеством Литовским определялись необходимостью обезопасить русские земли от вторжения иноземцев. Ливонский Орден и его союзники (Дерптское епископство и др.), посягавшие на псковские и новгородские земли, доставляли наибольшие трудности Руси. Контакты с Византией устанавливались при посредничестве русской церкви, находившейся в зависимости от константинопольского патриарха. С падением Константинополя в 1453 г. церковные связи продолжали оставаться важным каналом дипломатической активности в Турции. В ту пору Великое княжество Московское установило дипломатические контакты с Ширваном, Кахетией, Персией и Крымом, искало пути для налаживания торговли с Италией. Но, безусловно, важнейшими были отношения с Золотой Ордой.

Однако, начиная с 30-х гг. XIV в. с ростом могущества Московского княжества и особенно после победы на Куликовом поле в 1380 г. процесс собирания русских земель вокруг Москвы заметно активизировался. Как и прежде, русские великие князья единолично определяли курс внешней политики государства. При Дмитрии Донском (1362 – 1389 гг.) Москва становится фактически признанным центром Русской земли, способной вести борьбу с Золотой Ордой. Приращение территории Московского княжества осуществлялось самыми разнообразными способами: с помощью династических браков, войн, покупки или захвата земель у слабого соседа, политического обмана, экономического давления либо изгнания неугодных князей из родных уделов. В 1426 г. столица Руси была официально перенесена из Владимира в Москву.

В отношении Орды политика Москвы по-прежнему оставалась чрезвычайно осторожной. Не повлияли на сдержанную позицию московских князей даже завоевательные походы Тамерлана в Средней Азии во второй половине XIV в., сокрушившие ее военную мощь, и проникновение полчищ Тимура в Закавказье, на Северный Кавказ, в Прикаспий, Приазовье и Крым, в результате чего Орда оказалась отрезанной от своих монгольских истоков. Московские правители ждали окончательного падения ордынской власти, продолжая еще сто лет после Куликовской битвы регулярно посылать подарки ханам. В то же самое время они еще больше ужесточили свою политику в отношении окружавших Москву под-

властных ордынцам русских земель, населенных коми, вотяками, манси, пермяками и другими народами. Здесь внешние задачи нередко решались силой оружия или путем оказания военно-политического давления.

Параллельно с объединением русских земель, созданием духовной основы национального государства, шел процесс укрепления русской государственности, формирование централизованного российского государства. Предпосылки этого процесса были заложены в период татаро-монгольского ига. Стоит отметить, что вассальная зависимость русских земель от Золотой Орды в определенной мере способствовала укреплению русской государственности. В этот период внутри страны возрастает объем и авторитет княжеской власти, княжеский аппарат подминает под себя институты народного самоуправления, и вече – древнейший орган народовластия постепенно исчезает из практики на всей территории исторического ядра будущего российского государства. В период татаро-монгольского ига были уничтожены городские вольности и привилегии. Отток денег в Золотую Орду препятствовал появлению «третьего сословия», опоры городской самостоятельности в странах Западной Европы. Войны с татаро-монгольскими захватчиками привели к тому, что в ходе их была уничтожена большая часть дружинников – феодалов. Класс феодалов начал возрождаться на принципиально иной основе. Теперь князья раздают земли не советникам и боевым товарищам, а своим слугам и управителям. Все они находятся в личной зависимости от князя [2].

Вследствие политической зависимости русских земель от Золотой Орды объединительный процесс протекал в экстремальных условиях. И это накладывало существенный отпечаток на характер властных отношений, складывающихся в Российском государстве. Процесс присоединения других государств, «княжеств-земель» к Московскому княжеству чаще всего опирался на насилие и предполагал насильственный характер власти в государстве-объединителе. Феодалы присоединенных территорий становились слугами московского правителя. И если последний в отношении с собственными боярами по традиции мог сохранять какие-то договорные обязательства, идущие еще от вассальных отношений, то по отношению к господствующему классу присоединенных земель он был только господином для своих подданных. Таким образом,

вследствие целого ряда исторических причин в становлении государственности Московского царства преобладают элементы восточной цивилизации. Отношения вассалитета, утвердившиеся в Киевской Руси до татаро-монгольского ига, уступают отношениям подданничества [3].

Тем не менее, российскую государственность нельзя в полной мере относить к восточному деспотизму. В ней в течение длительного времени функционировали такие органы общественного представительства, как Боярская дума, земское самоуправление и земские соборы. Боярская дума как совещательный орган управления существовала еще в Киевской Руси. Тогда она не являлась частью государственного аппарата. С образованием единого централизованного государства Боярская дума превращается в высший государственный орган страны. В состав Боярской думы помимо государя входили бывшие удельные князья и их бояре. В ее руках практически сосредоточиваются наиболее важные властные функции. Боярская дума является законодательным органом государства. Без ее «приговоров» законодательные акты не могли вступать в силу. Ей принадлежала законотворческая инициатива в принятии новых «уставов», налогов и знаменитых Судебников (1497, 1550 гг.), являвшихся сводами юридических норм и законов, действовавших на всей территории единого государства. Одновременно Боярская дума была и высшим исполнительным органом. Она осуществляла общее руководство приказами, надзирала за местным управлением, принимала решения по вопросам организации армии и земельным делам.

В период складывания единого российского государства шел процесс формирования центральных органов исполнительной власти. Уже в начале XVI в. в структуре государственного управления важное место занимают приказы. Во главе приказа обычно стоял боярин. Непосредственно исполнительную деятельность проводили дьяки и подьячие, вербовавшиеся из среды служилого дворянства. Приказы – это органы отраслевого управления. Они создавались по разным поводам, выполняли многие функции, иногда носили временный характер.

Окончательное оформление приказов как учреждений произошло в конце XVI в., когда для каждого из них были установлены определенный штат, бюджет и на территории Кремля построены

специальные здания. К середине XVII в. общее число приказов достигло 53 со штатом 3,5 тысячи человек. При крупных приказах создавались специальные школы для подготовки квалифицированных кадров государственных чиновников.

На этом аспекте мы остановимся более подробно, так как внешними сношениями занимался именно посольский приказ. Сложные задачи, стоявшие перед Московским государством в области внешней политики, требовали создания особого учреждения для руководства дипломатическими сношениями.

При Иване III такого учреждения еще не существовало. Вопросы внешней политики обсуждались и решались самим великим князем совместно с Боярской думой. Техническая сторона приема послов возлагалась на великокняжеских казначеев, которые играли в то время роль министров финансов.

Организация особого учреждения, которое ведало международными сношениями, падает на XVI в. Постепенно из числа влиятельных великокняжеских дьяков выделяются те, которые специализируются на переговорах с иностранными послами. В 1549 г. «посольское дело» было «приказано» дьяку Ивану Михайловичу Висковатому [67] (в то время он «был еще в подьячих»). Этим назначением и положено было начало Посольскому приказу как особому учреждению. В 1561 г. Висковатый получил звание «печатника», т. е. канцлера. Назначение лица неродовитого на столь ответственную должность объясняется, по-видимому, тем, что руководство внешней политикой царь оставлял за собой и по-прежнему решал связанные с нею вопросы сообща с Боярской думой, а «печатник» заведовал только канцелярией. Очень скоро, однако, скромный начальник посольской канцелярии стянул в свои руки всю текущую дипломатическую работу и сделался очень важным звеном во всей внешнеполитической деятельности правительства.

Возникновение Московского княжества, усиление и рост, объединение под властью московских князей большей части северных русских земель происходило в теснейшей связи с Золотой Ордой. Поэтому оценить глубину влияния монголов на русскую историю мы можем, изучая историю взаимоотношений Руси с Золотой Ордой. Монгольское наследство Руси сформировало наше государство не только как европейскую державу, но и позволило легитимно и органично взять власть в бывших землях монголь-

ской империи – Казанском, Астраханском и Сибирском ханствах. Именно так складывалось наше многонациональное и многоконфессиональное государство, что во многом позволило России избежать значительных межэтнических и религиозных конфликтов.

Литература

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М., 1997.
2. Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е исправленное. М., 2006.
3. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // http://royallib.com/read/yurganov_andrey/u_istokov_despotizma.html#0.

М. А. Коломейцева,
*Московский институт лингвистики,
Россия, г. Москва*

Аграрные миграции на юге России в XVIII – XIX веках (на материалах крестьянства Дона)

Стихийные миграции аграрного населения в России в эпоху крепостничества носили ярко выраженный социально-экономический характер. Многотысячные крестьянские миграции являлись, прежде всего, реакцией и формой протеста крестьянства против зависимого положения. По мере усиления государственного и помещичьего контроля массовые попытки бегства крестьянства отмечаются практически повсеместно. Ареал конечной локализации миграционных потоков охватывал в основном окраины Российской империи, в том числе южные степные территории.

Дон на протяжении долгого времени оставался одним из наиболее привлекательных мест переселения в связи с обилием неосвоенных, пустующих земель, благоприятными природными условиями и отсутствием жесткого государственного контроля. С конца XV века начинается складывание донского вольного казачества, образованного, в массе своей, из переселенцев из центральных русских земель. Беглый крестьянский, военный и прочий люд заложил основы донского казачества. Дон стал олицетворением

вольницы и приобрел привлекательность в глазах бегущего от крепостного гнета крестьянства, стремящегося перейти в ряды казаков.

Само казачество при этом охотно принимало на своей земле новые потоки беглых. По сообщению исследователя Е. П. Савельева: «Крестьяне, стрельцы и ратные люди шли и в одиночку, и партиями, большей частью приставая к возвращавшимся из Москвы казачьим посольствам. Нередко сами атаманы... подговаривали московских людей идти с ними на Дон и на требования... выдать беглецов отвечали отказом и даже защищали их с оружием в руках. Стрельцы и ратные люди были для них желанными товарищами. Крестьяне же находили на Дону простор и свободу и охотно вступали в ряды казачества» [6, с.17-18]. Возможность перехода в казачье сообщество сохранялась вплоть до начала XIX века.

В XVIII-XIX вв. в потоке переселенцев на Дон преобладали выходцы из близлежащих областей: Воронежской, Белгородской, Курской, Орловской губерний, особенно Слободской и Левобережной Украины. Причем число малороссиян постоянно возрастало. Поскольку регистрация внутренних миграций вплоть до конца XVIII века, не считая данных каждой очередной ревизии, практически не велась, судить об общей численности переселенцев, в том числе в области войска Донского, крайне затруднительно. Однако даже при приблизительных подсчетах очевидно, что активность и объемы переселенческого потока стабильно возрастали. А. П. Пронштейн приводит следующие цифры о численности крестьян-переселенцев на Дону: к XVIII в. – 55 тыс., 1859 г. – почти 300 тысяч (около 30 % крестьян); С. Брук и В. Кабузан – 81 тыс. и 287 тыс. соответственно [5, с. 57; 1, с.49]. Таким образом, темпы прироста за полвека выросли почти в 3 раза.

Переселенцы занимали свободные земли, селились, с согласия общества, на станичных землях или же образовывали собственные хутора. Обилие свободных земель позволяло организовать хозяйство без ущемления интересов соседей.

Однако по мере оформления общественной структуры казачьего войска отношение к переселенцам со стороны самого казачества меняется: переход от активной военно-походной деятельности к хозяйственно-производственной повышает заинтересованность казачества, особенно его верхушки, в использовании труда

крестьян-переселенцев. Элита донского сообщества постепенно превращается в местное дворянство. Установление верноподданических отношений с центральным правительством способствовало оформлению феодальных порядков на Дону. До конца своего существования Войско становится одним из оплотов российской имперской государственности.

К концу XVIII века относится становление на Дону крепостного права. Переселенцы были записаны либо за станицами, либо за частными лицами. По данным 5-й ревизии (1795 г.), всех крестьян на Дону числилось около 60 тысяч, из них за помещиками – 55 тысяч, за станицами – 3864 [2, с. 79]. Труд крестьян использовался как на сельскохозяйственных работах, так и в не земледельческой деятельности – на небольших заводах казаков, гужевом транспорте, промысле.

В целом на начальном этапе массовых аграрных миграций на Дону до конца XVIII в. отмечается нарастание темпов самовольных крестьянских переселений, вплоть до установления крепостного права – относительной свободой перемещений и выбора места проживания. Социальными причинами аграрных миграций, таким образом, являлись бегство от крепостного гнета и ужесточения государственной социальной политики, возможность повысить социальный статус путем перехода в ряды вольного казачества; экономическими – возможность занятия пустующих земель или же разбогатеть посредством участия в военных походах казаков.

Особенности крепостного права на Дону были таковы, что положение зависимого крестьянства было сравнительно лучшим относительно центральных регионов. Надел в 15-20 десятин, нарезавшийся на крестьянскую душу помещикам по Положению об управлении войском 1835 года, и находившийся в фактическом пользовании крестьян, позволял последним вести довольно продуктивное хозяйство. Во многом это объясняло более активное вовлечение донского крестьянства в торгово-рыночные отношения, особенно проявившееся после отмены крепостного права. Это обстоятельство, наряду с тем, что донские помещики являлись в большинстве своем представителями войсковой верхушки, т.е. не были помещиками в классическом понимании и способе организации собственного хозяйства, обусловило относительную свободу деятельности крестьянства в рамках помещичьего хозяйства, мень-

шую степень его эксплуатации. Крестьянство Дона, проживавшее на казачьих землях, в меньшей степени испытывало на себе влияние крепостного гнета. Чуть более полувека просуществовало крепостное право на Дону, и после его отмены в структуре донского сообщества происходит оформление отдельной категории – коренного донского крестьянства, общей численностью до 150 тысяч человек, наделявшегося, согласно реформе, земельными участками.

Вторая волна миграционных процессов захлестнула донскую землю уже в пореформенный период и особенно в последней трети XIX века. В указанный период Дон и Северный Кавказ являлись одним из динамично развивающихся регионов. Промышленный подъем и развитие торговли привлекали массы пришлого и коренного населения в города; превращение региона в один из крупнейших в стране хлебоэкспортных центров способствовало увеличению притока населения, активно участвовавшего в сельскохозяйственном производстве и торговле. В области сохранялся значительный запас пустующих земель, передававшихся войсковой администрацией в аренду, что привлекало переселенцев из центральных регионов, где наблюдался земельный голод. Прирост крестьянского населения, в первую очередь, за счет не прекращающихся миграций был весьма заметным: общая численность крестьян к началу XX века составила около 700 тысяч человек (примерно 30% всего населения) [4, с. 4-7]. Важную роль в интенсивной колонизации Дона сыграл закон от 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным вневойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск».

Вновь переселяющееся крестьянство получило особый статус – «иностранного». Коренное крестьянство составляло практически замкнутую группу, со своим укладом и системой управления. Иностранное крестьянство проживало на казачьих и крестьянских землях на правах аренды или покупки земли, или же самовольно занимая свободные участки. В последнем случае положение переселенцев было крайне нестабильным. Местное население, как казачье, так и коренное крестьянское, зачастую выражало недовольство новоявленным соседством, нередко в открытой форме, например, путем запрета пользования угодьями. В случаях, когда поселения иностранных стесняли казачьи довольствия, администрация могла прибегнуть к насильственному выселению [3, с. 9]. Помимо необходимости аренды или покупки, за право проживания пере-

селенцы обязаны были выплачивать так называемую посаженную плату, а также уплачивать различные общественные повинности и сборы. В социально-правовом отношении они оставались одной из самых слабозащищенных категорий, не имели прав ни в казачьей, ни в крестьянской общине, были лишены доступа к разного рода социальным благам.

Вместе с тем, именно в среде иногороднего крестьянства отмечался более высокий уровень социальной и экономической активности: крестьяне-переселенцы активно арендовали участки земли и развивали собственное хозяйство, активнее вовлекались в торговлю, нанимались на сельскохозяйственные работы. Процент использования наемной рабочей силы на Дону оставался одним из самых высоких в России. Часть переселенцев уходила в города, обеспечивая постоянный приток рабочей силы в развивающееся промышленное производство.

Массовая колонизация Дона второй половины XIX – начала XX века стала одним из оснований интенсивного развития региона, превращения его в важный аграрный, торговый и промышленный комплекс.

Таким образом, аграрные миграции на юге России являлись следствием общероссийских общественных явлений и процессов, происходивших в стране в XVIII-XIX вв., демонстрировали определенную степень общественной активности и мобильности крестьянского населения, оказывали влияние на развитие общественных отношений в регионе. В среде переселенцев более активно протекали процессы расслоения и поляризации, отмечался более высокий уровень производственной активности. Крестьянская колонизация Дона оказывала не только огромное влияние на демографические процессы, но играла важную роль в хозяйственном освоении региона, оформлении общественной структуры, развитии самобытной культуры края.

Литература

1. Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX веков (численность, структура, география). // История СССР, 1984. – № 4.

2. Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды областного войска донского статистического комитета (ТОВДСК). Вып. 1. – Новочеркасск, 1867.

3. Кушныренко-Кушнырев М. А. Краткий обзор сельскохозяйственного промысла за 1913 год в Области Войска Донского. Новочеркасск: Тип. «Донской печатник», 1914.

4. Памятная книжка Области войска Донского на 1905 год. Новочеркасск: Новочеркасская частная типография В. П. Болдырева, 1905. 175 с.

5. Пронштейн А. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и Степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX вв. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. Общественные науки, 1982. – № 1.

6. Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. – Новочеркасск, 1917.

А. А. Кудрявцев,
*Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь*

Дербент в эпоху монгольского владычества на Кавказе

Монгольские завоевания, кардинальным образом изменившие этно-политическую карту Евразии и оказавшие огромное влияние на миграционные процессы на обширных территориях от Китая до Западной Европы, стали важнейшим фактором влияния на развитие средневекового Дербента – одного из крупнейших городов Кавказа феодальной поры. Находясь на границе Европы и Азии, город в силу своего особого стратегического расположения у главных «ворот Кавказа» полностью контролировал важнейшую военную трассу из евразийских степей в Закавказье и на Ближний и Средний Восток, а также наиболее значимые кавказские маршруты «Великого шелкового пути».

Особое развитие в IX – XIII веках получила международная торговля по волжско-каспийским трассам и «Великому шелковому пути», связавшим мусульманский Восток с крупнейшими государствами Восточной Европы: Древней Русью, Волжской Булгарией, Хазарией. Дербент в этот период выступал одним из важнейших транзитных пунктов волжско-каспийской международной торгов-

ли и главным центром морской торговли на Каспии. Монгольское нашествие нарушило традиционные торговые связи в регионе, что пагубно отразилось на экономическом развитии Дербента, значительная часть населения которого мигрировала в горы, а сам город стал границей между крупнейшими монгольскими улусами.

После монгольского завоевания Дербент на протяжении почти двухсотлетнего периода выступал мощным военным оплотом и крупным торгово-экономическим центром на границе двух монгольских улусов: державой Хулагидов, носивших титул «ильханов», и Золотой Ордой. Монголы, вторгшиеся в Закавказье в 617 г. х. (1220-21 г.), подошли к Дербенту с юга, т. е. с наиболее безопасной стороны, где фортификация города не столь внушительная и мощная, как на севере, откуда ему традиционно угрожало нападение кочевников. Но мощь дербентских укреплений, даже с южной стороны города, произвела на монголов столь сильное впечатление, что Субэдэй-багатур и Джэбэ-нойон даже не сделали попытку овладеть городом, а обошли дербентские оборонительные сооружения, протяженностью более 40 км, по труднодоступным, порой совершенно непроходимым, местным дорогам. Путь этот был опасен и труден, но монголы, не считаясь с потерями, прошли по указанным им тропам, через горы, так как обратный путь через Закавказье и Восточный Прикаспий был очень долог, а они спешили к битве на Калке, в которой эти опытные войска и наиболее талантливые полководцы Чингисхана сыграли важную роль. Автор XIII века Киракос Гандзакецци сообщает, что монголы «пересекли кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды» [3, с. 103].

В период второго похода на Кавказ в 1239 году монголам удалось овладеть Дербентом, однако, вероятнее всего, город был сдан им на весьма почетных (для его обитателей) условиях и сумел избежать печальной судьбы большинства других средневековых городов Кавказа, Передней и Средней Азии, Восточной Европы. Археологические раскопки в Дербенте не выявили в культурных напластованиях города первой половины XIII века ни следов катастрофических разрушений и пожаров, ни массовой гибели его населения [4, с. 98]. Это подтверждают и сообщения французского посла к монгольскому хану Мангу Вильгельма де Рубрука, посе-

тившего Дербент в 1254 году и писавшего, что монголы лишь «разрушили верхушки башен и бойницы стен» [2, с. 170].

После смерти Чингисхана из огромной монгольской империи выделился улус Хулагу-хана, в государство которого вошли и территории Закавказья с областями Северного Кавказа до Терека, по которому легла граница между владениями Хулагидов и ханов Золотой Орды. Но при этом практически главным пограничным городом между этими крупными улусами стал Дербент, который был активно втянут в кровавые столкновения монгольских государей Ирана с правителями Золотой Орды.

Всемирно известный венецианский путешественник Марко Поло, побывавший во время своих путешествий в Азии и Закавказье, сообщал об одной из таких грандиозных междоусобных битв, разразившихся под стенами Дербента, который он называет Железными воротами, построенными между горами и морем Александром Македонским. Об этом крупнейшем сражении между монгольскими правителями Марко Поло писал, что из-за обладания спорной территорией «Ворот» в 1261 году «произошла великая распря между Алау, королем восточных татар, и Баркою, государем западных, из-за области, что была смежной тому и другому, каждому хотелось ею завладеть» [6, с. 266]. Для решающего сражения они выбрали «Большую равнину между Железными воротами и Саракинским морем», и «собрал каждый до трехсот тысяч всадников, прекрасно вооруженных всем, что по их обычаю, нужно для войны». Можно представить сколь тяжелые последствия имела эта и подобные битвы для экономики города и его сельскохозяйственной округи, где «земля считалась прежде за настоящий рай земной».

И хотя, в отличие от большинства городов Закавказья и средневекового Востока, монголы не разрушили Дербент и не истребили его население, они подорвали традиционные торговые связи города, уничтожили его основные рынки сбыта ремесленной продукции, нанесли тяжелый удар по сельскохозяйственной городской округе и его сельскому хозяйству, тесно связанному с городской экономикой [4, с. 98-99]. Всё это самым негативным образом сказалось на развитии Дербента во второй половине XIII века. Появление на востоке в XIV веке нового великого завоевателя Тамерлана, создавшего огромную империю, которая унаследовала и непримиримую вражду с Золотой Ордой, сыграло важную роль в развитии

Дербента. Археологические раскопки, проводившиеся здесь автором в 1970-1995 годах, свидетельствуют о значительных периодах спада в ремесленном производстве и торговле города, запустении отдельных частей его территорий, особенно в приморском районе. Это обстоятельство отмечал и побывавший в ноябре 1475 года в Дербенте Амброджо Контарини – венецианский посол при дворе шаха Узун Гасана, писавший, что к 1475 году в Дербенте «со стороны же моря все почти здания разрушены» [1, с. 79-80].

Завоевательные походы Тамерлана и хана Золотой Орды Тохтамыша в Закавказье и Северо-Восточный Кавказ проходили через Дербент и весьма пагубно отражались на его развитии, но при этом средневековый город поддерживал активные контакты с экономическими центрами Ближнего Востока и Золотой Орды и выступал посредником в товарообмене между Востоком и Западом, что продолжало стимулировать развитие его ремесла и торговли.

Разгром Тамерланом правителя Золотой Орды Тохтамыша способствовал тому, что на Северо-Восточном и Восточном Кавказе с конца XIV века военно-политическая обстановка стабилизируется, и начинается значительный экономический подъем Дербента. Проведенные здесь в 1970-1995 годах археологические раскопки документируют рост и положительную динамику развития города [5, с. 26-95]. Стабилизация политической и экономической жизни Дербента в конце XIV – XV веков во многом была связана с деятельностью его правителя Ибрагима Халила Дербенди, ставшего основателем дербентской ветви династии Ширваншахов и её преемников. Ибрагим Халил поддерживал военные действия Тамерлана на Кавказе, выступив союзником последнего и рьяным поборником ислама, столь ревностно насаждавшегося Тимуром. В благодарность за преданность Ибрагим Халил не только сохранил свою власть над Дербентом, но и получил в управление весь Ширван. Тонкая дипломатия дербентского эмира спасла город от разграбления войсками Тамерлана, и он не повторил судьбы многих цветущих городов Закавказья, Северного Кавказа и Поволжья. Погром, произведенный войсками Тамерлана на Северном Кавказе, привел к затуханию городской жизни в этом регионе; пришли в упадок практически все северокавказские города, и до конца XVIII века Дербент оставался фактически единственным позднесредневековым городом на этой территории.

В конце XIV – XV веков археологические исследования зафиксировали рост города и восстановление его обживаемой территории. В цитадели и шахристане города проводятся большие строительные работы: в северо-западной части цитадели Нарын-кала возводится новый дворец правителя Дербента [4, с. 141 -143], отстраиваются и украшаются богатым порталом главные ворота южной городской стены – Орта-капы, в шахристане появляются новые караван-сарай, водохранилища и фонтаны [8, с. 80-87].

В 1404 году кастильский дворянин Клавихо родом из Мадрида, направленный кастильским послом к Тамерлану, зафиксировал сведения о роли Дербента в огромной державе Тимура и о том, что «Тамурбек владеет двумя Железными воротами... Первые Железные ворота, которые ближе к нам, называются Железными воротами у Дербента; а другие, дальние, называются Железные ворота у Термита» [7, с. 231]. В своем сообщении Клавихо подчеркивает возросшее в этот период торгово-экономическое значение Дербента и пишет, что «Дербентские Железные ворота приносят ему (Тимуру – А. К.) большой доход ежегодно. А Дербент очень большой город и к нему принадлежит также очень обширная земля» [7, с. 231].

Следует отметить, что XIV век был временем расцвета Золотой Орды, подъема её экономики и торговли, развития городов, периодом сложения собственно золотоордынской культуры. Сопоставление археологических материалов, полученных в ходе масштабных раскопок Дербента, и многочисленных находок, выявленных при исследовании известных городов Золотой Орды (Сарай аль-Махруса – Селитренное городище, Сарай Ал-Джедид – Царевское городище, Маджар – Маджарское городище и др.), свидетельствуют об их широких торгово-экономических контактах и культурных заимствованиях, особенно активных в конце XIII – XIV веков. Наиболее близкие параллели прослеживаются в керамическом производстве, где многие типы поливной и неполивной посуды, глазурованных кирпичей и керамических плиток имеют очень схожие формы и орнаментальные мотивы, а зачастую и прямые аналоги.

Одновременно в культурных напластованиях конца XIII – нач. XIV веков обнаружены характерные для золотоордынской культуры предметы вооружения и украшения (наконечники стрел, костяные обкладки луков и кольца лучников, рукоятки ножей, подвески,

кольца, браслеты и др.), изделия из стекла, фарфора, фаянса, кирпича и майолики.

Внутриполитический кризис в Орде во второй половине XIV века, поражение Мамая на Куликовом поле в 1380 году, разгром Тамерланом основных городов и торгово-ремесленных центров Золотой Орды в 1395 году, междоусобная борьба и внутренние противоречия подрывали могущество Золотой Орды, и к концу XV века она распалась (окончательно в 1502 году). Крушение Золотой Орды, гибель её городов, построенных по воле правителей в степях «с нуля», без традиционных связей и преемственности, затормозили урбанизационные процессы на обширных территориях Северного Кавказа и Предкавказья. К концу XV века городская жизнь здесь практически повсеместно затухает, и до конца XVIII века, т.е. до проникновения на Северный Кавказ и в Предкавказье России, северокавказский город как экономическая и социокультурная единица исчезает с исторической арены. Лишь Дербент в силу своего геополитического положения и специфики социально-экономического развития продолжает свое существование и дальнейшую эволюцию.

Литература

1. Библиотека иностранных писателей о России – издание В. Семенова. СПб., 1836. Т.1.
2. Вильгельм де Рубрук. Путешествия в восточные страны – введение, перевод и примечание А. И. Малеина. СПб., 1911. – 232 с.
3. Киракос Гандзакечи. История Армении – Пер. ком. Л. А. Ханларян. М., 1976. – 359 с.
4. Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана. Махачкала: Дагест.кн.изд-во, 1994. – 318 с.
5. Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Периодизация развития отраслей ремесленного производства средневекового города (по материалам Дербента VI – XVIII вв.). Часть 1. Ставрополь, 2005.
6. Марко Поло. Путешествия. Пер. со старофр. И. П. Минаева; вступ. статья, ком. и ред. К. И. Кунина. Л.: Художественная литература, 1940.
7. Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд. – Подлин. текст, пер. и прим. И. Срезневского – сборник Отделения русского языка и словесности; АН СПб., 1881. Т. XXVIII. №1.

8. Хан-Магомедов С. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М.: Искусство, 1979. – 288 с.

С. Х. Манджиев,
аспирант,

М. А. Отчиев,
магистрант,

КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Великое переселение народов: миграция германских племен на Британские острова

Миграции и передвижения, проходившие на фоне крушения Римской империи, начали приобретать черты качественно иного уровня и масштаба.

История Англии, как государства, началась с вторжением германских племен англов, саксов, ютов и созданием ими на территории Британии нескольких раннефеодальных государств. Миграции англосаксов дали Британии новое название – Англия, то есть «земля англов».

В своей работе Глебов А.Г. упоминает о том, что англосаксонское завоевание Британии представляло собой одну из многочисленных волн Великого переселения народов и по своему характеру принципиально не отличалось от аналогичных военно-колониционных миграций других германских народностей. Англосаксы прибывали в Британию в течение 3-4-го столетий, частью в качестве приглашенных бриттами наемников, частью с целью грабежа, частью – в поисках лучших земель для поселения и ведения хозяйства. Несмотря на определенные племенные различия между отдельными группами первопоселенцев, между ними было немало общего уже на их исторической прародине. Учитывая диалектные особенности, они говорили на одном языке; их материальная культура в целом была единой; они верили в одних и тех же богов, возводя к Одину основателей своих королевских династий. Наконец, их политические учреждения и социальная организация, насколь-

ко мы в состоянии судить, также были однотипны, находясь на последней ступени развития родоплеменных отношений [1, с. 2].

Северогерманские племена англов, саксов и ютов начали переселяться на Британские острова в середине 5 века. До этого времени, с 1 в. н. э., Британия, населенная пиктами и кельтскими племенами (бриттами и скоттами), была римской провинцией. Легионеры основали здесь укрепленные поселения, остатки которых сохранились в некоторых местах и до сих пор, так же как и названия на -честер и -кастер (от латинского *castrum* – «укрепленный лагерь») выросших затем городов. Они построили разветвленную сеть дорог, связывающих укрепленные пункты; наконец, создали несколько мощных оборонительных линий, протянувшихся на несколько десятков километров, которые должны были охранять «римскую Британию» от местных племен пиктов и скоттов [2, с. 2].

В начале V в. гибнущий под ударами готов Рим вынужден был отозвать остатки своих войск из Британии. В целом же вырисовывается достаточно ясная картина англосаксонского завоевания Британии. Не выдерживая натиска пиктов и ведя постоянные междоусобные войны, бритты призывали на помощь германцев. В виде платы за службу наемники получали земли, на которых могли поселиться. В 477–491 гг., появляются новые отряды германцев, которых, как кажется, уже никто не приглашал. Они прибывают с семьями, захватывают земли на юго-востоке и востоке страны, основывают поселения и ведут непрекращающуюся борьбу с кельтским населением. Вплоть до середины VI в. продолжается массовое переселение. Это уже не эпизодические набеги, не дружинная служба и не оседание небольших отрядов, а массовая колонизация южной и средней Англии. Ныне известно более 1500 могильников с 50 000 захоронений англосаксов, относящихся ко времени до 600 г. – таков был масштаб этой колонизации. Особую остроту их борьбе с местным населением придавало то, что германцы стремились поселиться в местах с наиболее плодородными почвами, избегая гористых и болотистых территорий. Но именно здесь и жили кельты. Поэтому германцы изгоняют местных жителей с освоенных ими земель [2, с. 3].

Согласно Д. Макдаэулли, сначала германские племена устраивали только набеги на Британию, но после 430 года нашей эры они начали там селиться. Пришельцы были воинственны и безграмотны. Источником информации о том периоде стал английский

монах по имени Бид, живший тремя столетиями позже. Его рассказ о событиях в «Духовной истории английского народа» оказался в целом верен и подтвержден археологически. Бид говорит, что завоеватели вели свой род от трех мощных германских племен – саксов, англов и ютов. Юты осели, главным образом, в Кенте и на южном побережье и скоро перестали отличаться от саксов и англов. Англы расселились на востоке и в центральной части, а саксы – меж ютов и англов, на полоске земли от устья Темзы и далее на запад [3, с. 1].

Проанализировав доступную информацию, Д. МакДауэлл пришел к выводу, что британские кельты боролись с набегами и поселенцами из Германии как могли. Однако в течение следующего столетия пришельцы медленно выдавливали их в западном направлении, пока не вытеснили – к 570 году – на запад Глочестера. В итоге, большая часть кельтов была изгнана в горные районы далеко на западе, которые саксы называли «Веллас», или Уэльс, то есть – «земля чужеземцев». Некоторые кельты ушли в Корнуолл, где позже признали власть саксонских повелителей. На севере другие кельты были оттеснены в Лоландс, южную часть той страны, которую позже называли Шотландией [3, с. 2]. Оставшиеся в живых кельты в страхе перед захватчиками бежали на континент – в область, называемую Арморика. После массового переселения туда бриттов она получила новое название, которое сохраняется и сейчас – Бретань.

Продолжительная и упорная борьба с кельтским населением Британии, требовавшая сосредоточения сил и власти, естественно привела к усилению королевской власти у тех германских племен, у которых она уже существовала и до их переселения в Британию, и к возникновению ее у тех, которые еще не знали ее и на время войны избирали герцогов. Общим результатом англосаксонского завоевания явилось образование на британской территории целого ряда германских королевств. Лишь только прекратилась борьба с бриттами, как началась явная и скрытая борьба между этими королевствами, не прекращавшаяся до второй половины 10 в., когда закончился многовековой процесс объединения Англии, совершавшийся в этой борьбе [4, с. 174].

Немало было сделано для уяснения вопроса о судьбе кельтского поселения в Британии. Кельтское население, как показали раскопки, захоронений, сохранились не только в местах, не завоеванных германцами (Уэльс, Корнуэлл, север Британии), но и в районах их

интенсивного расселения. Существует предположение, что в областях севернее Йорка, в низменных районах Восточной Англии и в южной части страны кельтское население преобладало. Все это делает правомерным предположение о восприятии и переработке англосаксами отдельных элементов кельтской культуры [5, с. 9].

Говоря о заимствовании англосаксами отдельных элементов кельтской и позднеримской культур, не следует забывать, что завоевание Британии сопровождалось существенными этническими изменениями. В районах интенсивного расселения завоевателей преобладало германское население. А то обстоятельство, что к моменту завоевания в Британии в отдельных районах были живы некоторые позднеантичные социально-экономические и политические институты, хотя и служит опровержением гипотезы о полном их пресечении с уходом римлян, еще не доказывает, однако, положения об их повсеместном и глубоком воздействии на англосаксов. Возможность синтеза римско-германских отношений в Британии была ослаблена рядом обстоятельств, среди которых первостепенное значение имели низкий уровень развития самих завоевателей, непродолжительность и локальная ограниченность сохранности институтов позднеримского происхождения. В источниках практически нет свидетельств, которые позволили бы о заимствовании англосаксами каких-либо элементов римской государственности после завоевания Британии [5, с. 10].

Итогом англосаксонского вторжения в Британию стало изгнание, порабощение и уничтожение коренного населения, а также уничтожение их родного языка. В тех частях острова, захваченных германцами, старый язык был полностью забыт, от него остались только географические названия: Кент, Девон, Йорк, Лондон, Темза, Эйвон и Эксетер – имена кельтского происхождения. В названии Кемберленд сохранилась память о кимрах. К югу от Бристольского залива лежит область, которую саксы называли Корнуилхас, «земля сухопутных чужаков». Со временем это название превратилось в Корнуолл. Корнуолльский диалект древнего языка бриттов к 1800 г. полностью вышел из употребления [6, с. 11].

Англы и саксы, ставшие хозяевами острова стали считаться одним народом, на современном языке называемым «англосаксы» т.к. они были очень близки по языку и обычаям, и их англосаксонский диалект лег в основу современного английского языка.

Англосаксы основали множество королевств, названия некоторых всё ещё существуют в виде названий областей: Эссекс (Essex

= East Saxons), Сассекс (Sussex = South Saxons), Уэссекс (Wessex = West Saxons), Мидлсекс (Middlesax = вероятно, королевство Middle Saxons), Ист Энглия (East Anglia = East Angles). К середине седьмого века самыми сильными стали три крупнейших королевства – Нортумбрия, Мерсия и Уэссекс [3, с. 3].

Англосаксонский период в истории Англии закончился завоеванием страны норманном Вильгельмом I Завоевателем после битвы при Гастингсе в 1066 г.

Д. Вильсон в своей книге отмечает, что влияние англосаксонской культуры очевидно и по сей день. Многие черты современной английской жизни впервые возникли именно в те времена. Административная система, законы, парламент, язык и литература в конечном счете имеют англосаксонское происхождение. За прошедшее столетия они изменились до такой степени, что англосакс, живший во времена короля Альфреда, едва узнал бы их и признал своими, но для историков их истоки очевидны. Подтверждения этой преемственности можно видеть повсюду; многие личные имена и географические названия произошли от англосаксонских, и в те же времена возникли большинство деревень, и некоторые города. Дни недели называются по именам германских богов: Tig – Tuesday (вторник), Wodin – Wednesday (среда), Thor – Thursday (четверг), Frei – Friday (пятница). Границы округов и графств, и даже принцип датировки исторических событий от Рождества Христова, появились в англосаксонские времена. Викинги, нормандские властители, французские государственные деятели, германская знать, французские протестанты и беженцы из Центральной Европы вливались в английскую нацию, которая в основе своей всегда остается англосаксонской [7, с. 20].

Литература

1. Глебов А. Г. Становление и развитие раннеклассового общества в англосаксонской Британии, V-IX вв. – Автореф. дисс. на соиск. уч. ст.д.ист.н. – Воронеж: ВГУ. – 1999. – URL: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-ranneklassovogo-obshchestva-v-anglosaksonskoi-britanii-v-ikh-vv> (дата обращения: 1.10.2016)

2. Мельникова, Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. – URL: <http://www.rulit.me/books/mech-i-lira-anglosaksonskoe-obshchestvo-v-istorii-i-epose-read-179181-1.html> (дата обращения: 2.10.2016)

3. Дэвид МакДауэлл. Иллюстрированная История Британии: Longman group UK Limited, 1989. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2FwJidx36%2BA5bB2vM5jLQ%2B2Z6KP8d1mkp%2FcgFTxTDSKSM%3D&name=An%20Illustrated%20History%20of%20Britain.pdf&c=581f16a35338> (дата обращения: 1.10.2016)

4. Петрушевский, Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Государственное издательство, 1922. – URL: <http://padaread.com/?book=78001> (дата обращения: 2.10.2016)

5. Савело, К.Ф. Раннефеодальная Англия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 144 с.

6. Переселение и образование варварских королевств. Королевство англо-саксов, 2013. – URL: <http://narodworld.ru/germantsy/pereselenie-i-obrazovanie-varvarskih-korolevstv.html> (дата обращения: 2.10.2016)

7. Дэвид М. Вильсон. Англосаксы. Покорители кельтской Британии. М.: Центрполиграф, 2004. – URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/135351/Vilson_-_Anglosaksy._Pokoriteli_keltskoy_Britanii.html (дата обращения: 1.10.2016)

Е. Ш. Музраева,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Изучение евразийских миграций в Калмыцком государственном университете. Историографический обзор

Историки Калмыцкого государственного университета изучают миграционные процессы и их влияние на историю народов России. В первую очередь изучаются проблемы, связанные с миграцией ойратов из Азии в Европу и вхождением калмыцкого народа в состав России, а также переход через полтора века большей части калмыков из России обратно в Азию. За последние два десятилетия ученые КалмГУ создали труды, которые внесли большой вклад в изучение данной проблематики. Труды У.Э. Эрдниева, М.М. Бат-

маева, В.И. Колесника, А.В. Цюрюмова, Е.В. Дорджиевой хорошо известны в научном сообществе и широкой общественности. Достижения этих историков используются в учебном процессе в КалмГУ. К настоящему времени историки, работающие в университете, вместе со своими коллегами из Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН создали объективную и достаточно полную, хорошо документированную историю евразийских миграций и русско-калмыцких отношений XVII-XVIII вв.

Начало изучению евразийских миграций историками Калмыцкого госуниверситета положил патриарх исторической науки Калмыкии, основатель кафедры истории У.Э. Эрдниев. Во многих своих трудах Эрдниев затрагивает проблемы миграции кочевников, переселения и расселения калмыков на территории России. Среди них особое место занимает один из последних трудов ученого «Историческая судьба ойратов» [10]. Эрдниев пишет, как по-разному сложилась судьба народа: часть ойратов добровольно вошла в состав России, а ойраты Джунгарского ханства приняли на себя функцию защиты народов Центральной Азии от цинских захватчиков, стали препятствием на пути их продвижения в сторону Казахстана и Средней Азии. «Джунгарское ханство было уничтожено. Границы Цинской империи вплотную придвинулись к рубежам России, Казахстана и среднеазиатских ханств, ... но правители Китая не рискнули начать войну против сильного Русского государства. Длительные междоусобицы ойратских феодалов завершились для народа трагически – их потомки расселились на огромном пространстве от Западного Китая и Монголии до степей Нижней Волги», – пишет Эрдниев [10, с. 186]. Он считает, что главной причиной трагических событий в истории ойратов были междоусобицы, неспособность правящей верхушки к консолидированным действиям в интересах общества. Что касается волжских ойратов-калмыков, то ученый пишет, что их добровольное вхождение в состав Русского государства «имело огромное прогрессивное значение, избавило калмыцкий народ от порабощения китайскими феодалами. На смену постоянным, внутриойратским раздорам пришла стабильность, поддерживаемая российским правительством. Калмыкия стала составной частью обширной, более развитой российской экономики и культуры. ...Произошло слияние судьбы калмыков с историческими судьбами других народов,

прежде всего русского народа», – говорится в работе У.Э. Эрдниева [10, с. 182].

Большой вклад в исследование истории Калмыкии внес профессор КалмГУ М.М. Батмаев. Среди его трудов следует отметить такие, как «Калмыки в XVII и XVIII вв. События, люди, быт» и «Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв.» [1]. Автор останавливает внимание не только на объективных причинах переселения калмыков в Россию. Он пишет и о чувстве Родины, стараясь проникнуть во внутренний мир кочевников: «Как отдельный человек не всегда охотно меняет привычное местожительство, устоявшийся быт, так и непросто было и целому народу вдруг потерять знакомые пастбища и водопои, священные горы, могилы предков, урочища и реки с духами-покровителями, которым не раз приносились обильные жертвоприношения. Дело не меняется от того, что калмыки были кочевым народом. Вряд ли имеет основания негласный взгляд, что у кочевых народов слабо было развито чувство родины, что они были вечными бродягами, не задумываясь бросавшими насиженные места и переходившими с места на место, с меланхоличным безразличием оглядывая все новые и новые дали. Хотя мы знаем массу примеров движения кочевых народов древности и средневековья на тысячи километров, но все они в конечном счете были следствием или неблагоприятных климатических изменений, или, чаще всего, политических катаклизмов: поражений в борьбе с соседями, нашествий более сильного противника, внутренних междоусобий. Кочевание же на одной и той же территории также никогда не было беспорядочным движением, а устоявшимся передвижением по одним и тем же маршрутам, со сменой мест расположения по временам года» [2, с. 31]. Подводя итоги своим размышлениям, Батмаев пишет: «... путь калмыков к Волге был длителен и непрост, на этом пути было много зигзагов, колебаний и отступлений. Не будет большим преувеличением, если сказать, что финал движения калмыков – приход на Волгу и поселение в приволжских степях – был предопределен логикой развития событий, а не был логическим завершением заранее задуманного плана» [2, с. 47]. Можно сказать, что в большой степени стихийный миграционный процесс, продолжавшийся почти столетия, завершился обретением калмыками новых мест обитания.

М.М. Батмаевым написаны часть глав в фундаментальном коллективном труде по истории Калмыкии, подготовленном Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН [3]. В этих главах историк приводит более обширный материал по истории калмыков в XVII и XVIII вв. Батмаев считает, что «... шертями от 4 февраля 1655 года и 30 марта 1657 года было юридически оформлено завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства [3, с. 311]. По словам историка, перекочевка калмыков в Россию, поселение их в степях Нижней Волги и принятие российского подданства создали предпосылки для складывания общекалмыцкой государственности в форме ханства. Казалось, возникли, наконец, условия для стабильного и поступательного развития. Однако отношения между русским правительством и калмыцкой верхушкой развивались сложно и противоречиво. Обстановка на южных рубежах России была нестабильной, шла борьба с Крымским ханством и Турцией, в которой калмыки должны были принимать участие. Постепенно накапливались негативные для калмыцкого общества обстоятельства, которые вели к росту недовольства, особенно в среде знати. Стала складываться обстановка, в которой стала возможна откочевка большей части калмыцкого народа в Джунгарию.

Батмаев пишет, что за более чем столетнее пребывание в приволжских степях, в умах калмыков, родившихся и выросших на берегах Волги, укоренилось твердое представление о том, что их родина – эти степи. Причем, такое представление было характерно не только для народных масс, но и для подавляющей части знати [3, с. 420]. Тем не менее, стремление защитить свои интересы, добиться более благоприятных условий для развития привели к принятию верхами калмыцкого общества ошибочного решения об откочевке из России. Среди причин ухода калмыков в Джунгарию Батмаев отмечает ограничение самостоятельности Калмыцкого ханства (с чем не хотела мириться знать), сокращение территории кочевий, нежелание и неумение нойонов приспособливаться к смене устоявшихся форм господства и к новым явлениям жизни, которые неизбежно появились в связи с расселением в Поволжье, недовольство знати христианизацией калмыков, русско-калмыцкие противоречия, усилившиеся в связи с участием калмыков в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. Принятию решения об откочев-

ке способствовали также известия о разгроме Цинской империей Джунгарского ханства, опустевшие земли которого рассчитывала занять калмыцкая знать. [3, с. 424]. Батмаев считает, что первоначально инициатива откочевки из пределов России исходила не от наместника, а родилась в среде наиболее знатных представителей зайсангов и духовенства во главе с Даши-Дондуком и главным ламой Лоузанг-Джалчином. С ними с самого начала был заодно и Цебек-Дорджи. ...Кто бы ни подал первым губительную идею, выдвинутый замысел поддерживали влиятельные нойоны и зайсанги, – пишет Батмаев [3, с. 425]. Историк рассказывает о тайной подготовке откочевки, драматических событиях и потерях, которые пришлось пережить калмыкам в процессе поспешного ухода на восток.

М.М. Батмаев убедительно показал, что откочевка 1771 г. имела для калмыцкого народа огромные негативные последствия. Оставшиеся в России калмыки лишились своей государственности с её относительной автономией, резко сократилась численность калмыцкого населения в России, снизился экономический потенциал, сократилась торговля, усиливая натуральный характер хозяйства, сократилась территория кочевий и пастбищ, уменьшилось количество скота, затормозилось развитие новых интенсивных форм хозяйствования. Батмаев отмечает, что также велики моральные и культурные потери: увезены архивы и имевшаяся у калмыков литература оригинального и переводного характера, другие культурные ценности религиозного и светского происхождения [3, с. 431]. В заключение отметим, что труды М.М. Батмаева ценны не только в научном, содержательном отношении, но и написаны хорошим литературным языком, легко читаются и пользуются популярностью у широкого круга читателей.

Монография Е.В. Дорджиевой, посвященная уходу калмыков в 1771 г. в Китай, была опубликована в 2002 г. Среди причин откочевки калмыков автор указывает ограничительную политику российского правительства, сокращение территории кочевий, недовольство владельцев частым привлечением калмыков к участию в войнах России и выходом простолюдинов из-под их власти под предлогом христианизации. Растущий контроль со стороны российских властей рассматривался калмыками как насильственное чужеродное господство, которое в перспективе приведет к утрате традиционной религии и привычного образа жизни. Дорджиева

пишет, что в ответ на усиливающееся российское давление «калмыки воспроизвели тот комплекс действий который дал им в конце XVI в. возможность пережить похожую ситуацию с наименьшими потерями. В 1771 г. они продемонстрировали обычную для себя реакцию на конкретную угрозу извне – откочевали из России в Джунгарию в надежде воссоздать свою государственность, сохранить традиционные формы хозяйствования, религию и культуру» [4, с. 162]. Историк отмечает и черты ментальности, которые, по её мнению, способствовали откочевке калмыков из пределов России: «монархическая доминанта, отсутствие осознанного отношения к русской культуре, осмысление себя как части ойратского универсума, «санамр» – беспечность, безмятежность, халатность, жизнь одним днем облегчили задачу знати увлечь за собой в Джунгарию широкие народные массы» [4, с. 162]. Эти мысли автора могут вызывать сомнения в своей справедливости. В целом, книга Е.В. Дорджиевой стала заметным вкладом в изучение событий, связанных с миграцией калмыков в Азию в 1771 г.

Труды В.И. Колесника, посвященные истории кочевых обществ носят во многом новаторский характер. Широкий профессиональный кругозор автора позволил проследить связь миграции ойрат-калмыков с процессами всемирной истории. Историк считает, что трансконтинентальные кочевнические миграции в Евразии начались с вторжения гуннов в Европу, а заканчиваются возвращением калмыков в Центральную Азию. «Примечательно, – пишет В.И. Колесник, – что свое движение на запад калмыки, подобно гуннам, начали из Джунгарии и остановились там, откуда гунны начали свои знаменитые завоевания в Европе» [5, с. 5]. Историк отмечает, что миграции кочевников из Азии в Европу образуют особый пласт в жизни феодального общества. «Каждая волна кочевых переселений обладала собственной, отличной от других степенью воздействия на мир средневековья. Вторжение гуннов послужило толчком к Великому переселению народов, которое окончательно подорвало этническую, экономическую, социальную и политическую основы античного мира и тем самым заложило основы феодального общества. Влияние аваров, венгров, печенегов, половцев было весьма велико, но ограничилось главным образом рамками политической истории, в меньшей степени затронув социально-экономические процессы. Монгольское завоевание предопредели-

ло совершенно особый характер российского феодализма. В этом плане оно сопоставимо с гуннским, с тем, однако, существенным отличием, что его влияние сказалось не в общеевропейском, а только в восточноевропейском масштабе. Присутствие калмыков в Нижнем Поволжье стало одним из серьезных факторов развития политической истории здесь и в Северном Причерноморье. В борьбе за влияние в этом регионе между Россией и Турцией оно помогло склонить чашу весов в пользу первой, – пишет Колесник. Он считает, что кочевники влияли на динамику эволюции феодальных отношений в Европе – феодализм развивался медленнее и сохранялся дольше в тех регионах, которые продолжительное время находились под прямым контролем или испытывали на себе влияние кочевников [5, с. 5]. Колесник отмечает, что при переходе от средних веков к новому времени изменяется главное направление евразийских миграций: навстречу затухающей переселенческой волне с востока поднимается, начиная с рубежа XVI-XVII вв. волна с запада – начинается русская колонизация Сибири [5, с. 6]. Освоение русскими Сибири и расширение Китайской империи практически не оставили территории для существования кочевой цивилизации – заканчивается эпоха кочевых миграций [5, с. 7].

Во второй главе своей монографии В.И. Колесник пишет о миграции ойратов на запад и их постепенном вхождении в состав Русского государства в первой половине XVII в. Он подвергает сомнению общепринятую и официальную дату начала вхождения калмыков в состав России – 1609 г.: «...шертей, датированных этим годом, нет, и он был отмечен такими же переговорами, что и предшествовавшие годы, причем эти переговоры не были ни первыми, ни последними» [5, с. 38]. Историк полагает, что выбор этой даты был продиктован политической целесообразностью, связанной с реабилитацией калмыцкого народа после сталинских репрессий. В 1959 г. состоялось празднование 350-летия добровольного вхождения калмыков в состав России.

Шертные договоры первой половины XVII в. носили устный характер, заключались не первыми лицами, не несли никакого конкретного содержания применительно к понятию подданства, нарушались. Русско-калмыцкие отношения складывались сложно, периоды мирного сотрудничества сменялись конфликтами. Колесник считает, что, несмотря на частые калмыцкие набеги и

ответные походы на калмыков служилых людей, в генезисе русско-калмыцких отношений доминировало стремление к сотрудничеству. Причиной же замедленности сближения сторон было стойкое взаимное недоверие, обусловленное цивилизационной отчужденностью, – полагает историк [6, с. 35]. Он пишет, что частая возобновляемость шерстных договоров была связана с тем, что они носили исключительно личностный характер, а в феодальном обществе личностные связи принадлежали к числу наиболее прочных [5, с. 62]. Ситуация изменилась в середине XVII в. И российская сторона, и калмыцкая были заинтересованы в установлении более прочных взаимовыгодных отношений. В феврале 1655 г. впервые была оформлена письменная шерть, так называемая шертовальная запись, содержащая конкретные обязательства калмыцких тайшей по отношению к России. По мнению Колесника, с момента принесения первой письменной шерти в 1655 г. добровольное вхождение калмыков в состав Русского государства можно считать свершившимся фактом. «Этот акт был вызван исторической необходимостью и отвечал долгосрочным стратегическим интересам сторон», – считает историк [6, с. 37].

Несмотря на то, что калмыки приняли подданство России, русско-калмыцкие отношения развивались достаточно сложно и противоречиво. Колесник пишет, что калмыцкая элита время от времени возвращалась к мысли об откочевке на историческую родину. И эти мысли становились более четкими по мере усиления контроля царского правительства над ханством. «Резонно предположить, что готовность предпочесть зависимости от России китайский протекторат обуславливалась тем, что власть Цинов на тот период времени представлялась калмыкам в достаточно абстрактном виде, тогда как зависимость от России уже приобрела вполне конкретные и тревожные очертания», – пишет Колесник [5, с. 133]. Анализируя причины откочевки калмыков, историк пришел к выводу, что распространенное в литературе мнение о сокращении территории кочевий ввиду колонизации заволжских степей русскими крестьянами не подтверждается. Опираясь на источники и литературу, Колесник отмечает, что интенсивная колонизация Нижнего Поволжья началась позже, уже после откочевки калмыков [5, с. 147]. Также историк считает недостаточно убедительным тезис о нарушении баланса между поголовьем скота и паст-

бищными площадями, что будто бы во второй половине XVIII в. поставило калмыцкую экономику на грань системного кризиса и тем самым спровоцировало откочевку. Колесник проанализировал природные условия мест кочевий и пришел к выводу, что «тезис о структурном кризисе кочевой экономики, возникшем в результате избыточной нагрузки значительно увеличившегося поголовья скота на значительно же сократившиеся пастбищные площади, как одной из главных причин ухода калмыков в Джунгарию не находит своего подтверждения» [5, с. 152]. Тем не менее, кочевое хозяйство калмыков регулярно переживало кризисные периоды, выражавшиеся в значительном сокращении поголовья скота. Это было связано, как правило, с неблагоприятными природными явлениями, приводившими к бескормице и падежу животных. Что касается сетований калмыков на «земельную тесноту», то В.И. Колесник считает, что они были связаны не только с хозяйственными отношениями. «Гарантии выживания и сохранения суверенитета такие общества видели в избыточном объеме природных ресурсов, возможности сменить среду обитания, ставшую непригодной по причине природных или социальных катаклизмов, защититься от угрозы нападения соседей расстоянием. Отсюда их всегда болезненная реакция на любое установление границ и уменьшение площади окружающей их территории, которую они привыкли считать своей. Поэтому создание русскими укреплений по периметру калмыцких кочевий воспринималось калмыками как серьезная угроза, от которой надо было спасаться», – пишет Колесник [5, с. 153].

В качестве одной из причин откочевки калмыков из пределов России принято считать злоупотребления представителей царской администрации. Колесник считает, что злоупотребления и коррупция, конечно, были, но их масштабы не носили в XVIII в. массового характера по причине неразвитости бюрократического аппарата и немногочисленности чиновников, занимавшихся делами калмыков, поэтому стать серьезной причиной ухода из России не могли. Также, по мнению Колесника, не следует преувеличивать успехи в христианизации калмыков – численность крестившихся была невелика: «действия правительства и незначительные масштабы охвата православием калмыков свидетельствуют о том, что никакой реальной угрозы принудительной и форсированной христианизации в середине XVIII в. не существовало, и, надо думать, калмыц-

кая элита это осознавала» [5, с. 159]. Однако, как считает историк, элита, как, впрочем, и все калмыки, «осознавала или чувствовала, что направление эволюции русского и калмыцкого обществ расходятся все больше и больше. Неизбежная в уже недалеком будущем интеграция этих столь различных обществ предполагала ломку первым второго. Именно эта еще не совсем определенная, но в то же время витавшая в воздухе перспектива пугала калмыков и заставляла искать выход» [5, с. 159]. Видимо, тенденции, обозначившиеся в русско-калмыцких отношениях, вызывали беспокойство калмыцкой знати и подталкивали к поискам альтернативных путей развития.

Однако что-то все-таки произошло в 1760-е годы, и это что-то «подтолкнуло калмыков к реализации никогда не умиравшей идеи о возвращении на этническую родину», – говорится в книге Колесника [5, с. 167]. Историк считает, что все началось с двух событий, которые произошли в 1758 г.: уничтожение Цинской империей Джунгарского ханства и дарование Российской империей наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши титула хана и назначение на должность наместника ханства его старшего сына и наследника Убаши. По мнению Колесника, гибель Джунгарского ханства, с одной стороны, поставила проблему наследования ойратской государственной традиции в очаге её возникновения, с другой – освободила, в прямом и переносном значениях этого слова, пространство для реализации неудовлетворенных амбиций лидеров элиты приволжских калмыков [5, с. 168]. Кроме этого, после смерти Дондук-Даши в 1761 г. переход власти в ханстве впервые осуществился мирно, без родственных усабиц в соответствии с планами российских властей и без затруднений для нового правителя. Колесник считает, что это вызывало у царской бюрократии ложное ощущение полного контроля над калмыцкими улусами, а у наместника – ложное мнение, что единственная опасность для его власти исходит от этой бюрократии. Что касается проигравших конкурентов Убаши, то они хотели добиться реванша, либо скомпрометировав наместника в глазах правительства, либо вообще избавившись от подчиненности России [5, с. 169]. Большую роль в формировании миграционных настроений сыграла и реформа Зарго 1762 г., – пишет Колесник. Суть её заключалась в придании Зарго отдельных признаков органа представительной власти, пере-

распределении властных полномочий между наместником ханства и Зарго в пользу последнего и усилении контроля царской администрации над наместником и Зарго [6, с. 42]. Историк считает, что объективно данные преобразования были направлены на стабилизацию социальной ситуации в ханстве и укрепление положения наместника. Но неверное понимание обстановки калмыцкой элитой и наместником Убаши, а также просчеты некоторых российских чиновников привели к драматическим событиям 1771 г. Колесник считает, что авантюра с откочевкой была инициирована не Убаши. «Он позволил втянуть себя в нее, потому что неверно оценивал степень разных угроз суверенитету ханской власти. Главных угроз было две: одна исходила от огромного российского государства, другая – от собственных подданных», – говорится в книге Колесника [5, с. 178]. Соперничество в борьбе за власть и улусы, сепаратизм постоянно присутствовали в среде калмыцкой знати, осложняя положение ханской власти.

Колесник пишет, что к концу 1760-х годов в калмыцком обществе сложился достаточно редкий исторический феномен – так называемый негативный консенсус. «Калмыцкую элиту раздрали противоречия, простолюдины бедствовали. Наместник ханства Убаши, его главный соперник в борьбе за верховную власть над калмыками Цебек-Дорджи, стремившийся к независимости джунгарский тайша Шеаренг, глава буддийской церкви в Калмыцком ханстве Лоузанг-Джалчин преследовали разные и порой диаметрально противоположные цели, но единственный способ их достижения видели в освобождении от власти Российской империи и возвращении в Джунгарию. Всем вместе им нетрудно было убедить простой народ следовать за ними в надежде найти лучшую долю на этнической родине» [5, с. 193]. В.И. Колесник подробно описывает события, связанные с откочевкой калмыков, маршрут и высокую скорость их движения, преследование со стороны российских войск, нападения казахов. Историк считает, что это беспрецедентное в своей стремительности зимнее кочевание свидетельствует о глубокой продуманности замысла и решимости исполнить его любой ценой. Независимо от общей оценки последствий и исторического значения миграции торгоутов под предводительством Убаши невозможно не признавать выдающийся и героический характер самого перехода с берегов Волги к берегам Или, – пишет Колесник.

«Это было действительно Великое кочевье, уникальное не только тем, что больше миграций кочевников такого масштаба не было. Не было таких необычайно быстрых даже для номадов миграций. Далее, история не знает кочевий настолько согласованных, с заранее выверенными задачами и планом маршрута, включавшим конечную точку маршрута и действия на опережение противника. Наконец, калмыки проявили удивительные и беспримерные даже для степных кочевников выносливость, мужество, самоотверженность. Невозможно также, чтобы ими предводительствовал недалекий и слабовольный правитель, каким зачастую представляется в исторической литературе Убаши, – считает В.И. Колесник [6, с. 49]. Что касается численности калмыков, покинувших Россию, то историк полагает, что до Джунгарии дошли около 75 тыс. человек из 210 тыс., начавших движение от Волги [6, с. 48].

В.И. Колесник первым из историков уделил большое внимание исследованию демографических процессов, сопровождавших развитие калмыцкого общества в XVII-XVIII вв. [5,8]. Он считает, что анализ динамики численности населения может пролить дополнительный свет на причины, заставлявшие ойрат-калмыков в XVII и XVIII вв. перемещаться из одного края Великой степи в другой [5, с. 228]. Кроме этого, перу Колесника принадлежит интересное и глубокое исследование по экономике кочевых обществ [7].

Следует отметить, что в трудах В.И. Колесника присутствуют новые подходы к изучению кочевой цивилизации и евразийских кочевнических миграций, а также подвергнуты пересмотру некоторые устоявшиеся в историографии взгляды. Труды этого историка являются заметным вкладом в российскую историческую науку.

В 2007 г. была издана книга А.В. Цюрюмова, посвященная анализу российско-калмыцких политических взаимоотношений в XVII -XVIII вв. В ней указываются причины продвижения ойратов из степей Западной Монголии в Сибирь, затем в Приуралье и в Нижнее Поволжье. По мнению историка, вхождение калмыков в состав Русского государства было обусловлено целым рядом политических и социально-экономических причин: «Анализ положения ойратского общества показывает, что раздираемое междоусобицами оно оказалось зажатым со всех сторон, к тому же оно было изолировано от внешних рынков – китайского (восточными монголами) и среднеазиатского (Могулистаном и Казахстаном).

Все попытки ойратов получить доступ к рынкам оседлых народов заканчивались неудачей. Отсутствие пастбищных резервов внутри ойратских владений толкало их правителей на путь междоусобной борьбы и внешней экспансии в сторону кочевий монгольских, казахских, киргизских, ногайских и других правителей. Таким образом, ойратское общество переживало глубокий социально-экономический кризис... Земельная теснота, военные неудачи во внутренних распрях и в период внешних столкновений толкали отдельные группы тайшей к поискам новых пастбищных территорий. Единственно доступными оставались рынки сибирских городов. Ойраты покинули пределы Джунгарии и двинулись двумя потоками вдоль Иртыша на северо-запад, в сибирские районы Русского государства» [9, с. 41]. Опираясь на многочисленные источники, А.В. Цюрюмов подробно пишет о взаимодействии калмыков-кочевников с народами, которые оказались по соседству: казахами, ногаями, русскими. В середине и второй половине XVII в. определилась территория кочевий в междуречье Дона, Волги и Яика, что дает основание говорить, что процесс вхождения калмыков в состав России завершился. В результате трудного и долгого пути калмыцкий народ обрел новую родину. Историк пишет, что вхождение в состав России явилось крутым поворотом в судьбе калмыцкого народа и объективно имело прогрессивное значение: «Оно способствовало созданию основ для его быстрого экономического развития, значительному расширению русско-калмыцкой торговли, укреплению дружественных связей калмыков с русским и другими народами. Тем самым создавались весьма прочные условия для обретения калмыцким народом гарантий от внешних нападений и потрясений от внутренних усобиц» [9, с. 366].

Основное внимание Цюрюмов уделяет русско-калмыцким политическим взаимоотношениям. Показано, что эти отношения были непростыми, мирные контакты и договоренности чередовались с конфликтами. Тем не менее, в долгосрочном плане русско-калмыцкое сотрудничество отвечало интересам и России, и Калмыцкого ханства. Автор монографии показывает связь и обусловленность политики России по отношению к калмыкам с другими направлениями российской внешней политики и международными отношениями, а также с внутренней политикой, направленной на консолидацию и унификацию порядков в многонациональной

империи. Анализ русско-калмыцких отношений приводит А.В. Цюрюмова к выводу, что постепенно происходил переход Калмыцкого ханства от политической автономии к административной. «Самостоятельность калмыцкой автономии допускалась теперь только в пределах, установленных центральной властью. Кроме того, в своей политике правительство более строго ограничивало политическую самостоятельность и политические претензии традиционной элиты. Реформа Зарго 1762 г. обозначила наступление этапа административной автономии Калмыцкого ханства в составе Российской империи» [9, с. 374].

Последняя глава монографии Цюрюмова посвящена откочевке калмыков в Китай в 1771 г. Историк внимательно анализирует причины откочевки. Он приводит убедительные свидетельства, что в откочевке калмыков большую роль сыграли неблагоприятные обстоятельства, связанные с русско-турецкой войной 1768-1774 гг. Историк показывает, что эта война вызвала всеобщее недовольство в калмыцком обществе из-за людских потерь, недостатка калмыцким воинам денежного содержания, продовольствия и обмундирования, корма для лошадей, усугубленных ранней и суровой зимой [9, с. 331]. Ухудшение положения калмыцких улусов в связи с участием в очередной русско-турецкой войне активизировало сторонников переселения в Джунгарию. Цюрюмов отмечает, что идею откочевки высказывали и религиозные лидеры калмыков [9, с. 337].

А.В. Цюрюмов пишет, что откочевку никак нельзя объяснять только «злой волей» Убаши и нойонов, как это представляют некоторые авторы. Большое значение имело состояние экономики. «В общих чертах мы определяем состояние экономики ханства как кризисное. Во второй половине 60-х гг. значительно осложнились условия функционирования кочевого уклада. Сокращение территорий кочевий, рыболовных и лесных угодий, ужесточение налогового бремени привели к росту недовольства широких масс народа», – пишет историк [9, с. 363]. Улучшение ситуации верхи калмыцкого общества связывали с откочевкой из пределов России. Цюрюмов пишет, что «идея ухода никогда не покидала умы калмыцкого нойонства и ламства. Она появлялась в разговорах как ответная реакция на политические шаги России по ограничению сферы власти и управления калмыцких ханов и нойонов» [9, с.

334]. Историк пишет, что «на протяжении XVIII в. ханы и нойоны постоянно обращались к идее ухода в Джунгарию. Планы откочевки начинали разрабатываться в моменты кризиса их отношений с Россией. Но с таким же постоянством они не осуществлялись. Видя в откочевке путь освобождения от ограничительной политики России и возможность сохранения самостоятельного государства, но уже в пределах Азии, калмыцкие правители сознавали, что в Западной Монголии, где существовало Джунгарское ханство, им придется подчиниться новому сюзерену – джунгарскому хунтайджи. Таким образом, пока существовало Джунгарское ханство, не было реальной перспективы откочевать из России. Ситуация изменилась только после 1758 г., когда Цинским Китаем было разгромлено последнее ойратское ханство в Азии. Только после этого нойонство могло поставить цель – воссоздать на этой территории, которая, возможно, ими воспринималась свободной, новое ойратское (калмыцкое) государство [9, с. 335]. Цюрюмов пишет, что «Планы откочевки появились уже в 1769-1770 гг. Особое внимание уделялось нормализации отношений с казахами, через земли которых пролегал маршрут движения. Много делалось для сохранения в тайне от астраханских властей истинных намерений Убаши. Мы показали маршрут откочевки на восток, а также отношение правителей различных жузов казахов. Правитель Младшего жуза Нурали до конца выполнил приказ императрицы, преследуя калмыков. Хан Аблай вынужден был исполнять приказ Китая, пропустив калмыцкие улусы без боя. Источники свидетельствуют, в январе 1771 г. начали движение на восток около 300 тысяч человек. Наибольшие потери были понесены в пустыне на Балхаше. В ходе откочевки калмыцкий народ потерял более половины начавших движение, то есть около 200 тыс. человек», – считает Цюрюмов [9, с. 364]. Таким образом, многие вопросы, связанные с миграцией ойратов в XVII-XVIII вв., историей калмыцкого народа нашли отображение в монографии А.В. Цюрюмова.

Таким образом, историки Калмыцкого государственного университета внесли большой вклад в изучение евразийских миграций, в частности, миграций ойратов-калмыков в XVII -XVIII вв. Изучены причины и последствия миграций, их география, контакты народов, демографические сдвиги, сопровождавшие миграционные движения. В трудах историков КалмГУ показано, как ми-

грации повлияли на судьбы народов, их хозяйственные занятия, развитие языка и культуры, на формирование Российского многонационального и других государств евразийского континента. Как пишет В.И. Колесник, «каждая такая миграция – и это хорошо видно на примере приволжских калмыков – была обусловлена своей собственной исторической конъюнктурой, каждый раз возникавшей в результате неповторимого взаимодействия многих разнородных и разноплановых факторов» [5, с. 228]. И эти факторы продолжают быть предметом исследований историков Калмыцкого университета.

Литература

1. Батмаев М.М. Калмыки в XVII – XVIII вв. События, люди, быт. Книга первая. Восхождение на гору Сумеру. Элиста, 1992; Батмаев М.М. Калмыки в XVII – XVIII вв. События, люди, быт. В двух книгах. Элиста, 1993; Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста, 2002.
2. Батмаев М.М. Калмыки в XVII – XVIII вв. События, люди, быт. Книга первая. Восхождение на гору Сумеру. Элиста, 1992.
3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Том I. Раздел III. Главы 3,4. Элиста, 2009.
4. Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону, 2002.
5. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.
6. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореферат дисс... д-ра ист. наук. Волгоград, 2003.
7. Колесник В.И. Экономические возможности кочевых обществ // Вопросы истории, 2007, №4.
8. Колесник В.И. Демографическая история калмыков в XVII – XIX вв. Учебное пособие. Элиста, 1997.
9. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007.
10. Эрдниев У.Э. Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993.

В. Д. Пузанов,
*Шадринский государственный
педагогический институт,
Россия, г. Шадринск*

Миграции ойратов в Центральной Азии в 20-е гг. XVII в.

К сожалению, иногда даже в научной и учебной литературе история ойратской миграции XVII в. сводится к походу улуса Урлюка на р. Волгу и формированию этноса волжских калмыков. В XVII в. в результате сложной политической обстановки в Центральной Азии, кроме улуса Урлюк, мигрировали и другие объединения ойратов – джунгары, дербеты, хошоуты. Русские документы XVII в. позволяют дать довольно подробную картину этих миграций и выяснить их главные причины. Этот актовый материал ценен и для понимания предшествующих миграций в Великой степи, которые не были так подробно освещены источниками.

В XVI в. ойратам пришлось вести войну на три фронта: путь в Среднюю Азию преграждал Могулистан, на востоке шла постоянная борьба с монголами. В XVI в. началась борьба ойратов с казахами, которые в середине XV в. заняли долины р. Чу и р. Талас. В это время в XVI в. княжества Монголии объединяются и совершают ряд крупных набегов на ойратов. В 1552 г. монгольская знать разбила ойратов, отбросив их с кочевий на р. Орхон на запад. В 1562 г. монголы нанесли ойратам новое поражение, заставив их отойти к р. Иртыш [4, с. 70]. В конце XVI в. знать Халхи нанесла ряд поражений ойратам. В конце XVI в. ряд поражений нанесли ойратам казахи.

«Калмыцкой землей» в сибирских летописях считаются верховья р. Иртыша, в частности, озеро Зайсан-нор, куда совершил свой последний набег за лошадьми Кучум [1, с. 51]. В 1606-1607 гг. часть ойратов, мигрировав из верхнего Прииртышья, заняли бассейн Иртыша в районе рек Оми и Камышлова и южнее. Кочевья ойратов на востоке к 1616 г. распространились до бассейна р. Ишима, где кочевники зимовали, северной границей ойратов являлась местность, известная как Белое городище в 2-х неделях пути от устья р. Ишим. Однако скоро район кочевания ойратов переместился.

В 1619-1620 гг. различные группы ойратов организовали набеги на монголов, казахов и ногаев, что имело большие последствия. На западе в 1619 г. ойраты победили, разгромив кочевья ногаев между Яиком и Волгой, но на юге и на востоке они понесли большие потери. В 1620 г. во время переговоров хана Казачьей орды Ишима с послами ойратов, они совершили набег на улусы казахов. Ишим «велел колмацких послов побить», а затем совершил набег на ойратские улусы, перебив 2-х тайшей и «многих людей». Затем на ойратов напали отряды Алтын-хана, это нападение было еще более серьезным – «улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили», взяли в плен 2 тайшей [6, с. 105].

В результате, в 1620 г. ойратам, по выражению воеводы Уфы О. Я. Прончищева, «учинилась теснота великая» от казахов и монголов. В поисках безопасных кочевий они перешли р. Ишим и вышли к Тоболу. В сентябре 1620 г. Далай с дербетами кочевал на расстоянии месяца пути от Тобольска «в поле против Итыка горы железные» на территории современного северного Казахстана, а «иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх по Ишиму промежю Тоболом». Улус хошоутов под властью Байбагиша в октябре 1620 г. занял район верховий реки Ишима и Иртыша. Большая часть ойратских улусов кочевала, по данным царевича Ишима, в то время в районе р. Камышлов. В марте 1621 г. послы Байбагиша сказали в Москве, что ойраты кочуют на р. Тобол, в 18-ти днях от государевых городов Сибири [3, с. 54].

Воевода Тобольска М. М. Годунов, сообщая о перекочевке ойратов, указал и ее причину: «А прикочевали, государь, те колмацкие люди блиско твоих государевых городов для того, что воюют их колмацких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда». По данным томского воеводы И. Ф. Шаховского между тремя кочевыми народами был заключен военный союз – «а слажилсЯ Алтын-царь с Казацкою ордой, а казацкие люди с нагаи, и где ане в степех кочевали, и стех их кочевья збили» [6, с. 113].

Позднее, в 1621 г. Далай со своим улусом перекочевал в район озер между Обью и Иртышом, где к этому времени сосредоточились основные силы ойратов. Видимо, Далай кочевал около озера Ямыш, так как власти отложили поход туда служилых людей. Далай, по русским источникам, имел летние кочевье в верховьях

р. Ишим, а зимние – около владений казахов и Ургенча. В то же время ряд ойратских улусов перекочевал на р. Обь.

В 1622 г. монголы Алтын-хана нанесли новое поражение ойратам, отбросив их от района озер между Обью и Иртышом. В июне 1623 г. ойраты кочевали от Иртыша до Ишима, причем основные силы ойратов находились на р. Ишима. Непосредственно около русских владений находился тайша Далай, перекочевавший с юга, южнее располагались кочевья Урлюка и Чокура. По данным русских властей, тайши собирались перейти в район Камышлова, оставить там семьи и имущество, а затем выступить «войною на мунгальских людей». Начало войны было удачным для ойратов – в 1623 г. тайша Харахула с 4 тысячами воинов совершил набег на улус Алтын-хана и взял много пленных. Однако затем 7 тысяч монголов Алтын-хана нагнали и полностью разгромили отряд ойратов; по русским данным, из всего войска удалось бежать только самому Харахуле и его сыну [6, с. 123]. В 1624 г. ойраты организовали наступление на монголов, однако в бою монголы побили многих представителей знати и воинов ойратов [3, с. 58].

На новых кочевьях ойраты также подвергались давлению монголов. В мае – июле 1623 г. русский посол из Уфы сын боярский Василий Волков находился в улусе Далай в районе «Итыковых гор». Так как Далай ушел в поход против монголов, посла принял его брат тайша Мангит. По сообщению В. Волкова, даже здесь «были у него, Мангита, от мунгальского царя людей частые всполохи. И погромили изгоном от него, Исенгила, во днище тайшу, и тот тайша, справяся, за ними гонял, ничего не учинили» [6, с. 126]. Т. о. на восточном фронте ойраты продолжали терпеть неудачи, зато на юге им удалось добиться определенных успехов. Отряды калмыков проникли глубоко в казахские улусы, откуда вывели множество туркменских рабов (их в 1624 г. Далай обменивал в Тюмени на калмыцких пленных).

В 1625 г. большая часть ойратов, откочевав из района озер, находилась в районе верхнего Ишима и Тобола «блюдясь от мунгальских людей войны», по данным служилых людей, посланных из Тобольска в посольство к ойратам весной 1625 г. Часть ойратов отошла далеко на запад на р. Яик [3, с. 58]. Отдельно от них находились со своими улусами большие тайши Далай и Байбагиш. Зимой 1624 г. они провели на границах владений Казачьей орды, «боясь

от мугальских людей утеснения». Ойраты собирались весной начать войну с казахами, рассчитывая выступить в союзе с Бухарой, правитель которой в то время воевал с ханом казахов Ишимом. Однако к весне Ишим успел заключить мир с Бухарой, и Далай не решился нападать на казахов, что теперь могло бы поставить ойратов перед возможностью войны с Бухарой. В 1624 г. Далай кочевал на расстоянии в 4 недели от Тобольска. В результате этого, Далай с детьми в 1625 г. кочевал на территории современного южного Казахстана на реке Юнкеле в 3 недели пути от Бухары [4, с. 136]. К 1630 г. кочевья Далай переместились на запад, на расстоянии месяца пути от Ургенча. В 1625 г. внешнеполитические проблемы ойратов были осложнены борьбой между большими тайшами.

К XVII в. – времени начала русско-калмыцких контактов – ойраты не имели единого государства. Внешнеполитическая обстановка заставляла ойратов координировать свою политику и пойти на образование союзов, объединявших знать нескольких племен. По данным бухарского посла, в 1633 г. большие тайши заключили оборонительный договор, согласно которому каждый из правителей защищал весь ойратский союз от нападения соседей. Урлюк защищал ойратов от ногаев, Далай контролировал Бухару, Куйша – казахов, Батур – монголов. В 1635 объединенные силы дербетов и джунгар совершили крупный набег на казахов, и, по словам послов князя Абака в Тобольске, «был у них бой великой», на котором ойраты разгромили силы Казачьей орды и взяли в плен сына Ишима царевича Янгира. В 1635 г. ойраты собирались пойти в поход на монголов.

Все эти события истории ойратов имели большие последствия для уездов русской Сибири. Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в 7-8 днях от города и нападают на город и волости [5, л. 165]. В 20-е гг. XVII в. положение на юге русских владений в Сибири серьезно обострилось. Причиной этого стала борьба между Алтын-ханом и ойратами. В 1620 г. в результате побед Алтын-хана под его влияние перешли енисейские киргизы, которые отказались платить дань в Томск. В свою очередь, к 1621 г. под влиянием киргизов отказалась платить дань в русские города целая группа зависимых от них тюркских народов Южной Сибири – сагайские татары, маты, саяны, аринцы, тубинцы и моторцы [2, с. 68].

К 1624 г. калмыки перекрыли пути из Средней Азии в Сибирь: «пройти немочно». В 1628 г. ойраты заняли южную часть Тюменского уезда, подойдя к городу на расстояние «за 3 днища и ближе» [2, с. 395]. Таким образом, в 20-е гг. XVII в. представители монгольского мира калмыки и монголы Алтын-хана заняли и подчинили своему политическому влиянию всю южную окраину Сибири, от киргизов до Уфимского уезда. Одним из результатов ойрато-монгольского противостояния стал выход из-под русского контроля всего сибирского юга. В результате, ойратский союз занял территории от р. Иртыш до р. Волга. Ойраты стали главным кочевым соседом русских на юге Западной Сибири.

Литература

1. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР. – Т. 5. – 1939. – С. 48–101.
2. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1941. Т. 2
3. Международные отношения в Центральной Азии XVII – XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1. С. 54.
4. Очерки истории Калмыцкой АССР. Элиста, 1967.
5. РГАДА, Ф. 214 (Сибирский приказ), Кн. 11.
6. Русско-монгольские отношения 1607 – 1636: сб. док. – М.: Вост. лит., 1959. – 352 с.

Д. В. Сарангов,
магистрант КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Миграционные процессы в странах Европы и в России в XVI-XVII веках: общее и особенное

Эпоха Великих географических открытий стала поворотной вехой в истории человечества. Открытие новых материков позволило значительно расширить географию торговых путей, открыло новые рынки сбыта товаров, и, наконец, первые европейские завоеватели получили новое жизненное пространство на открывшихся

землях. Пионеры европейских открытий – Испания и Португалия – получили вместе с новыми землями огромные богатства, которые позволили этим метрополиям добиться большого могущества на данном этапе. Впоследствии между европейскими странами развернулась долгая борьба за колонии, которые раскинулись по всему миру.

А в Восточной Европе в это же время молодое русское государство Ивана IV Грозного делала свои шаги в создании колониальной империи. Разумеется, завоевание новых территорий не могло происходить без миграционных процессов местного населения. Так же, как русские колонизировали Сибирь и Дальний Восток, так и португальцы, испанцы, а впоследствии англичане, французы и голландцы колонизовали обширные территории Нового света.

Молодая же российская колониальная империя сильно отличалась от европейских колониальных империй, однако, по моему мнению, у них есть общие черты, и я в своей статье постараюсь выявить общие закономерности этих процессов миграций населения и различия в них.

Чтобы понять движущие механизмы миграционных процессов народов, следует понять психологию и ментальность европейских и русских завоевателей-колонизаторов XVI века.

В начале XVI века под контролем европейских государств находилось всего 5% мировой территории, где проживало 16% населения мира, производившего около 20% ВВП. В начале XVI крупнейшим городом мира по численности населения был Пекин с его 700 000 жителей. В первой десятке крупнейших городов мира был только один европейский город – столица Франции – Париж. За четыре столетия ситуация изменилась кардинально: к началу Первой мировой войны 10 крупнейших западных империй и США (продукт колонизации европейцев и в первую очередь – англичан) контролировали более 50% территории мира, 60% мирового населения, 81% мирового ВВП. [4, с.89-90.]

Главным двигателем миграционных процессов населения Европы послужили, на мой взгляд, следующие факторы:

- конкуренция за рынки между компаниями и торговыми обществами;
- противостояние светской и клерикальной властей;
- борьба сначала маленьких, а затем и крупных европейских стран за континент и имперские владения – все это создало в Евро-

пе уникальную среду, восприимчивую к управленческим, научным и бизнес-инновациям.

- протестантство, как господствующая идеология Западной Европы, было более подходящей базой для первичного накоплению капитала. [3, с.54] По этой причине католические Испания и Португалия оказались менее конкурентоспособными с Англией, Францией, Голландией.

Жажда наживы двигала европейцев переселяться на новые земли. Вслед за самыми активными мигрировала и основная часть населения. В целом можно сказать, что в этом отношении народы Европы оказались более пассионарными и предприимчивыми, нежели народы Азии.

Средневековый Китай династии Юань и династии Мин значительно опередил Европу того времени в количестве промышленных и агрокультурных изобретений, но большинство их так и остались уделом немногочисленных гениев. Восточный консерватизм и патриархальность, на мой взгляд, мешали Китаю резко менять уклад жизни населения страны. Гигантский китайский флот совершал океанские переходы задолго до Колумба и Васко да Гамы, но так и не закрепился в своих азиатских и африканских колониях.[5, с.67] А географические открытия европейцев быстро превращались в торговое предприятие, поскольку ими двигало не желание императора раздвинуть границы, а жажда наживы.

Торговые предприятия – английские, французские, голландские Ост- и Вест-Индские компании были очень могущественны и оказались способны завоевывать и контролировать значительные территории, на которых жили десятки миллионов человек. Эти акционерные общества содержали армии, строили разветвленные сети дорог, привнесли в колонии свою систему управления, права и т.д. Все это привлекало европейское население. Можно сказать, что сработал принцип домино. Население США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР в подавляющем большинстве своем состоят из потомков европейских переселенцев. О глобальных миграционных процессах того времени свидетельствует и господство европейских языков (в первую очередь, английского и испанского) по всему миру.

Экспансия Россией Сибири носила несколько иной характер. Она была более централизованной и исходила главным образом от царя, нежели от купцов, мещан и т.д. Поначалу богатые купече-

ские семьи, такие как Строгановы, играли ту же роль, что и европейские морские акционерные компании, однако затем постепенно теряли свое влияние. [1, с.101] В России по разным причинам не сложился устойчивый институт частной собственности, свободы предпринимательства и т.д. Все это не могло способствовать появлению в России буржуазии, как в европейских государствах. Даже уже в конце XIX – начале XX века строительство Транссибирской железной магистрали финансировало государство. Миграция и заселение необъятных просторов Сибири происходило во многом по инициативе царского правительства и лично царя. [2, с.324]. Большую роль при этом сыграл гнет крепостного права, от которого бежали крестьяне. Все это обусловило создание империи совершенно особого типа.

Особенность ее заключалась в двух моментах. С одной стороны, она была сосредоточена в пределах одного континента (за исключением Аляски), в то время как в Европе колонии и контролируемые военным образом территории (*colonies and possessions*) [6, с.123] располагались за океанами. С другой – военные захваты новых владений на Юге случились в России в условиях, когда ее поселенческая колония (Сибирь) оставалась в составе империи, в то время как у европейских держав экспансия на Юг началась в основном после того, как их поселенческие колонии стали независимыми государствами (США и страны Южной Америки).

Литература

1. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. – 101 с.
2. Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев. История России XVIII–XIX веков. М.: 2006. – 324 с.
3. М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. 1905 г. – 54 с.
4. Ниалл Фергюсон. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 89-90 с.
5. Ниалл Фергюсон. Империя. Чем современный мир обязан Британии. – М.: АСТ: CORPUS, 2012. – 67 с.
6. Niall Ferguson. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. Penguin Books Ltd. 2011.- 123 с.

С. В. Уланова,
студентка КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Причины миграции ойратов в XVII в. в исторической науке

Ойраты, иначе западные монголы, были кочевым народом, располагавшимся на территории Джунгарского ханства, в самом сердце Центральной Азии. Миграция ойратов в XVII веке занимает особое место в истории, поскольку она сыграла важную роль в дальнейшей истории калмыков.

Актуальность исследования заключается в том, что ойраты оказались последним мигрирующим народом в период Раннего Нового времени. Эта проблема привлекла к себе интерес различных ученых и широко ими исследовалась, однако все еще не решена. Для ее дальнейшего изучения необходимо знать предшествующую историографию.

Главная цель моего исследования – рассмотреть причины миграции ойратов из Центральной Азии в исторической науке.

В XVII веке западные монголы становятся ведущим кочевым этносом в великом степном поясе. К этому времени начинается субэтническое деление западных монголов на крупные объединения. Насчитывалось 8 племен у дурбэн-ойратов XVI – XVII вв. Эти племена, имевшие разное происхождение, были распределены на 5 групп в соответствии с легендами ойратских правителей: 1) древнеойратская группа – хойты и батуты; 2) баргутская группа – баргу-бурааты; 3) найманская группа – дэрбэты и джунгары; 4) кереитская группа – торгоуты; 5) восточно-монгольская группа – хошоуты.

Западные монголы подошли к этапу возникновения ранней государственности. В XVII веке начинается процесс консолидации всех субэтносов в одном государстве – Джунгарское ханство. Инициативу создания суверенного государства возглавили правители чоросского княжества. Образование Джунгарского ханства происходило как под влиянием личных качеств первых правителей, так и под влиянием объективных процессов феодализации, подспудно развивавшихся в монгольском обществе.

Главой нового государства становится Батур хунтайджи (Великий Правитель). В период его правления общее положение ойратского общества значительно улучшается. Ойратам теперь не угрожают противники с запада и юга, где раньше располагался Могулистан. Изменились и взаимоотношения с казахскими феодалами, если на рубеже XVI – XVII веков относительно объединенному казахскому государству оказывали сопротивление разнородные, малосильные ойратские объединения, терпевшие поражения, то в 30-е годы XVII века соотношение сил изменилось в пользу ойратов. Ослабла угроза и со стороны восточномонгольских правителей. В целом внешнеполитическое положение Джунгарского ханства было стабильным.

Таким образом, в период, когда ханство растет и силы его увеличиваются, в этот момент начинаются миграции. Разделившись, ойраты в XVII веке отправились из Центральной Азии в направлении юго-восточной Европы. Одна часть откочевала в район озера Кукунор, образовав там Хошоутское ханство, а другая – переместилась на Нижнюю Волгу, где создала Калмыцкое ханство. В этом движении приняли участие все четыре главных ойратских объединений: торгоуты, дербеты, хошоуты и чоросы. Первыми были дербеты и торгоуты, составившие основную массу ойратов, которые направились в наиболее благоприятное направление миграции. В итоге расселились в степях от Дона до Яика и стали известны под именем приволжских калмыков.

Почему начались миграции? Почему в великой степи, где доминируют западные монголы, началось их расселение?

Исследованием этих вопросов первым занялся в XVII веке Г. Ф. Миллер, российский историограф немецкого происхождения. В своем труде «История Сибири» автор называл причину откочевки ойратов из Монголии, которая заключалась в поражении ойратов в войне с восточными монголами и казахами. [6, с.108].

Начало более полного исследования причин миграции ойратов связано с именем Н. Я. Бичурина, который первым систематизировал историю ойратов. Иакинф выдвинул две концепции причин откочевки ойратов: 1) расселение ойратов от Волги до Кукунора не являлось результатом междоусобных распрей элиты и стремлений лидеров ойратских племен с помощью откочевки спасти свой суверенитет; 2) причина откочевки – военно-политическая экспансия

в духе монголов времен Чингисхана. Принципиально важно, что предпосылкой миграций Н.Я.Бичурин назвал численное умножение ойратов и обретение ими новых сил после длительного периода покоя и бездействия. [2, с.30-31]

Первая идея была представлена в работах известных российских ученых второй половины XVIII века П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», И. И. Лепехина «Дневные записки», И. И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Затем в начале XIX в. в работах зачинателей отечественного калмыковедения Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках», А. А. Попова «Краткие замечания о приволжских калмыках». Позже, во второй половине XIX в., в трудах нового поколения калмыковедов К. И. Костенкова «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии» и М. Г. Новолетова «Калмыки. Исторический очерк». В начале XX в. ее поддержал Г. Е. Грумм-Гржимайло в своей работе «Описание путешествия в Западный Китай».

В 1886 году появилась статья А. М. Позднеева «Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия», в которой откочевку калмыков он объяснял усилением «ойратского союза». Почувствовав свои силы, ойраты стали расширять свои владения.

В 20-х годах XX века российский историк-калмыковед Н. Н. Пальмов в своей работе «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» назвал миграцию калмыков естественным желанием обособиться друг от друга и расширить территорию в связи с ростом населения и необходимостью расширить пастбища для скотоводства.

В 1930-х годах, по просьбе Н. Н. Пальмова, к работе по изучению истории ойратов в XVII веке приступил С. К. Богоявленский. В своем труде «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века» он осветил процесс миграции ойратов и хронологию событий вплоть до 1645 года включительно. Его работа характеризуется наличием именно фактического материала. Важным моментом его работы было заключение о том, что ойраты вели многочисленные войны со своими соседями, так и между собой за старшинство и улусы, но никогда из-за земли или угодий. Кочевых площадей было более чем достаточно, их хватало на всех. Отсюда

можно сделать вывод, что «земельная теснота» не являлась причиной откочевки ойратов из Джунгарии.

В 1947 году вышла статья Н. В. Устюгова «Башкирское восстание 1662-1664 гг.», раскрывающая непростые калмыцко-башкирские отношения в 20-60-е годы XVII в. По мнению Н. В. Устюгова, московские власти поддерживали интересы башкир и вынуждали ойратов покинуть границы Башкирии.

С момента реабилитации репрессированного калмыцкого народа в 1957 году и с празднованием 350-летия добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства в 1959 году снова возрос интерес к истории ойратов. И в 1960-х годах появились работы И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства 1635-1758», П. С. Преображенской «Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII века», М. Л. Кичикова «Образование Калмыцкого ханства в составе России».

И. Я. Златкин считал, что «отсутствие свободных земель внутри ойратских владений толкало их правителей на путь взаимной борьбы и внешней экспансии. Военные неудачи в борьбе вели к дальнейшему сокращению пастбищных территорий, что в свою очередь обостряло внутреннюю межфеодалную борьбу, обессиливавшую как ее непосредственных участников, так и ойратское общество в целом» [3, с.103-104].

П. С. Преображенская высказала аналогичную позицию, и тезис о «земельной тесноте» как универсальной причине миграции ойратов стал основополагающим в историографии.

Хотя М. Л. Кичиков в своей диссертационной работе пришел к выводу, что приход ойратов на территорию Российского государства не был результатом экспансии, а являлся результатом «объективного исторического процесса».

Исследователи постсоветского периода соглашались с ранее высказанными мнениями своих коллег. Так, М. М. Батмаев в своем крупном исследовании рубежа XX-XXI вв. «Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVI-XVII вв.» соглашается с мнением К. И. Костенкова в том, что причиной откочевки ойратов из Джунгарии было ограничение прав ойратов и давление на них Хара-Хулой с целью создания единодержавной власти. В конечном итоге это и вынудило некоторых нойонов и их подданных отделиться [1, с.37].

Таким образом, по мнению исследователей, основными предпосылками миграции ойратов были «земельная теснота», отсутствие рынка сбыта и военные поражения от халха-монголов.

Однако главная причина откочевки ойратов имеет социально-исторический характер. В XVII веке появляется Джунгарское ханство, правители которого хотели объединить все племена ойратов под единой властью. Субэтнические племена, не желая подчиняться, справедливо считали, что могут сами создать собственное суверенное государство.

Такова картина основных точек зрения на данную проблему. Теоретический анализ работ исследователей показывает, что проблема вызывала повышенный интерес и широко изучалась. Вышеперечисленные работы внесли огромный вклад в историографию Калмыкии, однако вопрос по-прежнему остается актуальным, и проблема не до конца изучена.

Литература

1. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVI-XVII вв. Элиста, 2002.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1999.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. Изд. 2-е. – М, 1983.
4. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х томах. Т.1. Элиста, 2009.
5. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – М.: Вост. лит., 2003.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. Москва, 2000.
7. Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXLIV. Отд. 2. 1886.

И. А. Фукалов,
*Кыргызский национальный университет
им. Ж. Баласагуна,
Киргизия, г. Бишкек*

Миграция алтайских кыргызов на Тянь-Шань в XVI – первой половине XVIII века

XVI – первая половина XVIII вв. являются важнейшим этапом самостоятельного политического и этнического развития кыргызской народности, оказавшим огромное влияние на судьбу народа в последующие столетия на его исконно этнической территории. Важность этого периода истории Кыргызстана определяется тем, что во второй половине XV века в процессе распада государства Моголистан кыргызские племена, ранее занимавшие периферийные, северо-восточные районы этого государства, переместились на свою нынешнюю родину и вновь вышли на историческую арену Центральной Азии как самостоятельный этнос. В результате в конце XV в. кыргызские племена сумели занять богатые пастбищами районы Притяньшанья и получили возможность прямого выхода к оседло-земледельческим центрам Восточного Туркестана и Ферганы. К сожалению, в персоязычных и тюркоязычных источниках Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XVI вв. отсутствует информация о времени и обстоятельствах переселения кыргызов на Тянь-Шань. Приблизительное время этого переселения может быть установлено только на основании сообщения китайского источника «*Си юйчжи*» («Описание западных земель»), составление которого завершилось в 70-е годы XVIII в. «Поскольку народ из-за тесноты не мог разместиться, – сообщают цинские чиновники, воспроизводя рассказы кыргызских старейшин, – подняли воинов на завоевание окраин. Они все простолюдины, не выдержали отпора, и пришли в смятение от трудностей и опасностей и разбежались в разные стороны. Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор, как они бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют» [8, с. 19].

Как видно из текста цитируемого источника, хронологические рамки событий, связанных с перемещением кыргызов из отда-

ленных лесных районов Моголистана в Притяньшанье, относятся приблизительно ко второй половине XV в.

Весьма показательно, что, по сведениям известного знатока кыргызской генеалогии и автора «*Кыргыз тарыхы*» («История кыргызов») Белека Солтоноева, примерно к середине XV в. относится также рождение легендарного родоначальника кыргызских племен *Онг канат* («Правое крыло») Тагай-бия. Со ссылкой на сведения недошедшего до нас сочинения «*Джаваб-нама*», составленного в 1825–1830 гг., Белек Солтоноев пишет, что Тагай-бий родился около 1460–1470 гг. в местности Сары-Бел, недалеко от города Ош [7, с. 118]. Белек Солтоноев идентифицирует Тагай-бия с известным предводителем северокрыргызских племен XVI в. Мухаммед-кыргызом, деятельность которого освещена в «*Тарих-и Рашиди*» Мухаммеда-Хайдара [5, с. 75].

Таким образом, зафиксированные в независимых друг от друга источниках – «*Си юйчжи*» и «*Джаваб-нама*» – генеалогические предания самих кыргызов единогласно указывают на вторую половину XV в., как важнейший этап в истории кыргызского народа на территории Тянь-Шаня.

Сама по себе эта крупная политическая акция, связанная с необходимостью освоения и подчинения новых земель, расселение на этих землях и коллективная защита вновь обретенной территории, с одной стороны, вели к более яркому выявлению ощущения этнического единства, а с другой – требовали создания действенной этнополитической структуры и военной организации. О возникновении такой этнополитической ситуации среди кыргызских племен Тянь-Шаня во второй половине XV в. сообщается в «*Си юйчжи*»: «Когда они (кыргызы) впервые проникли в горы (Тянь-Шаня), не позволяли соединенным отрядам распыляться, а в соответствии с обстановкой пользовались пастбищами в горных долинах, куда проникли первоначально. Специально выделили места кочевий, и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя» [7, с. 51].

И решающим моментом в процессе формирования кыргызского народа явилось создание на Тянь-Шане унаследованной от гуннов и древних тюрков дуальной этнополитической организации – *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло»). С возникновением этой этнополитической структуры связано восхождение

этнической истории собственно кыргызских родоплеменных объединений, а также местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе – фазе образования кыргызской народности [3, с. 11].

О времени создания подобной дуальной системы у кыргызов сообщается в упомянутом китайском сочинении, составленном в 70-е годы XVIII в.: «Постепенно население увеличилось, всем охоты не хватало, и по этой причине среди них поднялась борьба за землю. Недостаток в одежде породил привычку к грабежу проезжающих. От разладов никто пользы не добился. 220 с лишним лет тому назад они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви – северную и южную. Южная ветвь называлась Отуз-Огул (То-го-со-хо-лэ), Северная – Кыргыз (Кэ-эр-гэ-ци-сы). Наименованием ветви является название изначально главного племени. Каждая делилась внутри на ветви» [1, с. 144].

Хронологические указания о создании такой дуальной системы у кыргызов, полученные маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса кыргызских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к первой половине XVI века. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории кыргызских племенных объединений, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации [8, с. 18].

Другое предание о происхождении кыргызов и возникновении у них дуальной организации зафиксировано в анонимном сочинении под названием «Шаджарат ал-атрак», представляющем собой переработку недошедшей до нас рукописи «*Тарихи-и арба-и улус*», обычно приписываемой Улугбеку. По мнению ряда специалистов, в настоящем виде, как оно дошло до нас, «*Шаджарат ал-атрак*» было составлено в начале XVI века при Шейбанидах [3, с. 55].

При изложении легендарной истории тюрко-монгольских племен автор «*Шаджарат ал-атрак*» рассказывает следующее предание: Через тысячу лет после смерти Огуз-хана, во время правления Ильхана ибн Тенгиз-хана, Шах Афридун-Тур ибн Фаридун с многочисленными войсками отправился в Мавераннахр и Турке-

стан. Тогда Суюнч-хан, который был восьмым правителем татар, воспользовавшись удачным моментом для отмищения потомкам Огуз-хана, соединился с Туром ибн Фаридуном, и они совместно напали на Ильхана. В жестоком сражении моголы были разгромлены и полностью уничтожены, живыми остались только сын Ильхана Кыян и его племянник Нокуз, а также две женщины, которые скрылись в горах Эркене-Кун. Позже от их потомства произошли монголы (Кыят и Дарлекин).

«По другим рассказам, – продолжает анонимный автор, – во время поражения народа моголов, сорок девушек бежали в одном направлении и тридцать юношей бежали в другом направлении. От потомков тех сорока девушек произошли кыргызы; а от потомков тридцати юношей отуз-огулы произошли» [5, с. 21].

Легенда о поражении моголов во главе с Ильханом от войска Шаха-Афридуна Тура и татарского правителя Суюнч-хана, с разной степенью полноты приводится почти во всех трудах мусульманских авторов по всеобщей истории. Однако упомянутую легенду о происхождении кыргызов и делении их на две ветви – Кыргыз и Отуз-Огул – мы находим только в «*Шаджарат ал-атрак*» [2, с. 23]. Очевидно, это связано с тем, что время написания «Шаджарат ал-атрак» хронологически совпадает с эпохой появления кыргызской народности на Тянь-Шане во второй половине XV – нач. XVI веках, в рамках дуальной этнополитической структуры: *Онг канат* («Правое крыло») и *Сол канат* («Левое крыло»).

Таким образом, если китайский источник фиксирует реальное деление родоплеменной структуры кыргызов на *Кыргыз* и *Отуз-Огул*, то анонимный автор «*Шаджарат ал-атрак*» пытается объяснить, каким образом и когда произошло подобное деление. Очевидно, при этом была принята за основу народная этимология этнонима «*кыргыз*» – «*сорок девушек*», которая была весьма распространена среди кыргызского народа.

Литература

1. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Избранные произведения. – М., 1986.
2. Мокеев А.М. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа // Известия АН Республики Кыргызстан. – Бишкек, 1991. – № 4.

3. Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. Ксерокопия рукописи ИВР РАН ФВ 337.

4. Мунтахаб ат-таварих-и Муини. Издание Ж. Обэна. – Тегеран, 1957.

5. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные С. Л. Волиным и А. А. Ромаскевичем. – М., – Л., 1941. – С. 202–209.

6. «Си юйчжи» Государственной библиотеки России им. В. И. Ленина. – Отдел рукописей. – Фонд 274. – № 292[444].

7. Солтоноев Б. Кыргыз-казак тарыхы. – Рукопись Института языка и литературы НАН КР. – № 1057.

8. Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // ИАН Каз. ССР. – 1965. – Вып. № 3.

Е. Н. Шумилов,
Россия, г. Пермь

Последний всплеск военной активности хазар на рубеже 30 – 40-х гг. X века¹

В 30-е гг. X в. Хазарский каганат переживал свои не лучшие времена. Все завоевания, достигнутые хазарами ранее, в середине VIII в. в результате экспансии на запад и север, были потеряны. Сначала русы в конце 830-х гг., воспользовавшись междоусобной войной в Хазарии, поставили под свой контроль северные территории каганата, и его северо-западная граница стала проходить по среднему течению реки Дон близ летней резиденции хазарских каганов Саркела и Хамлиджа, в котором осуществлялся сбор налога с русских купцов. В конце IX в. печенеги окончательно отдалили эти земли от хазар, проникнув вглубь хазарской территории [1, с. 3 – 32]. К тому же обрела самостоятельность Волжская Булгария [2, с. 67 – 68].

¹ Продолжение темы, начатой автором в статье «Хазарский каганат в 830 – 920-е гг.» // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. – Элиста, 2016. – С. 206 – 208.

Казалось, что Хазария уже обречена. Но, как показали дальнейшие события, ее потенциал еще не был до конца исчерпан, и он привел к всплеску военной активности на рубеже 930 – 940-х гг. Не исключено, что здесь существовала прямая связь с появлением в Хазарии талантливого полководца Песаха [3, с. 117 – 120].

Важную роль сыграла и позиция иудизированной верхушки хазарского общества, которая обладала способностью искусно маневрировать в сложных условиях внешней и внутренней политики того времени и использовать чужой потенциал в своих интересах. С утратой Волжской Булгарии, сделавшей в 920-е гг. ставку на ислам, хазары вынуждены были смириться, тем более что внутри страны они опирались на воинов-мусульман. Используя их, хазары могли поставить перед собой далеко идущую задачу: силой оружия вернуть утраченные ранее земли. В достижении этой цели немаловажное значение имел религиозный аспект: мусульман можно было использовать в борьбе с христианами и язычниками. В 930-е гг. у хазар появился для этого повод – притеснение иудеев в Византии. Свою провокационную роль в отношении Хазарии сыграли и крымские власти, организовав нападение русов на город Самкерц, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший хазарам [3, с. 117 – 120].

В 930-е гг. византийский император Роман I предпринял гонения на евреев в Италии и других регионах страны. По сообщению арабского автора Аль-Масуди, часть византийских евреев нашла убежище в Хазарии [4, с. 193]. Из сохранившегося хазарского источника (написанного очевидцем событий, высокопоставленным хазарским евреем, находившимся в Константинополе) известно, что хазарский царь ответил на это преследованием христиан, а затем около 939 г. произошло вооруженное столкновение, которое началось с нападения русского князя Хельгу на Самкерц. Хазарский военачальник, носивший еврейское имя Песак, ответными действиями разорил византийские владения в Крыму и осадил Херсон [3, с. 117 – 120].

Наиболее сильно пострадал Керченский полуостров, где проживали румийцы-русы, исповедовавшие христианство православного толка [5, с. 58 – 59]. Некогда они обитали в северных пределах салтово-маяцкой культуры и с 830-х гг. находились в сфере влияния русов. Восточные авторы за религиозную принадлежность и зави-

симость от русов именовали их румийцами и русами [5, с. 58 – 59; 40]. Данные археологии показывают, что хазары буквально стерли с лица земли их поселения [6, с. 118 – 134]. Они мстили румийцам за то, что некогда (750 – 830-е гг.) те являлись их подданными, а затем подчинились русам. Несомненно, что русы (представители Русского каганата) поддерживали с румийцами тесные, в первую очередь, торговые отношения и пришли к ним на помощь. В ходе войны русы и румийцы потерпели сокрушительное поражение. Теперь хазары получили полный контроль над Керченским проливом. Война с русами была продолжена, но уже на территории бывших владений хазар [3, с. 117 – 120].

Следующий удар хазары нанесли по мирватам – оседлому населению, обитавшему к западу от Донецкого кряжа в бассейне Северского Донца на территории салтово-маяцкой культуры, и некогда подвластному хазарам. После того как северная часть салтово-маяцкой культуры, населенная румийцами, подверглась разгрому со стороны печенегов, в выигрыше оказались мирваты. Основу их благосостояния составляло садоводство-виноградарство, включавшее производство вина. Виноградарство было принесено ими со своей исторической родины – с территории Северного Дагестана, подвергшейся в первой половине VIII в. арабскому разорению. В конце IX в. важную роль в жизни мирватов стала играть торговля с Византией и арабами [6, с. 58 – 59]. Известно также, что мирваты являлись христианами, но не православными, а несторианами, так как до середины VIII в. в северном Дагестане важную роль играло именно несторианство [7, с. 205 – 224]. Археологи датируют гибель цивилизации мирватов-салтовцев серединой X в. [8, с. 242 – 276]. Но, скорее всего, это произошло в начале 940-х гг.

За разгромом мирватов последовало подчинение хазарам русов в ходе военных действий [3, с. 117 – 120]. Хазарская дань была распространена на всю территорию Русского каганата, включавшего земли вятичей, радимичей и большей части северян [9, с. 79].

Данные археологии свидетельствуют о том, что территория северян, являвшихся ядром Русского каганата, к середине X в. переживала экономический подъем [10, с. 240]. Это объяснялось тем, что в 920-х гг. русам удалось проложить новый торговый путь, но не через земли Хазарии, как это было ранее, а по линии лесостепи с выходом к Волге. Благодаря этому, русы развернули бурную тор-

говлю с центральноазиатскими Саманидами, в ходе которой к ним хлынул поток серебряных монет-дирхемов [11, с. 229 – 241].

Теперь же русы вынуждены были этими дирхемами выплачивать дань хазарам [9, с. 79]. Международная торговля Русского каганата с Саманидами не была разрушена, но торговый путь, шедший к Волге, контролировали хазары. При этом покоренные народы должны были поставлять хазарам своих воинов. Именно в это время в Хазарии появляется категория населения, которую восточные источники называли воинами-слугами в лице русов и славян [4, с. 193 – 194]. Были подчинены и буртасы: с ними ранее хазары периодически воевали [12, с. 27 – 28].

Археологи отмечают, что в этот период исчезает славянское земледельческое население боршевской культуры со среднего Дона. Их уход не выглядел как катастрофа. Этих славян хазары организованно переселили ближе к своей основной территории – в нижнее течение Дона и его притоков. Боршевская керамика выявлена на Нижнем Доне в районе Саркела и на Таманском полуострове [13, с. 69 – 72].

Хазары начали использовать воинов из числа русов и представителей других зависимых народов в своих интересах, особенно тогда, когда требовались дальние морские походы, а своего флота у хазар не было. Пример этому – поход русов в 941 г. на Амастриду – область на северном побережье Малой Азии – один из важнейших центров международной торговли Византийской империи. Набег был успешный, но на обратном пути русов ожидал разгром [14, с. 57].

Критическая ситуация сложилась в начале 940-х гг. и в Киевской земле. Рюриковичи закрепились здесь, на части земель северян, включая Чернигов, в 880-е гг., воспользовавшись тем, что Русский каганат подвергся нападению со стороны печенегов в ходе их движения на запад [9, с. 77]. Теперь же Киевская земля оказалась окружена с севера (радимичи) и востока (северяне) населением, платившим дань хазарам. С юга ей угрожали печенеги. И, тем не менее, на требование хазар платить дань киевляне отправили им обоюдоострый франкский меч, тем самым бросив вызов (франкские мечи на Киевской земле появились только с приходом Рюриковичей) [9, с. 73].

Однако сражаться в одиночку с хазарами, обладая ограниченным потенциалом, киевляне вряд ли могли. Оставалась надежда

на западных соседей – представителей лука-райковецкой культуры и др. И она поступила. Именно 940-ми гг. археологи датируют массовое появление на Киевской земле нового военизированного населения, оставившего после себя камерные погребения, а также захоронения моравских христиан [15, с. 57 – 62]. Это полиэтническое население также получает в византийских и восточных источниках название русы [16, с. 45 – 51].

Конфликт между Киевом и хазарами, начатый с посылки меча, не нашел отражения в русских летописях, но он закончился победой киевлян. На это есть косвенные доказательства, зафиксированные археологами. Именно с середины X века в землях северян начинает ощущаться сильное влияние Киева, в частности, появляются двухэтажные срубные здания, характерные для Киева [17, с. 48 – 51, 99 – 100]. А это означает, что Русский каганат попал в сферу влияния Киева. Видимо, тогда же закончилась хазарская дань и для радимичей.

Между Киевом и хазарами было заключено мирное соглашение, и Игорь стал княжить в Киеве, «мир имея к всем странам» [9, с. 104]. Более того, хазары постарались в 943 г. использовать военный потенциал киевлян для борьбы с мусульманами. Несомненно, что именно хазары сообщили русам о том, что правитель азербайджанского города Бардаа с войском находится далеко в Сирии и страну можно пограбить. Сами же хазары оставались при этом в стороне. О том, что в походе на Бардаа участвовало в основном киевское воинство, говорит наличие камерных погребений, оставленных русами, и разграбленных местными жителями с целью получения оружия. Русы не смогли закрепиться на завоеванной территории, но они ушли из Бардаа безнаказанно через земли Хазарии [18, с. 178 – 182]. А это значит, что хазары беспрепятственно их пропустили, скорее всего, за уплату части добычи.

Литература

1. Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
2. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
3. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
4. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X – XI вв. М., 1963.

5. Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. IV; Заходер Б. Н. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX – X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1943. Т. 75. Вып. 6.
6. Науменко В. Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935 – 941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2014. Т. 12.
7. Ханбабаев К. М. Христианство в Дагестане в IV – XII вв. (Начальный этап распространения) // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов-на-Дону, 2003.
8. Кравченко Э. Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2004. Т. 3.
9. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
10. Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.
11. Енуков В. В. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Ученые записки КГУ. Серия гуманитарных наук. 2004. № 1.
12. Заходер Б. Н. Каспийский свод о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М., 1962.
13. Артамонов М. И. «Белая Вежа» – из истории русских поселений на Дону в X в. // Советская археология. 1952. № 16.
14. Лев Диакон. История. М., 1988.
15. Сытый Ю. Н. Место Киева и Чернигова в распространении христианства на Руси // Христианство в Белоруссии: история и современность. Минск, 2014.
16. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
17. Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным // Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула, 2000.
18. Флоровский А. В. Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи X – XI вв. и его продолжателя // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927.

С. П. Щавелев,
*Курский государственный медицинский университет,
Россия, г. Курск*

**Завершающий этап экспансии Руси
на территории Восточной Европы по данным топонимики
(имена летописных городов с формантом «-ск»)**

Суффикс «-ск» – один из самых продуктивных для древней славянской топонимики. Географические названия с его участием хорошо известны у западных и южных славян. А среди славян восточных такое окончание в названиях их поселений явно «характерно для Северной Руси, доминируя в названиях городов в самый ранний период, используя для образования вторичных топонимов (в частности, от гидронимов)...» [3, с. 124]. Предполагается, что данный суффикс отражает укрепленность названного с ним поселения [2, с. 226], т.е. его именно городской, по понятию средневековья, характер.

О степени древности рассматриваемого форманта на северо-западе Восточной Европы можно судить по первым упоминаниям соответствующих названий в письменных источниках, отечественных и зарубежных. Степень эта предельная по меркам хотя бы косвенно и обобщенно датируемых известий такого рода – вторая половина IX – начало X вв. Имеются в виду летописные Полоцк (древнерусск. Полтеск); Смоленск, Изборск; несколько позднее – Псков (Плесков). В иных частях Древней Руси тот же формант в свою очередь присущ самым древним и крупным (по региональным меркам) городским центрам (вроде Новгорода-Северска, Севска, Брянска в Подесенье; Курска, Рыльска, Липовеческа в Посеймье; и т.п.). Хотя по вполне понятным обстоятельствам за пределами северо-запада формирующейся Руси эти центры в своем городском качестве как минимум на столетие (а то и более) моложе вышеупомянутых северо-западных, т.е. относятся к X в. и последующему времени.

Известный топонимист В.А. Никонов, рассматривая «старинный суффикс “-ск”», подметил, между прочим, любопытную деталь: и в XVII–XVIII вв. он «частым не был, оставаясь предпочти-

тельно книжным ...; его давали канцелярии: светские – городам, духовные – церковным сёлам»; деревни назывались с ним исключительно редко. В.А. Никонов попутно высмеивает встречавшиеся в грамматологии мнения о «-ск» как «суффиксе коллективной принадлежности», «царском», «морском», «неличном». По его убеждению, «коллектив царей» невозможен [12, с. 170]. Между тем, именно нечто подобное представлял собой харизматический род князей-Рюриковичей – коллективный сюзерен Руси [10]. С утверждением власти этого княжеского клана над «славиниями» Восточной Европы и совпадает появление и первоначальное распространение здесь урбанонимов с таким суффиксом. Так что отнесённость старейших из них к числу городов, находящихся в личной или же родовой, династической собственности князей Рюрика Дома, вполне вероятна.

Все высказанные мной предположения находят дополнительные подтверждения при картографировании соответствующих названий (Рис. 1), выполненном в своё время Ю.Ю. Моргуновым для нашей совместной с ним работы [9]. Рассмотрев их расположение на территории Восточной Европы, можно заметить, что все компактные скопления соответствующих летописных «градов» отвечают основным направлениям «окняжения» Русью так называемых «племенных территорий» славян и их ближайших соседей (Рис. 1 Д) [14]. Эти скопления накрывают основные группировки восточных славян, наиболее развитые под конец I тыс. в социально-политическом отношении. А именно, летописные «княжжения» (словен, полочан, дреговичей) и похожие на них социумы (волынян, кривичей, северян и вятичей).

Полностью свободной от урбанонимов с формантом «-ск» осталась лишь территория Руси в собственном, первоначальном, узком смысле этого слова [11; 7; 13]. Эта исходная Русь – своего рода сердцевина, домен «державы Рюриковичей» – суть Верхнее Поднепровье; от Киева и Чернигова в своём центре; до Переяславля на юге; Смоленска на севере; и, наконец, до Турова и Пинска на западе. Так очерченный по независимому топонимическому источнику ареал полностью подтверждает выводы отмеченных в предыдущей ссылке исследователей Руси по летописным и археологическим источникам. Первоначальная Русь оказывается вытянутой преимущественно в широтном направлении; главным об-

разом на запад – по Правобережью Днепра; её восточные пределы наименьшие.

Кроме верхнеднепровского «просвета», от городов с таким суффиксом свободен анклав Ладога – Новгород, т.е. стартовый плацдарм для рывка войск «северной коалиции племён» на юг [8, с. 24–25], по будущему «пути из варяг в греки». Этот участок – своего рода «водные ворота» на просторы Восточной Европы – был освоен норманнами, родоначальниками здешней «руси», раньше и прочнее всего. А центры с формантом «-ск» потребовались затем, чтобы политически уравнивать эту часть «державы Рюриковичей» с остальными, позднейшими по времени «окняжения».

Кроме исходной Руси, не потребовалось таких городов, что назывались с «княжеским формантом», для закрепления во власти Киева тех «племенных территорий», которые оказались покорены им первыми. Это, во-первых, поляне. А вслед за ними – древляне, радимичи и часть (западная) северян, обложенные данью еще Олегом Вещим (883–886 гг.). Как видно, эти регионы, самые маленькие по территории среди прочих восточноевропейских «славиний», просто сдались на милость победителя из Киева. И оставались в пределах быстрой досягаемости его войсками. А остальные, самые обширные «племенные территории» пришлось поэтапно покорять огнём и мечом.

По периметру данной топонимической лакуны и проходил примерно путь русского полюдья. Как видно, городские (т.е. первоначально прежде всего крепостные, гарнизонные) центры с рассматриваемыми названиями маркируют основные направления и зоны военно-политической экспансии Киевской Руси.

Все вышеуказанные (со ссылкой на мнения лингвистов – специалистов по топонимике) оттенки значения так оформленных названий домонгольских городов вполне соответствуют обстоятельствам их основания и именаречения. А именно, значительная часть названий соответствующих «градов» действительно дана по именам рек, на берегах которых воздвигались их укрепления. Среди этих водных потоков и сравнительно крупные реки (вроде Буга, Случи, Угры и т.д.), и относительно мелкие притоки таковых (типа Менки, Витьбы, Сева, Кура, Рыла, Путивльки, Прони и т.п.). Такие – гидронимические названия скорее всего давались новопоселенцами, строителями соответствующих укреплений. Ведь первое,

что они могли узнать у местного населения, это название «градообразующей» реки. Даже если город назывался без помощи речной кальки, она могла в действительности иметь значение. Так, все три домонгольских Переяславля стоят на реках с одинаковым названием – Трубеж [4]. Водные артерии, как известно, выступали в ту эпоху основным путем передвижения мигрантов, войск и товаров.

Как выяснено археологическими раскопками, все мало-мальски значительные укрепленные поселки – центры роменской культуры на Днепровском Левобережье гибнут на рубеже X–XI вв. в огне пожаров, при их штурмах войсками Руси [1; 6]. Местное население частью бежит далеко на север, частью истребляется захватчиками, частью сселяется с насиженных мест в новые, более крупные центры. Поэтому других постоянных именных «привязок» к завоёвываемой местности, кроме устоявшихся речных названий, у представителей корпоративной «Руси» за её тогдашними пределами просто не было. Ни патронимные (по аборигенным этнопредам, вроде Киева или Чернигова), ни просто древние исторические названия (Искоростень, Овруч, мерянский Ростов и т.д.) их конкурентам и завоевателям из Киева знакомы и близки не были. Такого рода старшие названия остались вместе с городами, в целостности и сохранности перешедшими под власть торгово-дружинно-административной «руси». Города же, заново основанные представителями этой самой «руси» на пепелище старославянских «племенных» центров, выступали в роли соперников или преемников этих последних. Поэтому-то, должно быть, они в целом ряде случаев и получали имена, объединенные суффиксом «-ск». В такого рода названиях наглядно альянс славянского и русского пластов соответствующей топонимики. Реки и прочие урочища назывались местными, прежними именами. А суффикс «-ск» имел, похоже, притяжательный оттенок смысла (Чей город? Нашенский! – Примерно так можно объяснить семантику данного форманта в древнерусскую эпоху).

Конечно, в иных случаях захватчики «племенных территорий» обходились при градоименовании без пресловутого форманта. Однако принцип привязки к безэтническим особенностям рельефа местности сохранялся, как правило, и тогда. Например, Новгороды – по времени основания; Белгороды – по светлому цвету мергелевой породы укрепляемого приречного холма; т.п.

Одним из последствий прослеживаемого процесса топонимизации русской социально-политической экспансии выглядят дублирующие названия домонгольских городов. Например, один Курск появлялся на одной из безымянных притоков (*курье*) новгородской Ловати, а его тѣзка – на ручье Куре при его впадении в северянскую реку Тускарь (Рис 1 В). Реальная общность происхождения этих центров археологически подтверждается устойчивыми экономическими (торговыми) и миграционными взаимосвязями между этими достаточно удалёнными друг от друга городами (Рис. 1 Г) [5].

Разумеется, далеко не все центры новой власти в X–XI в., а тем более в XII–XIII вв. получали интересующее нас оформление. Чем дальше по сторонам света простиралась власть Руси, тем разнообразнее становились поводы для наименования ее форпостов. Тем не менее, прослеженный пласт урбанонимов выглядит до сих пор недооцененной исследователями публичной формой манифестации дружинно-княжеской власти в Древней Руси. Благодаря сети сравнительно новых городских центров, пришедших на смену разорённым и запустевшим в своем большинстве старым «племенным» «градам», имя и культура Руси распространились на всю огромную территорию «империи Рюриковичей».

Литература

1. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
2. Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1986 год. М., 1988. С. 223–229.
3. Древнерусские города в древнескандинавской письменности, 1987. Тексты. Перевод. Комментарий / Сост. Т.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987.
4. Дубов И.В. Три Переяславля (исторические судьбы: общее и особенное) // Історія Русі – України (Історико-археологічний збірник). Київ, 1998.
5. Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999.

6. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.
7. Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995.
8. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (К постановке проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995.
9. Моргунов Ю.Ю., Щавелев С.П. «Курескъ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды IV Международного конгресса славянской археологии. Т. II. Славянский средневековый город. М., 1997.
10. Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 г. М., 1986.
11. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
12. Никонов В.А. Исторические суффиксы рязанской топонимики // В его кн.: Имя – этнос – история. М., 1989.
13. Фетисов А.А. Формирование территории «Русской земли» по археологическим данным // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь 5. К 100-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга (1904–2004). Курск, 2004.
14. Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000.
15. Щавелев С.П. Предисловие // Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.

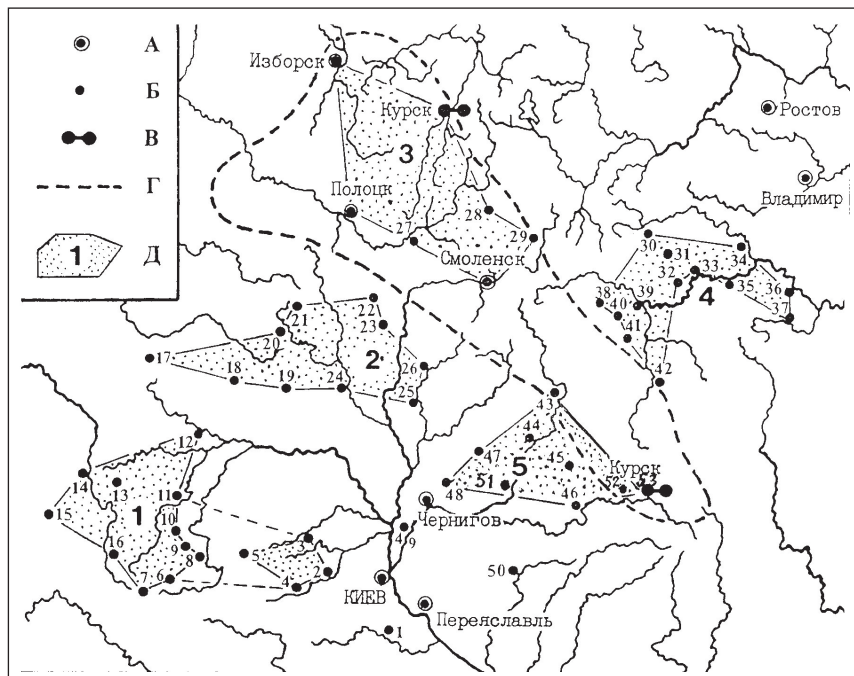

Рис. 1. Топонимическая карта урбанонимов с формантом «-скъ» (По публикации: Ю.Ю. Моргунов, Щавелев С.П., 1996; здесь приводится с дополнениями С.П. Щавелева.

А – древнейшие города; Б – урбанонимы с формантом «-скъ»; В – дублетные топонимы: «Курск – Лип(и)но – Ратно»; Г – ареал распространения 4-й группы кладов куфических монет – 970-х – 980-х гг. (по А.В. Фомину); Д – группы скоплений урбанонимов с формантом «-скъ»: 1 – волынская; 2 – северо-дреговичская; 3 – словено-полочанско-кривичская; 4 – вятичско-поокская; 5 – деснинско-сейская (северянская).

Урбанонимы: 1 – Торческ; 2 – Мичск; 3 – Ушеск; 4 – Городецк; 5 – Корческ; 6 – Шумск; 7 – Плеснеск; 8 – Мысльск; 9 – Зарческ; 10 – Луческ; 11 – Черторыйск; 12 – Пиньск; 13 – Турийск; 14 – Угровеск; 15 – Сутейск; 16 – Бужеск; 17 – Волковскийск; 18 – Клческ; 19 – Случеск; 20 – Меньск; 21 – Логожеск; 22 – Дрютеск; 23 – Голотическ; 24 – Бобруеск; 25 – Чичерск; 26 – Прупошеск; 27 – Витебск; 28 – Вержавск; 29 – Верховск; 30 – Можайск; 31 – Боровск; 32 – Лобынск; 33 – Нериньск; 34 – Сверилеск; 35 – Колтеск; 36 – Ужеск; 37 – Проньск; 38 – Мосальск; 39 – Воротынск; 40 – Серенск; 41 – Козельск; 42 – Мценск; 43 – Дебрянск; 44 – Трубчевск; 45 – Севск; 46 – Рыльск; 47 – Ропеск; 48 – Сновск; 49 – Моровийск; 50 – Глинеск; 51 – Новгород-Северск(ий); 52 – Липовическ (?); 53 – Кур(е)ск; 54 – Псков (Плесков).

СЕКЦИЯ 3. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ

Д. Таяа,
*Университет Внутренней Монголии,
Китай, г. Хух-Хото,*

Легенды и предания, связанные с уходом торговцев из России в 1771 г. (Торгуудын их нүүдэлд холбогдох домог дурсамж)

Аннотация: в статье на основе обширного материала по фольклору, истории ойратов Синьцзяна КНР, Монголии и волжских калмыков анализируются причины возникновения, распространения и бытования легенд и преданий, связанных с уходом торговцев в Китай. Статья состоит из трех глав. В первой рассматриваются причины, маршрут откочевки, приводится материал о переписке с династией Цин и о территориальных спорах. Во второй главе автор анализирует образы нойона Цеveg-Дорджи, хана Убаши и императора маньчжурской династии Цин. В заключении дается общий вывод о компетентности привлечения не только архивных материалов, которые во многом писались в угоду правящей династии или зависели от позиции летописца к тем событиям, также делается попытка взглянуть по-новому на фольклорный материал, который несет в себе оценку народа на те или иные события. Безусловно, в преданиях и легендах об уходе большей части калмыков обратно на территорию Джунгарии присутствует художественный вымысел, как и во всем фольклоре в целом. Исследователь делает вывод, что скептическое отношение к архивным и фольклорным материалам позволит дать объективную оценку тем событиям.

Торгууд бол Монгол үндэстний чухал нэг бүрэлдэхүүн хэсэг мөн. Тэд 17-р зууны 20-оод оны үеэр Жунгар нутгаасаа өрнөө тийш нүүдэлж, Үрэл уул, Үрэл мөрнийг даваад Ижил мөрөн\Волга мөрөн\ хийгээд Үрэл мөрний өргөн уудам нутаг дэвсгэрийг эзэлж,

Торгууд хаант улсыг байгуулсан юм. Дараа нь 1771 онд эдгээр Торгуудын нэг хэсэг нь Ижил мөрний хөвөөнөөс дорно тийш уугуул нутаг Жунгартаа буцаж ирээд, нөгөө хэсэг нь Ижил мөрний хөвөөндөө үлдсэн юм. Ижил мөрний хөвөөнд үлдсэн Торгуудыг Халимгууд гэдэг. Торгуудын Ижил мөрний хөвөөнөөс дорно тийш уугуул нутаг Жунгартаа буцаж ирсэн нүүдлийг заншлаар Торгуудын их нүүдэл гэдэг бөгөөд тэр нь “Хүн төрөлхтний түүхэн дэх хамгийн сүүлчийн тив алсалсан том нүүдэл” гэж эрдэмтэд өндрөөр үнэлдэг. Үнэндээ Торгуудын их нүүдэл нь нүүдэл малжлын нийгмийн зам ёсны дагуу үүссэн энгийн мөртөө зайлшгүй нүүдэл мөн. Гэхдээ Торгуудын их нүүдэл нь биднээс харьцангуй ойр цаг үед үүссэн болохоор түүний нэр нөлөө их болсон мөртөө адил бус цаг үеийн түүхчид адил бус хараа зогсоос зураглан тэмдэглээд судлан тайлбарласаар ирэв. Гэтэл эдгээр эрдэмтдийн судалгааг нарийн хянаж үзвэл, голдуу түүх сурвалжийн нарийвчлалд улс төрийн “шинэ тайлбар”, биеж таамаглал төсөөллийн хүрээнд л эргэцэж, тус түүхийг үүдэн бүтээсэн Торгуудын аман түүх\түүхэн домог яриа, түүхэн дуу зэрэг\-ийн уламжлалд анхаарал тавьсан хүн тун цөөн байна. Энд Ижил мөрний баруун хөвөөнд хоцорсон Халимгууд хийгээд уугуул нутагтаа эргэж ирсэн Торгуудуудын дунд уламжлагдсан домог ярианд суурилж, их нүүдэл нь хэрхэн домог болсон, адил бус газар орны домог яриа нь ямар ялгаа зөрөөтэй байх жич тэдгээрийн ялгаа зөрөө үүссэн учир шалтгааны тухай шинжлэхээр дамжин адил бус газар зүй, нийгэм түүхэн хүрээнд харьяалагдсан ижил нэгэн ястан адилхан түүхэх хэрхэн дурсан цээжилж ирсэн гэх мэт асуудлуудын тухай ярья.

Нэг. Домог ярианд гардаг их нүүдэл

Их нүүдэл бол Торгуудуудын түүхэн хувь заяан дэх эргэлтийн чанартай ажиллагаа мөртөө асар том “Дурсгалын хөшөө” мөн. Тус хөшөөнд 170 мянган Торгуудууд Ижил мөрний хөвөөнөөс нүүж гараад уугуул нутаг Жунгартаа буцаж ирэхэд 40 мянгад хүн үлдсэн эмгэнэлтэй түүх бичигдэж байх юм. Торгуудуудын хэнээс ч сүрдэхгүй баатарлаг сүс зориг нь агуу их гэдэг боловч амь насны үнэ өртгийн хараанаас үзэхэд хүн амын $\frac{3}{4}$ илүү нь үхэж өрөгдсөн явдалд харамсахгүй байхын аргагүй. Их нүүдэл нь ялалт байсан уу? Эсвэл эндүүрэл байсан уу гэдгийг одоохон та бидний хэн хэн

ч дураараа өгүүлэх эрхгүй юм. Хэрвээ ийм эрх бий гэдэгт хүрвэл, тэр үед золоор амьд гарсан хүмүүс л мэдсэн байх ёстой.

Нүүдэлчид ер нь түүхээ амаар уламжилдаг. Аман түүх бол нэг ёсондоо нүүдэлчдийн жинхэнэ “голч түүх” байх ёстой. Торгуудуудын их нүүдлийн тухай аман түүх нь нүүдлийн бэлтгэлээс Торгуудуудын уугуул нутагтаа буцаж ирээд нутаглах хүртэлх агуулга багтаж байдаг. Энд тэр бүхнийг нарийн тооцохгүй, зөвхөн гол болох хэдэн сэдэв\уйл явдал\ -ийг сонгож тэдгээр түүхэн хэрэг явдлууд нь хэрхэн аман түүхэн хэлбэрд шилжин уламжлагдсаныг шинжилье.

1. Нүүдлийн шалтгаан

Гадаад дотоодын эрдэмтэд их нүүдлийн үүслийн шалтгааныг адил бус улс төр, соёл сэтгэчийн хараа зогсцоос адил бусаар тайлбарласаар ирсэн билээ. Оросын түүхчид “хэрвээ энэ оргох ухаан нь Оросуудад мэдэгдээд оддог болохлоор, Овш эрхбиш урвагч гэж зэмлүүлж орноосоо хөөгдөх, тэгээд миний хааны ширээнд гарах хаалга\зам-ишлэгч\ цэвэрлэх, хэрвээ энэ бодол гадна дотно мэдэгдэлгүй оргосон ч тийм хол хатуу хаалгат Овш явж чадахгүй. Тэр үед би арга мэхийг нь олоод өөрийнхөө ухаан билэгт түшиглэж Овшаас эрхийг нь алдуулж гартаа оруулж авах бий.” гэх мэд Цэвэгдоржийн Овшаас хааны орыг нь булааж авахын төлөө нас бага, ухаан муутай Овшийг өдөөж их нүүдлийг үүсгэлээ\1\ гэх буюу эсвэл Оростой шашин шүтлэгийн талаар адил бусаас болж Буддын шашны төв орноос ойрхон Жунгар луугаа нүүлээ хэмээн номлодог байхад, Чин улсын үеийн түүхчид харин өөрөөр тэмдэглэсэн юм. Юй Жэн Шегийн “Харагчин могой жилийн хэвлэсэн ноорог, захирч суусан сайдын эхлэлт”-эд “Торгуудын Овш ануу Цорос, Хошууд, Хойдыг цөм хөнөөнө хэмээн сонсож, Илий нутгийг эзлэн авч болмой хэмээн санаж, Оросын газрыг хаяж, харьяат олноо аван өмнө тийш ирэвэй. Зургаан сард харуулын газар хүрч ирэхлээр Илы байдал нэгэнт тогтвой, тийнхүү болсон ёсоор үл болохыг мэдэж, өрөх амын данс хараа өргөн барьж дотор газар дагавай.” гэж, Чи Ши-игийн “Үзэж сонссон тэмдэглэл”-д ч Торгуудын “дагараа ирсний шалтгаан хэмээвээс үнэндээ Шаран\Шэрэн-ишлэгч\ инуу Илы газрыг эзлэн авхаар өдөөснөөс болсон бүлгээ. Хүрч ирсний хойно, зорисон зорилго анүү биелэгдэж чадахгүй болсон тулд орж өгөхөөс л өөр замгүй болчухуй. Тэдний хүн бүл олон, дахин бас буцах аргагүй болсон тул оруулж авахаас өөр аргагүй болбой гэх,

жич Гао Цун бүрэнд хааны бичсэн “Торгууд аймаг бүхнээрээ дагараа ирсэн тэмдэглэл”-д “тэр хэрвээр Оросоос тэрслэн урваж, дахин бас бидний улсын хязгаарыг халдваас урагшилж ухрахуйд өмөг түшиггүй болох тулд тэр дахин хамигаш одмой. Ийм болбоос 10 хувийн 9 ануу дагаараа ирсэн хэрэг болх амой. Зөвхөн 10 хувийн 1 ануу хойхуур арга болох буюу. Хожмын дүн ануу үнэхээр ийм болсон бөгөөд Шүгэдэй Илы газар хүрсний хойно харуул манаа тавих, нөөцлөн хадаглах ба нууцаар бэлтгэх зэргийг тухтай сайн эс хийснээр инуу нэг ч үгүй” гэсэн юм. Үүнээс үзэхэд, Чин улсын түүхчид их нүүдлийн үүслийн шалтгааныг алганы зураас шиг тодорхой мэдэж байсан нь илэрхий. Гэтэл 20-р зууны 60-аад оны үеэр Хятад, Зөвлөлт хоёр орны гадаад харилцаа муудахыг дагалдан, Хятад улсын хэсэг түүхчид бүх улсын олон үндэсний ард түмнийг эв санаа нэгтэй болгож, Зөвлөлтийн “Засварлах үзэл”-ийг эсэргүүцэж цагаан хаант Оросын Хятад улсын баруун хойд хил хязгаарыг түрэмгийлсэн ял гэмийг илчлэхээс болж “Торгуудуудын цагаан хаант Оросын дарлал боолчлолыг эсэргүүцсэн эх оронч үйл ажиллагаа нь Зөвлөлтийн засварлах үзлийн хуйвалдлагыг эсэргүүцэхэд түүхэн ахуйч ач холбогдолтой” \4\ хэмээн их нүүдэл нь “маний орны үндэстнүүдийн харилцаа холбооны түүхэнд, олон үндэсний ард түмэн үндэстний дарлал мөлжлөгийг эсэргүүцэж, улс үндэстнийхээ эв нягтралыг хамгаалахад хамгийн сайн үлгэр дуурайл болсон” хэмээн сурталчилж эхэлсэн юм. Ингээд зарим түүхчид цагаан хаант Оросын Торгууд хааны эрх мэдлийг хязгаарласан, цэргийн албанд татсан, харь шашин дэлгэрүүлсэн жич газар нутгийг нь эзэлсэн гэх мэт ял гэмийг илчлэхийн зэрэгцээ цагаан хаант Орос хийгээд Чин улсын түүхчдийн ярьдаг Чин улсыг “эх орноо” хэмээн ирсэн бус, харин уугуул нутаг Жунгараа эзлэхээр ирсэн гэх үзэл ойлголтыг буруушаан шүүмжлэх болсон юм. Ингээд Чин улсын засгийн газар хийгээд БНХАУ-ын Засгийн газар хоёрыг хооронд нь хутгаж, Чин улс бол даруй БНХАУ мөн хэмээн үзэж, Торгуудын Чин улсад буцаж ирсэн явдал бол “Эх орондоо харьж ирсэн явдал мөн” хэмээн тайлбарлах болжээ\5\.

Гэтэл Торгуудуудын буцаж ирэх үеийн хэрэг явдлыг тэмдэглэсэн чухал хоёр түүхэн дурсгал болох “Торгуудын Хотлоо аймаг эеэр дахараа ирсэн тэмдэглэл” болон “Торгууд аймгийн улсад хүнд хишиг хүртээсэн тэмдэглэл” гэх хөшөөнд “Орос бас гадаад номтон болоод шарын шашныг эрхэмлэхгүй тулд, тийнхүү хамаг төрөл төрөгсөд, тайж

лугаа хамт сэмээр өгсөөд хотлоо аймгийг авч шарын шашныг эрхэмлэх газраа ирээд жаргаж аж төрсүгүй хэмээн саначухуй.” гэх буюу “энэ хол дохь газрын хүн соёл дор хандаж, нийтээрээ гэр болон албат нарыг авч орж ирсэн” \Буддын шашин ба уугуул Монгол нутаг\гэх үг байхаас биш, харин “эх орноо” хэмээн ирсэн гэх үг харагддаггүй.цаашдаа “Зарлигаар тогтоосон гадаад Монгол худаг аймгийн ван гүн нарын илтгэл шастар”-д ч “миний шарын шашныг бадруулах дагараа орсон орон аймгийн ардыг олдон өршөөх өршөөл соёлыг хүсэж холоор явж оюун санаагаар дагараа ирсэн ануу ихэд сайшаалтай” гэх буюу “Торгууд бүх аймгийг авч тасарсан хязгаарыг тойрч чин үнэнээр соёлд сүсэглэж түмэн газрыг өнгөрсөн явж ирсэн ануу эрирээ дагсан ануу булай” гэх мэт тэмдэглэсэн юм. Ийнхүү Чин улстай эсэргүүцэлдхээр ирсэн Торгуудууд нь эргээд “Чин улсыг хайрлаад ирэгсэд” болсон юм.

80-аад оны сүүлч, 90-ээд оны эхээр Шинжааны Ойгаруудын “Зүүн Туркестан улс” байгуулах урвалгаан үүсэхийг дагалдан Торгуудуудын алс холын Европоос “эх орноо” хэмээн харьж ирсэн явдал нь улсын дотоодоос урван тэрслэх ажиллагааг буруушаахад тун их улс төрийн ач холбогдол бүхий түүх дурсамжийн нэг болсон юм.\2\.

Ингээд Ойгаруудын “улсаасаа урван тэрслэх” гэсэн ажиллагааны эсрэг олон үндэстнүүдийн ард түмний эх оронч сэтгэлгээг хөгжөөж, үндэстний эв нягтралыг эрчимжүүлж, төвд төвлөрсөн эрхээ бататгахын төлөө “Торгуудуудын эх орноо хайрлан, үндэстний эв нягтралыг ахиулж, олон үндэстнүүдэд эх орны нэгдлийг хамгаалахад оруулсан хувь нэмрийг” магтан дуулах өрнөлт гарч, үндэстний баатар Овш хааны дурсгалын хөшөө, кино “Торно тийш буцсан баатарчууд”\Өвөр Монголын Киноны үйлдвэр\, 30 ангит телевиз жүжиг “Торно тийш буцсан баатарчууд”, дуулалт жүжиг “Торно тийш буцсан баатар”\Шинжааны Баянголын дуу урлагийн бүлгэм\ зэргийг зураглан тоглохын зэрэгцээ Жүн Цигийн бичсэн түүхэн роман “Овш хаан”\4 дэвтэр, Хятадын үндэсний хэвлэлийн хороо, 2006 он\, Овш хааны хойч болох Мань Линий бичсэн түүхэн дурсамж “Торгуудын хүүхэн”\хөдөө тосгонд унших бичгийн хэвлэлийн хороо, 2004 он\, жич дуу “Дорно тийш буцсан баатар” зэрэг зохиогдсон юм. 2004 онд Шинжааны Баянголын Монгол Үндэстний Өөртөө Засах Жөү байгуулагдсаны 50 жилийн ойд зориулж, дорно тийш буцсан түүх соёлын эрдэм шинжилгээний бага хурал хийж, дорно тийш буцсан түүх соёл

судлах газрыг байгуулж, Торгуудуудын дорно тийш буцсан аугаа их түүхийг дурсахын зэрэгцээ “Дорно тийш буцсан хэв заншлын хүрээлэн” гэх том жуулчлалын газар, Хятад, Манж, Монгол, Төвд үсэг бүхий “Дорно тийш буцсан суварга”, хар архи “Овш хаан”\Шинжааны Овш архины үйлдвэр\ зэрэг нь хойно хойноосоо гарч Торгуудын их нүүдлийн Ойрд Монголчуудын соёлын хөгжил хийгээд орон нутгийн аж ахуй жич жуулчлалын үйлсийн хөгжилд ашиглах төдийгүй, нэг хэсэг удам судраа мэдэхгүй хүмүүс үүгээр омогшил болгох болсон билээ. Үүнээс аль эрт, 20-р зууны 90-ээд он болоход хэсэг Монгол түүхчид Торгуудуудын “Жунгарын газар эзэнгүй болов. Бид дээр талдаа дарлалгүйгээр эзлэн сууя” хэмээн дорно тийш буцсан гэж зүйтэй ярьсан билээ. Орчмынхон түүхч Хао Вэйминь “Торгууд аймгийн дорно тийш буцсан асуудлын тухай оюунч бодолхийлэл” гэх өгүүлэл нийтэлж, их нүүдлийн үүслийн шалтгааныг нэлээд тодорхой тайлбарласан болохоор энд арвин нуршихгүй. Үнэндээ их нүүдлийн үүслийг “Торгууд хаадын тууж” гэх тод Монгол үсгийн сударт “нэг шашин нэг хэлтэй эртний ах дүү Монгол ба энэ хойд хоёр төрлийн жаргалын шүтээн болсон шашны номын рашааны далай Төвд орон хийгээд үлэмжийн адист богд нарын гэгээний шатар оршиж, хорт дайсанд хэрчигдсэн Ойрдын голомт дээр бууж эрт эцэг өвгийн жаргаж зовж явсан ба ижил талаас үлэмж баян болоод сайхан орон Жунгарыг сайн хэмээн сэтгэвээс, Халимаг улс шагшин баясаж мордсон бүлгээ” хэмээн аль эрт тодорхой тэмдэглэсэн билээ. иймээс Чин улсыг “хорт дайсан” гэж боддог Торгуудууд түүнийг “эх орон”, “эзэн хаан” хэмээн санаад буцаж ирэх нь сэтгэшгүй хэрэг юм. Дээр ярьсан их нүүдлийн үүслийн шалтгааны тухай түүхэн тэмдэглэлүүдийг харьцуулан хянахад, зарим хүмүүсийн түүх бичлэг гэдэг нь нэг зүйлийн улс төрийн “домог яриа” болох нь тодорхой бий.

Адил бус цаг үеийн түүхчдийн түүх бичлэг нь хоорондоо адилгүй байдагтай адилаар аман түүхчдийн ярьдаг домог яриа ч тэдний оршин амьдарч байх нийгэм соёлын орчин тойрноосоо болж хоорондоо адилгүй болдог аж. Халимгийн “Цэвэгдорж ноёны тууж” гэх домог ярианд “Жунгар алтай уулнаас ирсний хойно, Халимаг тангачид олон зүсэн зовлон учирсан байжээ. Нэгд хаад ноёдын эрхшээл \эрх мэдэл-ишлэгч\ буурна... хоёрт хаад ноёдын зөвшөөрөлгүй харчуудад Хрис \Христосын шашны загалмай- ишлэгч\зүүлгээд хурал хувргийн үйлийн заагт оролцоно. Тэр хамгийн

улаан залгат бурхны номд Халимаг улсад маш их эс таашаагджээ” гэх мэд их нүүдэл нь Оросын цагаан хаанаас Торгуудын хан ноёдын эрх мэдлийг хязгаарласан явдал ба албадлагаар Христосын шашны дэлгэрүүлснээс боллоо хэмээн өгүүлсэн байдаг. “Халимаг алтай гарсан тухай тууж” -д ир нүүдэл нь ямар нэгэн улс гүрний шахалт дарлал буюу эсвэл хувь хүний зөрчил тэмцлийн хурцдалаас шалтгаалсан бус, харин Овш хааны хувь заяаны зайлшгүй сонголт хэмээн домоглосон юм. Тухайлбал Овш хаан төрөхөд “суурь засахаар” очсон лам: энэ хүү “гар нь ганзаганд хүрээд хөл нь дөрөөнд хүрэхлээр тангаачийг хөдөлгөнө” гэж зөгнөдөг. Хожим нь гар нь ганзаганд хүрээд хөл нь дөрөөнд хүрээд хуримласны дараа, олон шөнө их дайнд оролцож маш их зовлон үзлээ хэмээн зүүдлээд байхлаар зүүд тайлагч өвгөнд очиход: нэг бол наран суух зүгт байх Норм Гэлэнтэй байлдаан хийж хүн морь хоёр чинь өргөднө, үгүй бол Жунгарт буцах хэрэгтэй гэж зөгнөдөг. Эцэст Норм Гэлэн Овштай байлдах санаагүй болохоор Жунгар зүг нүүдэлсэн гэдэг. Тус домог яриа нь их нүүдлийн шалтгааныг тухайн үеийн нийгэм түүхийн ахуй байдалтай холбосон бус, харин Овш хааны хувь тавилантай холбохоор дамжуулж Торгуудуудын уугуул нутагтаа буцах нь “тэнгэрийн санаа” буюу “тэнгэрийн заяа” гэх үзэл ухамсрыг товойлгосон юм. Энэ нь нэг талаар ижил зайн Торгуудуудын уугуул нутагтаа буцах юмсан гэсэн удаан оны хүсэл мөрөөдлийн тусгал байж, нөгөө талаар их нүүдлийн өмнөхөн Торгууд хаанаас Далай ламд нууц элч илгээж Торгуудуудын дорно тийш нүүдэлж болох ивээлтэй цаг хугацааг асуухад, Далай лам: “1170-1171 он бол Халимгийн хий морь нь хийсдэг хоёр жил мөн”, “мөн ч Оросоос зулж\дутааж\ гарахад хамгийн ашигтай хоёр жил мөн” хэмээн айлтгасан явдлын домогжсон тайлал байж болзошгүй. Эсвэл тэр нь “Торгуудын дохио”-тай адилхан Торгуудуудын уугуул нутаг Жунгартаа буцахаас өмнөхөн суртал ухуулахын хэрэгцээгээр зохиогдсон цуурхал яриа ч байж юм. Домогт гардаг наран суух зүгийн Норм Гэлэн гэдэг нь цагаан хаант Орос \буюу Кэккэцийн үндэстнүүд\ -ийг заасан ч байж мэдэх юм. Халимгуудын аман түүхэн ахуйч дурсамж нь ч тэр, хүсхүйц дурсамж нь ч тэр, торгуудуудын Жунгартаа буцах нь зүй ёсны хэрэг буюу “тэнгэрийн санаа” гэдгийг чухалчилсан юм. Энэ нь халимгуудын уугуул нутагтаа буцах хүсэл эрмэлзэл, цагаан хаант Оросыг дургүйцсэн сэтгэлгээ жич алс холын уугуул нутгаа диваажин гэж төсөөлсөн бодол

зэрэгтэй холбоотой магад. Нөгөө уугуул нутаг Жунгартаа буцаж ирсэн Торгуудуудын домог яриа нь тэдний нутаглаж бүхий улс гүрнээрээ их төлөв хоёрт хуваагдаж бий. Үүнд Хятад улсын харьяанд нутаглаж байх Шинжааны Торгуудуудын түүх бичлэг болох “Торгуудын дагж орж ирсэн тэмдэглэл” зэрэг тод Монгол үсгийн сударт, цагаан хаант Оросын Торгуудуудыг “Гүнгэрийн” дайнд оролцуулж их үхэл өргөдөл гаргаж байх явдал хийгээд хойгуур залхай Шэрэн\Монгол улсын Торгуудын ноёны\ завсардуулгаас болж их нүүдэл үүслээ хэмээн тэмдэглэсэн бөгөөд “Бардниг баатрын тууж” гэх домог ярианд “Оросын цагаан хаанаас Ижил голын Монголыг муу үзэж, албан шаардлага хүнд тавьж, хүүхэд хөвгүүдийг цэрэгт барьж аравхан малыг ч албанд авдаг болов. Тэгэхлээр Ижлийн Монголчууд хөнөөгдөж, гучин хоёр тайж нутгаа дагуулаад өөрийн нутагтаа харих болсон гэнэ” хэмээн нүүдлийн шалтгааныг Оросын дарлал хийгээд Шэрэн ноёны завсардуулгаас боллоо хэмээн тайлбарладаг. Бас “хартай баатар ба хуруун баатар” гэх домог ярианд ч Оросын цэргийн албыг товойлгосон билээ. Цаашдаа “Ань бардниг ба түүний саарал морин” гэх зэрэг домог ярианд, Ижил мөрөн хийгээд гадаад далайн хөвөөнд хар дэлт чонын харгалзан, хар хул зэрэг догшин араатнууд олширсон жич түүнийг Бардниг баатар устгасан явдлаар дамжуулж, Ижил зайд “хортон” олширсон болохоор уугуул нутагтаа нүүхгүй бол болохгүй гэсэн санааг сэм тохсон юм. Өөрөөр хэлбэл Шиньжяны Торгуудуудын их нүүдлийн шалтгааныг Орос Шэрэн хоёроос эрэх буюу эсвэл хийсвэрчилсэн аж. Энэ нь зарим талаар Чин улсын үеийн түүх бичлэг хийгээд сүүлийн үеийн Хятад улсын суртал ухуулахтай ам сээр холбогдож бий. Юу ч гэсэн Халимгууд хийгээ Шинжааны Торгуудуудын домог яриа нь их нүүдлийн шалтгааныг Оросын хашилт шахалттай холбодгоороо адилхан мөртөө мөн ч түүх бичлэгтэй ойртуулж байх юм. Гэтэл Монгол улсын торгуудын “Торгуудын үүсэл” гэх домог ярианд “Жунгар ижил зай гэх нутагтай байжээ. Ижил зайн хаан зуун гучин долоон нас насалж нэгэнт өвгөрчээ. Тэр хаан хоёр авгайтай байжээ. Их авгайгаас арван гурван хүүхэд, бага авгайгаас найман эрэгтэй хүүхэд төржээ. Тэгээд тэр нутаг хоёр авгай хоёр хүүхэд хуваагдаж хоёр хэсэг болжээ. Их бага авгайн хүүхдүүд хаан аав дээрээ очиж та нэгэнт зуун гучин долоон нас хүрлээ. Таныг тэнгэр дэвшихлээр, бидний хэн маань таны оронд суух бэ? гэж асуужээ. Хаан их л ухаан бодож байснаа бага

хатны хүүхдүүд ахална гэжээ. Ингээд их хатны хүүхдүүдийн зан нь хувьсаж бидний газар нутаг, орон байр олж авья гэж бодоцгоожээ. Их хатны арван гурван хүүхдийн ахмад нь Шэрэн гэж байж гэнэ. Тэр толгойлж хурал хийлгэжээ. Аавыг алж болохгүй. Иймд айлгаж байгаад нутгаас холдъё гэж ярилцжээ. Алаг тахтай хүнийг оройхон тийш хоёр уут нүүрс ачаад аавын гэрийн дэргэдүүр ир гэж тушаажээ. Тэгээд нүүрсэнд гал өгч шатааж байгаад алаг тахийн гуя уруу шөвгөөр хатгамагц тах туйлж гал цагарч\аав аа, дайн боллоо\ гэж хашхирмагц хаан аав нь гэрийн хаяа задлаад найман хүүхэдтэй авгайгаа авч \алтан зодвоо\ гэдэг уулын ар уруу зугтааж оров гэнэ”. Энэ үед “арван гурван хүүхэд нутгаа аваад нааш зүлгэжээ” хэмээн их нүүдлийн шалтгааныг Оросын дарлал буюу Шэрэн ноёны хуйвалдлагатай холбох бус, харин Торгуудуудын дотоодын хан орны тэмцээнтэй холбоотой гэж домоглосон байдаг. Тус домог нь түүхэн сурвалжист гардаг Овш Цэвэгдорж хоёрын хан орны тэмцээний явдал хийгээд баруун Монголд өргөн дэлгэрсэн “Алаг тахийн үлгэр” хоёрыг нэгтгэхээр дамжуулж, өөрсдийнхөө ноён Шэрэнгийн арга ухаан, үзэл бодлийг зөвтгөж, Ижил мөрний хөвөөнд үлдсэн Торгууд ноён \үнэндээ Шинжааны Торгуудуудын дээдэс болох Овш болон Цэвэгдорж хоёрыг зааж бий\-ыг зэмлэх санаа гаргасан байна. Монгол улсын Торгуудуудын өөрийнхөө өвөг дээдэс Шэрэн ноёноо хамгаалж Овш Цэвэгдорж нарыг шүүмжлэх явцдаа их нүүдлийн чухал шалтгаан болох Оросын хашилт шахалт хийгээд уугуул нутаг Жунгараа дайлан эзлэх гэсэн уул санаагаа умартсан байна. Юу ч гэсэн уугуул нутагтаа буцаж ирсэн Торгуудууд нь их нүүдлийн үүслийг зүй ёсны хэрэг хэмээн үзэх бус, харин түүнийг Оросын хашилт даралтын дор авсан арга бус сонголт буюу харилцан өөрсдийнхөө өвөг дээдэс \ноён\-ээс өө сэв эрхээр оролдсон байна. Ер нь Монгол улсын Торгуудууд хийгээд Хятад улсын Шинжааны Торгуудуудын их нүүдлийн үүслийн учир шалтгааныг Халимгуудтай адил бусаар домоглосон явдал нь голдуу тэд өнгөрсний түүхээ мартаж гэсэн явдал биш, харин нэг талаар тэд буцаж ирсний дараа тэд өөрсдийнхөө жинхэнэ зорьж ирсэн хүслэнгийн орон хийгээд бодит ахуй нь хоорондоо тэнгэр газрын зөрөөтэй болсноос шалтгаалж, өөрсдийнхөө нүүж ирсэн явдалдаа харамсаж нүүж ирсэн шалтгаанаа ярих дургүй болсон буюу эсвэл өөрсдийнхөө дээдсээс эрэх болсон шиг байна. Жишээлбэл “Ижил гол” гэх дууд “хайгаад ирсэн чинь, хад чулуун хоёр уу? Олоод ав-

сан чинь, одог жинс хоёр уу? Харынхаа хурданд, зулаад\зугтаад\ гарав уу чи?” хэмээн их нүүдлийн санаанаас гадуур болсон явдлыг шүүмжлэхээр дамжуулж, түүний шалтгааныг удирдсан ноёноосоо эрсэн байдаг. Бас “Долоон тэнэгийн үлгэр”-т их нүүдлийн явцад аав ээж нь үрэгдээд өнчирсөн долоон тэнэг хүү охин дүүтэйгээ наймуулаа Балгас нуурын орчимд ирээд замын хүчир зовлонг тэсэхгүй болоод үүрч явсан хэдэн зуун шавар бурхнаа ивээл хүртээсэнгүй хэмээн талагчаад хаяхад, охин дүү нь түүгээд идсэнээс болж тэдний хойчис болох Ховогсайрын торгуудын бага бага баруун сумны хүүхдүүд нь онгодтой болсон гэх яриа бий\4\.

Эндэх долоон тэнэг хүү бурхдааа гомдсон явдал нь “тэнгэрийн санааны” тухай сэжиглэл, даруй их нүүдлийг эндүүрэл гэдгийг мэдэрсэн явдал байж мэдэх юм. Дээр ярьснаас үзэхэд Ижил мөрний цаад хөвөөнд хоцорсон Халимгууд нь их нүүдлийн шалтгааныг “тэнгэрийн санаа” хэмээн зүйчлэн бодож байхад, түм мянган үхэл өргөдлийг давж уугуул нутагтаа буцаж ирсэн Торгуудууд нь орд замын аян дайнд хүч мөхөстөж уулын зорилгоо арга бус нуусан мөртөө Манжийн ивээл дагуулалтаас болж уугуул нутагтаа буцсан жинхэнэ санаагаа домогжуулах буюу эсвэл эндүүрэл ташаарлын шалтгаанаас алс холын Орос Халимаг буюу эсвэл их нүүдлийн удирдагчдад түлхэх болсон байхад, энэхүү цуст дайны хал зовлонг амссангүй Халимгууд харин уулын санаа зорилгоо шууд ярьдаг байснаасаа, сүүлийн үеийн Оросуудын “улсаас урвасан Торгуудууд” хэмээх суртал ухуулахын нөлөөгөөр шууд дурсахаасаа “тэнгэрийн санаа” гэх домог тийш хэлбийлгэсэн шиг байна. Иймээс Хятадын зарим түүхчдийн “Дорно тийш буцсан баатрууд”-ын үзэл баримтлал нь үнэндээ Шинжааны Торгуудуудын мартах буюу тодорхой бус байсан түүх дурсамжийг нь дахин шинээр дурсгах буюу зохиолгосон явдал мөн. Энэ бол үндэстний түүх дурсамжийн шинэ цогцолбор болох мөртөө шинэ домог ярианы эхлэл болох ёстой. Түүхэн хараанаас үзэхэд, ямарваа үндэстэн гээд түүхээ өөртөө аяндаа зохиох хийгээд бусдаас зохиож өгөх хоёр хэлбэрээр явагддаг. Үүнд аяндаа зохиох нь түүхээ шууд дурсаж тэмдэглэх хийгээд сэмээр дурсах хэмээн хоёр төрөлд хуваагддаг бөгөөд бусдаас зохиож өгөх нь ч бодит байдалтай ойролцоо зохиох ба зорилготойгоор шинээр цогцлон байгуулах гэж хоёрт ангилагддаг баймаар.

2. Их нүүдэл

Оросын түүхчид, Торгуудын их нүүдлээс тасарч Орост үлдсэн Халимгуудын Жунгар тийш нүүх буюу эсвэл Шинжааны Ойрддутагтай харилцаа авахаас хичээж их нүүдлийн үхэл өргөдлийг ихэд товойлгож, Торгуудын их нүүдэл бол Ойрдын түүхэн дэх хамгийн их буруутал хэмээн шүүмжилдэг. Чин улсын түүхчид их нүүдэл нь Торгуудуудын нэгэн удаагийн “хөөс болсон зүүд” гэх буюу “могой хордоо шарласан хэрэг” хэмээн үзсэн юм. Ойрад түүхчдийн туурвисан “Торгууд хаадын тууж”, “Торгуудын дагж орж ирсэн тэмдэглэл” зэрэг тод Монгол үсгийн түүх сударт Торгуудуудын сайхан хүслэн хийгээд цусан зам, ялангуяа Казах, Киргиз хоёрын хядлага дээрэмдлэг хийгээд Чин улсын хорт аргаас болж үхэгсдийн “өдөр шөнөгүй нэхэн нэхэж Торгуудын эр эм, хөвгүүд хүүхэд жич юмыг Борууд\ Киргиз\ нар булааж уулгалсан ануу маш үлэмж, Казах нарын булааснаас хувийн хувь илүү” гэх буюу “тамга Илээс ташаалсан ануу дөрвөн хоног. Тэр эе зургаан сарын цаг, тэдний \Торгуудууд- ишлэгч\ хүн бүр өвчнөөр өвчилсөн ануу үлэмжийн дээр нь. Тэнгэр бүгчим халуун болоод замд сольцож үхсэн бий. Ил голын хөвөөнд хүрсний хойно, яс хяргуун дэвссэн мэд бий. Гол их онгоц цөөн болоод, тэмцэлдэн өнгөрөхөд голд ануу унаад үхсэн мөн бий” хэмээн бичсэн билээ. Гэтэл сүүлийн үед Хятадын хэсэг түүхчид, Оросын түүхчдийн ярьдаг “урвагсад”, “дутаагсад” гэх тэмдэглэл ба Чин улсын түүхчдийн “орох газар оочих аяагүй болохдоо дагараа ирсэн” гэх үзэл танилыг шүүмжилж, их нүүдэл нь “Оросын дарлал мөлжлөгийг эсэргүүцэж эх орондоо буцсан зэвсэгт бослого”¹³ хэмээн үнэлж үхэл өргөдөл их боловч зориг санаа нь харин магтан дуулуштай хэмээх буюу цаашид түүний үхэл өргөдлийг үл дурдан цагаан хаант Оросын хар хорт ажиллагаа хийгээд Торгуудуудын эх оронч хувьсгалт ажиллагааг чухалчилдаг.

Халимаг хийгээд Шинжааны Торгуудын домог ярианд хэдийгээр их нүүдлийн өргөдөл сүйтгэлийг ярьдаг боловч тэдний баатарлаг зориг сүс, үйл ажиллагааг юунаас ч илүү товойлгож домоглодог. Халимгуудын “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-ид Назарын Дорж гэдэг баатар дүнэн бухын арьсаар дөрөв давхарласан дөрөөн сураа гишгэлж дөрвөн хуруу сунгахад Казахын хааныг айлган сүрдүүлж, олзлогдсон хүмүүсээ буцааж авдаг. Оросын түүхэн тэмдэглэлд Оросын нэхүүл цэрэг Торгуудуудыг гүйцэж чадахгүй замын голоос буцсан хэмээн тэмдэглэдэгтэй адилхан,

Халимгийн “Цэвэгдорж ноёны тууж” зэрэг Торгуудуудын “араас нь Орос цэрэг гүйцэж чадалгүй хариу буцсан” гэж ярьдаг байхад \5\, Шинжааны Торгуудын “Бардниг баатар”-ын домог ярианд харин Бардниг баатар амьдаа олон мянган Орос цэргийг харваж алсан мөртөө үхсэний дараа ч Оросын нэхүүл цэрэг ирээд ном тэлж үхсэн хүүрийнх нь эрхий хурууг нь цавчихлаар татсан сум нь алдраад 500 гаруй цэргийг алсанд, Оросын цэргийн түрүү: “Торгуудын үхсэн хүн нь хүртэл манай 500 цэргийг алж байхад, амьд нь яах бол?” хэмээн айн сүрдээд хойш буцсан гэж домоглодог. Бас “Бардниг баатрын тууж” гэх домог ярианд ч “Барднигийн саадгийн суманд хэдийчинээ дайсан үхсэнийг мэдэх аргагүй, Оросын цэрэг ноолдоод \байлдаад\ дийлэхгүй тул аргагүй үхэр буу гэдэг зэвсэг хөдөлгөсөн гэнэ” хэмээн Оросын нэхүүл цэрэг үхэр буугаар Торгуудуудад хүнд хэцүү хохирол учруулсныг тооцдог. Цаашид “Цэвэгдоржийн хар хээр морь нь” гэдэг домог ярианд Казахын шинжээч өвгөн Цэвэгдоржид сайн морио бэлэглэсний хариуд, Цэвэгдорж Манжийн хаанд очиж тэрхүү Казах өвгөнд ван зэрэг олгож өгснөөр ярьдаг. Нэн ялангуяа Монгол улсын Торгуудын домог ярианд их нүүдлийн үхэл өргөдлийг ер дурддаггүй. Юу ч гэсэн уугуул нутагтаа буцаж ирсэн Торгуудуудын домог ярианд Казах, Киргиз гэх нэр гарахгүй мөртөө Казах, Киргизүүдийн нэхэмжлэл дээрэмдлэгийг Оросуудын нэхэмжлэл дээрэмдлэг хэмээн ярихын хамт Казах, Торгуудын эв найрамдлыг чухалчилсан байдаг. Тухайлбал Казах, Киргизийн хар хорт нэхэмжлэл дээрэмдлэг нь энэхүү гашуун зовлонг туулж ирсэн Торгуудуудын түүх дурсамжид балархай шиг буюу гээгдэж, харин энэхүү зовлонг амссангүй Халимгуудын дунд хөцөрсөн байдаг. Энэ нь Чин улсаас Казах, Киргизийг дотночилж тэд нараар Торгуудыг дарангуйлсан явдалтай холбоотой юм. Торгуудууд Казахстан тал нутгаар өнгөрөхөд, Манжийн хаанаас Казахстан хаанд зарлиг буулгаж тэднийг замаас нь тосуулж цохиулсан боловч Торгуудууд Казахстан хашилт дайралтыг давж Чин улсын зах хязгаарт хүрч ирсэн билээ. Энэ байдал дор, Казах, Торгууд хоёрын хоорондох харилцаа үргэлжлэн муудаж, Манжуудын муу арга ухаан нь илрэхээс сэргийлж “Тэнгэр тэтгэгч хаанаас Торгуудын Овш хаанд буулгасан бичиг”-гээ “Казахад шог шудархэрүүл маргаан, дайн байлдаан-ишлэгч\ гилгүй эвтэй эетэй сайхан байх тун” хэмээн зарлиг буулгаж Торгуудуудын Казахстан, Киргизээс олзолсон өчүүхэн эд хөрөнгийг буцааж өгүүлсэн боловч Торгуудуудын Казахстан, Кир-

гизээс булаан дээрэмдсэн үлэмж олон хүн ард, эд хөрөнгийг буцаж өгөх явдлыг өчүүхэн ч дурдсангүй юм. Манжийн хааны эедүүлэх бодлогоос болж, Торгуудуудын Казах, Киргиз хоорондын цуст түүх дурсамжаа алгуур мартаж, аливаа ял нүглийг алс холын Оросуудын дээр нөмөргөсөн байна. Казах, Киргизүүд ч дахин Торгуудуудын өшөө хөөсөн дайныг амссангүй мөртөө Торгуудуудын Ижил мөрөн зүгээ буцах мөнгө хааж суусан байна. Манжийн хаан нэг л зарлигаар өөрийнх нь муу арга илрэхээс сэргийлсний зэрэгцээгээр Торгуудуудын дахин Ижил мөрөн зүгээ буцах буюу эвсэл Халимгуудтай харилцаа холбоо барих замыг хаалгасан байна. Энэ тухай “Зарлигаар тогтоосон гадаад Монгол хутаг аймгийн ван гүн нарын илтгэл шастар”-т “Казах аймаг, Борууд\Киргиз\ аймгийг гадаад аймаг болгож чөдөрлөн холбож шийтгэвэй” хэмээн тэмдэглэсэн юм. нөгөө талаар Оросууд ч уугуул нутаг Жунгартаа буцсан Торгуудуудын их нүүдлийн явцад Казах, Киргиз жич Чин улсын засгийн газрын учруулсан хор нөлөөг онц товойлгож Халимгуудын уугуул нутагтаа буцах санааг мохоохоор оролдсон байна, багцалбал, Чин улсын арга ухаан нь Торгуудуудын Казах, Киргиз жич Чин улс лугаагийн цусан өшөөг мартуулж, Орос лугаагийн өшөө хорслыг улам хүчтэй санагалзуулсан байхад, Оросын засгийн газрын суртал ухуулах нь харин Оросуудын ял гэмийг мартуулж, Халимгуудын Казах, Киргиз лүгээгийн өшөө хорслыг юунаас ч илүү цээжлүүлсэн байна. Нэн ялангуяа Хятад улсын сүүлийн үеийн зарим түүхчдийн “шинэ домог” нь Торгуудуудын Оросын лугаагийн өшөө хорслыг улам зузаатгаад Казах, Киргиз жич Чин улс лугаагийн өшөө хорслыг бүрмөсөн мартуулж “үндэсний бүлгэмдэл”-г хамгаалж, эх орны нэгдлийг батлах зорилгодоо хүрсэн юм.

Шинжааны Торгууд болон Монгол улсын торгуудын домог ярианд их нүүдлийн үхэл өргөдлийн шалтгааныг Оросын хядлага хийгээд удирдагчдын алдаа хэмээн үздэг байхад, халимгийн домог ярианд удирдагчдын алдаа буюу эсвэл нүүдлийн зайлшгүй үр дүн хэмээн үзэх биш, харин түүний шүтлэг бишрэл буюу язгуур түүхтэй холбон домоглох хандлага их юм. “Цэвэгдорж ноёны тууж”-д их нүүдлийн үхэл өргөдөл нь Торгуудын нүүж гарах өлзий дэмбэрэлтэй цагаа сайн баримталсангүйгээс боллоо хэмээн домоглогдог. Тухайлбал Торгуудын хан ноён мэргэч түлхэцэд очоод Ижил мөрнөөс нүүж гарах цаг хугацааг үзүүлэхэд, аян замын хай барцдын дарлаг болох хааны хар бух ханиасны дараа хөдлөх

хэрэгтэй гэсэн гэнэ. Ингээд олноороо хааны хар бух ханиахыг чагнаж байтал, явахаар яарсан нэгэн уусган өвчинтэй хүн хааны хар бухын хажууд нууцаар мөлхөж хүрээд, бухыг дуурайгаад ханиахлаар нүүх ёстой зөн билэгт цаг хугацаанаасаа урьдчилан нүүж гарснаас шалтгаалж, их нүүдлийн зам зуураа олон өргөдөл гарсан гэх мэд домоглодог. Нөгөө талаараа “урьд Ойрдын хуа өрлөгийн цагт ирэхлээрээ зуураа бас нэг өшөө хийжээ” гэх мэд их нүүдлийн үхэл өргөдлийн шалтгааныг энэ удаагийн нүүдлийн буруутал буюу эсвэл удирдагчдын эндүүрэл бус, харин хуа өрлөг баруун тийш нүүдлэх үедээ Казах, Киргизийг булаан дээрэмдээд өшөө хорсол үүсгэснээс боллоо хэмээн домоглосон юм. Үнэндээ энэ нүүдлийн үхэл өргөдөл гарсан үндсэн шалтгаан нь 1770 онд Овш хан цэрэг гаргаж Үрэл мөрний Казахыг дайран их хэмжээний мал уурс булан авч Казах, Торгууд хоёрын хоорондох харьцаа холбоог муудуулсан явдал хийгээд Жунгар улс мөхсөн завшаанаар Ойрдын уулын дайсан-Орос, Чин улс хоёроос Жунгар улс ба Торгуудад дарлагдаж байсан Казах, Киргизийн хуучин өшөө, шинэ хорслыг нийлүүлэн Орос, Чин улсын тохируулгаар Торгуудын их нүүдлийг хориглон цохсонтой холбоотой юм. Иймээс Халимгийн домог яриа нь энэ удаагийн их нүүдэл бол уул нь зөвхөн сонголт байсан гэдгийг баталсан боловч нөгөө талаар нэн хар хортой дайсан болох цагаан хаант Орос хийгээд Чин улс хоёрыг арай оmtгойдсон байна.

Монголчууд ердөө үр хойчдоо өөрийн бие буюу өвөг дээдсийнхээ яруу алдарт түүх дурсамжийг омогшил болгон уламжлах мөртөө уламжлуулан дурсгах дуртай юм. Эсрэгээр өөрийн бие буюу өвөг дээдсийнхээ гуниг зовлонт түүх дурсамжийг дурсах дургүй мөртөө уламжлах ч санаагүй болохоор тэдний аливаа гацаг зовлонт түүх дурсамжийн олонх нь түүх домгоос гээгддэг. Их нүүдлийн явцад, Казах, Киргизийн дээрэмдэлгээс болж олон Торгуудууд үхсэн, хан нь албатаа барьцаанд өгч авгай хүүхдээ аварсан жич олон мянган хүмүүс Казах, Киргизийн олзлогсод болон хоцорсон зэргийг Халимгийн домог яриа буюу Ойрдын түүхэн сурвалж бичгээс олж харж болох боловч Торгуудын аман түүхээс ер олж харахгүй байдаг. Энэ нь уугуул нутагтаа буцаж ирсэн Торгуудуудын гашуун түүхээ мартах гэсэн бодол, Манжийн хааны “Сурган хүмүүжил” жич өвөг дээдсийнхээ нэр нүүрийг хамгаалсан явдалүүнд Монгол улсын Торгууд хийгээд Шинжааны Торгууд хоёр өөрсдийнхөө өвөг дээдэс, ноён сайдаа өмгөөлсөн явдал ч

багтаж бий\ зэргийн үр дүн мөн. Иймээс аман түүх нь үсэг бичгийн түүхийг бодвол хаяа ахуй амьдралаас салах боловч тэр нь хэрэг дээрээ хүмүүсийн үзэл сэтгэлгээний үнэнийг тусгаж байдаг.

3. Чин улс лугаагийн харилцаа

Уугуул нутаг зүгээ буцсан Торгуудуудын Чин улс лугаагийн анхны харилцааны тухай Орос, Чин улс жич Ойрд түүхчдийн тэмдэглэлд их төлөв адилхан байдаг. Оросын түүхчдээс Торгуудууд “Хятадын газрын захад ирээд түүнийг хилийн шугам гаталгалгүй хоёр сардаа зогсоосон” гэж Чин улсаас тэднийг халуунаар хүлээн авсан биш, харин тун хүйтэнсгээр хандсан хэмээн тэмдэглэдэг. Чин улсын Чи Ши-игийн “Баруун хязгаар төр үзэж сонссон юухан тэмдэглэсэн нь”-д Торгууд, Казах хоёр “харилцан хоёр сар илүү эсэргүүцэлдэн атал, Илын Жанжны захиа хүрч ирэн, Казахууд нутгаа сайтар хамгаалан, Торгуудыг нутгийнхаа дотор дураараа үл явуулах туун, хэрвээ үл дагваас даруй хийж алсугай” хэмээн Чин улсаас зарлиг буулган Казахуудаар Торгуудуудыг хядуулсан явдлыг бичсэн мөртөө Торгуудууд Илд хүрч ирэхэд “Орос лугаа зах хилийн тухай хуучин гэрээ болзоо байх тул тэднийг шууд хүлээн авч үл болмой”, “Оросын урвасан түшмэлийг хүлээн авбаас зохихгүй, зах хязгаарын сэв болох” гэх буюу “дагахаар ирэхийг хүлээн авахуй дор дайсныг хүлээн авах лугаа адил хэмээчүхүй” гэх мэтийн хүлээн авахаасаа татгалзсан явдал хийгээд хүлээн авсны дараа ч “элдэв сахих газрыг тогтоож харуул тавьж цуглуулахыг бодож дотроо эс бэлдсэн нэг ч үгүй” гэх зэргээр тэмдэглэсэн юм. Тод Монгол үсгийн судруудад Чин улсаас Казах, Киргизээр Торгуудын ирэх замыг хашуулж цохиулаад олон мянган ард иргэдийг хядуулсан явдал хийгээд Ил голын хөвөөнд хааны зарлигийг хүлээх нэрээр хэдэн мянган хүнийг өлбөрүүлж алсан явдлыг тодорхой тэмдэглэсэн юм. Гэтэл Хятадын зарим түүхчид зүүн Казахын Абуль хан Илд хүн томилон Илын Жанжин Илдтэй хамтаар Торгуудыг цохсугай гэсэн явдал, Чин улсын засгаас Казахын байр суурийг дэмжиж Казахын хаанаар Торгуудыг цохиулсан явдал, Шиньжааны эл газраас Халх, Дөрвөд, Захчин, Урианхай цэргийг шилжүүлж Торгуудыг цохих бэлтгэл хийсэн явдал, Казахыг өмгөөлж тэднээс өшөө хөөж болох хэмээн зарлиг буулгасан явдал, харьж ирсэн Торгуудыг өлбөрүүлж алсан хэрэг жич Торгуудын хэрэг хувьсал үүсгэхээс болгоомжилж хүнд чухал зам харилцааны төвөөс хол шиг газарт

салган суулгасны дараа ч “Торгуудууд хувьсал гаргаваас огт гар зөөлөрч болохгүй” гэх далд заавар буулгаж байсан явдал зэргийг дурдахгүй өнгөрөх буюу эсвэл “тухайн үеийн улс төрийн хэрэг-цээ” хэмээн цухас дурдаж, эсрэгээр нь Чин улсын ноёд түшмэд Торгуудуудтай анх уулзах үедээ “Тун их сэтгэл хөдөлж” “Тун халуунаар угтаж авсан” хэмээн дүрсэлж, Манжийн хаанаас Овш зэрэг Торгуудын язгууртныг хүлээн авч хишиг хүртээсэн жич тусламж үзүүлсэн явдлыг гол болгон дурдаж, Торгуудууд буцаж ирэхэд “эх нутгийн үндэстнүүд, ард түмэн халуунаар угтсан” гэдгийг чухалчилдаг. Чин улсын үеийн “Монгол нутгийн Урьдахаас эхэлсэн толь бичиг” гэх Манж үсгийн сударт “Үхэж өргөдсөөр арайхан гэж Илигийн салбар голын захад ирээд, бүртгэж тоолохлоор долоон мянган илүү өрх болоод, үүнийг Илын Жанжин Шү Гэда\Шүгэдэ-ишлэгч\ гэдэг хүн маний төрийн албат гээд тутарга, тариа” зэргээр ихэд ивээн тэтгэсэн гэхчлэн Чин улсын элчид Торгууд ирэхийг мэдэж Или голын хөвөөд хүлээж байгаад халуунаар угтаж байсан шиг ярьсан явдал ч бий. Үнэндээ Чин улсаас Торгуудуудад нутаг хувааж аж ахуйн дэмжлэг өгсөн нь тэдний эх оронч халуун сэтгэлгээнд уярсан явдал бус, харин “Чин улсын засгийн газраас Жунгар хаант улсыг дарангуйлснаас болж түүний баруун хойд талын нутаг дэвсгэр нь хоосон хоцорсон байдалд газар орны хил хязгаараа хамгаалж бэхжүүлэхэд зохих тооны хүн амыг байршуулан суулгах нь туйлын тулгам шаардагдаж байсантай шууд холбоотой юм”

Уугуул нутаг зүгээ буцсан Торгуудуудын Чин улс лугаагийн харилцаа нь Халимгууд хийгээд Торгуудуудын адил бус нийгэм соёлын нөхцөлөөс болж тус тус адил бусаар домог болон үлдсэн юм. Халимгуудын “Халим алтай гарсан тухай тууж”-д “Овш хан зургаан суван\туслагч, дагуул-ишлэгч\-гаа дагуулаад Хятадын Манжийн хаанаас буурь гуйхаар үүдэн хооронд нь ирээд зогсоно. Овш хан зориггүй хүн байжээ. Тэр учир дээр, Хятадын хааны гэрт орохоос айгаад хэсэгтээ зогсоод байхлаар Цэрэндорж “Цэвэгдорж-ишлэгч” ноён хөвгүүн Овш хааны номт хувцсыг нь өмсөөд зориод ордог болно. Цэрэндорж ороод ирэхлээр, Хятадын хаан мэдээд: \яасан эх толгойгүй улс бэ эдэн, ах нь ахлахгүй, дүү нь ахалдаг чинь юун болж байх юм бэ?\” гэж уурлаад Цэвэгдоржийг цаазаар шийтгэдэг. Бас “Овш хаан болон Цэвэгдорж” гэх нөгөө нэг домог ярианд Овш хаан Манжийн хаантай уулзахаас айхад, Цэвэгдорж түүний дахыг нь өмсөж ороод уулзалт хийнэ. Хааны шинжээч айл-

даж мэдээд хаандаа мэдүүлэхэд Манжийн хаан Овш хаанд: “чиний дахыг булааж авдаг хүн үүнээс зургаан жилийн газарт буурилаг” гэж хол газар цөлж явуулдаг. Эдгээр домог ярианд, Манжийн хаанаас Цэвэгдоржийг шийтгэх буюу цөлснөөр ярьдаг нь нэг талаар Цэвэгдоржийн зориг сүсийг илтгэж, нөгөө талаар Цэвэгдоржийн “хааны ор булаах санаагаар Торгуудуудыг нүүлгэсэн” явдалд дургүйцсэн санаагаа илтгэсэн магадгүй. Энэ нь Оросын түүхчдийн үзэл зорилтын нөлөөлөл баймаар. Ер нь Халимгуудын домог яриа нь Орос болон Чин улсын түүхчдийн тэмдэглэлтэй үзэл санааны чиглэлийн хувьд амьсгаа нэгтэй байх явдал бол төдий сонирхолтой явдал биш юм. Гэтэл Шинжааны Торгуудын “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан” гэх домог ярианд Цэвэгдорж “явсаар байж Бээжинд хүрэхлээр, Бээжин хот долоо давхар үүдтэй сэнжээ гэнэ. Энэ долоон давхар үүдээр орьё гэхлээр Цэвэгдоржийн бие багтахгүй болсонд дагаж явсан баатар нь орьё гэхлээр бас багтсангүй гэнэ. Монголын ноён гэрт орохдоо толгойгоо бөхийж ордоггүй хуучны заншил ёсоор Цэвэгдорж оролгүй” зогсоход, Манжийн хаан сандарч “долоон давхар үүдээ долоон хоногийн дотор тэмээтэй хүн тээглэлгүй ордог болгож” өргөтгөн засаад, сүр хүндтэйгээр угтаж авлаа хэмээн домог болгон ярьдаг. “Халимаг хаадын тууж хурааж бичсэн товч оршвой” хэмээх тод Монгол үсгийн сударт Торгуудууд “Манжийн хаанд албадан болохоор ирэв бид хэмээн мэдүүлсэнд, Хятад ануу шинэ албад нар ирсэнд ихэд баясвай” гэх мэд тэмдэглэсэн юм. Удаан хугацааны цуст нүүдэлд ядарч зүдрэх, үхэж өргөдөх, өлсөн өлбөрөх жич айж сүрдэх тэр бүхэн давхацсан Торгуудуудад Манжийн хааны өчүүхэн хишиг үлэмж санагдаж түүний дүр төрх нь тэнгэр адил үзэгдсэн бололтой. Торгуудын “дагаж орж ирсэн тэмдэглэл” гэх мэд тод Монгол үсгийн сударт “тэнгэрийн царайд бараалхсаны хойно” гэх мэтээр Манжийн хааныг “тэнгэр” болгон домоглож эхэлсэн юм. Энэ нь үнэндээ Жунгар хаант улсын хүн амыг үлэмж олноор хядсанаас болж нийт Монголчуудын дургүйцэл ба хилэн хорслыг дэгдээсэн Чин улс, Ойрдад “өршөөл ивээл” үзүүлсэн хуурмаг дүр гарган Торгуудад төр зуурын аж ахуйн тусламж үзүүлээд, яриа хэлэлцээний талаар Монголчуудын сайшаалыг олж, Монгол орон дохь ноёрхлоо бататгахыг хүссэн улс төрийн арга бодлого юм. Нөгөө талаар онуулд унасан чоно адил болсон Торгуудууд өнгөрсөн түүх дурсамжаа гоёлон шинэчлээд өөрийн өвөг дээдсээ “аварга сүрлгээр”, Манжийн хааныг

“энэрэнгүй дээдээр” дүрсэлж, Манжийн хааны “санал бодол”-д нийцүүлсэн бололтой. Эдгээр домог ярианаас үзэхэд, Торгуудуудын Чин улсыг эсэргүүцэх зориг сүс нь алгуур мохож, түүнийг “түшиж” амьдрах хандлагатай болсны илрэл мөн. Чин улсын талаас авч үзвэл, Торгуудуудын иймэрхүү түүх дурсамжийг яриангүй сонсох дуртай юм, Монгол улсын Торгуудын домог ярианд, Чин улс луугаагийн харилцааг дурддаггүй учир нь тэдний дагуулагч ноён Шэрэн Чин улсын урваад Халимагт хүрч Оросын харьяат болж хэдэн жил нутагласны дараа дахин Оросын цагаан хаанаас урваж Жунгар хуучин нутагтаа буцаж, Чин улсыг дагасан онцгой түүхтэй болохоор тэдэнд авч хэлбэл энэ хэсэг түүхийг нарийн ярих чухалгүй юм.

Халимаг ба Шинжааны Торгуудын домог ярианд Манжийн хантай анх уулзсан хүн бол Овш хаан бус, харин Цэвэгдорж байсан хэмээн домог болгодог нь зохих түүхэн үндэс баримттай юм. Энэ тухай Чи Ши-игийн “Баруун хязгаарт үзэж сонссоноо тэмдэглэсэн нь” -д “зургаан сарын гурваны өдөр, Торгуудын Цэвэгдорж харуулын газар ирж Жанжин дор уулзаад өгүүлсэн нь, Торгуудын олон аймаг Орос лугаа шашин шүтлэг адилгүй, аль хэдийнээс богд эзэн дор дагах санаатай байсаар бүлгээ, эдгээ Овш зориг шуудаж өмнө тийш дарахаар эрвий хэмээвэй. Тэгээд тэр урьдчилан ирж хэдэн өдөр өнгөрсний хойно Овш хүрч ирвэй” хэмээн тэмдэглэсэн биеэ.

4. Нутаг бэлчээрийн асуудал

Оросын түүхчид Торгуудын нутагласан газар орныг “мал өсгөхөд, малын идшинд эвтэй сайн газар тэнд ер бага, ихэнх нь уул учир түүгээр Халимгууд одоо ч мал өсгөөгүй” гэж тэмдэглэсэн юм. Чин улсын засгийн газраас Торгуудуудыг урьдаар бэлчээр муутай Зайрын ууланд байрлуулсан явдлыг Хятадын зарим түүхчид “хил хязгаарыг батлан сэргийлсэн улсын арга барил” хэмээн дурдсан боловч олонх нь ер дурдахгүй өнгөрсөөр байтал тус хэрэг нь түүх судраас арай гээгдэх шахсан юм. Нэн ялангуяа сүүлийн үеийн суртал ухуулахаас болж олонх хүмүүс Торгуудууд буцаж ирмэгцээ Чин улсаас халуунаар угтан аваад Шиньжяны хамгийн сайн бэлчээрт байрлуулсан хэмээн ойлгох болсон юм.

Торгуудуудын анх буудалласан нутаг бэлчээрийн тухай Халимаг хийгээд Шинжааны Торгуудын түүх дурсамж нь хоорондоо адилгүй юм. Халимгийн “Цэвэгдорж ноён” гэх домог ярианд Ман-

жийн хаанаас бартай болон гэх бар, өдөө, баавгай, арслан зэрэг догшин араатан орогносон хүн амьдрахын аргагүй газарт Торгуудыг суулгасан гэж ярьдаг. Бас “Цэвэгдорж ноёны тууж”-ид “Жунгар Алтай уулын эвдрэл\Чин улсаас Жунгар хаант улсыг мөхөөсөн явдал-ишлэгч\ мартагдсангүй байжээ. Хар Хятадын хаан больё гэсэн Жунгарын хаад ноёд нар эвдрэлдээд хуа өрлөг таван хөвгүүнтэйгээ Оросын хаанд мэдэл болсон билээ. Түрүүлээд Хятадын хаан өшөө бодож Овш хааны элч нарт үл болох, юманд байж үл чаддаг газар заана. Чадахлаар чадаад байгаад баймаар, эс чадахлаар хортны хүнс болоод одмоор ч, Овш хааны буурилах буурь гэж барстай болон” гэх аварга барс үүрлэсэн амьдрахад бэрх газарт нутаглуулдаг. Цэвэгдорж аварга барсыг амьдаар нь барьж номхтгоод Манжийн хаанд илгээж “хар Хятадын хаан маш ихээр гайхаад ханаж таалаад учир үйлийг нь анхаараад их ёлдос, бага ёлдос гэдэг газарт хаан бариад аймаг болгоод их дэмжлэг өгөөд буулгав” хэмээн домог болгосон юм. Ийнхүү Халимгуудын домог ярианд Манжийн хаан Торгуудуудыг амьдрахад бэрх газар нутаглуулсан гэх буюу эсвэл урьдаар амьдрахад бэрх газар нутаглуулаад дараа нь Торгуудуудын сүр хүчийг гайхан биширч сайн газар суулгасан хэмээн домоглохоос гадна, Халимгийн “Хоёр нөхөд” гэх дуунд “цагаан хааны догшноос салахлаар, Ча ван\Манжийн хаан\ хааны цааз луугаа учрав” хэмээн дуулсан байдаг. Тухайн үед Чин улс нь Жунгар хаант улсыг мөхөөгөөд дэмий удаагүй болохоор Торгуудууд нь Өөлдүүтэй адилхан хэрэг үүсгэж хил хязгаарыг түйвээх магадгүй хэмээн тэдний ид хүчийг буруулахаар хүн амьдрахад бэрх газарт нутаглуулсан нь үнэн юм. Чин улсын түүх сударт “Торгууд, Цорсууд түр зүй ануу газар өгч суулгаваас зохмой. Хэрэв Илын Шаравэл\Шар бэл\ зэрэг газрыг өгвөөс баруун хилээс ойр тул зугтаан дутаахад хялбар. Өрөмчийн орчим газар болбоос бас Хами, Бар хөлийн харуул газраас даанч ойр болой. Тийнхүү миний санаа ануу Тарвагатайн зүүн дэх, Ховдын баруун дахь Эрчис, Бор тал, эмил, зайр зэрэг газарт суулгасугай хэмээн бодвой хэмээчүхүй. Дараагаар Илын жанжин Илт тан хэлэлцэн айлтгаж гучин долоо дугаар\1772 он\ түр Зайрын газрыг Овшид шагнан нутаглуулбай” гэх мэд Чин улсын засгийн газраас Торгуудын урван тэрслэхийг сэргийлж нарийн нямбай бодолхийлээд Торгуудад нутаг бэлчээр өгсөн хэмээн тэмдэглэсэн юм. Бас торгуудуудыг анх нутагласан газраас шилжүүлж нүүдлүүлсэн нь ч түүхэн үндэс баримттай юм. Жан Мүгийн “Мон-

голын хошуу нутгийн тэмдэглэл”-д “Овш түр анх Зайрын газраас нутаг өгч, хойно Зүлдсийн газар түр нүүлгэсэн” хэмээн тодорхой тэмдэглэсэн юм. Халимгийн домогт гардаг “Торгуудыг бартай газарт нутаглууллаа” гэдэг нь ч үндэс баримттай байж мэдэх юм. 20-р зууны эхээр Финландын эрдэмтэн Рамстедти Овш хааны уулын нутаглаж байсан Зайрын уулаар өнгөрөхдөө бар олонтой газар гэдгийг нүдээрээ үзэж өөртөө ч эс л бард идэгдэх шахсанаа тэмдэглэсэн юм. Гэтэл Шинжаан Ойрдын “Торгуудын Овшийн аймгийг Цайзийн газарт шийтгэж суулгав” гэх буюу “тэнгэр тэтгэсний 38-р жил Овшийн суусан Цайз газар тэнгэр туйлын хүйтэн, тарих, адуулах бэрх болоод Золдсын газар нүүлгэж суулгав” гэх тэмдэглэл байхаас бус, харин догшин араатантай амьдрахын аргагүй газар нутаглуулсан гэх домог яриа ер харагддаггүй. Ялангуяа “Халимаг хаадын туужийг хурааж бичсэн товч оршвой”-д “Овш хаан дөрвөн отог Торгууд луугаа, бас Хошуудын ноёдыг хотны нутаг дахь их Ёлдос хийгээд баг Ёодос хэмээх хоёр голын эргээр сайхан нутагт суулгав” гэх мэд сүүлийн үеийн түүх тэмдэглэлтэй ам сээр золгож байх юм. Үүнээс үзэхэд Чин улсын удаан оны хянан харалт, эрх мэдлийн хязгаарлал, хууран мэхлэх арга башир нь Торгуудуудыг буцаж ирсний дараах гацаг зовлонг мартуулж, Манжийн хааны ивээн тэтгэсэн явдлыг харин маш тодорхой цээжлүүлсэн байна. Энэ нь даруй Чин улсаас Торгуудуудад цээжлүүлсэн түүх дурсамж байх ёстой. Чин улсаас Торгуудыг их хэмжээгээр ивээн тэтгэсэн гэдэг боловч үнэндээ тухайн үед Торгуудууд амьдрахын аргагүй болж байсан гэдгийг сүүлийн үед олдсон Аркесийн материал гэрчилж байх юм. Бээжингийн Хятад улсын түүхэн 1-р данс Аркесийн газар хадгалагдаж байх Цэвэгдорж вангийн 1772 оны 10-р сард өргөсөн бичгээс үзэхэд, Чин улсын засгийн газраас Торгуудуудад хүрэлцэхүйц мал сүрэг өгсөн биш, харин “тариа тарьж сурч чадвал амины тэжээлд сайн” хэмээн тариа тариулснаас болж тариа тарьж гэдсээ тэжээж чадах өлсөж өлбөрөхийн туйл тулаад Цэвэгдорж ван өөрийнхөө цалингаар 6000 эм хонь худалдан авч мал аж ахуйгаа хөгжүүлэхээр чармайж байсныг тэмдэглэсэн юм. Үүнээс үзэхэд, Торгуудууд буцаж ирсний дараа жаргаж байсан биш, харин тун их гацаг зовлон амсаж байсан нь илэрхий. Ер нь аль ч улс гүрэнд ч гээд дурсаж болох түүх хийгээд дурсаж үл болох түүх гэж байдаг. Ард иргэд нь олонх байдалд төрийн санаагаар дурсаж болох түүхийг цээжилж, дурсаж үл болох түүхийг харин нууц далдаар

дурсах буюу алгуур аажмаар мартаж гээдэг. Гэтэл Монгол улсын Торгуудын домог ярианд, Манжийн хаанаас Торгуудуудад нутаг бэлчээр хувааж өгсөн бус, харин Торгуудуудад “Алтай Тарвагатайд далайн өмнө хөвөөнд бууж нутаглаад байж байгаад нутаг газартай болцгооё гэж хэлэлцээд баруун Цастын бэлд нэг дүүгээ таван өрх айлтай орхиод Эннээ голд нэг дүүгээ таван өрх айлтай...” оргиод гэх мэд Шэрэн ноёноос дүү нартаа газар хувааж өгсөн хэмээн домоглодог мөртөө “Булганы таван сум нь Торгуудыг захирах болж, эхэнд нь пайз тавьж үүгээр Хятад орж огтхон ч болохгүй гэж бичжээ. Тэгээд Шэрэн, Шар хүүхэн цагаан голд ирээд хөх үзүүрээсээ хошуу хүртэл Хятадаас болгоомжлуулан хамгаалуулж, цагаан гол, шар тохой, Үрэнгээ, өндөр харнаагаас өөд эзэмшил тогтож, цагаан Оросоос хамгаалж нутагласан түүхтэй аж” хэмээн домоглосон байдаг. Энэ нь дээр ярьсан мэд Монгол улсын Торгуудын ноён Шэрэн хийгээд Чин улс хоорондын онцгой харилцаанаас шалтгаалж үүссэн домог яриа болох ёстой. Учир нь Чин улсаас Монгол улсын Торгуудын ноён болох Шэрэнг урвагсад хэмээн цаазлахгүйгээр амьд үлдээж зэрэг жинс хайрлах төдийгүй, газар нутаг олгосон болохоор тэд Чин улсыг хэтэрхий муу хэмээн ярьж чадахгүй мөртөө хэтэрхий дотночилж чадахгүйтэй холбоотой юм. Нөгөө талаар Чин улсаас нутаг бэлчээр хуваасан явдлыг Шэрэн ноёны бие дээр нөмөргөсөн явдал нь өөрсдийнхөө өвөг дээдэс, ноён сайдаа шүтэн бишрэх буюу өмгөөлж хамгаалах гэсэн сэтгэлгээний илрэл мөн.

Хураангуйлал, судар тэмдэглэл ба аман түүх нь тэнцүү биш мөртөө сударчид болоод аман түүхчдийн ижил нэгэн түүхэнд хандах овор нь хаяа нэгдэх боловч хаяа бас эсэргүүцэлдэж байдаг. Цаашид сударчдын түүх бичлэг нь хоорондоо зөрөөтэй байдагтай адил, аман түүхчид ч оршиж тогтнож байх нийгэм түүхийнхээ хязгаараас болж, ижил нэгэн түүхэн хэрэг явдлыг адил бусаар дурсан цээжлэх буюу домог болгодог гэдэг нь илэрхий. Өөрөө хэлбэл иргэдийн өөрсдийнхөө түүхийг цээжилж уламжлах нь адил бус цаг үе, улс гүрэнд амьдарч байх түүхчидтэй адилхан байдаг. Тэр нь голдуу ард иргэдийн түүхэн хэрэг явдалд хандах овор, түүхт хүн лүүгээгийн хайр сэтгэлгээ, нийгмийн орчин ахуй, соёлын сэтгэцийн уламжлал зэрэг олон талын хүчин зүйлтэй холбогдох нь зайлшгүй. Үүний нэг үзүүр нь ард иргэдийн сэтгэл санааны гүнээс ургаж гарсан цээжлэл байхад, нөгөө үзүүр нь харин бусдаас албадан цээжлүүлэх буюу эсвэл арга бусаар цээжилсэн зүйл байдаг.

Хоёр, Домог ярианд гардаг хүмүүс

Домог ярианд гардаг хүмүүс нь түүхэн хүний төхөмхөн тооцолт буюу эсвэл цол цэвэр урлагийн бүтээл бус, харин түүх болон урлагийн завсрын шинжтэй дүр болох юм. Түүний үүдэн бүтээлт нь домог яриа нэг бүрийн үзэл санааны чиглэлтэй нягт уялддаг. Өөрөөр хэлбэл ямар нэгэн хүний дүрийг гол болгож бүтээж байх нь түүхэн ба урлагийн хэрэгцээнээс болсон биш, харин ард олны илтгэх гэсэн бодол сэтгэлгээнийх нь бодитойжил болох ёстой. Их нүүдлийн домог ярианд маш олон хүний дүр гардаг. Зарим нь гол дүрийн хувиар олон дахин илэрч, зарим нь дагалт туслах дүрийн хувиар ганц нэг удаа илэрдэг. Энд гол хэдэн хүний дүрийг сонгож төхөм шинжлэл хийе. \дор Халимаг болон Шиньжяны Торгуудын домог ярианд олондоо илэрдэг түүхэн хүмүүсийн илрэх давтамжийн олон цөөний дэс дарааллаар жагсаав\.

1. Цэвэгдорж

Цэвэгдорж бол Халимаг болон Шинжааны Торгуудын их нүүдлийн домог ярианд хамгийн олон илэрдэг дүр болох бөгөөд цөм сайн талын дүрээр тодордог. Оросын түүхчдийн тэмдэглэлд, Торгуудууд Ижил мөрнөөс нүүхийн өмнө, Цэвэгдорж олон удаагийн Торгуудын хаад ноёдын чуулган дээр Оросын цагаан хааны түрэмгийлэлд учраад Халимгууд нутаг бэлчээр өдрөөс өдөрт жижгэрч байгаа байдал хийгээд Халимгуудад болсон цэргийн албаны чангаруулгыг тооцож, “бидний ирээдүйд хоёрхон зам үлдээд бий. Нэг бол явах хэрэгтэй, үгүй бол Орост үлдээд мөнх цагт Оросын боол болох хэрэгтэй” хэмээн Жунгар луу нүүхийг уриаллаа хэмээн түүнийг “Халимгуудын хувь заяагаар наадсан” хамгийн зүсэр залхай этгээд гэж тэмдэглэсэн юм. Цэвэгдорж Овш хааны эрхийг булаах санаатай байсан гэдэг нь Чин улсын түүхчдийн тэмдэглэлд ч харагдана. 1771 оны 7-р сарын 8-ны өдөр, Нэмэх-Балжуур тэргүүтэй Торгуудын төлөөлөгчид Чин улсын цэрэгтэй анх уулзахдаа: “Донгровраш нас барсны дараа энд ирж яваа Донгроврашийн хөвгүүн Овш болон Тогтонхонбын ач Цэвэгдорж хоёр хүний дундаас нэгийг нь сонгож хаан болгох ёстой билээ. Гэтэл одоо хүртэл тогтоогүй” хэмээн ярьснаас үзэхэд Нэмэх-Балжуур зэрэг хүмүүс Чин улсаар дамжин Овшийн хаан орноос нь буулгаж Цэвэгдоржийг хаан ширээнд суулгах санаатай болох нь тодорхой. Хятадын зарим түүхчдээс Цэвэгдорж, Овш хоёрыг зөв талын баатрын хуви-

ар ухуулах хэрэгцээнээс болж Оросын түүхчдийн ярьдаг “Цэвэгдорж нь Овшоос эрх булаахаар Торгуудыг дорно тийш нүүлгэсэн” гэх “сэтгэлч үзлийг” буруушааж, тэдний хоорондох хаан орны булаалдааны явдлыг дэмий дурддаггүй мөртөө Цэвэгдоржийг Овшийн чухал туслагчийн хувьд арга самбаа их, тэмцлийн туршлага баялаг, үндэсний үзэл оргилуун боловч эрх зэрэгт дуртай хүн хэмээн үнэлдэг. гэтэл Халимаг болон Шиньжяны Торгуудын домог ярианд харин “Хүчтэй чадалтай, их хурц хурдан сэлбэг\арга ухаан-ишлэгч\”-тэй залуу” гэх буюу “Цэвэгдорж гэдэг нэг их хүчтэй ноён явжээ” гэх мэтээр магтан ярьдаг.

1\ Цэцэн ухаан: “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-ид Казахын хаан хоёр баатартайгаа Овш хаа жич түүний түшмэлийг алахаар ирэхэд, Цэвэгдоржоос Назрын Дорж гэдэг баатарт ухаан зааж Казахын хааныг айлган сүрдүүлж, олзлогдсон хүмүүсээ аварч авдаг. Манжийн хаанаас түүнийг ах захаа мэдэхгүй хүн хэмээн цаазаар шийтгэх гэхэд тэр аль эртний танилаараа дамжин суллагдаж гардаг. Аймшигт төмөр шувууг алсны хариу талархал хэмээн Манжийн хаанаас өмсгөл өмсгөхөд аван дороо: “хар торгон лавшиг\тэрлэг-ишлэгч\”-ийг тань, хаан хатнаас хэтрэв, хаан ноёдууд та нар, ханалтын сүнг минь эхлэгтүн” гэх талархлын дуу зохион дуулж өгдөг. Бас “Цэвэгдорж ноён” гэх домог ярианд Цэвэгдорж Овш хаантай зөвшилдөөд Ижил мөрөнд үлдсэн Халимгаа авчрахаар явсан хэмээн домогт яригддаг. Шинжааны Торгуудын “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан” гэх домог ярианд ч Манжийн хааны: “шаазгайгаар буга бариулж өг” гэсэн шаардлагыг арга ухаанаараа биелүүлэхээр барахгүй өөрийг нь хорлох гэсэн залхай түшмэлийг уран аргаар шийтгүүлдэг.

2\ Зориг сүс: “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-ид “Овш хаан зориггүй хүн байжээ. Тэр учир дээр Хятадын хааны гэрт орохдоо айгаад хэсэгтээ зогсоод байхлаар нь Цэрэндорж ноён хөвгүүн Овш хааны номт хувцсыг нь өмсөөд Хятадын хаанд наадхис\бусад хүмүүс-ишлэгч\”-аа дагуулаад зориод” орсон гэж домоглодог. “Овш хаан болон Цэвэгдорж” гэх домог ярианд ч адилхан үйл явдал илэрдэг. Эдгээр домогт Овш хаан Манжийн хааны үүдний гадна хүрч сүрдээд зогсов гэдэг нь халуунаар зайлах ордонд Манжийн хаантай уулзах явдлыг зааж байгаа биш, харин Чин улсын хилийн ойролцоо ирээд уугуул нутаг Жунгартаа хүрэх уу? Эсвэл Ижил мөрөндөө буцах уу? Хэмээн хоёр удаа эргэлзэн татгалзсан явдал\

зам зуур ба Илы голын хөвөө\-ыг зааж байх магад. Энэ тухай түүх сурвалжид тодорхой бий.

3\ Мэргэн харваач: Халимгийн “Халимаг алтай гарсан тууж”-ид Хятадын хааны оронд муу дуут шувуу ирээд аюул гамшиг учруулахад Цэвэгдорж урилгаар очоод хурц ухаан болон мэргэн харвалтаараа харваж алдаг. “Цэвэгдорж ноён” гэх домог ярианд Цэвэгдорж барт болон гэх газар бар, үдээ, арслан зэрэг догшин араатныг алаад арьсыг нь Манжийн хаанд өргөхлөөр Манжийн хаан цочин гайхахын зэрэгцээгээр хааны есөн настай охин нь Цэвэгдоржийг харж тоогоод түүнтэй хуримласнаар домоглодог. “Овш хаан болон Цэвэгдорж” хэмээх домог ярианд Цэвэгдорж арга ухаан ба мэргэн харвалтаараа аюулт төмөр шувуу харваж алахад, Манжийн хаан эрдэм чадварыг нь гайхаж түүнд хаан ороо өгч өөртөө түшмэл болсноор домоглодог.

4\ Хүч чадал: Шинжааны Торгуудын “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан нь” гэх домог ярианд, Манжийн хаан түүний хүч чадлыг шалгах хэмээн хүн ер хөдөлгөж үзээгүй бүдүүн хар саадгаа өгөхөд, түүнийг төгрөг болтол татаад хаан түшмэдийг сүрдүүлдэг. Халимгийн “Цэвэгдорж ноёны тууж”-ид ч гурван голын эхийг хүндлэн бууж хэвтээд нарт дэлхийн хүн амьтныг сүрдүүлж байсан аварга барт ганцаараа очоод амьдаар барьж авчраад Манжийн хаанд хүргүүлдэг. “Овш хаан болон Цэвэгдорж”-ид Манжийн хааныг нэг гараараа өргөж найман хөлтэй ширээн дээр тавьдаг.

5\ Аварга биет: Шинжааны Торгуудын “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан нь” гэх домог ярианд “Цэвэгдорж бол өндөр нуруутай тархан хүн тул нутгийн хүмүүс нь түүнийг тарган хөвгүүн ноён гэж нэрлэдгээс биш Цэвэгдорж гэж хэлдэггүй” гэх мөртөө Бээжин хотын долоон давхар үүдээр багтахгүй болж Манжийн хааныг сандаргаснаар домоглодог. Халимгийн “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-ид “Манжийн хааны хөлийг бүрхээд газар өвслөөд байдаг номт хувцас нь Цэвэгдоржид болохлоор харин өвдөгч нь болоод байсан” гэж гардаг. Шинжааны Ховогсайрт Манжийн хааны оёдолчид Цэвэгдоржид таарах хувцас оёж ядаад их зовсон гэх домог яриа ч бий. Манжийн хаанаас Цэвэгдоржид дээл бэлэглэсэн гэдэг нь үнэн болохыг “Зарлигаар тогтоосон гадаад Монгол худаг аймгийн ван гүн нарын илтгэл шастар”-т Торгууд ноёд нарт “ёст дээл шагнаж, тэдний өмссөн хивс дээлийг халуулбай” гэх тэмдэглэл бий. Юу ч гэсэн Халимаг болон Шинжааны Торгуудын домог

ярианд ер бусын хүний дүрээр илэрдэг. Түүний нас барсан шалтгааныг Халимгийн “Цэвэгдорж ноён” гэх домог ярианд Цэвэгдорж Ижил мөрний хөвөөнд үлдсэн 20 мянган Халимгуудаа буцааж авчрахаар явах гэхэд Манжийн хааны охин болох эхнэр нь түүнийг хорлож алсан хэмээн ярьдаг. Цэвэгдоржийн эхнэр нь чухам Монгол хүн байсан уу? Эсвэл Манжийн хааны охин байсан уу? Гэдэг нь хараахан тодорхойгүй мөртөө хорлогдож үхсэн гэдэг тухай тодорхой тэмдэглэл байхгүй байна. Ганц “Богд Цүнкаваагийн шашны өгүүллийн эзэн Торгууд аймгийн шинэ хуучин хаад ноёд, язгууртны уг язгуур сүлжил” хэмээх тод Монгол үсгийн гар бичмэл сударт Цэвэгдоржийн эхнэр нь “Бонь” гэдэг нэртэй байсныг бичсэн мөртөө Цэвэгдорж өвчнөөр нас барсан гэх тэмдэглэл бий.

“Цэвэгдорж ноён” гэх домогт Цэвэгдоржийг нас барсны дараа “Овш хан ахтай энэ газарт цогцыг нь тавьж болшгүй, явж Кокацийн газарт тавих юм. Цастай уул гэж байдаг. Тэр уулын орой дээр тавих юм” хэмээн хүүрийг нь Жунгараас Ижил мөрөнд хүргэж ариун дархан газар оршуулж манал бурхнаар сахиулсан гэж домоглодог. Эдгээр нь голдуу тухайн үеийн Ижил мөрний Халимууд уугуул нутагтаа буцах хүсэл эрмэлзлээ Цэвэгдоржид найдаж байсны илрэл болох бөгөөд Манжийн хааны охин түүнийг хорлож аллаа гэдэг нь Цэвэгдорж тэд нарыг цагаан хаант Оросын гараас аврах ёстой байсан боловч Манжуудын хорлолоос болж өргөдсөн гэх санаагаа гаргасан болмоор. Иймээс Цэвэгдоржийн өргөдлийн тухай тооцолт нь нэг талаараа Халимуудын уугуул нутагтаа буцах хүсэл хийгээд цагаан хаант Оросын луугаа ас тулан тэмцэх зориг сүс нь ч зохих хэмжээгээр нугарч эхэлснийг харуулж бий. Мөн ч Жунгартаа буцсан ах дүү нарынхаа ирээдүйн хувь заяанд санааширч эхэлсний илрэл байж мэдэх юм. Шиньжяны Ховогсайрт Цэвэгдоржийг нас барахлаар хүүрийг нь Ижил мөрний өөд харуулан оршуулсан гэх домог байдгаас үзэхэд Цэвэгдорж өдлөхийн үзүүр уугуул нутаг Ижил мөрөн буюу үлдсэн Торгуудуудаа дурсан санагалзаж байсан ч магадгүй. Юу ч гэсэн Ижил мөрний хөвөөнд хаягдаж хоцорсон Халимгууд Цэвэгдоржийг хэнээс ч илүү дурсан цээжилсэн байхад түүний өөрийн амь нас, цус нулимсаараа уугуул нутагт нь дагуулж ирсэн албат нүүний их нүүдлийн явц дахь алдар гавьяаг дэмий дурсахгүй\онцгойлон Цэвэгдоржийн хойч болох Ховогсайрын Торгуудууд\, харин Барднаг зэрэг дайны баатрууд хийгээд Овш хааны гавьяа зүтгэлийг онц цээжилсэн нь сонирхолтой. Бодо-

ход Халимгууд Цэвэгдорж ноёныг дурсаж байх нь уугуул нутагтаа буцах юмсан гэсэн бодол, цагаан хаант Орост дургүйцсэн санаа жич тэд нарыг буурь дээрээ хаяад явсан ноён болох Овш хааныг үл таашаасан сэтгэлгээний сэм дохилт болох ёстой. Шинжааны Торгуудууд Цэвэгдоржийн их нүүдлийн явц дахь гавьяа зүтгэлийг дэмий дурсдаггүй нь тэд их нүүдлийн удирдагчид хийгээд түүний үр дүнд дэмий ханамжгүй болсонтой холбоотой магадгүй. Гэтэл Цэвэгдоржийн Манжийн хаан луугаагийн харилцаа\ “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан”, “Цэвэгдоржийн хар хээр морин”, “Цэвэгдоржийн мухар хар илд” зэрэг\–г онцгойлон ярьдаг нь Жунгарт буцаж ирсний дараах Цэвэгдоржийн ард иргэдээ тэтгэсэн гавьяа зүтгэлийг дурсан цээжлэх гэсэн санаа хийгээд Манжийн хааныг дээдлэн биширсэн сэтгэлийн хоцрогдмол цууриа байж таарна.

Домог зүйн хараанаас шинжлэхэд, Цэвэгдоржийн дүр нь Халимаг ба Ойрдын дунд өргөн дэлгэрсэн “Явган мэргэний домог”-ийн нөлөөллийг их хүртсэн байна. Онцгойлон “Явган мэргэний домог”-т гардаг хан гардийг харвасан өгүүлэмжийг Цэвэгдоржийн биед шилжүүлж, түүний ер бусыг харуулсан нь тодорхой. Иймээс домог ярианд гардаг бий бүхий үйл явдал нь домог ярианы анх үүслийн үеийн түүхэн хэрэг явдал биш, харин түүнээс хол өмнөх үеийн домог сэтгэлгээ хийгээд сүүлийн үеийн аман түүхийн уусал гэгчийг мэдэж болох юм. Тухайлбал домог яриа гэдэг нь түүхэн ул суурь дээр уулын аман уламжлалыг дахин зохион найруулах явцад бүрэлддэг.

2. Овш хаан

Овш хааны Оросын түүхчдийн “Охор ухаант Овш”, “Ухаан билэг дутуу Овш” гэх буюу эсвэл “Овшийн өөрийх нь толгойгоор ухаалдаг билэг нь дутуу болоод бусдын сануулга зааварт ороод тэдний үгийг давтдаг”, “Хаант улсын захирагч Овш оргож зулсан явдлаар ихээр гэмшсэн бөгөөд түүнийг хатган өдөөсөн Бамбар, Сэрэн\Шэрэн-ишлэгч\, Цэвэгдорж зэрэг ноёдод ярьшсан” гэх мэтээр тэмдэглэсэн байхад, Чин улсын Чи Ши-игийн “Баруун хязгаар түр үзэж сонссон юухан тэмдэглэсэн нь”-д Жунгараас Ижил мөрөнд очсон хүмүүс Жунгарын “ус бэлчээр шим сайтай, газар тариа өргөн уудам тул тулд эзлэн авч, их үйлс бүтээж болмой хэмээн Овшийг харьяат олноо авч буруулан тутасугай хэмээн өдөөснөө, Овш тэдний үг түр бачлагдаж, тайж лам нар луугаа сэмээр хэлэл-

цэн тогтож, хойд хөвөөнд түр нутаглан суугаа өрх лүгээ хамт гол хөлдмөгц цугаар Ил түр дутаан одсугай хэмээн болзвой” гэж, Сүн Юүний “Олдон дагуулсан товч тэмдэглэл”-д харин “Овш Тэнгэр тэтгэгчийн гучин тав дугаар онд\1771 он\Оросоос илээр тэрсэлж, бүх аймгаа авч Казах, Говь, Байгаль\Балхас\нуурын хавиар дайран найман сар болж Илд хүрч ирэн, хичээнгүйлэн дагах санаагаа илтгэсэн” гэх буюу цаашдаа Юй Ли ч “Аюух гэр хотлоороо Хятад улс түр дагахаар сэтгэл шуудчухуй. Гэвч Хятад улс ануу Оросын харьяат ардыг оруулж авахаар өдөөх ёсонгүй булай. Тийнхүү аяар ануу тавьж одвой. Овш дагараа ирэхдээ Орос лугаа шашин шүтлэг адилгүй хэмээхээр шалтаг болгосон ануу аюухын үг лүгээ нийцэж байгаа боловч, үүн түр нууц болзоо нуугдаж байх булай. Харамсалтай ануу Овш харин дээдсийнхээ Хятад улсыг сүсэглэн бишрэх сэтгэлийг үл мэджүхүй. Нийхүү түүний анхны бодол ануу ташаарчухуй. Хэрэв Илийг эзлэн авахын төлөө бус бүгээс түүний аймгийн олон ч алсын аянаас бэрхшээх нь зайлшгүй бөгөөд Орос ч хайхрахгүй байж үл чадмой.” гэх мэт Овш хааныг “хий суугсад” гэх буюу “өөрийн хэмээх үзэл зогсолтгүй хүн” хэмээн тэмдэглэсэн юм. Гэтэл Хятадын зарим түүхчид Овш хааныг Торгуудуудын Дорно тийш буцах үеийн хамгийн чухал удирдагчаар үнэлж, “Торгуудын хаан болсны хувьд, Овш хаан Оросыг эсэргүүцсэн зэвсэгт бослогыг удирдаж эх улсдаа буцах агуу их тэмцлийн явцад цулгарсан авьяас билгээ гаргасан”, “цээж уужим, шулуун шударга, сэтгэл санаа цагаавар, эелдэг дотно” хүн байсан хэмээн түүний мэргэн ухаан, зориг сүсийг товойлгодог. Түүний хойч болох Мань Линь өвөг дээдэс, гэр бүлийнхээ дурсамждаа Торгуудын дорно тийш буцсан нь Овш хаантай шууд холбоотой байж, Овш хаан байсангүй бол Дорно тийш буцах явдал байхгүй гэдгийг тодорхойлж, “миний өвөг дээдэс Овш бол нэгэн агуу их эх оронч үзэлтэн мөртөө үндэстний баатар” хэмээн үнэлсэн юм. Ялангуяа Чин улсын засгийн газраас Овш хааны төвд төвлөрсөн эрхийг сулруулж нэрийн төдий “хан” өргөмжилсөнд үг дүүгүй хүлээн авсан\номой дорой\ явдлыг Хятадын зарим түүхчид “ард иргэдийнхээ төлөө өөрийн ашиг тусаа өргөдүүлсэн эрхэм дээд үйл ажиллагаа” хэмээн магтдаг. Үнэндээ цагаан хаант Орос Овш хааны “номой дорой”-г ашиглан хан зэрэг олгож Торгууд хааны эрх мэдлийг хязгаарлаж чадсан мөртөө Чин улсын засгийн газар ч чадал муутайг сэрж мэдээд нэрийн төдий “хан” болгож эрх зэргийг нь бууруулсан байж мэдэх юм.

Овш хааныг Халимаг ба Шинжааны Торгуудын домог ярианд хоёрдмол шинжтэй домоглодог. Онцгойлон Халимгийн цөөн хэдэн домог ярианд Овш хааныг их нүүдлийн төлөвлөгч буюу удирдагчаар цухас дурддаг мөртөө “Цэвэгдорж ноён” гэх домог ярианд Цэвэгдоржоос Ижил мөрний тэртээ хөвөөнд хоцорсон Халимгуудаа авчрахаар явах гэхэд, 100 морьт цэргээр тусаллаа хэмээн ярих жич “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-ид Овш хаан наран суух зүгийн норм гэлэнд “Чинүү битүү туурайт түм хүрэв, чамайг дайлж идье” гэх захидал илгээх мэт ухаан бодлоготой, зориг сүстэй хүний дүрээр илэрдэг боловч олонх домог ярианд нь харин бүтэлгүй хүний дүрээр дүрслэгддэг.

1\ Аймтгай: “Халимаг алтай гарсан тухай тууж” ба “Овш хан болон Цэвэгдорж” гэх домог ярианд бүр Манжийн хаантай уулзахаасаа айж цэцрээд зогсдог. Манжийн хаанаас түүнийг аварга бар орогносон газарт нутаглуулахад “ноёдуудаа цуглуулаад буруу хараад уйлж зөв хараад инээгээд” арга алдарч суудаг.

2\ Чадал дорой: “Халимаг алтай гарсан тухай тууж”-д өөрөө хайртай хатан Ямашиггээ хүртэл Казахад булаагдчихаад Казахын хааныг гуйсаар байж хатнаа эргүүлж авдаг. “Овш хан болон Цэвэгдорж”-д Манжийн хаан аюулт шувууны гамшигт учраад Овш хаанаас тусламж гуйхад, Овш хаан: “үүнийг надад дардаг тэнхээгүй” гэж алс холд цөлөгдсөн Цэвэгдоржийг зааж өгдөг. Энэ тухай “Торгуудын дагаж орж ирсэн тэмдэглэл” гэх тод Монгол үсгийн сударт, “хуучин суусан цэнгэлтэй газрыг хаяж Хятад гөрөн\ Чин улс-ишлэгч\ -ний захын газрыг эзэлье гэх инуу эс хийвээс бэрх буйзья хэмээн хүний сэтгэл хагацалтай болоод дараа дараагаар хойш оргож Ижлийн газарт харьсан ануу хэдий хэдэн түмэн өрх бий. Ово мөн цээжилж зогсоож чадахгүй” хэмээн их нүүдлийн замын дундаас олон мянган иргэд нь урваад Ижил мөрөн тийш харихад, Овш хаан хамаарч дийлэхгүй болсныг тэмдэглэсэн юм.

3\ Ухаан муут: “Цэвэгдорж ноёны тууж”-д “урьявсан мөрөөрөө давж гаршгүйгээ мэдээд Овш хаан олон ноёд болон мэргэн лам нарын сэлбэг\тусламж-ишлэгч\ -гээр өмнөөш татаад\зүглээд-ишлэгч\ их элстэй хоосон талаар гарлаа” гэж их нүүдэл нь Овшийн удирдлагаас бус, харин сайд түшмэд ба мэргэн лам нарын арга ухаанаар явагдсан хэмээн домоглодог. “Овш хааны дуу”-д ч “урьдах олон ноёдыг, ухаан муутай гэсэн бэ?” гэх буюу “наадах захын Казахуудыг нь, нагац нараа болгоод ирсэн бэ?” \энэ нь Казах, Киргизүүдэд

олон мянган эхнэр хүүхдээ булаагдчихаад ирсэн явдлыг зааж бий\ гэх мэтээр холын бодолгүй үйл ажиллагаанд зэмлэнгүй овроор ханддаг. Цаашдаа “машийн цавьдараа хөлөглөөд, мангаад бороо хөтлөөд, маний эзэн Овш, манийг яатугай гэсэн бэ?” гэх мэт Халимгуудын Ижил мөрний цаад эрэгт үлдэж хоцорсон шалтгааныг хүртэл Овш хаанаас эрсэн байдаг. Юу ч гэсэн Халимгуудын олонх домог яриа нь Оросын түүх бичлэгтэй амьсгаа нэгтэй байж, Овш хааныг аймтгай дорой, чадал муутай, ухаан дутуу хүний дүрд дүрсэлдэг. Энэ нь Оросын түүхчдийн Овш хааныг “урван тэрсэлсэн” буюу “зугтаасан” ноён гэх түүх бичлэгийн уламжлал хийгээд Ижил мөрний цаана хөвөөнд хоцорсон Торгуудуудын Овш хаанд гомдсон сэтгэлийн илрэл байж мэдэх юм. Учир нь Овш хааныг цагаан хаант Оросын засгийн газарт авч хэлбэл урван тэрсэлсэн ноён байж, Халимгуудад авч хэлбэл иргэдээ хаяж нүүсэн бүтэлгүй хаан хаан болоход оршино. Үнэндээ Халимгууд хаяж нүүсэн хаан Овшоо мартах ёстой. Гэтэл түүнийг мартахгүйгээр дурсаж байх явдал бол тус домог зохиогдох үед, Халимгуудын Овш хаанд гомдсон гомдол нь арилаагүй мөртөө уугуул нутаг Жунгартаа буцах юмсан гэх хүсэл мөрөөдөл нь балраагүйг харуулж байх юм. Мөн ч өнө үүрд цагаан хаант Оросын хамжлага боол болох санаагүй байсныг харуулж байх юм.

Мөхөс хүний олж үзсэн материалын хязгаарт, Овш хааны тухай Шинжааны Торгуудуудын зохиосон түүхэн дуу олон байх боловч домог яриа тун ховор. Түүхэн дуу хийгээд домог ярианы агуулга, үзэл санааны чиглэл нь ч хоорондоо зөрөөтэй юм. “Ижил гол” зэрэг цөөн дуу нь Овш хаанд зэмлэнгүй овроор хандсаныг гаргавал, олонх нь харин түүнийг “үндэстний баатар”-аар магтан дуулдаг “уулга нь улаан”-д: “тэсэм хараа унаад, таван хошуугаа дагуулаад, ташаалдаад суугаад харвадаг маний ноён Овш” хэмээн сүс зоригт баатрын дүрээр илэрдэг. “Үүлэн буурал” гэдэг дуунд: “үүлэн буурлаа хөлөглөөд, уудам нутгаа чиглээд, ууган ноён Овш хаан, олныгоо дагуулсан магтаалтай” гэх буюу “гүшил хунтаг\ буугийн дух-ишлэгч\”-тай бууг, төлбөртэй хөвгүүн үүрдэг, Торгуудын ноён Овш хаан, төр нутгаа дагуулдаг” гэдэг. Бас “Барднаг баатрын тууж” гэх домог ярианд ч “наашаа ирсэн Торгууд нь хаалгандаа хэдийчинээ удаа дайн хийж байгаад, Овш гэдэг арван гурван тайжийн доторх хамгийн цовоо сэргэлэн дархтай сайн хүнээр тэргүүлэгчээ хийж, естийн охроор маний одоогийн Шинжаандаа

нүүгээд ирсэн гэнэ” гэж их нүүдлийн явц дахь Овш хааны гавьяа зүтгэлийг товойлгосон байдаг. Шинжааны Торгуудын түүхэн дуу болон домог ярианд Овш хааныг зоригт баатраар үнэлэн дуулдаг нь түүний үр хойч нар нь үе залган Торгуудын хаад ноён болж байсан явдал, Манжуудын илбэл дагуулал жич сүүлийн үеийн суртал ухуулахтай холбоотой юм. Нэн ялангуяа Овшийн хойч болох Баянгол жөүгийн Хэ Жин шяниас олдсон “Торгуудын дагж орж ирсэн тэмдэглэл” гэх тод Монгол үсгийн сударт, Торгуудын их нүүдлийн явцад үзүүлсэн Овш хааны үйлдлийг хэнээс ч илүү товойлгосон боловч бусад аман түүх, сурвалж бичигт олон харагддаг Цэвэгдоржийг харин цухас дурдаад л өнгөрсөн билээ. Юу ч гэсэн Шинжааны Торгуудууд нь ноёныхоо баатарлаг үйл ажиллагаа хийгээд зэрэг жинсний нэмэгдлийг дурсахаар дамжин өөрсдийнхөө цусан зам, гашуун түүхээ мартаж эхэлсэн мөртөө сүүлийн үеийн “Дорно тийш буцсан баатарчуудын домог” нь тэрхүү мартагдаж байсан үнэн түүх дурсамжийг улам нэг алхам мартуулсан болмоор. Ер нь Халимгууд хийгээд Шинжааны Торгуудын домог ярианы ялгаа зөрөө гэвэл нэг нь Овш хаанд хаягдаж хоцорсон хүмүүсийн түүх дурсамж байхад, нөгөө нь харин түүнийг дагж ирсэн үр хойчийнх нь түүх дурсамж болоход оршино. Өмнөх нь их нүүдлийг хүсэн мөрөөдөж байсан хүмүүсийн дурсамж байхад, хойнох нь харин их нүүдлийн хал зовлонг ханатал амсагчдын цээжлэл болох юм. Цаашдаа нэг нь их нүүдлийг уравлага зугтаалгаар сурталчилдаг улс төрийн лагерьт багтаж, нөгөө нь харин их нүүдлийг “хөөс болсон зүүд” буюу эсвэл эх оронч баатарлаг үйл ажиллагаагаар ухуулдаг улс төрийн лагерьт багтдагтай холбоотой юм. Иймээс домог ярианд гардаг хүний дүр нь эл газар орны хүн ардын бодол сэтгэлгээ, хараа зогсоц жич соёл түүхэн уламжлал шинэчлэл ба улс төрийн хэрэгцээ шаардлага зэргээс шалтгаалдаг.

3. Манжийн хаан

Оросын түүхчид “Хятадын яргаачид Халимгууд хийгээд Ил гэдэг газрын бусад үндэстнүүдэд хүнд хэцүү зовлон ба захирал үзүүлсэн” хэмээн тэмдэглэсэн мөртөө Манжийн хаанаас халимгуудыг олон газарт салгаж суулгахын зэрэгцээгээр муу бэлчээрт нутаглуулж тэдний үйл ажиллагааг хянан цаазалснаар тэмдэглэж байхад, Манжийн хаан “би ямагт хаан өвөг эцгийн таалалд шүтэн санаж, хаан өвөг эцгийн үйлсийг дуурьяахыг оролдмой. Эдгээ дагараа ирсэн Торгуудыг үзвээс, түүний мухардаж гачигдсан

ануу урьдах цагийн Халхаас өчүүхэн ч ялгаагүй бүлгээ. Тийнхүү тэдний төлөө нарийн бодолхийлэн, харамгүй шагнаж, ихэд хишиг хүртээсэн бөгөөд урт удаан бодолхийлсэн бүлгээ” хэмээхэд, түүхчид нь “бидний Гао Цүн хаан болбаас тэнгэр газар мэт хамаг бүхнийг амьдруулмой” гэх мэт тэмдэглэсэн юм. Хятадын зарим түүхчид ч Манжийн хааныг “эх улсын эзэн”-ээр үзэж, түүний ухаан билэг, уудам цээж, энэрэнгүй сэтгэлийг өргөн магтдаг.

Халимгуудын домог ярианд Манжийн хааныг “Хятадын хаан” буюу “Алтай хаан” гэхэд, Шинжааны Торгуудын домог ярианд харин “эзэн хаан” гэж гардаг. Гэтэл аман түүхэнд гардаг Манжийн хаан хийгээд үсэг бичгийн түүхэнд гардаг Манжийн хаан нь хоорондоо тэнцүү бус мөртөө эл газрын домог ярианд илрэх дүр нь ч хоорондоо адилгүй байдаг. Халимгуудын “Овш хаан болон Цэвэгдорж” гэх домогт Манжийн хаанаас Цэвэгдорж аюулт шувууг нь устгахад түүний эрдэм чадварыг биширч өөрийн хааны ороо суллаж өгсөн явдлыг гаргавал, олонх домог ярианд бүр Манжийн хаан хуа өрлөгөө баруун тийш нүүдлүүлсэн явдал ба Жунгар хаант улсын эвдрэлийг өс бодож Овш хааныг хүн амьдрахад бэрх муу нутагт суулгасан\”Цэвэгдорж ноёны тууж\”, Цэвэгдорж Овш хааны номт хувцсыг өмсөөд орохлоор ах захаа мэдэхгүй хэмээн алах ялаар шийтгэх\ “Халимаг алтай гарсан тухай тууж\”, ард олонд гамшиг таригч муу дуут шувуу\буюу эсвэл төмөр шувуу\”-ыг устгаж дийлэхгүй, эцэстээ алах ялаар шийтгэгдсэн буюу эсвэл зурган жилийн хол газар цөлж явуулсан Цэвэгдоржийг гуйж алуулах\ “Халимаг алтай гарсан тухай тууж” ба “Овш хаан болон Цэвэгдорж\” гэх мэтээр цээж явцуу, харгис хэрцгий, чадал муутай хааны дүрээр домоглодог. Гэтэл Шинжааны Торгуудын “Цэвэгдорж эзэн хаанд бараалхсан нь” гэх домог ярианд, Цэвэгдорж жич түүний түшмэд Бээжин хотын үүдээр багтах болохоор Манжийн хаанаас долоо хоногийн дотор үүдээ засуулаад угтаж авах, Цэвэгдоржийн бэлэг болгож өгсөн мухар хар илд ба хар хээр морийг нарийн шалгаж үзэх жич Цэвэгдоржийн эрдэм чадварыг биширч залхай түшмэлийнхээ толгойг цавчих гэх мэт энэрэнгүй зөөлөн мөртөө сайн мууг ялгадаг эрхэмсэг ухаант хааны дүрээр домоглодог. Нэн ялангуяа “Барднаг баатрын тууж”-ид Торгуудуудын уугуул нутаг Жунгартаа буцаж ирэхээс өмнө ч Манжийн хаан Торгуудын агт хөлгийн хурдныг гайхан биширч өндөр шан хишиг хүртээж байснаар ярьдаг. Үүний учир нь Манжийн хаан бол Халимгуудад авч хэлбэл харь холын нэгэн хаан буюу эсвэл ах дүүг нь хятан алсан

харгис яргаачин байхад, Шинжааны Торгуудуудад авч хэлбэл хэ-
зээ ч марталгүй өшөөтөн боловч хэрэг дээрээ толгойг нь барьсан
ноён болоход оршино. Өмнөх нь хаанд болсон гомдлоо шууд тоо-
цож болох эрх чөлөөтэй хүмүүс байхад, хойнох нь харин тийм эрх
чөлөө, зориг сүс байхгүй хүмүүс байхад оршино. Монгол улсын
Торгуудын домог ярианд, дээр ярьсан шиг Торгууд ноёдын дотоо-
дын зөрчил хийгээд өөрсдийнхөө эзэн Шэрэн ноёныг л товойлго-
дог болохоор дээр дурдсан хүмүүс ер гардаггүй. Эдгээрээс гадна,
их нүүдлийн домог ярианд Назрын Дор, Анай Барднаг, Бабаг зэ-
рэг сүс зориг, хүч чадалт баатруудын дүрийг бүтээсэн юм. Иймээс
домог ярианд гардаг дүр бол түүхэн хүний ахуйц дүр бус мөртөө
түүхэн ахуйгаас тусгарлангуй урлаг бүтээлгийн дүр ч бус гэдэг
нь тодорхой. Өөрөөр хэлбэл домог ярианд илэрдэг дүрийг түүхэн
үнэн, урлагийн үнэн, иргэдийн санаа сэтгэлгээ жич улс төрийн хэ-
рэгцээ зэрэг шингэсэн олон давхаргатай домгийн дүр хэмээн үзэх
чухалтай байна.

Гурав. Төгсгөл

Ямар нэгэн түүхэн үйл явдлын үүсэл хөгжил нь хэдийгээр Обь-
ектив байдаг боловч түүний бичлэг тэмдэглэл\төв бичлэг\ зэрэг н
харин субъектив байж байдаг. Учир нь түүх бичлэгт хувь хүний
сэтгэлгээний өнгө будаг болон нийгэм соёлын нөлөөлөл, ухамсар-
тай ухамсаргүйгээр нэвчин ордог болохоор ер нь бүрмөсөн Обьек-
тив байж чаддаггүй. Иймээс ижил нэгэн түүхэн хэрэг явдлыг адил
бус түүхчид адил бус хараа зогсоос бичихэд бүр өсөд өөр “домог”\
түүх бичлэг\ -ыг бий болгодог. Ердөө түүх бичлэг нь түүхийг ойрол-
цоогоор тусгах хийгээд шинээр цогцлон байгуулах хэмээн хоёрт
хуваагддаг. Тэр нь цаашид иргэдийн түүх дурсамж\аман түү\ -ийг
шууд буюу дамаар нөлөөлдөг. Үүнтэй адилаар түүхэн хийсвэржил,
урлагжил хэмээгдэх аман түүх нь аман яриагаар ачаалагч болгож,
олны дунд дэлгэрэх явцдаа огт хөдөлшгүй тогтонгуй текст болох
бус, харин уламжлал бүхий хүмүүсийн нийгэм ахуй, хайр сэтгэл-
гээ жич урлаг сэтгэл зэргээс шалтгаалагдаж, түүх бичлэгээс ялгаг-
дах онцгой нэгэн түүх дурсамж болж үлддэг. Үсэг бичгийн түүх
бичлэг нь төр зуурын шинжтэй байхад, аман түүх нь харин урт
удаан шинжтэй юм. Улс төрийн домог болсон түүх бичлэг нь сур-
тал ухуулахын хэрэгцээнээс өнгөрмөгц аяндаа мартагддаг байхад,
иргэдийн аман түүх нь үндэстний нэгэн зүйлийн онцгой түүхэн
цээжлэлийн хувиар урт хугацаа уламжлагдан дамжиж, хүн ардын

ухаан мэдлийг нөлөөлдөг. Энэ хоёр зүйлийн “домог”-ын ижил тал хэмээвээс бүр цаг эрнийхээ аяс айзам\улс төр\–ыг дагж ижил нэгэн түүхэн хэрэг явдлыг адил бусаар “тайлбарлаж зохиох” хандлагатай юм. Хэрэв бид аман түүхийг итгэмж муутай зүйл буюу урлагийн бүтээл гэхэд хүрвэл, сударчдын түүхэнд ч адилхан итгэмж муутай зүйл оршдог бөгөөд тэр нь аман түүх\домог яриа\–ийг нөлөөлж, буруу чиглэл тийш хөтлөх үзэгдэл олон байна гэхэд, нөгөө “түүхэн үнэнээс хальж гарсан уран бүтээл” хэмээн үздэг аман түүхэнд харин сударчдын \домог\–оос нэн чухал сэтгэл санааны үнэн орших үзэгдэл бий.

Үсэг бичгийн түүх нь улс төр, үзэл санааны зорилго буюу нийгэм соёлын хэрэгцээ шаардлагаар зохиогддог байхад, аман түүх нь харьцангуй аяндааны шинжтэй байдаг. Тухайлбал, үсэг бичгийн түүх нь ямар нэгэн улс төр, үзэл сэтгэлгээний хэрэгцээ шаардлага луу ойртох хандлагатай байхад, аман түүх нь харин иргэдийн санаа сэтгэлд илүү ойртдог. Ер нь үсэг бичгийн түүхэнд гээгдсэн зүйлс нь аман түүхэнд балархай сүүдрээ үлдээсэн байхад, аман түүхээс гээгдэх буюу урлагжсан зүйл нь үсэг бичгийн түүхэнд харагддаг. Иймээс үсэг бичгийн түүх хийгээд аман түүх хоёр бол нэг юм биш мөртөө хоорондоо дайсан ч биш, харин харилцан нөхөх шинжтэй юм.

Домог судлалын хараанаас үзэхэд, зарим эрдэмтэд домог ярианы түүхэн үндэс сурвалж чухалчилж, түүхчлэх хандлагатай байхад, зарим хүмүүс нь харин урлагийн шинжийг чухалчилж, урлагжуулах хандлагатай байдаг. Үнэндээ ямар нэгэн домог яриаг шууд түүхэн үнэний тусгал буюу эсвэл цол цэвэр урлагийн бүтээл хэмээн ялгаж шалгахын аргагүй юм. Домог ярианд түүх болон урлаг төдийгүй, тухайн үеийн ард иргэдийн бодол сэтгэл, хүслэнгийн түүх\гоо сайхан\, ёс суртахууны баримжаа, аман соёлын уламжлал жич улс төрийн суртал ухуулах зэрэг олон талын элемент уусаж ордог. Өөрөөр хэлбэл домогийн үүсэл хөгжил нь ганц түүхэн үндэс сурвалж болон аман урлагчдын авьяас чадвар хоёроос л шийдвэрлэгддэг явдал бус, харин тэдний оршин амьдарч бүхий нийгэм түүхэн орчин ахуй, соёл сэтгэцийн уламжлал, аман урлагчдын гоо сайхны хүслэн жич ёс суртахууны баримжаа зэрэг олон талын элементийн үйлчлэлийг хүлээж, онцгой нэг нь “түүхэн цээжлэл” болдог аж. Тус “түүхэн цээжлэл”-д өөрсдөө сэтгэлийн гүнээсээ цээжилсэн зүйл байхын зэрэгцээгээр бусдаас албадаж цээжлүүлэх буюу арга бус цээжилсэн зүйл ч оршдог.

Ю. Д. Абасева,
*Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН,
Россия, г. Улан-Удэ*

Влияние языковых контактов на фонетические особенности говора нижеудинских бурят: современное состояние

Говор нижеудинских бурят занимает особое место в системе бурятских говоров и диалектов. Он не входит ни в одну из территориальных или родо-племенных групп и стоит особняком, как наиболее западный говор. В.И. Рассадин называет его уникальнейшим и своеобразным бурятским говором, существующим самостоятельно «вне системы как эхирит-булагатских и присаянских бурятских говоров, так и хоринских и южных» [2, с. 3]. И.Д. Буряев при классификации бурятских диалектов выделял его в самостоятельный крайний западный говор [1, с. 24].

Исследованию языка и фольклора нижеудинцев были посвящены работы Г.Д. Санжеева, А.А. Дарбеевой, В.И. Рассадина. В данной работе проводится предварительный анализ современных звуковых особенностей нижеудинского говора, обусловленных его историей, составом и языковыми контактами в прошлом и настоящем. Материалом исследования послужила речь носителей этого говора, записанная в июле этого года во время экспедиции в места их проживания. Материал предоставлен д.ф.н., проф. Дырхеевой Г.А.

Нижеудинские буряты проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области преимущественно в селах Кушун (бурятское название *Шугуул*, по версии В.И. Рассадина – *Шугуу һуул* [с. 7]) и Мунгутубулак (*Мунгэтай булаг*). В настоящее время с. Кушун насчитывает порядка 50-60 дворов, часть из которых пустует, в с. Мунгутубулак осталось три семьи. Молодежь покидает родные села. В настоящее время в с. Кушун нет собственной школы, дети учатся в соседнем русском селе Соланцы.

Географически этот говор представляет собой отдельный островок, оторванный от основного массива западных диалектов

бурятского языка. Такое изолированное проживание, неизбежно влечет интенсивное контактирование с языками других народов. Так, В.И. Рассадин характеризует его как претерпевший наибольшее в сравнении с другими бурятами влияние тюрков и иных народов, которое определило его фонетическое своеобразие.

Нижнеудинские буряты оказались на этой территории в результате миграций монгольских кочевых племен, объединения, слияния нескольких племенных групп. По данным Г.Д. Санжеева, часть нижнеудинских бурят перекочевала на эти земли в XVII в. из Монголии [3]. По версии Рассадина в состав нижнеудинских бурят помимо монгольских родов вошли бурятские, тюркские, некоторые тунгусские, кетские и самодийские роды [2, с. 12].

Географическое положение оказывает влияние и на современное состояние этого говора. Будучи окруженным со всех сторон русскоязычным населением, он испытывает сильное влияние русского языка. Как результат молодежь и дети практически не знают родного языка. Также в личной беседе Г.А. Дырхеевой информанты рассказали о негласной языковой политике советского времени, которая предписывала не говорить по-бурятски с детьми, не учить их родному языку.

Состояние нижнеудинского говора в 70-е гг. XX в., когда проводились диалектологические экспедиции Рассадина, Дарбеевой, характеризуется как занимающее господствующее положение при общении в семье. Использование русского языка также имеет место, но лишь в ситуациях общения с незнающими родной язык, с иноязычными людьми. Присутствует смешение языков, вкрапления русских слов в бурятскую речь и – наоборот. Тот факт, что дети-дошкольники общаются в семье и между собой на родном языке, позволил Рассадину сделать предположение, что «нижнеудинский говор будет существовать еще долго» [2, с. 8].

Современные информанты отмечают, что в прежние времена не только бурятское население, но и приезжие русские и другие народности также говорили на бурятском языке. Среди приезжих упоминаются эстонцы, белорусы: *Ну, они тоже, видимо, родители-то переселенцы беларусууд али юугууд... Бурагаар зугаалдаг байгаа.*

Однако спустя 40 лет, состояние и перспективы этого говора выглядят не столь радужно. Как отмечает Г.А. Дырхеева в личной

беседе, молодежь 1990-х годов рождения и младше уже совсем не владеет бурятским языком. Лица постарше, хотя и указывают два родных языка, русский и бурятский, используют преимущественно русский язык во всех сферах, оставляя бурятскому языку лишь внутрисемейное общение со старшими родственниками. Владеющими исследуемым говором можно назвать лиц до 1970-х гг. рождения, которые застали период, когда было естественным дома, на улице, в общественных местах говорить на родном бурятском языке. Однако на сегодняшний день и они в основном говорят на русском языке, иногда включая бурятские слова и фразы в русскую речь:

Баабайнь буряад, а мамань мангад бэйгаа.

Каждый год ошонобди.

Ходила на гору собирала [голубицу], а потом кудэн жэл болоо ябаабэб.

Сестранинь в детдоме воспитывалась, а его буряадууд экэ болгоо.

У дедушки женань тоже была мангад.

Относительно фонетических особенностей нижеудинского говора Санжеев писал, что это не влияние тюркских языков, они привнесены сюда беженцами из Западной Монголии, которые сформировали основу современных нижеудинцев. Язык тех переселенцев Санжеев считает чем-то средним между ойратским и халха-монгольским [3]. Современные информанты также знакомы с этим преданием о прибытии на эти земли из Монголии, и также считают себя родственниками ойратов.

В.И. Рассадин же не считает возможным полностью исключить влияние тюркских языков на звуковой облик данного говора. Он считает, что влияние тюркского языка, а именно тофаларского, сыграло свою роль. Однако это влияние было не прямым заимствованием из тофаларского языка – оно выразилось в том, что характерные фонетические особенности нижеудинцев, такие как сохранение смычности у **q* и **k*, аффрикаты *j* и среднеязычный характер ее субститутов *дь*, *дж*, чередование *й* и *дь*, а также *h* и *к*, сохранились во многом благодаря поддерживающему влиянию тофаларского языка, в котором эти явления широко распространены. Эти особенности консонантизма В.И. Рассадин считает отголосками архаичности, сохранившимися во многом благодаря контактирующему языку тофаларов.

В вокализме нижеудинского говора В.И. Рассадин отмечает такой архаизм, как большое количество слов, сохранивших в первом слоге гласный *i без перелома. К особенностям, которые возникли сравнительно недавно, относятся опереднение твердых гласных под влиянием *i, а также развитие долгих опередненных монофтонгов или дифтонгов на месте сочетаний гласных с интервокальным й. Это характерно для западных диалектов вообще и сближает их с языком ойратов.

Предварительный анализ записей показал сохранение этих фонетических явлений в речи современных носителей нижеудинского диалекта.

Так, смычный k на месте *q и *k присутствует регулярно: *калуун* ‘жарко’, *каана* ‘где куда?’, *кул* ‘нога’, *зүркэн* ‘сердце’, *камчин* ‘рукав’, *кутурюулга* ‘сметанные калачики’;

сохранение в первом слоге гласного *i без перелома: *нидэн* ‘глаза’, *шидэн* ‘зубы’, *нимаан* ‘коза’;

развитие долгих опередненных монофтонгов или дифтонгов на месте сочетаний гласных с интервокальным й: *һäйн* ‘хороший’, *кäйш’и* ‘ножницы’, *бäйна* ‘стоит’.

Таким образом, изолированное проживание, оторванное от основной массы бурятского языка в иноязычном окружении наложило отпечаток на современное состояние нижеудинского говора. Исторически его фонетические особенности возникли в результате слияния монгольских племен ойратского типа с западными бурятскими родами и сохранились во многом благодаря сходным особенностям в контактирующем тюркском тофаларском языке. Современный говор сохраняет эти особенности, но в связи с общим состоянием этого говора требуется фиксация и подробный анализ его на всех уровнях. Этот материал позволит сохранить уникальные особенности самого продвинутого на запад бурятского диалекта.

Литература

1. Бураев И.Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья: сб. ст. – Улан-Удэ, 1988.

2. Рассадин В.И. Становление говора нижеудинских бурят. – Улан-Удэ, 1999.

3. Санжеев Г.Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят // Мат-лы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-Тувинской Народных республик и Бурятской АССР. – Л., 1930. Вып. 8.

Т. А. Азатбек,
*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, г. Астана*

Казахстан в системе образовательной миграции в ЕАЭС

Интеграционные процессы всегда сопровождаются усилением конкуренции на рынках, в том числе и за человеческие ресурсы. В условиях ЕАЭС она проявляется и в сфере науки и высшего образования, когда квалифицированные ученые, подготовленные абитуриенты устремляются туда, где созданы лучшие, более привлекательные условия для организации и проведения научных работ, обучения. Указанный эффект и наглядно проявляется в процессах экспорта образования, и параллельно способствует процессам «утечки мозгов». Это в конечном счете будет снижать конкурентные позиции Казахстана в самой важной стратегической сфере – человеческих ресурсов и их качестве.

Процессы интеграции Казахстана в ЕАЭС сопровождаются увеличением тенденций выезжающих для получения высшего образования (обучение по полному циклу, студенческие обмены и т.п.) и проведения исследований в страны-участники ЕАЭС. Значительное место в потоке уезжающих занимают молодые исследователи – кандидаты наук, PhD-докторы, как наиболее мобильная часть научного сообщества, что способствует процессу утечки умов. Со стороны экономически развитых государств процесс кадрового пополнения за счет прибывающих перспективных исследователей из третьих стран, которые остаются в стране в большей мере из числа обучавшихся там иностранных студентов (бакалавров, магистрантов, докторантов, интернов) стимулируется на государственном уровне. И хотя страны-экспортеры образования

декларируют в качестве гуманитарных целей общеизвестные категории «интернационализации образования», «распространения европейских/евразийских ценностей», в этих процессах на первый план выходят сугубо политико-экономические интересы.

В процессах экспорта образовательных услуг как высокодоходной отрасли с многомиллиардным оборотом имеется однозначное разделение субъектов такого рода экспорта на страны-импортеры и страны-экспортеры: более развитые страны принимают у себя больше иностранных студентов и талантливых исследователей, чем посылают за рубеж своих собственных студентов и научных работников.

Казахстанские вузы, научно-исследовательские организации, вне зависимости от форм собственности, ощущают на себе прессинг конкуренции и должны найти соответствующие институциональные решения, которые дадут возможность укрепить их позиции на научно-образовательном рынке. Важно при этом брать во внимание то, что все эти процессы представляют собой массовые миграционные потоки, которые априори не могут и не должны быть за пределами интересов и приоритетов государственной экономической политики Казахстана, и вне нормативных рамок, установленных для их регулирования.

По данным ЮНЕСКО, экспорт высшего образования станет в XXI веке одной из самых прибыльных отраслей в структуре экспорта товаров и услуг в ведущих «умных» экономиках, где знания являются основным фактором роста. Это высокодоходный рынок, измеряемый как миллиардами живых денег, так и отдачей долгосрочного характера, так как формирует в странах – «импортерах» абитуриентов когорту людей, воспитанную на ценностях страны, где они обучались, проводили свои исследования и т.п. Нужно принимать во внимание и сопутствующий эффект для страны, предоставляющей услуги научного и образовательного характера, – это многомиллионная статья доходов в экономику принимающей страны от проживания, питания, языковых и иных адаптационных курсов. Совокупный экономико-политический эффект от экспорта образования огромен.

Казахстан имел и продолжает иметь достаточные стартовые условия для повышения конкурентоспособности на рынке образования и быть более активно вовлеченным в процессы его экс-

порта, а в некоторых областях и определенные преимущества (полилингвизм основной части населения и научно-академического сообщества, 100%-ная грамотность населения, один из высоких в мире уровень скolarизации в высшем образовании, динамичное экономическое развитие, политическая стабильность, межэтнический мир и межконфессиональная толерантность, отсутствие ксенофобии, безопасность и мн.др.). Несмотря на это, республика за прошедшие годы не инвестировала вышеуказанное в экспорт образования на начальном этапе даже в государства Центральной Азии, хотя в культурном, языковом и ментальном плане это очень близкие нам страны. К сожалению, декларируя лидерство в Центральной Азии, Казахстан не стал лидером в рассматриваемой области, не став страной прибытия даже в своем регионе. Утрачены возможности в этом направлении за прошедшие годы. Есть отдельные прецеденты, но на массовом уровне этого не наблюдается. В Казахстане не учатся в массовом порядке и не работают талантливые ученые и высококвалифицированные специалисты государств Центральной Азии – Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана. А между тем, Казахстан заинтересован в миграции и привлечении из этих стран, прежде всего, высококвалифицированных кадров.

Россия на современном этапе рассматривает экспорт образования как часть своей внешнеэкономической политики, преследующей геэкономические и геополитические цели, разработав для этого соответствующий стратегический документ – «Концепцию экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011 – 2020 гг.»

Так, в указанной Концепции разработчики прямо указывают, что «укрепление международных позиций России..., обеспечение политического, экономического, информационного и культурного влияния за рубежом требуют включения всех имеющихся в распоряжении государства рычагов. Политика, направленная на интернационализацию и развитие экспорта российского образования, является важным инструментом реализации ключевых целей национальной политики».

Для привлечения абитуриентов из стран СНГ в Российскую Федерацию введено квотирование обучения. Все расходы по обучению в данном случае берёт на себя бюджет. Квота для приема

на обучение в высшие учебные заведения иностранных студентов в 2013-2014 гг была установлена на уровне 10 тысяч человек, в 2014-2015 гг. – 15 тысяч, а в 2015-2016 гг. увеличена до 20 тысяч. Из общей квоты на 2014-2015 учебный год около 10,5 тыс. мест было распределено Россотрудничеством и Минобрнауки России, на оставшиеся 4,5 тысячи мест отбор абитуриентов вели сами университеты через собственные конкурсы и олимпиады. На сегодня в России по бесплатной квоте обучается около 200 студентов из Казахстана [1] .

С 2009 г. действуют новые правила: иностранцы могут попасть в вузы РФ со своими школьными аттестатами. Российские вузы и техникумы обязаны принимать школьные аттестаты прибывших из стран СНГ абитуриентов, не требуя документов о признании аттестатов в РФ. По экспертной оценке, в российских вузах обучаются более 20 тыс. представителей казахстанской молодежи, или 5 % численности казахстанских студентов. У казахстанских выпускников средних школ предпочтение неизменно отдается престижным вузам Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных российских городов, особенно Омска, Новосибирска, Томска, Оренбурга. Здесь следует брать во внимание, что, в частности, Омск, Новосибирск, Томск, Оренбург расположены недалеко от границ Северного Казахстана, являются крупными научно-образовательными, культурными центрами. Научно-образовательные центры Омска, Новосибирска, Томска входили в состав Новосибирской АН СССР. Немаловажно, что казахстанская молодежь чувствует себя в Омске, Новосибирске, Томске, Оренбурге комфортно, так как в них имеются казахские диаспоры. Особенно большая казахская диаспора есть в Омске, который в дореволюционный период был неофициальной столицей Казахстана.

Российские вузы намерены активно развивать все формы экспорта образовательных услуг, которые в Концепции продефинированы следующим образом: «трансграничная поставка», то есть дистанционное обучение студентов в виртуальных университетах; «потребление услуги за рубежом» – обучение иностранных студентов в российских вузах; «коммерческое присутствие» – открытие филиалов университетов или кампусов за рубежом и, последнее, «перемещение физических лиц» – работа российских профессоров в иностранных учебных заведениях.

Активно в процесс экспорта включились и наши белорусские партнеры. Так, в продолжение реализации постановления Совета Министров Беларуси №1320 «О концепции развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2007-2010 годах» уже к 2015 году планировалось довести объемы экспорта образовательных услуг до \$61,66 млн., а за годы реализации госпрограммы – до \$186,68 млн. В 2006-2007 учебном году в Беларуси обучался 6741 иностранный гражданин. Из них 5543 – на условиях полной оплаты за своё обучение. 56% из общего числа иностранных учащихся являются гражданами дальнего зарубежья, а 44% – гражданами стран Балтии и СНГ [2].

В Республике Казахстан нет стратегических документов на средне- и долгосрочный период в виде концепций, программ по экспорту образовательных услуг. Отсутствует и казахстанская стратегия по продвижению и защите интересов нашего рынка высшего образования и науки. Не создана организация по пропаганде казахстанского рынка высшего образования за рубежом по типу British Council (Великобритания), EduFrance (Франция), DAAD (Германия), Института Конфуция (Китай), CIMO (Финляндия), IDP Education Australia (Австралия), NAFSA (США) и др. Экспорт образовательных услуг еще не стал одним из приоритетов образовательной политики Казахстана, хотя стоит в казахстанской повестке дня в условиях ЕАЭС.

На наш взгляд, главными и основополагающими причинами наблюдаемой инертности в сфере экспорта образования Казахстана являются:

- отсутствие национальной стратегии по экспорту образования, видением и планом действий на средне- и долгосрочный период, как результат недооценки геоэкономических и геополитических дивидендов этого вида деятельности (высокая доходность экспорта образования, кумулятивный эффект для других отраслей экономики, гуманитарная составляющая – формирование среди будущей интеллигенции зарубежных государств дружественных и лояльных к Казахстану людей, популяризация казахского языка, культуры, ценностей и традиций Казахстана, рост качества высшего образования, интернационализация образования, увеличение академической и исследовательской мобильности и др.);

- недостаточные объемы либо отсутствие финансирования комплекса мероприятий, необходимой инфраструктуры и кадров, когда Казахстан рискует стать для других государств «рынком сбыта» для предоставляемых ими экспортных образовательных товаров и услуг, страной отбытия для пассионарной и подготовленной молодежи;

- слабая координация деятельности всех ведомств и организаций, участвующих в этих процессах (МОН РК, МИД РК, Минюст РК, Академия наук, ФНБ «Самрук-Казына», ЦМП «Болашак», научно-технологические холдинги, вузы, акиматы и др.).

В свою очередь, слабая конкурентоспособность казахстанских вузов кроется в следующем:

- не отвечающее международным стандартам качество высшего образования, несоответствие программ обучения запросам экономики;

- низкий уровень воспроизводства научных и научно-педагогических кадров, в особенности PhD-докторов, старение исследователей (средний возраст – 55 лет). Основой воспроизводства научного интеллектуального потенциала в Казахстане является магистратура и PhD-докторантура, пришедшая на смену старой системе «кандидат наук – доктор наук». На данный момент в РК обучается около 500 PhD-докторантов. Однако даже запланированное в Госпрограмме развития образования РК к 2020 году увеличение количества докторов PhD до 2000 человек не решает проблемы, отсутствие современной системы эффективного управления, планирования и инфраструктурных решений в менеджменте высшей школы и научных организаций;

- избыточный уровень вмешательства государства, чрезмерный административный контроль;

- все еще невысокая оплата труда профессорско-преподавательского состава вузов и исследователей;

Таким образом, казахстанское образовательное пространство стало зоной геостратегических интересов ведущих стран мира. К ним относятся Россия, западные страны, Китай, Турция. В Северном Казахстане происходит отток выпускников общеобразовательных школ в российские вузы по привлекательным федеральным программам. В настоящее время фактически 50% уже обучающихся за рубежом – постигают науки (в том числе по программе науч-

ных стажировок «Болашақ») в российских вузах и научно-исследовательских центрах. Этому способствуют культурно-исторические связи обоих государств, знание русского языка. В этой конкурентной борьбе казахстанское образование имеет свои преимущества.

Литература

1. Музалёв А. А., Немчинова Т.С. Евразийская интеграция/ Евразийский юридический журнал № 1 (92), 2016.

2. Арефьев А.Л. Тенденции экспорта российского образования. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 240 с.

Е. С. Айталиев,

*ИЕНИ «Алгоритм» Западно-Казахстанского
государственного университета им. М. Утемисова,
Казахстан, г. Уральск*

Неповторимый послужной список

И до появления программы Президента страны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Республики Казахстан Н. А. Назарбаева «Народ в потоке истории» газета «Казахстанская правда» широко освещала тематику патриотического воспитания и тематику Победы в Великой Отечественной войне.

С глубокой душевной трогательностью читаем статьи Дарии Джумагальдиновой из Караганды «Гордились не особняками, а орденами» («Казахстанская правда», 12 марта 2010 г.); Галии Шимирбаевой из Алматы «Разговоров о войне он избегал...» («Казахстанская правда», 7 мая 2011 г.); Валерия Виденко из Костаная «Танкист уже прапрадед» («Казахстанская правда», 9 мая 2012 г.); Владимира Новикова из Жезказгана «Он был человеком долга» («Казахстанская правда», 19 мая 2013 г.) и др. – о суровой доле наших дедов и прадедов в годы Великой Отечественной Войны.

С распадом Советского Союза и образованием Содружества независимых государств часто слышим неформальные, а иногда неофициальные упрёки казахстанцев, что среди казахов нет вид-

ных военачальников, влиявших на ход войны, таких как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров и др., имевших блестящий военный послужной список.

Не является ли ответом на эти упреки жизненный путь и послужной боевой список генерал-майора технических войск Шакира Джексенбаева, прошедшего путь от рядового бойца, красноармейца-кавалериста до генерал-майора технических войск? Химика, стоявшего во главе химических соединений ряда фронтов в годы Великой Отечественной войны, руководителя данной службы Министерства обороны СССР. Наставника-преподавателя первых казахских военных учебных заведений, дослужившегося до начальника кафедры и факультета высших военных учебных заведений Советского Союза, где готовились специалисты и военная элита не только для стран СССР и Варшавского договора, но и всего мира.

Приведем краткий послужной список Шакира Джексенбаева:

- в 18 лет он курсант-джигит 1-го Советского образцового киргизского (казахского) конного полка;
- в 1919 году вместе с комиссариатом переведен в нашу столицу – г. Оренбург;
- в 23 года (1924 г.) окончил Военную Академию РККА и получил высшее военное образование;
- в 1925 г. – *начальник учебной части Объединенной Военной Школы имени ЦИК Казахской АССР (в столице Каз. АССР – г. Кызылорде);*
- в 1926 году – начальник строевого отдела Военного Комиссариата Каз. АССР;
- в 27 лет (1928 г.) – начальник штаба 110-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа;
- в 30 лет стал военным химиком, окончив в 1931 г. Высшие химические академические курсы РККА;
- 1930-31 г. – помощник начальника сектора военно-химического управления РККА (Минобороны СССР);
- в 31-34 года – командир-комиссар Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА) в Забайкалье;
- в 36-37 лет – майор, начальник химической службы 45-го стрелкового корпуса;
- в 1939-1940 гг. – полковник, начальник химических войск Северной армейской группы;

- в 1940-1941 г. – *командир курсантского батальона ПХО Калининского военного училища химической защиты РККА*;
- 1941 г. июнь – начальник отдела химической защиты Западно-го направления;
- 1941 г. – старший помощник начальника отдела химической защиты Центрального, а затем Брянского фронтов, представитель Генерального штаба по обороне г. Курска;
- в 42 года в 1943 г. присвоено воинское звание «генерал-майор технических войск»;
- до 1945 г. воевал в Полевом управлении 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов,
- с июля 1945г. – начальник отдела химической защиты Ленинградского военного округа;
- в августе 1945 г. – *начальник 2-го факультета Военной академии химической защиты имени К.Е. Ворошилова*;
- с апреля 1946 г. – заместитель по вооружению начальника Управления химического вооружения и снабжения, начальник химической службы сухопутных войск (Минобороны СССР), начальник отдела химической защиты Беломорского военного округа;
- май 1949 г. – *старший преподаватель военно-химического дела кафедры общей тактики и оперативной подготовки Военно-инженерной ордена Ленина Краснознаменной академии имени В.В. Куйбышева*;
- май 1952 г. – *начальник кафедры противохимической защиты Военно-инженерной академии*;
- февраль 1956 г. – *старший преподаватель Военно-инженерной академии*;
- с 1958 по 1962 г. – *командир-инструктор Московской городской школы ПВО ДОСААФ*;
- 1962-1963 – *преподаватель курса гражданской обороны кафедры специальной подготовки Московского ордена Трудового Красного знамени инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева*;
- 1963 г. – *старший преподаватель военной кафедры Московского автомеханического института*;
- 1964-1975 гг. – *начальник курса, старший преподаватель военной кафедры Московского завода-вуза при Московском автомобильном заводе им. И. А. Лихачева (ЗИЛ)*.

Таков краткий послужной список, боевой путь, педагогическая и наставническая деятельность генерал-майора технических войск, почетного гражданина Западно-Казахстанской области и прекрасного человека Шакира Джексенбаева. Хотя нетрудно понять, что за каждой датой, каждой строкой, каждой должностью стоит большая, системная кропотливая работа, огромный труд.

Ниже приводим сравнительный послужной список первых казахов военачальников (из энциклопедических источников).

Список казахских военачальников (приложение)

9 апреля 2008г. в Москве в Посольстве Казахстана состоялась презентация двухтомного издания «Казахи в России», где от имени авторского коллектива выступил Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Казахстан в Российской Федерации Нуртай Абыкаев, который отметил: «Казахстанцы гордятся тем, что в среде политической элиты, творческой интеллигенции и в научных кругах России имена выдающихся соотечественников... В России сложились и получили известность целые династии. С Россией связали свою судьбу достойные представители казахского народа: Шакир Джексенбаев, первый советский генерал-казах, и его сын – ученый-микробиолог, доктор медицинских наук Олег (Ерик) Джексенбаев...».

Шакир Джексенбаев скончался 23 февраля 1988 года в день Советской (Красной) армии, был верен присяге и посвятил всю свою жизнь военному делу.

В этом же году родился внук генерала, и его прабабушка Нина Ивановна Джексенбаева в честь деда назвала его Шакиром. А вот что писала «Казахстанская правда» 14 сентября 2013 г. (стр. 10): «Как известно, женами духовных лидеров нации начала XIX века были русские. Оставили они о себе добрую память, сполна разделив трагическую судьбу мужей. Елена Севостьянова – жена Алихана Букейханова, Мария Горина – Мустафы Шокая, Ольга Колосовская – Жаханши Досмухамедова, Александра Журавлева, нареченная Бадрисафой, – Ахмета Байтурсынова... Все они приняли фамилию мужа».

Приняла фамилию мужа и Нина Ивановна Джексенбаева, а также ее сноха Вера Александровна Джексенбаева.

Курсивом отмечена научно-педагогическая работа Шакира Джексенбаева, ведь он стоял у истоков организации военных учеб-

ных заведений в Казахстане, еще тогда, когда его столицей были г. Оренбург и г. Кызылорда.

Кто из казахов мог быть начальником факультета, заведующим кафедрой высших военных учебных заведений мирового уровня? Даже будучи в отставке, Шакир Джексенбаев был наставником, преподавателем в учебных заведениях, на предприятиях оборонного характера.

Вот поэтому студенты и магистранты, профессорско-преподавательский состав Актюбинского университета им. С. Баишева 21 января 2013 г. обратились к Министру обороны Республики Казахстан г-ну А.Р. Джаксыбекову; Региональная общественная организация «Казахская национально-культурная автономия» Москвы (Каз НКА Москвы) 27 февраля 2013 г. обратилась к Руководителю администрации Президента Республики Казахстан г-ну К.К. Массимову и к Государственной ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан; Республиканское общественное объединение «СОВЕТ ГЕНЕРАЛОВ» 9 апреля 2012 г. – к Государственному секретарю РК г-ну Кул-Мухаммед М.А. с просьбой **о присвоении имени генерал-майора технических войск Шакира Джексенбаева** высшему военному учебному заведению Министерства обороны РК – военному институту сухопутных войск или военному институту радиоэлектроники и связи.

Думается, что положительное решение данного вопроса явится свидетельством той реальной работы, которая предусмотрена соглашением об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств-участников Содружества независимых государств в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, принятым Главами государств СНГ 3 сентября 2011 года в г. Душанбе, а также данью памяти тем, кто внес свой вклад в свободу и независимость наших стран и народов.

Дивизионный комиссар Курмангалиев Рамазан Курмангалиевич (1894 – Урдинский р-н ЗКО – 1937г.).

1918г. в рядах Красной Армии.

Окончил курсы по подготовке кав. командиров, Оренбург 1920 г.

Джетысууский, Сырдарьинский, Уральской, Букеевской губ. Военных территорий. Управления.

Окончил Ленинградскую военно-полит. акад.

1932-1933г. Нарком Социального обеспечения КазССР.

1 секр. райкома партии юж. Казахстанск, Кзыл-Ординском обл. суде Верх. суде КазССР.

Генерал-майор Джексенбаев Шакир Джексенбаевич (1901 г. – Букеевская Орда – 1988г. Москва).

Ханско-ставочное высшее начальное училище.

Курсант-джигит 1-го Советского образ. Киргиз (каз полка) Урда, Оренбург.

1924 г. окончил Военную академию РККА, высшее военное образование нач. уч. части воен. школы (Кызылорда).

Нач. стрелкового отдела военного комиссариата КазССР г. Кызылорда нач. штаба, высшее военно- химического Управления РККА

Майор. Командир-комиссар ОКДВА в Забайкалье.

Полковник. Нач. химических войск Северной армейск. группы курсантского батальона Калининского военного училища.

Генерал-майор. Полевое управление, 2-Прибалтийский Ленинградские фронта нач. 2-го факультета Военной академии им. К.Е Ворошилова.

Нач. хим. службы Министер-ства обороны СССР нач. кафедры военно-инженерной академии имени М.В. Фрунзе.

Ст. преподаватель военно-инженерной академии.

Командир-инструктор Московской городской школы ПВО ДОСААФ.

Преподаватель курса гражданской обороны кафедры спец. подготовки Московского военно-инженерно-го института им. В.В. Куйбышева.

Генерал-майор Рахимов Сабыр Умарович (1902 г. – Юж. Каз. Обл. – 1945 г. Ташкент).

1925г. окончил воен. училище в Баку.

Ген-майор. Акад. Ген. штаба

Командир дивизии

**К. А. Асаналиева,
С. М. Трофимова,**
*КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста*

**Вопросы лингвистической систематики
пословиц и поговорок с зоонимами
в русском и киргизском языках**

Любое лингвистическое исследование единиц языка обращается к их систематике. Частотность употребления не составляет исключения при разработке русских пословиц и поговорок с названиями животных, что позволяет нам сгруппировать их по частотности.

Частота определяется разными уровнями: высокочастотность, среднечастотность, низкочастотность. При этом каждая из них определяется в текстах своими стилями и жанрами – как художественного, публицистического, так и научного или разговорного. В научных исследованиях частоту использования можно проследить по данным письменных источников или же опросу информантов. Анализ частотности применения пословиц помогает определить отношение к фразеологическим единицам. Также частотность пословиц и ее анализ могут быть отдельной целью, так как ее данные применяются для сравнения с использованием в речи языковых средств художественной выразительности.

Особенности, которые человек приписывает животным, могут иметь совпадение в разных языках, а могут и существенно отличаться. То, что корпус частотных пословиц и поговорок очень подвижен, можно объяснить тем, что это происходит и благодаря активности применения подобных примеров в СМИ, которые вводят их в оборот. В материалах художественных и публицистических текстов пословиц и поговорок по частотности употребления встречается сравнительно немного. Но вместе с тем результат исследования выявляет, что частота употребления отдельных пословиц действительно очень велика, что примечательно следующими особенностями: временным использованием пословицы, возможностью её трансформации, условиями употребления, полом и воз-

растом причастных к эксперименту, а также географическими особенностями. В работе над подобной темой необходим постоянный поиск и уточнения результатов исследования, так как современные коммуникационные ресурсы постоянно обновляются и расширяются.

Функционально-содержательный анализ в свою очередь приводит исследователя к классификации русских пословиц с названиями животных по функции в тексте. Такой анализ дает возможность определить многозначность пословиц, расширяя представление о сфере их применения. Пословицы широко применимы в материалах разных стилей и жанров и имеют свою смысловую насыщенность. К примеру, в любых публицистических текстах (с политической, юридической, экономической направленностью) или в рекламных текстах с различной тематикой, например, о животноводстве, птицеводстве и т.д., а также большей частью в художественных текстах выступает как изобразительно-выразительное средство. Так, например, образ волка в русской пословице замещается образом другого животного в киргизской пословице, образ собаки замещается образом медведя. И все же, может быть, тюрки, типичными представителями которых являются киргизы, воспринимают поведение животных как-то иначе. Может быть, образы животных в русской и киргизской и шире – тюркской культурах разные? Об этом писали отдельные авторы [1; 2].

Чтобы найти ответы на данные вопросы, обратимся к поговоркам и пословицам, отталкиваясь от содержательных параллелей и совпадений, в то же время попытаемся найти и различия. Определимся еще раз с понятиями: поговорка, пословицы и фразеологизмы, поскольку последние функционально очень близки к объекту нашего доклада.

Главным отличием пословицы от поговорки является то, что пословица всегда представляет собой законченное, самостоятельное, зачастую рифмованное предложение и отражает глубокую народную мудрость, выражающуюся в ее нравоучительном характере. Поговорка же представляет собой предложение, как правило, незаконченное, поучительностью не отличается, а лишь является ярким, образным выражением, зачастую с символическим смыслом.

Использование поговорок делает речь говорящего существенно более красноречивой. Поговорку (в отличие от пословицы) всегда легко перефразировать. Например: Раскрой глаза! Покупка есть покупка! На ловца и зверь бежит (близкая по заложенному смыслу русская пословица).

У каждого народа есть свои собственные пословицы и поговорки, которые составляют важную часть национального культурного наследия. Многие пословицы в русском и киргизском языках имеют одинаковую суть, которая, однако, может передаваться совершенно разными словами ввиду того, что в основе пословицы лежат разные ассоциации. Однако не у всех существующих пословиц имеются точные или близкие соответствия в других языках, поскольку история развития каждого народа индивидуальна, а пословицы и поговорки отражают многовековую народную мудрость и, как правило, легко запоминаются. Древнерусское слово «пословица» было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и вообще согласие, мир. Одним из значений было и «краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция». Различия между пословицей и поговоркой не делалось, но с течением времени эти термины стали различаться достаточно чётко.

Патриарх русской лексикографии В.И. Даль выразил это принятое уже в его время разграничение лапидарно и ярко. Монументальный труд В.И. Даля «Пословицы русского народа» [3] подобрал в себя свыше 30 тысяч паремий, отражающих крестьянское восприятие жизни в эпоху до отмены крепостного права. В предпосланном к книге предваряющем слове неутомимый собиратель поясняет, что за пословицами и поговорками, этой «ходячей монетой», надо идти туда, где они ходят, — в народ, поскольку в образованном и просвещённом обществе пословицы нет, а попадают лишь слабые, искалеченные её отголоски. Так, например, для обычной двучленной пословицы типично два главных смысловых ударения в каждой части. В двучленной пословице в большинстве случаев особенно важна вторая часть, так как в ней высказывается мысль, составляющая информационную суть пословицы, а в первой части называется предмет суждения или говорится об условии действия, причине явления. Пословицы, которые не удовлетворяют вышеперечисленным условиям, почти не употребительны в качестве заголовка, например, пословица *«Козел платит кожею и бороною, а виноватый — своей головою»* низкочастотна и достаточно громозд-

ка, вследствие чего практически не имеет способности к трансформации.

Употребление пословицы и поговорки в различных позициях как в начале, так и в конце текста применимы реже, чем в позиции заголовка, что связано со сложностями в построении словесных конструкций, где начальная позиция пословицы имеет важность для раскрытия темы, а конец текста – определенный вывод, резюме статьи. Для более подробного описания пословиц с названиями животных в качестве эпиграфа потребуется больше времени и применение других методов анализа, но на сегодняшний день такое использование редко.

Литература

1. Абдиев К.Б. Этнокультурный аспект пословиц и поговорок в тюркских языках. Бишкек, 2001.
2. Абдуллаев С.Н. Пословицы и поговорки в синтаксическом пространстве. Структурно-семантические модели простого предложения. Бишкек, 2004.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х томах. М., 1989.

Д. Н. Бадгаева,
магистрант МГУ им. М.В. Ломоносова;
С. Р. Сохацкая,
магистрант НИУ-ВШЭ
Россия, г. Москва

Математическая модель влияния смены имени мигранта на его заработок

Трудовая миграция, как внутренняя, так и внешняя, стала сегодня частью международных экономических отношений. Из одних регионов и стран в другие устремляются мощные миграционные потоки, что порождает определенные проблемы, связанные как с самими мигрантами, так и с принимающим социумом.

Одним из первых шагов иммигрантов к ассимиляции в новом социуме является стремление приблизить свои имена к име-

нам окружающего населения посредством их антропонимической трансформации [1; 2]. На практике иммигранты, сменившие имена, в среднем получают больше иммигрантов, не менявших своих имен. Возникает вопрос: изменится ли существенно доход иммигранта, если он сменит свое имя на местное или нейтральное?

В докладе будут проанализированы базовые теоретические подходы, характеризующие степень дискриминации на рынке труда, и на их основе разработана математическая модель.

Для объяснения нынешнего положения мигрантов на рынке труда необходим анализ социокультурных факторов, который предполагает экономико-социологический подход, предложенный Г. Беккером, который определил суть своего научного поиска как «экономический подход к социальным вопросам» [4].

В своем исследовании мы собираемся частично использовать подход Беккера. Предположим, что у работодателя возникают некоторые издержки из-за найма иммигранта. Эти издержки связаны с тем, что иммигранты плохо владеют языком страны, в которую приехали, более того, они могут плохо разбираться в культуре и неформальных правилах этой страны. Такие проблемы могут не прямо, но косвенно влиять на доход работодателя. В процессе работы незнание языка и различных неформальных правил может вызвать массу проблем и непонимание между работником и работодателем. Различия культур могут плохо сказаться на работоспособности и атмосфере в коллективе работников.

Последнее предположение соответствует основной идее, высказанной в статье «Гордость и предубеждение: использование этнически звучащих имен и межэтнических браков для выявления дискриминации на рынке труда», в которой показано, что дискриминация может осуществляться и на основе этнического признака, помимо влияния образования, возраста, пола и других переменных [5].

Тем не менее, скорее всего разные иммигранты создают разные издержки для работодателя. Иммигранты, хорошо владеющие языком и хорошо знающие культуру данной страны (назовем их высоко интегрированными в общество данной страны), доставят меньше проблем на работе и, соответственно, будут предпочтительней для работодателя, чем другие иммигранты. Однако, нанимая на работу иммигранта, работодатель вряд ли знает, как сложатся взаимоотношения с этим иммигрантом. Иначе говоря, параметр интегрированности в данное общество работодателю не известен.

Вместо работодателя также может быть рассмотрен потребитель услуги, которую оказывает иммигрант. Потребитель также будет нести издержки из-за культурных различий. Он предпочитает потреблять услуги местных работников и, соответственно, готов платить им больше, нежели иммигрантам.

Иммигрант может сменить имя на местное или нейтральное. При изменении имени иммигрант несет некоторые издержки, которые могут быть связаны с разными факторами, которые описаны в работе «Американизация имен мигрантов и ее экономическая отдача» [3]. Во-первых, это процессуальные издержки: в большинстве стран, чтобы сменить имя, человек должен обратиться в специальные органы, что влечет потерю времени, материальные и моральные издержки. Во-вторых, может появиться потеря полезности в связи с тем, что прежнее имя больше нравилось иммигранту или лучше соответствовало его культуре. В-третьих, неизбежно возникают издержки, связанные с потерей статуса в обществе людей из его родной страны. Так как иммигранты в чужой стране часто образуют коммуны, в которых они поддерживают соплеменников, то потеря статуса в такой коммуне может сильно повлиять на полезность индивида.

Предположим также, что издержки от смены имени будут меньше у тех иммигрантов, которые лучше интегрированы. Если индивид хорошо знает язык, принимает культуру новой родины, то он будет легче воспринимать новое имя, которое больше соответствует данной культуре, чем его прежней культуре. К тому же у него будут меньше издержки от потери статуса среди соплеменников, так он сможет лучше интегрироваться в местное общество. Таким образом, высокоинтегрированные индивиды несут меньшие потери в связи с изменением имени и легче меняют свои имена.

При некотором соотношении параметров мы получим разделяющее равновесие, при котором более интегрированные иммигранты будут менять свои имена на местные, демонстрируя работодателю, что они высокоинтегрированные и что работодатель понесет меньше издержек при их найме. Из-за конкуренции на рынке труда и из-за того, что иммигранты, сменившие имена, будут приносить работодателю больший доход, чем другие иммигранты, работодатель будет устанавливать для иммигрантов с местными именами

большую зарплату. Менее интегрированные иммигранты оставят свои прежние имена, если издержки на смену имени будут больше потенциальной выгоды, то есть больше разницы между зарплатами двух групп иммигрантов.

В итоге мы получаем модель, в которой смена имени является сигналом работодателю, что иммигрант высокоинтегрирован в данное общество и принесет меньше издержек работодателю в процессе работы.

Обозначим предпосылки модели:

- взаимодействуют два агента: работодатель или потребитель услуги иммигранта и иммигрант;

- работодатель может взаимодействовать либо с иммигрантом, либо с коренным жителем, от этого взаимодействия он получает некоторый выигрыш — h , одинаковый в обоих случаях;

- иммигранты бывают двух типов — высокоинтегрированные ($t_i = 1$) и слабоинтегрированные ($t_i = 0$), доля высокоинтегрированных среди всех иммигрантов — p ;

- работодатель несет некоторые издержки при найме иммигранта — d_i , которые зависят от типа иммигранта: работодатель несет меньше издержек при найме высокоинтегрированных иммигрантов

$$d_i = \begin{cases} d_l, & t_i = 1 \\ d_h, & t_i = 0 \end{cases}$$

где $d_h > d_l$;

- иммигрант может изменить свое имя на местное или нейтральное, обозначим $e = 1$, если у работника местное или нейтральное имя и $e = 0$ — в другом случае;

- при изменении имени иммигрант несет какие-то издержки — c_i , которые также различаются в зависимости от типа иммигранта: издержки у высокоинтегрированных иммигрантов меньше, чем у слабоинтегрированных

$$c_i = \begin{cases} c_l, & t_i = 1, e = 1 \\ c_h, & t_i = 0, e = 1 \end{cases}$$

где $c_h > c_l$;

- за работу или услугу работодатель платит некоторую зарплату, причем работодатель может различать три типа работников: местные (m), иммигранты с местными именами (l) и иммигранты с другими именами (h), выплачивая разным работникам разную заработную плату — w_m, w_l, w_h ;

- у иммигрантов есть альтернативная полезность — \bar{u} , положим $\bar{u} < h - d_h$, т.е. альтернативная полезность иммигранта меньше полезности работодателя от найма слабоинтегрированного иммигранта;

- работодатели нейтральны к риску.

Далее рассмотрим два варианта: монополию и совершенную конкуренцию.

Если на рынке труда мы имеем совершенную конкуренцию, то выигрыш работодателей от найма любого работника будет равен нулю. Если выигрыш работодателя при найме работника определенной категории ниже, чем при найме работников из других категорий, то работодатель не станет нанимать работников этой категории. Это приведет к снижению спроса на данную группу работников и снижению их заработной платы. Зарплата таких работников будет снижаться до тех пор, пока выигрыши работодателей от найма любых работников не будут равны. Если же выигрыш работодателя оказывается больше нуля, то на рынок приходят новые работодатели. Это увеличивает предложение на труд и зарплаты работников до тех пор, пока выигрыш работодателя не станет равным нулю.

Равновесия в модели:

I. Разделяющее равновесие: высокоинтегрированные иммигранты меняют свои имена, а слабоинтегрированные не меняют.

Выигрыш высокоинтегрированных иммигрантов:

$$U(t = 1, e = 1) = w_l - c_l$$

Выигрыш слабоинтегрированных иммигрантов:

$$U(t = 0, e = 0) = w_h$$

Выигрыш работодателя от найма иммигранта с местным именем:

$$\pi(e = 1) = h - w_l - d_l$$

Выигрыш работодателя от найма иммигранта с другим именем:

$$\pi(e = 0) = h - w_h - d_h$$

Работодатель максимизирует свою функцию выигрыша, предлагая работникам разные контракты:

$$\pi = h - w_h - d_h \rightarrow \max_{w_h}$$

$$\pi = h - w_l - d_l \rightarrow \max_{w_l}$$

Вывяим условия, при которых иммигранты каждого типа примут предназначенные для них контракты:

- условия участия:

$$U(t = 1, e = 1) = w_l - c_l \geq \bar{u}$$

$$U(t = 0, e = 0) = w_h \geq \bar{u}$$

- условия самоотбора:

$$U(t = 1, e = 1) \geq U(t = 1, e = 0) \quad w_l - c_l \geq w_h$$

$$U(t = 0, e = 0) \geq U(t = 0, e = 1) \quad w_h \geq w_l - c_h$$

Получаем систему неравенств:

$$\left\{ \begin{array}{l} w_l - c_l \geq \bar{u} \\ w_h \geq \bar{u} \\ w_l - c_l \geq w_h \\ w_h \geq w_l - c_h \end{array} \right\}$$

Преобразовав эту систему, получаем:

$$w_h \geq \bar{u}$$

$$c_l + w_h \leq w_l \leq c_h + w_h$$

Если на рынке один работодатель, то он является монополистом. Максимизируя прибыль, работодатель будет устанавливать минимально возможную зарплату w_l и w_h , а именно $w_l = c_l + w_h$ для любого значения w_h . На зарплату иммигрантов с неместными именами остается только одно ограничение: $w_h \geq \bar{u}$.

Следовательно, в этом случае зарплаты будут равны:

$$w_h = \bar{u}$$

$$w_l = c_l + \bar{u}$$

Если на рынке труда имеет место совершенная конкуренция, то выигрыши работодателя при найме работников всех трех типов должны быть равны нулю.

$$h - w_l - d_l = h - w_h - d_h = h - w_m = 0$$

$$w_m = w_l + d_l = w_h + d_h = h$$

Возможно несколько случаев:

1. Если

$$c_l + w_h \leq w_l \leq c_h + w_h$$

$$c_l + h - d_h \leq h - d_l \leq c_h + h - d_h$$

$$c_l - d_h \leq -d_l \leq c_h - d_h$$

$$d_h - c_h \leq d_l \leq d_h - c_l$$

$$c_l \leq d_h - d_l \leq c_h,$$

действует разделяющее равновесие. Работодатели нанимают работников всех типов. Зарплаты работников равны их производительности:

$$w_m = h$$

$$w_l = h - d_l$$

$$w_h = h - d_h$$

2. Если

$$c_l + w_h > w_l$$

$$c_l + h - d_h > h - d_l$$

$$d_l > d_h - c_l,$$

высокоинтегрированным иммигрантам невыгодно менять имена, и мы переходим в объединяющее равновесие.

3. Если

$$c_h + w_h < w_l$$

$$c_h + h - d_h < h - d_l$$

$$d_l < d_h - c_h.$$

слабоинтегрированным иммигрантам выгодно поменять имена. Если все иммигранты меняют имена, работодатель не может их различить, сигналы не выполняют свою функцию — переходим в объединяющее равновесие.

II. Объединяющее равновесие: никто из иммигрантов не меняет имя.

w_e — зарплата иммигранта.

Ожидаемый выигрыш работодателя при найме иммигранта:

$$E\pi = h - w_e - Ed = h - w_e - (pd_l + (1 - p)d_h)$$

Ожидаемый выигрыш работодателя при найме местного жителя:

$$E\pi = h - w_m.$$

Совершенная конкуренция — выигрыши равны.

$$h - w_m = h - w_e - (pd_l + (1 - p)d_h) = 0$$

$$w_e = w_m - (pd_l + (1 - p)d_h)$$

$$w_m = h$$

$$w_e = h - (pd_l + (1 - p)d_h)$$

Заметим, что при переходе в объединяющее равновесие зарплата местных работников не меняется. Зарплата высокоинтегрированных работников падает:

$$h - (pd_l + (1 - p)d_h) < h - d_l$$

$$pd_l + (1 - p)d_h > d_l$$

$$d_h > d_l.$$

А зарплата слабоинтегрированных растет:

$$h - (pd_l + (1 - p)d_h) > h - d_h$$

$$pd_l + (1 - p)d_h < d_h$$

$$d_h > d_l.$$

При этом высокоинтегрированным иммигрантам выгоден переход в разделяющее равновесие, если их выигрыш после перехода возрастет:

$$h - d_l - c_l > h - (pd_l + (1 - p)d_h)$$

$$d_l + c_l < pd_l + (1 - p)d_h$$

$$\frac{c_l}{1 - p} < d_h - d_l$$

Иными словами, разница между издержками найма двух групп иммигрантов больше минимальных издержек смены имени, умноженных на некоторый мультипликативный коэффициент $\frac{1}{1-p}$, показывающий структуру групп иммигрантов на конкретном рынке. Так, если доля высокоинтегрированных иммигрантов растет, то разница между издержками найма иммигрантов должна быть больше, чтобы рынок труда находился в разделяющем равновесии.

Литература

1. Arai Mahmood, Thoursie Peter Skogman. Renouncing Personal Names: An Empirical Examination of Surname Change and Earnings. *Journal of Labor Economics*, 2009, 27. Pp. 127–147.
2. Arai Mahmood, Thoursie Peter Skogman. Giving up foreign names: An empirical examination of surname change and earnings. *Working Paper*, 2007, 1, Stockholm University Linnaeus Center for Integration Studies.
3. Biavaschi Costanza, Giulie Corrado, Siddique Zahra. The Americanization of Migrants' Names and its Economic Payoff. *Institute for the Study of Labor*, 2013.
4. Gary S. Becker. *The Economics of Discrimination*. Chicago, University of Chicago Press, 1971. 178 p.
5. Rubinstein Yona. Pride and Prejudice: Using Ethnic-Sounding Names and Inter-Ethnic Marriages to Identify Labour Market Discrimination. *Review of Economic Studies*, 2014, 81, 389–425.

Бытовая сказка калмыков в свете миграционной теории

Миграционная теория (теория заимствования, теория «бродячих сюжетов») объясняет сходство фольклора у разных народов передвижением, перемещением – миграцией – поэтических произведений из одной или нескольких стран в другие. Данная теория получила широкое признание в эпоху интенсивного становления мировых культурных связей во второй половине XIX века.

Основные положения этой теории сформулированы в трудах разных ученых, но принято считать, что начало ей положил немецкий филолог Т. Бенфей, издавший в 1859 г. «Панчатантру» с обширным исследованием, в котором пришел к выводу, что большое число сказок и рассказов распространилось по всему свету из Индии [4, с. 220].

Среди отечественных ученых, занимающихся данной теорией, следует отметить А.Н. Пыпина, В.В. Стасова, В.Ф. Миллера, а также А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Б.Н. Путилова. Последователи этой теории занимались изучением сказок, эпоса, пословиц и обрядовой фольклористики. В отличие от мифологов, которые занимались проблемами происхождения фольклора, представители теории заимствования рассматривали и объясняли его дальнейшую судьбу. Согласно теории «бродячих сюжетов», фольклор любого народа рассматривался как результат взаимодействия разных культур. С течением времени миграционная теория определила предмет своего исследования, который заключался в выяснении взаимных культурно-исторических связей разных народов. Но при этом были четко определены условия, при которых заимствования представлялись возможными: предполагалась встречающая среда с мотивами или сюжетами, сходными с теми, которые привносились извне [4, с. 221]. При этом следует отметить, что именно благодаря миграционной теории в науку был введен огромный текстовый материал. Однако она имела свои недостатки: при рассмотрении фольклорного наследия ученым приходилось опери-

ровать формально-схематичными, примитивными и односторонними сравнениями сюжетов и мотивов. Кроме того, сторонники миграционной теории объясняли сходство произведений сугубо культурно-историческими влияниями, отрицая при этом возможность типологического сходства явлений мировой художественной культуры. В то же время представители так называемой антропологической школы считали, что типологические особенности (единообразное развитие культуры и прогресса от первобытности до цивилизации) независимо от расовых и религиозных предрассудков являлись основополагающими при обнаружении близости и подобия произведений разных народов [4, с. 221].

Задачей этой небольшой работы является определение международных сказочных сюжетов в бытовой сказке калмыков. В фольклорной традиции калмыков бытовая сказка именуется как «бьяцин тууль». Жанр сказки в калмыцком фольклоре в некоторых случаях можно определить по ее названию, по обозначению имени главного сказочного персонажа. Так, главный герой богатырской сказки имеет титулы: «хан», «эринсян» – лучший из мужей, «баатар» – богатырь, «мерген» – меткий стрелок. Герои бытовых и комических сказок охарактеризованы именами неопределенной этимологии – Кедея (непереводимое), Ухр (Ложка), Саак (тот же самый). Иногда в названиях бытовых сказок упоминается возраст персонажей: кевун – мальчик, кююкн – девочка, эмгн овгн хойр – старик со старухой; профессиональная принадлежность героя: захсч – рыбак, анһуч – охотник, зарһч – судья. Наиболее изученной бытовой сказкой является сюжет о мудрой девушке – *Цецен кююкн*. Данный сюжет входит в репертуар сказителя Санджи Бутаева, причем известны два сюжета под номером 400 «Жена ищет исчезнувшего мужа» и под №875 «Семилетка» [2, с. 43-49].

И.С. Надбитова приводит свою классификацию бытовых сказок. К первой группе относятся сказки о мудрецах, верных и неверных женах, ко второй – сказки о ловких ворах, хитрецах и глупых людях. Перед фольклористами стоит задача составления «Указателя мотивов и сюжетов калмыцкой сказки», в том числе и бытовой. Исследователями изучены следующие сюжеты бытовых сказок – АТ 875 – Мудрая жена, о ловких ворах – АТ 1525.

В сказочной традиции калмыков также получил развитие сюжет о ловких ворах (АТ 1525).

Женские персонажи в калмыцких бытовых сказках отличаются особой активностью, хитростью и мудростью. В сказке «Рыбак» жена, чтобы вдоволь наесться, хитростью завладевает припасенной мужем рыбой. В этом коротком повествовании жена рыбака коварна, а рыбак глуп. Кроме того, жена рыбака выступает здесь в амплуа «ловкого вора». Сюжеты о ловких ворах распространены в калмыцком фольклоре.

В.Т. Сарангов к сюжетам о ловком воре относит популярную калмыцкую сказку о Сеняке, который хитрым путем забирает имущество трех братьев. Сказка состоит из цепи эпизодов, где герой самостоятельно или с помощью волшебных предметов достигает желаемого [6, с. 55-56].

Данный сюжет сохранился в тексте калмыцкого героического эпоса «Джангар», связан с подвигами юных богатырей Хошун Улана, Хаара Джилгана и Аля Шонхора, которым Джангар поручил взять в плен враждебного богатыря Бадмин Улана. Трое юных богатырей отправляются в сторону восхода солнца, чтобы выполнить поручение. При первом посещении дворца юный богатырь Хошун Улан выступает в роли ловкого вора. Превратившись в плешивого неказистого человечка, он проникает во дворец и крадет из кухни варившуюся к ужину ногу трехлетней кобылицы, чтобы накормить спутников. Но ему приходится самому съесть добычу, «крупные кости выбрасывая изо рта, мелкие кости выталкивая через нос», ибо за ним гнался повар, который все-таки догнал его и привел к Бадмин Улану. В ответ на жалобы повара находчивый богатырь сказал, что он не смог бы съесть целую ногу так быстро. Приближенные Бадмин Улана согласились с таким доводом и обвинили повара. Бадмин Улан же был поражен хитростью юного богатыря и пожаловал ему богатое одеяние, водку и лошадиную ногу. С этими дарами Хошун Улан прибывает к друзьям и устраивает богатырский пир. При втором посещении дворца Хошун Улан сначала превращается в желтую ядовитую змею, а затем, приняв богатырский облик, берет в плен Бадмин Улана и доставляет его живым Джангару. Сказочное воровство осуществляется благодаря хитроумию, а также с помощью волшебных превращений. Ловкую кражу лошадиной ноги Хошун Улан совершает в образе «лысого паршивца», путем временной потери богатырских качеств.

Главными героями сказок о хитрецах и простаках (АТ 1539) выступают также старик со старухой. Они, как правило, обладают

каким-либо домашним животным. Чтобы разбогатеть, они продают путникам своего невзрачного коня, убедив покупателей, что он испражняется золотом. Путники обнаруживают обман и хотят проучить хитрецов, но погибают. В этой сказке старуха – лишь верная помощница старика. Но в других сюжетах она – самостоятельный персонаж, принимающий решения. В сказке «Вещая свиная голова» старуха вынуждает старика работать, лстя ему: «мужчина рождается со многими способностями». Глупый старик обнаруживает возле юрты припасенное старухой масло и радуется, затем находит кольцо, учится предсказаниям у свиной головы. Образ старухи в этой сказке отчасти схож с образом неугомонной героини пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Впрочем, в эпилоге калмыцкой сказки старик и старуха обретают долгожданное счастье. Композиция таких сказок несложна – старуха дает задания своему глупому старику, а тот, спеша их выполнить, совершает комические действия, путает предметы и их названия и в результате бывает осмеян старухой или даже съеден волками. В некоторых сказках высмеивается скупость старика и старухи, живущих по этой причине вдалеке от людей, на отшибе. Хан посылает четырнадцатилетнего мальчика разузнать об их жизни. Мальчик путем разных уловок обманывает их и забирает у них мешок еды. За это хан жалуется ему сто кибиток. Женские персонажи в калмыцких бытовых сказках отличаются особой активностью, хитростью и мудростью. В сказке «Рыбак» жена, чтобы вдоволь наесться, хитростью завладевает припасенной мужем рыбой. В этом коротком повествовании жена рыбака коварна, а рыбак глуп [3, с. 3-38].

В этике калмыков одним из основополагающих норм является почитание старшего поколения. Фольклорист Ж.Г. Тхамокова, рассматривая вопрос архетипичности кабардинской сказки «Сын с тобой поступит так же, как ты поступал с отцом», отмечает, что «в указателе латышских сказок дано 54 варианта этого типа; в восточнославянском – 14 (рус. – 3, укр. – 9, белор. – 2)» [7, с. 56].

Б.А. Берберов исследовал проявление данного архетипического сюжета в карачаево-балкарской сказке [1, с. 213-217].

Сюжет №981 АА бытует в репертуаре калмыцкого сказителя Санджи Манджикова [8, с.67]. Данный сюжет бытовой сказки также обосновывает новую правовую норму, по которой не следует убивать престарелых родителей, как тем, что они являются носи-

телями мудрости и опыта, так и тем, чтобы молодым избежать подобной участи в будущем. В калмыцкой сказке мальчик не оставляет своего престарелого отца на старой кочевке. Старик преодолевает долгий путь к новой кочевке в ящике, куда его спрятал втайне от всех его сын. Люди, прибыв на новую кочевку, благодаря советам старика, нашли воду. Сказка имеет счастливый финал: «Тогда хан приказал своему албату следующее: «Если так случилось, нельзя жить без стариков. Вернемся на свою прежнюю кочевку и привезем стариков». Перевезли стариков, соединились все, стали жить вместе. После объединения ханский албату опять тронулся в путь, достигли прекрасной кочевки, где росла густая трава и деревья. Стали они жить счастливо, полной жизнью».

Изучение калмыцкой бытовой сказки является одной из важных задач калмыцкой фольклористики, которое требует дальнейшего комплексно-текстологического исследования, в том числе Указателя сюжетов и мотивов.

Литература

1. Берберов Б. А. Почему стариков не стали изгонять (сравнительно-типологический анализ одного архетипического мотива) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2015.
2. Биткеев Н. Ц. Калмыцкие сказки Санджи Бутаева // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1977.
3. Борджанова Т.Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / пер., предисл., коммент. Басанговой Т.Г. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.
4. Миграционная теория // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. М. Кожевникова и П. Николаева. М., 1987.
5. Надбитова И.С. Бытовые сказки калмыков // Гуманитарная наука Юга России: Международное и региональное взаимодействие. Элиста, 2011. Ч. 2.
6. Сарангов В.Т. Калмыцкое народное поэтическое творчество. Сказки: учеб. пособие. Элиста, 1998.
7. Тхамокова Ж.Г. Адыгская бытовая сказка (Сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик, 2014.
8. Хальмг туульс.2 боть. Элст, 1968.

И.М. Болдырева, Б.Б. Горяева,
*Калмыцкий научный центр РАН,
Россия, г.Элиста*

**Фольклорные материалы
из архива Кольдонга Соднома (США)***

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-14-08006*

Образ жизни, культура и трагическая история калмыков издавна привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей. Известный русский художник, путешественник, писатель, общественный деятель Н. К. Рерих (1874–1947) писал: «Странна судьба калмыков. Народность рассеяна самым непонятным образом: в Китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край, торгоуты — Карашар, хошуты — Джунгарию, ойраты — в Монголии, дамсоки — в Тибете. Калмыцкие улусы также рассыпаны по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга» [6, 180].

Со времени написания этих строк российские калмыки пережили две революции, гражданскую и отечественную войны, депортацию, которые в конечном итоге привели к тому, что еще одна часть калмыцкого народа эмигрировала сначала в Европу, а затем в США.

В 1925 г. была создана Калмыцкая комиссия культурных работников, основное ядро которой составили представители интеллигенции, получившие образование в царской России: Б. Н. Уланов, С. Б. Баянов, Ш. Н. Балинов и С. Б. Балыков.

Члены Комиссии производили записи фольклорных материалов в среде калмыцких эмигрантов, вели обработку письменных источников, осуществляли переводы произведений с русского и других языков. «Несмотря на тяжкие условия эмигрантской жизни, у немногих культурных работников донских калмыков в эмиграции явилось непреодолимое желание спасти кое-что из произведений духовного творчества своего народа, закрепив их на бумаге и снова сделав их достоянием народа и основой дальнейшего развития национальной культуры» [11]. Подготовленные членами

Комиссии материалы были опубликованы ротاپринтным способом в пяти номерах журнала «Хонхо». Первый выпуск «Хонхо» был издан в сентябре 1925 г. «Выпуск настоящей Калмыцкой Хрестоматии в скромной деятельности Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч.С.Р. является величайшим (национально-культурным) событием и моральным оправданием существования и работы Комиссии», – написано в предисловии к первому изданию председателем Комиссии Б. Н. Улановым [11].

К моменту переезда в середине 1950-х гг. основной массы калмыцкой эмиграции из Европы в Америку из представителей интеллигенции, стоявшей у истоков Калмыцкой Комиссии Культурных Работников, в живых практически никого не осталось. Кольдонга Содном (Кульдинов Содном) относится ко второму поколению калмыцкой эмиграции, родившемуся в России, но выросшему и получившему образование в Европе. Благодаря его усилиям была продолжена традиция собирания и сохранения фольклорного наследия в эмиграции.

Кольдонга Содном родился в 1911 г. в хуторе Эльмота Денисовской станицы Сальского округа Донской области. В 1920 г. родители Соднома вместе с беженцами оказались в Крыму, а затем – в эмиграции [8]. Содном учился в Донском кадетском корпусе, в 1924 г. был переведен в Русскую реальную гимназию, где директором был кубанский казак Сушков, преподававший русский язык в классе Соднома. В 1931 г. Кольдонга Содном окончил гимназию в Праге и вернулся в Югославию к родителям.

В 1936 г. он поступил в Белградский университет на ветеринарный факультет, где был единственным калмыком среди 160 студентов-первокурсников. Также он был одним из семерых, кому удалось достичь выпускного курса и получить диплом. До 1945 г. Содном трудился ветеринарным врачом. После переезда в Америку, недолгое время поработав по специальности, стал простым рабочим на фабрике.

В юношеском возрасте Содном, пристыженный и уличенный посторонним человеком в незнании истории своего народа, дал себе зарок – всё свободное время посвятить самостоятельному изучению истории и культуры монголов. Свободное владение английским, немецким, русским языками, глубокое знание родного языка и зая-пандитской письменности способствовали нахожде-

нию наиболее важных, по его мнению, материалов, содержащих интересные сведения о языке, истории и культуре монголов.

В Америке, несмотря на занятость, он часто посещал библиотеки Рутгерского и Принстонского университетов и библиотеку города Нью-Йорка, отличавшиеся богатой коллекцией книг по истории ойратов и монголов на русском языке. Все это нашло свое отражение в его двух больших работах исторического содержания «Контуры ойратской истории», «Судьба донских калмыков» и ряде статей различного содержания. Кольдонга Содном, продолжая традицию старшего поколения эмигрантской интеллигенции, по крупицам собирал устное народное творчество своего народа. В 1977 г. он ротатипным способом издал свою первую книгу «Хальмак туульис». В 1978 г. вышла в свет вторая книга «Halimak ülgermüd ba tuulis. Kolldonga Sodmon oršiba».

В содержание двух сборников вошли калмыцкие сказки, пословицы, образцы литературы буддизма, а также статьи по тем или иным вопросам истории, языкознания, литературы и эпоса «Джангар», написанные на русском языке. Фольклорные тексты, собранные и опубликованные исследователем Кольдонга Содномом, впервые изучены Т. Г. Борджановой [3, с.44–47]. Исследование письменных памятников религии, переведенных им с санскрита на русский язык, вызывает большой интерес у ученых-буддологов Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН [5, с.132–134]. Среди опубликованных текстов прежде всего следует выделить те фольклорные произведения, которые не нашли отражения в известных изданиях образцов фольклора калмыцкого народа. В первой книге «Хальмак туульис» опубликован стихотворный текст сказочного содержания под названием «Сохочин эмгн» («Старуха Сохочин»). К сожалению, имя информатора не указано, отмечено лишь, что текст записан у старой калмычки. Следует также обратить внимание еще на одну особенность по отношению к текстам из этих сборников. Все они в той или иной мере были подвергнуты автором публикации определенной обработке, в том числе и текст под названием «Сохочин эмгн»: «Хальмг тууль нег эмгн келсиг темдглж авлав. Ода терүг даршлад келж бичв» [12, с.4–7].

Текст «Сохочин эмгн», с одной стороны, образец сказочного жанра, с другой – это не сказка в обычном понимании. По содержанию текст близок к небылицам, наполнен своеобразной иронией, игрой слов. Сюжет построен на конфликте старухи и хана по вине

нечестных чиновников. Повествование начинается в форме эпического пролога героических сказаний. Главная героиня произведения старуха Сохочин, соорудив седло из обрезков кожи, уздечку – из обрывков кожаного ремешка, вооружившись шестидесятисаженным камышовым копьем, иссохшим деревянным мечом, оседлав желтую слепую козу, выезжает на битву с первым встречным.

Сохочин эмгн

Сохр саарл ямата бээж.

Сур олсар хазар кенэд,

Сэрсн некэнэр эмэл кенэд,

Хулсн жидэн бэрэд,

Хумха модн үлдэн авад,

Харһсн хамгларн хорлго һар бэрлдхэр

Ямаһан мордад һардг бээж.

Добычей старухи становится молоко, надоенное ею у пауков и тараканов, из которого она сбивает соответственно десять и двадцать брюшин масла на зиму.

Ардан өмэрэн довтлад,

Аралжн нуһуд түүж авад,

Өмтэхн үсинь сааһад,

Арвн гүзэ тос авдг санж.

Хооран өмэрэн довтлад,

Хорха нуһуд түүж авад,

Хөөрмг үсинь сааһад,

Хөрн гүзэ тос авдг санж.

Переход к конфликту связан со сменой природных сезонов. Всю зиму, когда большинство животных впадает в спячку, Сохочин пьет вкусный чай, заправляя сметаной. Весть о богатой старухе доходит до хана, который вследствие зимней бескормицы остается без молока к чаю. Хан дважды посылает к ней своих слуг с просьбой прислать ему масло. Старуха щедро делится с ханом, дав как первому, так и второму посланнику хана по две брюшины масла. Оно оказывается таким вкусным, что, попробовав его, слуги съедают его, а хану объявляют о том, что старуха скупа. Разгневанный хан собирает войско, чтобы наказать жадную старуху.

Кульминация сюжета – битва старухи Сохочин с бесчисленным войском хана. Она представлена в ироничном ключе в подражательной манере битвы богатырей героических сказаний. Воору-

жившись соломенной пикой и деревянным мечом, она выезжает навстречу войску хана на слепой рыжей козе. С помощью волшебных предметов она обретает несметное войско и побеждает хана.

*Сохочин эмгн сохр саарл ямаһан унад,
Солом жидән бәрәд,
Модн үлдән авад,
Мөртә цергин өмнәс мордад һарна.*

*Жидән сажәд окхла,
Жирн миңһн церг һарад ирнә,
Үлдән далдад окхла,
Ова-шова церг һарад ирнә.*

Возможно, что в образе старухи Сохочин сохранились отголоски древних представлений о Матери-Земле (Этуген эке), созидательнице и хранительнице домашнего очага и благополучия. Присутствует и определенная перекличка с образом Сохочин из «Сокровенного сказания монголов». Старуха Сохочин выступает не слабой и немощной старухой, а бесстрашной воительницей. В отличие от дев-воительниц калмыцких сказок, она не облачается в мужские боевые доспехи и не имеет коня – мудрого советчика и помощника [7, с. 118–121]. Таким образом, «Сохочин эмгн» («Старуха Сохочин») представляет собой уникальный и редкий образец определенного вида произведений калмыцкого фольклора.

Среди опубликованных в «Хальмак туульис» материалов следует выделить еще один текст, которого нет ни в одном из известных изданий калмыцкого фольклора, при том что сюжет о «Синем волке, рыскающем по ночам» («Асхар гүүдг көк чон») достаточно широко известен в фольклоре монголов Китая. По сообщению самого Кольдонга Соднома, он слышал этот сюжет в детстве и переложил его на бумагу по памяти. Произведение «Асхар гүүдг көк чон» аллегорично и может быть отнесено к сказкам о животных. В нем повествуется о лошади, которая застряла в болоте и выбралась оттуда с помощью волка, которого она перехитрила. В определенной мере этот сюжет перекликается с текстами старописьменной монгольской (в том числе и ойратской) литературы жанра «уг» [2, с. 68–69].

В первую книгу также вошла известная калмыцкая кумулятивная сказка «Богшадан түүдкр» («Подстрекательство воробья»), которая неоднократно публиковалась в различных сборниках сказок, а также в виде отдельной книги для детей.

Во вторую книгу Кольдонга Соднома «Halimak ülgermüd ba tuulis. Kolldonga Sodmon oršiba» вошли более четырехсот калмыцких пословиц [Halimak ülgermüd 1978] и сказка «Цецн күүкнэ тууж». Им дана история происхождения двух пословиц «Арһтань ар уулын белд, арһ угань арнэл зeerдин сээр деер уята болдг» – «Умные достигают высот Алтая, а неумные остаются связанными на крупе аранзала Рыжко». Происхождение этой пословицы, по словам информанта, связано с историей, произошедшей с волками. В поисках добычи старый опытный волк, поранивший лапу, решил со стаей молодых волков пробраться в табун. По дороге хромой волк предупреждает: «Будьте осторожны, собаки сразу же учуют волчий запах и возьмут след. Когда они начнут лаять, проснутся люди и пустятся за нами в погоню. Нужно знать, куда бежать». Внезапно раздался собачий лай, люди стали стрелять из ружей. Хромой волк повернул назад и, взобравшись на одну из гор, остался жив. Большая же часть молодых волков, бежавших по равнинной местности, стала добычей людей. Тогда-то уцелевшие волки и сказали: «Умные достигают высот Алтая, а неумные оказываются связанными на крупе аранзала». Другой вариант происхождения этой пословицы записан у информанта А. Боджукова в сказке «Бөк пааль». В отличие от первой в данном повествовании несколько изменена вторая часть пословицы: «Арһтатн ар уулын белд, арһ угатн ардг кеерин сээрт эм эмэн зуулһта». Женщина, хорошо знавшая приметы лошадей, предложила сыновьям избавиться от быстроногого гнедого, но те отказались. В нужный момент гнедой не смог взобраться на вершину горы. Женщина, поднявшись на белоснежную вершину горы на своей лошади, сказала: «Умные достигают высот Алтая, а неумные на крупе необъезженного гнедого в затруднительном положении» [НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1].

Другая пословица «Алтн толһа менд болхла, арсн махн хойр күцх мөн» («Была бы золотая голова цела, а мясо и кости нарастут»). По мнению информанта, эту фразу произнесла вошь. Человек, обнаружив на себе раздувшуюся от крови вошь, придавил ее. Из раздавленного живота брызнула кровь. Вошь сказала: «Была бы золотая голова цела, а мясо и кости нарастут». Таща свое брюхо, она нашла другого человека и поселилась на его теле.

К калмыцким сказкам, отличающимся иносказательной формой, относится «Цецн күүкнэ тууж» («Повесть о мудрой девушке»), она построена на мотиве трудных загадок и мудрых ответов

[1, с.28]. В сказках такого типа мудростью часто обладает девушка или девочка (мальчик). Варианты аналогичного сюжета известны по репертуарам сказителей Санджи Бутаева [4], Санджи Манджиева [10], а также Н. К. Тюрбеева, Л. А. Адудова [НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1].

По поводу происхождения слова «халимаг» существует ряд версий. В народе бытуют различные варианты происхождения этнонима, основанные на созвучных калмыцких словах. Например, А. Ш. Кичиков связывал этноним «халимаг» («стремительный») и предполагал, что ранее ойраты употребляли его в качестве самоназвания «хальмг өөрд» («стремительные ойраты») [9, с.35–36]. Изучив работы О. Латтимора, Г. Рамстедта, П. Паласса и других ученых, Кольдонга Содном предлагает свою версию возникновения слова «калмык». По его мнению, «халимак» не могло быть заимствованным словом. В калмыцком языке имеются два близких по звучанию глагола, которые различаются по произношению гласного звука в первом слоге. В одном из них звук является долгим, протяжно выговаривающимся *хаали* ‘таять, размягчаться, растаять’. В первом слоге другого глагола короткий гласный звук произносится «хали» от *хальх* – летать, парить, взлетать. Таким образом, название «летающие калмыки», «стремительные калмыки», вероятно, связано с тем, что калмыки всегда славились боевым духом, были прекрасными воинами, лихими наездниками, не сходящими с коня в течение нескольких суток. Некий духовный подъем у ойратов связан со знаменательным событием, произошедшим в 1449 г. Под руководством Эссен-хана огромная армия минского Китая была разбита ойратами, был пленен китайский император, который в знак своего высокого сана носил головной убор с красной кисточкой. С того времени ойраты стали называть себя «халимаками» и носить на шапках красную кисть как знак особого отличия.

Калмыцкий народ пронес через века и поколения эпос «Джангар», в котором передан уникальный мир духовной культуры народа. Вспоминая детство, Содном описывает впечатление о сказителе эпоса: «Все к нему относились с уважением и почтением, были в восторге от рецитации сказителя, даже мурлыкали под нос некоторые абзацы, подхваченные ими от пения сказителя» [Архив Кольдонга Соднома]. Внимательно изучив архивные материалы, он пытается установить дату и место создания эпоса «Джангар».

О бережном отношении к родному языку свидетельствуют замечания, сделанные Кольдонга Содномом к тексту песен «Джангара», изданного в 1960 г. Он указал на недостатки грамматического, а также стилистического характера, допущенные по вине редактора и корректора. Также указываются частая тавтология, отсутствие рифмы в некоторых песнях, перестановка абзаца, непоследовательность текста и нелогичность в повествовании, в результате которых теряется истинный смысл песен эпоса.

Кольдонга Содном оставил в наследство замечательные образцы устного народного творчества и свои научные исследования, которые продолжают вызывать интерес у исследователей и любителей народной словесности.

Источники

Архив Кольдонга Соднома.

НА КИГИ РАН – Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Ф. 16. Оп. 1.

Литература

1. Басангова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.: ил.

2. Бичеев Б. А. Жанр «уг» в калмыцкой литературе 1930-х гг. // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература): тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1999. – С. 68–69.

3. Борджанова Т. Г. Фольклор калмыцкой диаспоры // Проблемы современного калмыковедения: сб. науч. тр. Элиста: АПП «Джангар», 2011. – 232 с.

4. Буутан Санжин туульс. Сказки Санджи Бутаева. Кн. 1. Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. – 308 с.

5. Музраева Д. Н. К проблеме исследования буддийской литературы у калмыков в XX – начале XXI в. Известия Волгоград. гос. пед. ун-та, Волгоград, 2011. – С. 132–134.

6. Рерих Н. Цветы Мори; Пути Благословения; Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. - С. 180.

7. Сарангов В. Т. Девы-воительницы калмыцких сказок // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. – С. 118–121.

8. Содном Кульдинов (Кольдонга Содном) // Богшархинский аймак и богшархинцы: краткие исторические очерки / авт.-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 256 с.

9. Формирование калмыцкого этноса // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. – 568 с. (Народы и культуры).

10. Хальмг туульс. Народные калмыцкие сказки / отв. ред. М. Э. Джимгиров. Запись и сост. Бембеевой А. Ц. Т. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 266 с. (на калм. яз.)

11. Хонхо. Калмыцкая хрестоматия. Вып. I. Ржевнице: Изд. ККР в ЧСР. 1925. – С. IV.

12. Хальмак туульс. Түрүн дектер. Кольдонга Содмон орши-ва. New Brunswick NJ, USA, 1977. – 22 с.

13. Halimak ülgermüd ba tuulis. Kolldonga Sodmon oršiba. New Brunswick NJ, USA, 1978. – 34 с.

Б. Х. Борлыкова,
Калмыцкий научный центр РАН;
Э. У. Омакаева,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, Элиста

**Калмыцкие музыкальные инструменты
как артефакты материальной и духовной культуры
тюрко-монгольских народов
(на материале эпоса «Джангар»)***

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 16-24-03005 а(м)*

В последние годы вопросы, связанные с миграцией традиционных музыкальных инструментов, появлением альтернативных форм в современной культуре Евразии, вызывают особый интерес у исследователей.

Настоящая статья посвящена обзору традиционного музыкального инструментария калмыков как феномена этнической тради-

ции, характеристике музыкальных инструментов в этноисторическом контексте в сопоставлении с корпусом музыкальных инструментов тюрко-монгольского мира. В современном народном музыкальном инструментарии тюрко-монголов достаточно много общих черт, прослеживаемых и в конструктивных особенностях, и в названиях инструментов.

Историческая судьба калмыцкого народа отразилась и в его музыкальной культуре, в частности инструментальной. Инструментарий отражает сложный исторический путь становления и эволюции музыкальной культуры калмыков, а также взаимодействия и взаимовлияния с соседними народами, например, казахами [8]. Одни инструменты сохранились на протяжении длительного времени, другие свидетельствуют о культурной миграции. На протяжении всей истории существующие инструменты модифицировались, усовершенствовались или создавались новые, заимствовались у соседних народов.

Музыкальные инструменты являются одновременно артефактами материальной и духовной культуры. Как отмечают исследователи, «инструмент является чрезвычайно важным фактором понимания исторических процессов формирования музыкальной терминологии и музыки в целом, так как он сам единственный «документ» и материальный след этой музыки. Отсюда и особая ценность его как источника познания прошлого – истории, культуры, вековых музыкальных традиций народа» [13, с.3].

Традиционные музыкальные инструменты калмыцкого народа с этнографической точки зрения описывались П. С. Палласом [1809], Н. А. Нефедьевым [1834], П. И. Небольсиным [1852], И. А. Житецким [1893], А. М. Позднеевым [1880] и др., в искусствоведческом плане исследовались музыковедами М. Л. Тритузom [1965], Н. Л. Луганским [1987], Г. Ю. Бадмаевой [1999], К. В. Кутушовой [2001].

На основе известной системы Э. Хорнбостеля и К. Закса (по источнику звука и способа его извлечения) [15, с.229-261] калмыцкие музыкальные инструменты классифицируются на *духовые* (аэрофоны), *струнные* (хордофоны), *мембранные* (мембрафоны) и *самозвучащие* (идиофоны).

И. А. Житецкий в этнографическом труде «Очерки быта Астраханских калмыков» (1893) отмечает: «Вообще нужно заметить, что

калмыки любят музыку, почти все они играют на «домбре», и к ним начинают проникать и русские инструменты – *скрипка* (‘скрыпка’), *гармония* (‘гармонь’); пришлось встретить в степи калмыков даже *рояль* (‘роель’), *аристон*, *музыкальный ящик*» [3, с. 32].

Несколько позднее публикуется книга Н. Л. Луганского «Калмыцкие народные музыкальные инструменты» [1987], в которой автор дает не только профессиональную классификацию калмыцких музыкальных инструментов, но и представляет ориентировочные составы оркестров и ансамблей.

В 1999 г. Г. Ю. Бадмаевой было издано учебное пособие «Калмыцкая музыка в контексте культур Азии», где на основе изучения полевого, этнографического, музейного, архивного, лингвистического и других материалов реконструируется комплекс традиционного музыкального инструментария калмыков. В этой работе приведена сравнительная таблица основных музыкальных инструментов, имеющих хождение в Калмыкии, Бурятии, Монголии, Тибете, Китае, Казахстане, Киргизии, Туве.

Ценные сведения о музыкальном инструментарии можно найти в богатейшем устном народном творчестве калмыков. Так, в калмыцком героическом эпосе «Джангар» встречаются следующие названия традиционных музыкальных инструментов: *цур*, *бишв*, *бишкур*, *бүрә*, *дуң*, *гангдн*, *домбр*, *товшур*, *ятх*, *хур*, *кеңкрғ*, *хоңх*.

Перейдем к характеристике отдельных видов и классов музыкальных инструментов. Ярким представителем *аэрофонов* (духовых инструментов, источником звука которых является столб звука, заключенный в канале ствола инструмента) является *цур* (духовой инструмент наподобие флейты) [11]. Необходимо заметить, что в имеющихся терминологических и иных словарях перевод номинаций инструментов, относящихся по сути к так называемой безэквивалентной лексике (поскольку являются обозначениями реалий музыкальной культуры монгольских народов (монголов, калмыков, ойратов), вызывает заметные трудности.

По сути *цур* – это продольный инструмент с тремя (пятью) игровыми отверстиями, изготавливаемая из светлого дерева (например, сандала) или из стеблей зонтичных растений (например, подсолнечника). Длина инструмента составляет приблизительно 50–60 см. Используется как аккомпанирующий и солирующий инструмент. Под этот инструмент исполняются такие монгольские

музыкальные произведения, как «Алтайин магтаал» («Восхваление Алтая»), «Балчин хээр» («Гнедой Балчина»), «Жороо морины явдал» («Иноходь») и др.

В одной из песен калмыцкого эпоса «Джангар» («Эср Улан Хоңһр Догшин Шар Маңһс хааг эмдэр кел бэрж авч иргсн бөлг») есть такие строки:

*Хаврин шар хулснд өндгелсн
Көгшин шар толһата хун
Өрин шар гегэнлэ өндгн деерэн
Өндәһэд доңһдгсн дууни дуута,
Хол зандн **цууриһән**
Миңмг улан урл деерэн авад,
Арвн цаһан хурһарн
Алдл уга нүкинь дарад,
Эмтн эс меддг
Арвн әңг дууг дуулн татв.*
Пение его подобно голосу желтоголового лебедя,
Поющего на заре,
Приподнимаясь над яйцами,
Снесенными в весенних желтых камышах,
Приставив к своим прекрасным алым губам
Длинную флейту свою из сандала,
Десятью своими белыми пальцами
Безошибочно перебирая лады,
Он играет и поет десять мелодий,
Неведомых людям.

В другой песне «УТ ЦАҺАН МАҢҺСИГ БОГД ЖАҢҺР ДӨРӨЦҮЛГСН БӨЛГ» другой инструмент – раковина *дуң*– используется в сравнении: *Дуң цаһан шүднь* ‘Как раковина, белые зубы его’.

К ударным инструментам мы относим *мембранофоны* и *идиофоны*. В первую группу входят ударные инструменты, источником звука которых является натянутая мембрана. Вторая группа представлена инструментами, источником звука которых является материал, из которого сделан инструмент или его звучащая деталь.

Группа *хордофоны* включает инструменты, источником звука которых является натянутая струна. Речь идет о домбре – доминанте музыкального инструментария калмыков.

Приведем пример из эпоса «Джангар» (песня «ШАР БИРМС ХААНА ДУУНИ НЕРТӨ ДУУЛХ, ДОВТЛХЛА ЦӘКЛДГ ҮЛД ХОЙРИГ ХОҢҢРИН АВЧ ИРСН БӨЛГ»):

Тавн наста

*Таңсг Герл күүкн **домбриг** цоквл,*

Талван Герл көвүн лугин тавшад бишвл.

Зурһан наста

*Зууни Герл күүкн **домбриг** цоквл,*

Зулван Цецн көвүн

Лугин тавшад бишвл.

Пятилетняя девочка

Тангсак Гэрел

Играет на домбре,

Зууни Гэрел играет на домбре,

А мальчик Зулван Цэцэн,

Притопывая, пляшет.

Наряду с домброй и цуром в эпосе встречаются другие инструменты – хур (наподобие скрипки) и *ятх* (наподобие арфы).

*Эн **хуурин** дун,*

Эн домбрин айс,

Эн хойр көвүнә дун.

Эти звуки хура,

Эти мелодии домбры,

Это пение двух молодцев.

В одной из песен калмыцкого эпоса «Джангар» («Әср Улан Хоңһр Догшн Шар Маңһс хааг әмдәр кел бәрж авч иргсн бөлг») хур упоминается вместе с *ятхой*:

Унгсн мөрнәннь

Бәрм эс күрх делнь

Барун бийдән унж,

*Бадм **ятхин** дун жіңнв,*

Бәр талк сувсн мөңгн сүүләснь

***Хуур ятхин** дун жіңнв.*

Грива его верхового коня,
Которую не обхватить,
Свесилась на правую сторону,
И раздался от ее разведения звук ятхи.
А со стороны алмазно-серебристого хвоста
Донесся звук хура и ятхи.

В другой песне «УТ ЦАҢАН МАҢҢСИГ БОГД ЖАҢҢР
ДӨРӨЦҮЛГСН БӨЛГ» лексема **ятх** употребляется как самосто-
ятельно, так и в сочетании со словом **цур**:

*Гунхн наста Шавдл
Найн хойр бернтә,
Нээмн миңһн чивһцтә
Нэрхн шар алтн **ятх**
Арвн цаһан хурһндан авв.
Дорк долан бернд
Дуутын оln шастр жиңнүләд авв.*

Юная Шавдал-хатун
В свои десять белых пальцев
Брала тонкую золотую ятху
О восьмидесяти двух ладах,
О восьми тысячах струн,
На нижних семи ладах
Многозвучные шастры-величанья сыграла она.

*Миңдин цаһан толһата
Эрк Тугин көвүн
Эрвр Зүүгин Миңъян
Шар алтн **цуурар**
Алтн **яхтин** айс
Алдл уга дахв.
Цуур ятх хойрин айс
Алдл уга дахлцв.*

Звучанию золотой ятхи
Безошибочно, в лад вторил
На своем хуре из желтого золота

Эрбер Зюгийский Мингъян,
Эрке Туга сын,
Владелец горы Минг,
И звуки цура и ятхи
Слитно, в согласии звучали.

Игре на домбре посвящен ряд калмыцких песен. Приведем примеры из сборника «Сто калмыцких песен» [16]:

Шарлдан Гавн

*Эркэр, гинэ, өссн Ноһан, гинэ,
Ёңсгсн домбртнь орулад цокад бээнэ.
Ёңсгсн домбртнь орулад цокад бээхнь,
Эңкр ах билэ гинэд, орулад цокад бээнэ. [83]*

Байрин дун

*Жиңсн дуута домбртнь гинэ
Жирн жилдэн нерэдэд келжэ бишлэв.
Жирн жилдэн нерэдэд келжэ бишлхнь,
Жирһлин тускар келжэ бишлэв.*

*Харһа модн домбрнь гинэ
Хавчн бэрэд цокдг билэ,
Хальмг би-ду хэлэх дутман сээхн бээж,
Соңсх дутман соньн бээж.*

*Көндэ дуута модн домбр гинэ
Көгинь орулад цокхла,
Көшин бичкн дунд һурвн
Коммунизм гидгтэн жирһх болтха [107].*

Аакин күүкн Котуш

*Долан бернтэ домбрнь гинэ
Дордын хотн дунднь күүкнэд бээнэ.
Долдан Дольган Аакин күүкн Котуш
Дуран тгнэв гижэ, дахжэ һарад бээнэ.*

*Зурхан бернтә домбрнь гинә,
Зуурк захин хотнд күңкнәд бәәнә.
Зург болсн Аакин күүкн Котуш
Зүркн мини туслң гинәд, дахад һарад бәәнә.*

*Харһа иштә домбринь гинә
Харһа басин үүднднь эҗиңнәд бәәдмб?
Хар улан Котуш күүкн гинә,
Харһа басин үүднд харһад күүндәд бәәнә.*

*Гедгр иштә домбрнь гинәлә
Герин тал дунднь күңкнәд бәәдмб?
Генн баһ Аакин күүкн Котуш
Гергн болх талан шилтн дурлад бәәв.*

*Ут гинә домбринь гинәлә
Уульңц дунднь күңкнәд бәәдмб?
Улан-шар Аакин күүкн Котуш
Уульңцаснь, уульңцаснь дахад һарад бәәв. [109-110]*

Булһн

*Күңкнүләд цокдг домбрин айстнь
Күзүһән суңһж келж-бишләд йовлав,
Күзүһән суңһж келж-бишләд йовхларн,
Күүкн Булһнднь келж йовлав. [111]*

Шин айс

*Жиңнич, эҗиңнич домбрм
Жирһлтә айсар күңкнич,
Жирлзсн ке чивһцән,
Жирлһн мет чичрүлич.*

*Бергн, сәәнәр цокит,
Бернән алдлго дарит,
Бичкн дүүтн босад,
Бишләд дуулад өгнәв.*

*Цокад орксн айснь
Ца-цааһан күңкнэ
Цоорхаһар шаһажасн сарнь
Цээһэд улм герлтнэ.*

*Шар сарин герлд
Шавшад духуцн тег
Шивэҗңсн домбрин айст
Шилвкэд, дээвлэд одв. [114]*

Сравнительное изучение музыкальных инструментов различных народов (в том числе народов Центральной Азии, в первую очередь, монголов и тюрков), между которыми существовали тесные культурные связи, должно носить комплексный характер с привлечением археологических, исторических, фольклорных, литературных, этнографических и лингвистических источников. В числе наших дальнейших неотложных задач мы видим создание Атласа калмыцких народных музыкальных инструментов.

Литература

1. Бадмаева Г. Ю. Калмыцкая музыка в контексте культур Азии: Вып.1. Музыкальные традиции буддизма; Вып. 2. Музыкальный инструмент в культуре калмыков и народов Азии: учеб. пособие / кафедра истории зарубежной музыки Московской Государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М., 1999. 48 с.
2. Борлыкова Б.Х. Калмыцкая музыкальная терминология: Монография. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 176 с.
3. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1881-1886 гг. Репринтное издание с 1893 г. Элиста: Калмыцкая картинная галерея, 1991. 73 с.
4. Кутушова К. В. Евразийский ренессанс музыкальной культуры калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 125 с.
5. Луганский Н. Л. Калмыцкие народные музыкальные инструменты. Элиста: Калм. кн. изд., 1987. 63с.
6. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса (в пер.). СПб.: Типография Карла Крайта, 1852. 180 с.
7. Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках (в пер.). СПб.: Типография Карла Крайта, 1834. 286 с.

8. Омакаева Э.У., Бадгаев Н.Б. Калмыки (ойраты) в инструментальной музыке казахов // Инструментальная музыка народов Поволжья, Урала и Сибири (по полевым и архивным материалам). Докл. и сообщ. Всесоюзной конф. Йошкар-Ола, 1989. С. 25-27.

9. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. Импер. Ак. наук, 1809. 773 с.

10. Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. Спб.: Типография Императорской академии наук. 1880. 376 с.

11. Содгэрэл Т. Пастушечья флейта цуур в традиционной культуре Западной Монголии // Культура онгоязычных народов в глобализирующемся пространстве. Мат-лы Междунар. науч. форума (Элиста, 24–27 октября 2012 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 172 с.

12. Содгэрэл Т. Музыкальный инструмент цуур в традиционной культуре Западной Монголии // Обсерватория культуры. 2012. № 6. С. 84-89.

13. Субаналиев С. Киргизские музыкальные инструменты в эволюции традиционных форм музицирования: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1982. 218 с.

14. Тритуз М. Л. Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка. 1965. 110 с.

15. Хорнбостель Э. М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов. Перевод И. З. Алендера // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Москва: Советский композитор, 1987. С. 229-261.

16. Сто калмыцких народных песен / Сост. Цебииков Л. Элиста: Калм. кн. изд., 1991. 128 с.

М. В. Босхомджиев,
*аспирант Университета Внутренней Монголии,
Китай, г. Хух-Хото*

**Торгудские джангарчи Калмыкии XX века и их репертуар
(Хорьдугаар зууны халимаг торгууд ястны «Жангар»-ын
бүртгэл)**

Агуулгын товч: тус өгүүлэлд голдуу хорьдугаар зууны халимагийн торгууд жангарчидын хайлсан «Жангар»-ын текстуг хэвлсэн ба хэвэлсэн үгүй байдал гэж хоёр хэсэгт хуваан өгүүлэж. Халимаг торгууд текстд холбоогдох зарим асуудлыг задлан шинжилэв.

Аннотация: в данной статье исследуется сказительский репертуар торгудских джангарчей Калмыкии. Исследователем выявлено, что на территории Калмыкии за весь прошлый век было 14 джангарчей, принадлежащих к субэтносу торгуд. Детально рассматриваются опубликованные и неопубликованные тексты записей, место хранения, историография изучения репертуара торгудских джангарчей. Основная часть неопубликованных текстов или записей хранятся в Отделе фонозаписей архива КИГИ РАН, а также в личных архивах калмыцких фольклористов. Из наследия 14 торгудских джангарчей только песни из репертуара Басанга Мукабенова и Давы Шавалива были введены в научный оборот. Шесть песен джангарчи Басанга Мукабенова были переведены на русский язык.

Автор анализирует исполнительское искусство и приводит краткую биографию сказителей героического эпоса «Джангар». В заключение следует, что за 20-й век от 14 торгудских джангарчей были записаны 51 глава эпоса, из которых 31 глава является оригиналом, а 20 глав – это варианты.

Ключевые слова: торгудские джангарчи Калмыкии, эпос «Джангар», текст.

Зангилгийн үг: халимаг торгууд жангарч, «Жангар», текст.

1. **ಸಾಹಿತ್ಯ** (1906-1970)

.. మనము సంతోషముగా ఉన్నాము

[illegible]

(100) *Meṣṣimil' ṣe' ṣaxsamil' oṣṣimil' ad ṣaxsaximil'*

...התחלתי להפסיק ללכת לחדר האמבטיה שלי בלילה... ויש לי חלום של חלום...

[illegible]

എസ്.എസ്.സി. - ഉപയോക്താക്കൾക്ക് ഉപയോഗിക്കാൻ കഴിയുന്ന

മെന്ററി ഇഷ്ടം മൗട് വെട്ടിയെട് ത് രെന്ററി ഒരേ തെന്ററി ..

[illegible]

«**Հոգի անմահ է, որն օրհասում է ցեղը**»

(9) «የጥንታዊ የሕይወት ፎካል»

ತೆರಳು ಮಗ್ಗುಲಿನಲ್ಲಿ ಉಳಿದು ಬಿಡುವುದು ಅಥವಾ

(8) «*Мелитинский монастырь в Мелитине*»

»
മിസ്സർ

(7) «*Сказка о царе Салтанте, о принцессе Феврории и о богатыре Кольчуге*»

《天竺之書》

(6) «*הממשלה תבטיח כי תממן את כל ההוצאות הכספיות הנלוות לביצוע המשימה*»

ತುಳುಕು ಹಿಡಿದು ಕುಳಿತು

[illegible]

(4) «**കുറേയേറെ പേർക്ക് കൈമാറിയ പണം**»

(3) «**മുസ്ലിം ന്നു മുസ്ലിം ഉത്തര**»

(2) « ത്വൽ ഹൻസ് ഹമ്സാ മൗദ് ഹസ്സ് ഹസ്സുസൽ ഹസ്സ് »

(I) 《संक्षेप-संस्कृत-शब्द-कोशः》

[illegible]

وہم وکنت زبیر مسکنہ نام ہمارے ملک و پاکستان کے مسکنہ کو سائنس

1970 ལོ རྒྱུ་ལྡན་གྱི་ལོ་ལྟར་ལྟོ་ལྟོ་ལྟར་

הַכֵּן לַמִּסְתֵּיף הַמְּסַבֵּר אֶת הַיְּסוּדִים [3] (pp.319–323) ...

සමස්ත ප්‍රතිචාරයේ දී ස්වදේශික සහ අන්තර්ජාතික සම්පත් භාවිතය පිළිබඳව විමර්ශනය කළේය.

ಕರ್ನಾಟಕ : 1940 ರ ಡಿ « ಕರ್ನಾ » ಪುಸ್ತಕದ 500 ರೂಪಾಯಿ

[illegible]

«*Самое интересное в жизни человека — это то, что он делает, когда никто не видит*»

କେବଳ ଏହି କିମ୍ଭବରେ ମଧ୍ୟ ମଧ୍ୟମ ଶ୍ରେଣୀର ଲୋକମାନଙ୍କୁ ମଧ୍ୟ ...

مستشرقين للمعروفين في هذا الفن .

අප්‍රේල් 22 වන දින 1906 දී ජාතික පක්ෂයේ සාමාජිකයෙක් ලෙසින්

Литература

1. Bergmann B. Nomadische Streiferein unter den Kalmücken. - Bd II. Riga, 1804. S. 205-221; Bd. IV. – Riga, 1805.
2. Сангаджиева Н. Б. Джангарчи. – 2-е изд., Элиста, 1990.
3. Биткеев Н. Ц. Джангарчи. – Элиста, 2001.
4. Баснга Мукөвүн. Жаңһр. Шин бөлгүд. – Элст: Хальмг издательств. – 1940.
5. Жаңһр (Жаңһр Баснга Мукөвүнэ келсин бөлгүд). – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967.
6. Кичиков А. Ш. Джангар. Калмыцкий героический эпос / Тексты 25 песен. В 2-х томах. – М., 1978. II том.
7. Жаңһр. Хальмг баатрлг эпос. Элст: Хальмг дегтр һарһач. 1990. II боть.
8. Биткеев Н. Ц. Джангар. Калмыцкий народный героический эпос. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. – Элиста, 1988. – С. 159.
9. Алексеева П. Э. «Джангар» и джангароведение. – Элиста, 2001.
10. Церенов В. З. «Джангар». Дава Шавалиев. Эпический репертуар. – Элиста, 2005.
11. Леджна Церн. Шалвра Гара. Хальмг фольклор. – Элст, 1941.

М. А. Васильева,
*аспирант Оренбургского государственного
педагогического университета,
Россия, г. Оренбург*

**Деятельность органов государственной власти
в отношении неимущих киргизских детей,
привозимых на Оренбургскую пограничную линию**

На сегодняшний день в средствах массовой информации все чаще поднимается вопрос о «неуклонном росте числа детей-сирот при живых родителях» [2, с.23], то есть социальном сиротстве. В теоретических исследованиях «социальным сиротством» принято считать явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей, вследствие лишения тех родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими [2, с.23]. Как правило, когда родители по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка, то заботу о детях берет на себя общество и государство. В стремлении государственных и общественных структур решить данную проблему чрезвычайно важен учет исторического опыта.

На разных этапах развития Российского государства положение детей, оставшихся без попечения родителей, было различным. Наряду с общими тенденциями развития системы призрения детей-сирот, свойственными для Российской империи в целом, каждый регион имел свои специфические черты.

Особое место в развитии социального призрения сирот в Оренбургской губернии занимало решение вопроса о мерах по устройству детей, привозимых неимущими киргизами на Оренбургскую пограничную линию и оставляемых на меновых дворах. Подобные явления были зафиксированы и в других регионах Российской империи. В результате, в августе 1825 г. на рассмотрение Государственного Совета поступило дело «Об определении положения киргизов и калмыков, купленных или выменянных на Симбирской и Оренбургской линиях», в котором член Государственного Совета, бывший симбирский генерал-губернатор, действительный тайный советник М.К. Сперанский обратил внимание, на то, что:

«дети сие обыкновенно привозятся на меновые дворы и там скупаются оптом или вымениваются на товар мещанами, кои сим обыкновенно на месте от 10 до 25 рублей, редко выше. Промышленники содержат их в неволе и изнурении от летних месяцев, когда обыкновенно производится вымен до зимы. В декабре и январе, нагрузив ими фуры, отвозят их обыкновенно на Ирбитскую ярмарку, в феврале месяце бывавшую, и там продают или променивают в розницу купцам и мещанам, кои потом распродают их, или оброщают в подарок» [1. Л. 1 об.].

Для выяснения всех обстоятельств дела оренбургским и симбирским властям предстояло провести расследование по выявлению причин сложившейся на пограничных территориях данных регионов ситуации.

В ходе изучения этого вопроса было выявлено, что причинами данного явления служили неурожаи, падеж скота, междоусобные войны среди киргизских племен. Так, бывший оренбургский военный губернатор, генерал от инфантерии граф П.К. Эссен в своем рапорте от 2 июня 1826 г. отмечал, что «киргизы, кочующие в степях против Оренбургской линии до крайности, продают собственных их детей, или детей другого азиатского происхождения, когда к довершению тех бедствий, скотоводство их, от жестокости зим, безкормицы и глубоких снегов погибали и чрез сие кочующие племена лишались способов к пропитанию своих семейств» [1. Л. 2 об.]. Об этом же свидетельствует отчет Омского областного Совета, где говорилось, что «киргизы вывозят на продажу детей своих и детей родственников их в одном только случае, когда нужда застигает в пропитании и учреждает их голодную смертью. В таком положении находились киргизы с 1811 по 1814 гг., когда они выезжали со своими детьми на линию и там меняли их низкой ценою на деньги, муку и скот» [1. Л. 3-3 об.].

Для решения данного вопроса бывшим оренбургским военным губернатором, генералом от инфантерии графом П.К. Эссеном, после согласования с Оренбургской пограничной комиссией, был предложен ряд мер: во-первых, таможенному и линейному начальству вменялось в обязанность доводить до сведения Оренбургской пограничной комиссии о всех подобных случаях; во-вторых, пограничная комиссия должна была «принимать детей обоего пола в местное распоряжение» и содержать на свои средства; в-третьих,

купленных азиатских детей необходимо было крестить, «дабы со временем они в тайне не могли опять удалиться в Орду»; в-четвертых, детей предполагалось размещать по селениям, «к добрым зажиточным хозяевам, определив за воспитание заработанные годы» (ребенок должен был находиться у своего воспитателя до 25-летнего возраста, по достижении которого мог избрать себе податное состояние – быть причисленным к числу земледельцев или в сословие мещан, однако, им не дозволялось поступать в казачье звание); в-пятых, «дабы возбудить воспитанников к хорошей нравственности, добру, поведению их усердному переходу к служению своего воспитателя, то в награду таковых качеств, основываясь на письменном удостоверении хозяина, выдавать при отпуске казенной суммы женщинам 50, а мужчинам 100 руб. на первое обзаведение хозяйства. Если же по письменному удостоверению хозяина окажется в поведении неодобренным, то, кроме льготы, воспитаннику денежной награды и похвального вида не выдавать» [1. Л. 5-8].

Рассмотрение данного проекта продолжалось несколько лет. Так, 27 ноября 1835 г. председателем Государственного Совета графом Новосильцевым было подписано распоряжение о способах призрения детей, привозимых неимущими киргизами на Оренбургскую пограничную линию и оставляемых на меновых дворах, согласно которому:

- ✓ дети, привозимые немощными киргизами, должны были быть переданы в ведение штабного гражданского или пограничного начальства для передачи на воспитание и оставаться у своего воспитателя до 25-летнего возраста, по достижении которого им предоставляется право на свободу, избрать податное состояние или записаться в линейное казачье войско;

- ✓ воспитанники немедленно переводились в христианскую веру;

- ✓ в случае, если не находилось желающих брать таких детей на воспитание, то разрешалось принимать окончательное призрение на попечение правительства. В этом случае дети мужского пола приписывались в батальоны военных кантонистов, а девочки – в ведомство ближайших Приказов Общественного Призрения [1. Л. 1140-1141].

Таким образом, меры, предпринятые в отношении неимущих

киргизских детей, привозимых на Оренбургскую пограничную линию, не только на региональном, но и на государственном уровне, являются ярким подтверждением заинтересованности органов государственной власти в решении социальных проблем государства.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 4276. Л. 1 об.

2. Дементьева Н.Ф. Социальное сиротство: генезис и профилактика. – Серия: семья и воспитание / Н.Ф. Дементьева. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания. 2000. – С. 23.

3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О способах к призрению детей, привозимых киргизами на Оренбургскую и Симбирскую пограничные линии оставляемых на меновых дворах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 10. Ч.2. № 8628. С. 1140-1141.

А. М. Джалаева, А. Н. Команджаев,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Российское востоковедение в XIX – начале XX века

В начале прошлого века в Российской империи, особенно в европейской её части, мало что знали о своих согражданах-инородцах. В 1915 г. педагог и общественный деятель Г.Г. Тумим писал: «Многоязычна и разноплеменна Россия: около 140 народностей входят в её состав, работают для её процветания, болеют её горями, радуются её радостями, жаждут видеть в ней мать. А между тем много ли мы знаем обо всех этих детях одной с нами матери... Но еще меньше нас знают об инородцах наши дети, граждане ближайшего будущего... Главным источником знаний об инородцах служит детям окружающая их обстановка... надо ли говорить, что это источник – нездоровый, мутный? Что, в самом деле, может дать детям среда, сама довольствующаяся ярлыками, кличками и

анекдотами?» [22, с.203]. Тумим и его коллеги, занимавшиеся проблемами инородческой школы, были убеждены в том, что начинать надо с детского возраста. Они публиковали различные библиографические указатели литературы об инородцах для народных школ. По ним можно судить, в частности, что время от времени сведения о калмыках печатались в популярных детских журналах «Солнышко», «Тропинка», «Родник» [22, с. 223].

Но, как заметил известный мыслитель XX в. Г. Померанц, «распределение культуры поровну на всех – бесплодное дело. Георгий Петрович Федотов одобрил решение Петра I: начинать надо с Академии, а не с народной школы... Только возродив творческое меньшинство, можно поднять народ до уровня ответственной свободы».

В последние десятилетия XIX в. в научной среде стала вызревать идея формирования всероссийской общности, состоящей из множества этносов, на территории Российской империи. Особенно важную роль в её разработке сыграли три представителя российского академического сообщества: востоковед Виктор Розен (1849 – 1908), историк искусства Никодим Кондаков (1844 – 1925) и филолог Александр Веселовский (1838 – 1906) [23, с. 64-65]. Они утверждали, что главной заботой ученых должно стать изучение исторических взаимосвязей между различными национальностями государства и их взаимного влияния друг на друга, в результате которого создавалось то, что они называли «национальной культурой». Знаменитое издание «Русские древности», опубликованное Кондаковым совместно с правительственным чиновником, членом Русского Императорского археологического общества Иваном Толстым, начиналось с такого определения создания национального сообщества в России: «В течение двух с половиною тысяч лет много племен и народностей жило и основалось на памяти истории в пределах нашего отечества. И чем разнороднее был самый племенной состав, чем продолжительнее время претворения его в одно государство с единым народом, тем обильнее был вклад в общую сокровищницу русской древности» [24, с. III]. В исследованиях Кондакова отводилось место и роли культуры кочевников для понимания истоков византийского, восточноевропейского и западноевропейского искусства Средневековья.

Опираясь на эти идеи, Розен стремился создать новую школу востоковедения. И это ему удалось.

Начало востоковедения как науки в России принято датировать временем царствования Петра I. Однако на протяжении всего XVIII столетия дело не продвигалось дальше попыток организовать обучение переводчиков с восточных языков для нужд внешней политики России. Академическое преподавание востоковедческих дисциплин в российских университетах не проводилось вплоть до начала XIX в. В 1804 г. уставами Московского, Казанского и Харьковского университетов было введено преподавание в них восточных языков. В частности, одной из основных задач Казанского университета было обучение языкам, имевшим хождение в регионе. В 1833 г. здесь была открыта первая в Европе кафедра монгольского языка. В 1835 г. был основан факультет восточных языков [9, с.202]. Планы наладить преподавание тибетского и калмыцкого так и остались нереализованными. Тем не менее преподаватели востфака привлекались к работе со слушателями Казанской духовной академии. Она была открыта в 1842 г. для того, чтобы стимулировать возобновление русской миссионерской деятельности, более прогрессивной по сравнению с существовавшими ранее в России практиками обращения в христианство. Руководство академии решило дать своим слушателям возможность изучать четыре языка коренных нерусских народов: татарский, арабский – священный язык ислама и источник многих слов в тюркских языках, монгольский – широко распространенный в Сибири и являвшийся языком многих буддийских текстов, и калмыцкий – родственный монгольскому и уже изучавшийся в Астраханской семинарии. Однако академия не могла быстро найти соответствующих преподавателей, поэтому были приглашены университетские профессора А.В. Попов (преподаватель калмыцкого языка) и А.К. Казем-Бек (преподаватель татарского и арабского). Они стали вести специальные занятия непосредственно в академии. Первый выпуск состоялся в 1846 г. Два самых способных студента сразу же получили работу в академии. Это были монголовед А.А. Бобровников и тюрколог-арабист Н.И. Ильминский [9, с. 71-72]. Бобровников уже на последнем курсе занялся составлением «Монгольско-калмыцкой грамматики». В 1850 г. его труд был удостоен 2-й Демидовской премии Императорской Академии наук. Ильминский стал основоположником зародившегося в Казанской духовной академии подхода, основанного на использовании местных языков и местных

учителей для передачи основных принципов христианства детям, не понимавшим русского языка.

В 1855 г. в Санкт-Петербургском университете был открыт факультет восточных языков, основанный на базе переведенного в столицу востфака Казанского университета [23, с.15]. Вследствие этого центр российского академического востоковедения переместился из Казани в Петербург. В 1857 г. первый декан этого факультета А. Казем-Бек заявил в столичных «Ведомостях», что на его факультете европейские и «восточные» ученые работали рука об руку, как нигде больше в Европе [23, с.201]. Однако это не было типичным явлением. «Выходцы с Востока», о которых он говорил, нанимались на работу в основном для преподавания языков. К примеру, зайсанг Абганер-Баруновского аймака Малодербетовского улуса Д.-Д. Кутузов, будучи в звании вольнонаемного преподавателя, обучал студентов монголо-ойратского разряда калмыцкому языку с 1863, с некоторым перерывом, до 1869 г., когда по болезни уволился в отставку [4].

В основе этих процессов лежал вполне очевидный государственный запрос. Он диктовался тем механизмом социально-политического и экономического развития России, который сформировался на этапе становления империи: именно государство будет инициатором реформ, практически все они будут половинчатыми, а социальная цена их проведения окажется чрезмерной.

В XVIII и особенно в XIX вв. проявились новые тенденции в области государственной национальной политики. Одна из них связана с научным изучением народов России (включая и учет населения, т.е. проведение регулярных ревизий), а вторая – с появлением идеологии в национальной сфере [16, с. 118-121]. В начале XVIII в. процессу изучения России: её географии и населяющих её народов – был придан государственный характер. В 1720 г. Петр I принял решение приступить к планомерной, инструментальной съемке территории России для составления первой генеральной карты всей страны. Экспедиции А. Бековича-Черкасского и А.И. Кожина, а затем Ф.И. Соймонова и В.А. Урусова в 1715 – 1720 гг. позволили создать общую карту всего Каспийского моря, впервые основанную на научных изысканиях. События, сопутствовавшие этому грандиозному предпрятию, в которое были вовлечены и калмыки Аюки-хана, описаны в мемуарах ганноверского дипло-

мата Ф.-Х. Вебера [6,8]. В целом труды ученых XVIII в. заложили основу для изучения народов России в последующее время – в XIX – XX вв.

Вторая тенденция – национальный вопрос как идеологическая проблема взаимоотношений государства и наций – стала проявляться в начале XIX в., когда назрела необходимость изменить политическое устройство Российской империи. Национальный вопрос нашел яркое выражение в деятельности отечественного реформатора М.М. Сперанского. Он был убежден в необходимости интеграции инородцев в империю, однако желал сделать этот процесс более законным и поэтапным. Разработанный им, совместно с будущим декабристом Г.С. Батеньковым, «Устав об управлении инородцев» 1822 г. был направлен на уравнивание инородческого населения Сибири в правах с русскими при сохранении автономного управления, традиционных форм власти и культуры национальных меньшинств. Впоследствии, как писал Батеньков, ему стало ясно, что Сперанскому не было дано «никаких средств к исполнению возложенного поручения»: суть механизмов, существовавших с XVI в., не изменилась.

В начале своего правления Николай I поручил группе юристов под руководством уже надломленного опалой Сперанского провести своего рода инвентаризацию российского законодательства, накопившегося с середины XVII столетия. Итогом явилось издание в 1832 г. 15-томного Свода Законов Российской империи, вступившего в действие с 1 января 1835 г. В соответствии с Законами о состояниях (сословиях) калмыки Астраханской губернии были отнесены к разряду «кочевых инородцев», вследствие чего подпадали под юрисдикцию Устава 1822 г., действовавшего вплоть до Февральской революции 1917 г.

В 1830-е гг. царская власть, не вняв рациональным реформаторским проектам Сперанского, сделала выбор в пользу так называемой теории официальной народности. Её принципы были сформулированы министром просвещения С.С. Уваровым: «Православие, самодержавие, народность». Это подразумевало опору на национальные культурные корни (народность), политический консерватизм (самодержавие) и поддержку православной церкви.

Однако, несмотря на смиренные меры Уварова, не удалось погасить творческую активность образованной части дворян-

ства. С начала века её трибуной стала новая русская журналистика. По сравнению с XVIII в. она качественно изменилась. Спектр мнений, тематика стали разнообразнее, на что обращал внимание А.И. Герцен: «Ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико. Это действительно лучший способ распространять просвещение в обширной стране...»

Для журналистики тех лет весьма востребованной стала тема Востока. Последователи европейского романтизма, разрабатывавшего понятие *couleur locale* (местный колорит), устремлялись в первую очередь на Кавказ, который ассоциировался с русским Востоком. Описание экзотической природы, образа жизни, менталитета народов, живущих «за хребтом Кавказа», делалось не только ради живописности, разнообразия, а ради утверждения общечеловеческих ценностей и понимания культуры Другого. «Чужие» постепенно становились своими, и литература четко отображала этот процесс [2, с. 6]. В отечественном литературоведении, которое только начинает заниматься проблемой ориентализма, репрезентация Грузии и Кавказа является доминирующей темой. Наряду с этим всё больший интерес в последние годы вызывают исследования литературоведа Б.А. Кичиковой, посвященные калмыцким мотивам в русской литературе первой трети XIX в. Контрапунктом её историко-литературного комментария к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг. стало представление об определенном тематическом единстве произведений, где встречаются калмыцкие образы. Кичикова следующим образом раскрывает его основу: «Всякий, кто помнит веселое, молодое вольнолюбие двустипшия:

Налейте мне вина кометы,

Желай мне здравия, калмык! –

закрывающего послание петербургским друзьям по «Зеленой лампе» (из письма Я.Н. Толстому – 1822), именно в нем улавливает и начало движения «калмыцкой темы», и её постоянную неотделимость от важнейшего для поэта круга идей – от **контекста свободы**» [13а, с.41]. Эта мысль автора явилась отправной точкой, и во временном, и в смысловом значении, в предлагаемом обзоре журналистики 1820-х гг., становящейся более или менее прочной базой отечественной литературы.

Нередко в журналах стали публиковаться проазиатские сюжеты. Их появление свидетельствовало об определенном запросе

читающей публики. Показательно, что в ранней молодости Уваров, занимавшийся древнегреческой литературой, проявил особый интерес к Востоку. В одном из проектов 1810 г. он утверждал, что Россия должна дорожить своими связями с Азией и проводить обширные «метафизические раскопки» в своем восточном наследии [5, с. 419-420]. Подобные рассуждения привлекли усиленное внимание после того, как нашествие Наполеона на Россию разогрело антиевропейские настроения. Повторные декларации Уварова в том же роде в 1830-х гг. соответствовали новому подъему антизападничества вслед за польским восстанием 1830 г.

О. Сенковский, один из основателей русского востоковедения, стал проповедником воззрений Уварова, в том числе и его проазитатских пристрастий. Запас лингвистических знаний Сенковского был обширен, включая китайский, монгольский, тибетский языки. Он первым оценил ученые заслуги Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) в рецензии на его «Историческое обозрение ойратов, или калмыков». В 1820-е гг. Сенковский активно сотрудничал в периодических изданиях «Северный архив», «Сын Отечества». На страницах этих научных журналов стали появляться материалы о калмыках. В 1824 г. в «Северном архиве» вышла первая публикация по истории донских калмыков [15]. В XX в. известный американский славист, специалист по русской литературе XIX в. А. Борманджинов установил имя её автора – офицер Донского войска А.К. Кушнарев [32, с. 59-87]. Он был помощником историка В.Д. Сухорукова, которому в 1821 г. Комитет по выработке Положения об устройстве Войска Донского поручил собрать материалы для исторического и статистического описания Дона [17, с.301]. В первых журнальных очерках Сухорукова, а также Кушнарёва, столичные власти усмотрели высокую оценку демократического устройства казачьих общин, «проявление гордого духа и свободолюбивый характер казаков». В 1827 г. Сухоруков был заподозрен в связях с декабристами и откомандирован для службы в Отдельный Кавказский корпус. Перед выездом на Кавказ у него были отобраны все оригиналы и копии актов, собранных им и его помощниками из разных архивов Войска и из других источников. Летом 1829 г. в Тифлисе он познакомился с А.С. Пушкиным, который оказывал ему самое «нежное участие». По воспоминаниям современника, Пушкин «... чуть не плакал и всё думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопо-

тать Сухорукову эти документы» [30, с.435-436]. Но даже заступничество поэта не помогло вернуть изъятые у него исторические материалы. В этой связи первоначальные журнальные очерки Сухорукова и Кушнарева приобретают особую ценность, так как в них приводятся пространные выписки из документов, часть которых не дошла до нашего времени.

В 1828 г. в журналах «Северный архив», «Сын Отечества» был напечатан так называемый «шереметевский» список кодекса монголо-ойратских законов «Великое уложение» («Ики цааджин бичик») [12]. Это была не первая его публикация [25], но её появление на страницах изданий, которые пользовались большой популярностью среди ученых и образованного массового читателя, пробудило к этому источнику исследовательский интерес. Однако первым обратил на него внимание сенатор П.Б. Шереметев, участвовавший в работе Уложенной комиссии 1767 г. Как известно, попытка кодификации не удалась, в том числе потому, что из-за неправильной организации работы Комиссии депутаты не смогли разобраться со старыми законами, чтобы привести их в соответствие с наказами и выработать новые акты. Распустив общее собрание, Екатерина II оставила некоторые частные комиссии, которые занялись систематизацией как старого, так и нового законодательного материала. В их распоряжении, по всей видимости, оказалось «Великое уложение» 1640 г. Понимая историческое значение этого памятника права, Шереметев в 1776 г. ознакомил с ним научную общественность и опубликовал его в «Трудах Вольного экономического общества». Через столетие И.В. Бентковский с благодарностью отмечал этот факт: «Русским переводом этого кодекса наша литература обязана знаменитому вельможе века Екатерины Великой, графу Петру Борисовичу Шереметьеву... Перевод этот, как кажется, сделан калмыком, знавшим русский язык...» [3].

В 1823 г. в журнале «Отечественные записки» вышла статья «Русский калмык, баденский придворный живописец» [20], из которой российский читатель впервые узнал об известном в Европе художнике Федоре Калмыке. Имя автора не указано, но, судя по содержанию, им мог быть человек, лично знавший художника и способный профессионально оценить его творчество. Это первый издатель журнала (1820 – 1830) П.П. Свиньин. Писатель, историк, художник, он побывал и на дипломатическом поприще. В 1813 г.

служил при Главной квартире русской армии в Германии и сопровождал Александра I, когда после знаменитой «битвы народов» под Лейпцигом русский император посетил Карлсруэ, «гофмалер» баденского двора Ф. Калмык участвовал в оформлении торжеств по этому случаю. Вероятно, тогда и произошла их встреча. П.П. Свиньин, разделявший славянофильские взгляды, прославлял в своем издании простых людей «из народа», самородков, которыми, по его мнению, следует гордиться.

Вслед за столичной периодикой старались заинтересовать читателя и региональные издания. Первая провинциальная газета Поволжья – астраханские «Восточные известия» – выходила всего три года, но оставила заметный культурный след. В 1814 – 1815 гг. в ней были опубликованы материалы о прибытии из Парижа боевых калмыцких отрядов князя Тюменя, из «Трудов» Вольного экономического общества перепечатано «Великое уложение» 1640 г. [18] Неудивительно, что интерес к Азии проявился и в сибирской печати. В «Енисейском альманахе» вышла антология монгольских пословиц [10].

Поэма «Калмыцкий пленник» была напечатана в московской газете «Молва», литературном приложении журнала «Телескоп» [21]. Она начинается с отъезда героя из Петербурга, переключаясь с аналогичным описанием из первых строф «Евгения Онегина», затем дается мотивировка отчуждения – несчастная любовь. Поэма обрывается на полуслове, пародируя фрагментарность романтического повествования. Используя привычный для этого направления мотив «скитальчества», один из её авторов Н.В. Станкевич предположил – с комическим намеком на «Кавказского пленника» Пушкина, – что каждый российский умник втайне желает стать «калмыцким пленником». Поэма вышла из философского кружка Станкевича, участники которого рассматривали «байроническую» словесность, по выражению литературоведа А. Немзера, как пройденный литературный этап.

При образовании более открытого общества во времена Александра II слой просвещенных людей значительно расширился, стал более демократичным по социальному представительству, практически ориентированным.

В 60-70-х годах XIX в., с резкой активизацией общественной жизни в России, осведомленность о жизни местного населения

стала рассматриваться как гражданский долг и как вклад в просвещение и благосостояние общества. Исследованием жизни местных народов увлеклось множество учителей, издателей, журналистов. Немало писали о калмыках в 1870-е годы известный кавказовед И.В. Бентковский и его близкий друг и единомышленник А.В. Архангельский, один из организаторов Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. Характерным для демократической интеллигенции пафосом завершается одна из статей Архангельского, где он приводит результаты обследования начальных школ кочевых народов Ставропольской губернии: «В инородческих школах будущая честь и слава наша: стоит об них позаботиться и подумать серьезно». Особенно впечатлил Архангельского почин большедербетовских калмыков: в Икичносовском роде, при аймаке зайсанга и опекуна улуса Санджи Занджинова действовала школа, открытая по частной инициативе и содержащаяся на собственные средства самих калмыков, без всяких пособий со стороны правительства [1].

В 1880-е гг. в Астрахани активизировалась деятельность Петровского общества исследователей края, действительным членом которого был священник Н.Г. Пальмов, имевший репутацию одного из лучших преподавателей города. Он и его коллеги разработали программу этнографических исследований, в соответствии с которой проводились изыскания по истории татарского и калмыцкого народов.

В пореформенный период накопление знаний о российских восточных и южных окраинах становилось одной из актуальных задач, что привело к быстрому росту новых научных обществ. Сделать востоковедение, ориентированное на изучение Востока России, приоритетным направлением исследований Императорской Академии наук оказалось делом более сложным, чем это было в случае с научными обществами. Лишь в 1890-х гг. востоковедение становится в Академии второй по величине областью исследования после славистики. Именно это обстоятельство в конечном итоге сделало российское востоковедение полностью академической дисциплиной.

Профессором-арабистом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета бароном В.Р. Розеном была основана «новая школа востоковедения». В числе его учеников были такие

известные востоковеды, как В.В. Бартольд (1869-1930), Н.Я. Марр (1864-1934), С.Ф. Ольденбург (1863 – 1934) и Ф.И. Щербатской (1866 – 1942). В своей речи перед защитой диссертации Бартольд отмечал основные характеристики этой школы: новое востоковедение уже было не заинтересовано в представлении народов Востока как экзотических существ, ведущих «фантастический» образ жизни и одевающихся в «театральные костюмы». Новый подход утверждал, что «прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточного и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности». Это дало стимул к переоценке глубоко укоренившихся предрассудков в отношении неевропейских обществ и нехристианских религий. Розен и его ученики постоянно подчеркивали разницу между собственными исследованиями Востока и работами, созданными такими неакадемическими экспертами, как государственные чиновники, военные и православные миссионеры. Петербургские ученые высоко оценивали их роль в сборе первичных данных. Однако попытки со стороны неакадемических экспертов интерпретировать такие данные нередко получали негативную оценку Розена и его последователей, которые порицали востоковедов из военных, государственных и богословских учреждений не только за использование ими неверных методик, но и за проявление христианских, европоцентристских и расовых предрассудков.

Розен и его ученики разделяли мнение Ильминского и его ближайших сотрудников, что «принцип уважения к племенным особенностям инородцев усиливает Россию, а не ослабляет её». Но при этом они представляли собой уже новое поколение востоковедов. По Ильминскому, долгосрочной целью в деле обучения инородцев на их родных языках являлась их христианизация и русификация. Ученики Розена, исходя из своих либеральных взглядов, пытались найти наиболее приемлемый способ интеграции различных национальностей и этнических групп в политическое и общекультурное пространство Российской империи. В этих представлениях православие не играло роли, а местные языки и «коренные традиции» наделялись еще большей значимостью, чем прежде. Востоковеды начали использовать в 1910-х гг. слово «инородец» в кавычках, обозначая таким образом пагубность акцентирования данного термина на статусе чужеродности нацменьшинств в Рос-

сии. Они утверждали, что лучшим способом интеграции инородцев является воспитание в них более сознательного отношения к своему культурному наследию.

Знаменитый в прошлом народник, крупный этнограф Д.А. Клеменц в 1902 г. стал первым директором этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей). Часто коллекции отдела пополнялись самым неожиданным образом. В 1903 г. Клеменцу удалось заполучить в виде пожертвования калмыцкие экспонаты с Первой международной выставки исторических и современных костюмов, проходившей в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. В ней принимали участие художник-модельер, легендарный мастер русского модерна Надежда Ламанова, известнейшие французские дома моды. Народные костюмы разных губерний Российской империи были выделены в особый, этнографический отдел. Представленная в нём калмыцкая коллекция произвела большое впечатление на посетителей и была удостоена 15 дипломов «За красоту и своеобразие одежды». Её подлинными «жемчужинами» стали праздничный женский наряд и костюм ламы.

Для помощи в сборе этнографического материала Клеменц привлекал не только крупнейших ученых-этнографов, но и представителей этнических меньшинств, учившихся в столице. Он утверждал, что этнографические исследования усилят чувство гордости среди «инородцев» за их культурные и исторические традиции, что позволит «инородцам» сохраниться в качестве особых этнокультурных групп и в то же время поможет им лучше интегрироваться в общероссийское сообщество [23, с. 205].

В атмосфере этих идей, царившей, в первую очередь, на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, происходило становление таких личностей, как Номто Очиров (1886-1960), Бадма Уланов (1886-1969). По свидетельству А. Борманджинова, лично знавшего Б.Уланова, в 1905 – 1906 г. Уланов учился на этом факультете. В 1911 г. он окончил юридический факультет Казанского университета.

Нам не раз приходилось писать о предпосылках и обстоятельствах формирования первого поколения европейски образованных калмыков, в судьбах которых преломился XX век. В дополнение отметим, что в этот период (ноябрь 1905 – июнь 1907 г.) против-

речия между Министерством народного просвещения и университетскими корпорациями фактически снимаются, поскольку Министерство шло навстречу пожеланиям профессорских коллегий по основным волнующим их вопросам, включая проблемы «университетской автономии».[19,с.172] В условиях демократизации высшей школы стало возможным объединение калмыцких студентов в организацию «Улан залата». Она возникла в конце декабря 1906 г. по инициативе Эренжена Даваева (Хара-Даван, 1885 – 1941), но в течение следующего года свернула свою деятельность. «В качестве компенсации этой нашей принужденной пассивности мы решили усиленно приняться за изучение родного народа», – вспоминал в эмиграции Хара-Даван [27, с. 225-229]. Студенты всё более сходились в том, что надо начинать с возрождения культурного достояния народа.

Ученые с либеральными взглядами были убеждены, что формирование подобных движений подтверждает их точку зрения, согласно которой образованные, национально мыслящие лидеры «инородческих» общин могут уберечь нацменьшинства от полной ассимиляции и при этом облегчить их интеграцию в российские государственные структуры, а не породить сепаратизм, как предсказывали консерваторы [23, с. 210].

Российские востоковеды позднеимперского периода сознательно стали поощрять появление национально ориентированной интеллигенции среди определенных нацменьшинств, по меньшей мере лет за двадцать до развертывания масштабной советской политики национально-культурного строительства.

В отличие от европейских ориенталистов того времени они всё чаще стали привлекать к научным проектам образованных «инородцев», способствуя их превращению из «информаторов», или, выражаясь современным языком, научных помощников, в самостоятельных специалистов, ученых. В 1908 г. ученик приват-доцента восточного факультета В.Л. Котвича (1872 – 1944) Н. Очиров во время полевой студенческой практики услышал, а позднее записал на фонографе от прославленного сказителя Ээлян Овла наиболее полную версию эпоса «Джангар». Ученые давно знали о его бытовании в устном народном творчестве калмыков, но им были известны лишь отдельные фрагменты этого гигантского литературного айсберга. Десять песен «Джангара», прозвучавшие в

стенах Императорского Русского географического общества, потрясли мир востоковедческой науки. И учитель, и ученик получили заслуженное признание коллег.

После неожиданной смерти Розена в 1908 г. трое из его ближайших учеников – Бартольд, Марр и Ольденбург – стали неоспоримыми лидерами российского востоковедения. Специализировавшийся как ученый на изучении Индии, Ольденбург сосредоточил своё внимание на буддизме, полагая, что это повысит актуальность его исследований для России, на территории которой имелись большие буддийские общины. В конце 1893 г. Ольденбург ввел Щербатского – в будущем самого известного российского индолога и буддолога XX в. – в окружение Розена. Сформулированные ими новые подходы к изучению буддизма предвосхитили основные положения постколониальной буддологии, возникшей во второй половине XX в.

Ольденбург снискал себе известность как создатель в 1897 г. «*Bibliotheca Buddhica*» – серии публикаций философских текстов северного буддизма, в подготовке которых участвовали ученые из России, Англии, Франции, Германии и Японии. С начала 1900-х гг. Щербатской со своими учениками и Ольденбургом выступали за систематическое использование живой устной традиции интерпретации древних буддийских текстов и подчеркивали необходимость изучения современных буддийских практик с привлечением практикующих российских буддистов. Следует отметить, что первое в России систематическое исследование «живой буддийской традиции» на основе этнографических исследований, использовавших беседы с ламами, было осуществлено в 1880-х гг. профессором монгольских языков в Санкт-Петербургском университете А.М. Позднеевым (1851 – 1920) с целью сбора для имперской администрации информации о религиозных практиках бурят и калмыков [11, с. 84-110]. Однако ни Ольденбург, ни Щербатской со своими последователями не упоминали А.М. Позднеева как предшественника. Это объяснялось тем, что он, как и Ильминский, представлял старшее, более консервативное поколение востоковедов, заинтересованных в успехах православной миссионерской деятельности, в том числе и среди буддистов (первое свое образование А.М. Позднеев получил в Орловской духовной семинарии). Представители «новой школы востоковедения» считали, что он поддерживал

слишком уж тесные связи с правительством (что, по их мнению, было неприемлемо для ученого).

В октябре 1917 г. А.М. Позднеев подал в отставку из Министерства народного просвещения и выехал с семьёй в Новочеркасск. После ликвидации Донской советской республики в мае 1918 г. он получил назначение профессором Донского университета. Историк науки Э.И. Колчинский справедливо отмечает: действия несоветских правительств в области науки и образования «в лучшем случае были случайными», что «оставляло свободное пространство для инициативы ученых, которые получили возможность реализовать давно существовавшие планы» [14, с. 295]. Усилиями А.М. Позднеева при историко-филологическом факультете Донского университета в июне 1919 г. была организована кафедра монгольской и калмыцкой словесности [28, с. 9]. Для пополнения буддийской части экспонатов Донского музея, а также для учебных целей он отправился «в поселения и хурулы калмыков Сальского округа Всевеликого Войска Донского и Астраханской губернии с целью приобретения произведений калмыцкой литературы и предметов религиозного культа калмыков». Сохранился дневник этой научной командировки. В нем обстоятельно перечисляются те разрушения, которые гражданская война нанесла буддийским храмовым сооружениям, скрупулезно описано количество нанесенных сабельных ударов или пулевых отверстий на статуях позолоченных будд, запечатлены картины разоренных и сожженных библиотек, хурулов, гибель того, что было так дорого сердцу каждого калмыка и изучению чего была отдана вся жизнь самого исследователя [26, с. 247]. В январе 1920 г. в Ростове-на-Дону была восстановлена советская власть. Позднеев не прерывал начатого дела. Составлял учебные планы, писал программу лекций по монгольской и калмыцкой словесности на учебный 1920/1921 год. Это был последний труд ученого. А.М. Позднеев скончался 30 сентября 1920 г., доказав, что он всегда был верен только науке.

Критикуя состояние европейской науки о буддизме в начале XX в., Ольденбург и Щербатской указывали, что она сосредоточилась на изучении одной только буддийской письменности на языке пали, полагая, что она воплощает древнейшую и чистейшую форму буддизма. «Но вскоре выяснилось, – писали они позднее в объяснительной записке к проекту учреждения при АН СССР

Института буддийской культуры в 1927 г., – что значение палийской литературы было лишь крайне ограниченным..., тогда как санскритская буддийская литература, превосходящая её по объёму и не уступающая ей по древности, – но сохранившаяся лишь в переводах, – именно и легла в основу всеазиатского буддизма... Понимание памятников древней буддийской письменности, сохранившихся на трудных, мало изученных языках, большей частью оказывается почти невозможным без обращения к устной традиции буддийской учености...» [29, с.1703].

В первые годы после революции 1905 г. Ольденбург и Щербатской, а также ученики последнего О. Розенберг и Б. Владимирцов, в свою очередь, активно способствовали продвижению позитивного взгляда на буддизм, в особенности на его тибетский вариант, который обычно называли ламаизмом [23, с. 226]. Оспаривая понимание «ламаизма» как формы буддийского учения, искажённого «полудикими» тибетскими и монгольскими племенами (точка зрения, которая, по их мнению, превалировала в Европе), эти российские ученые представляли «ламаизм» как одно из проявлений буддизма, обладающее несомненной исторической и культурной ценностью [7, с. 229-230]. К концу первого десятилетия XX в. Щербатской и другие российские специалисты по буддизму разработали новую программу исследований, которая способствовала изучению «живых устных традиций» буддизма. К её реализации они привлекли бурят, приехавших учиться на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, Г. Цыбикова, Б. Барадийна и Ц. Жамцарано – будущих лидеров бурятского движения во время революции 1905 г., а в 1920-е гг. ставших ведущими деятелями национального строительства в Бурятии [23, с. 203].

Есть косвенные основания полагать, что в 1917 г. Щербатской, создатель Санкт-Петербургской буддологической школы, рассчитывал привлечь к сотрудничеству приехавшего в Петроград первого калмыка – доктора буддийской философии Бадму Боваева (1879 – 1917). Их объединяла убежденность в том, что для истинного понимания буддизма необходимо понять вначале его философию. Статья А. Борманджинова о Боваеве названа весьма красноречиво – «Калмыцкий Леонардо да Винчи» [31, с. 7-10]. Автор отмечает, что диссертация Боваева на соискание степени лхарамбы была посвящена анализу работ Нагарджуны – великого буддийского мыс-

лителя II в. н.э. Он был основоположником школы мадхьямика, базовые постулаты которой легли в основу идеологии махаяны. Щербатской характеризует Боваева как прекрасного специалиста в области буддийской религии и философии, тибетологии, тибетской медицины, астрологии, астрономии, санскритской и индо-тибетской поэзии. По мнению Владимирцова, «он резко отличается от представителей своего круга своей пламенной любовью к философскому буддизму, который он только и признавал за буддизм... За буддизм он признавал только то, что находится в сутрах и в творениях великих индийских писателей эпохи расцвета буддизма в Индии» [7, с. 243-244].

В 1917 г. Щербатской приступает к созданию систематического исследования знаменитого труда «Второго Будды» буддизма Васубандху – «Энциклопедии Абхидхармы». Этот трактат был создан в Индии в V в. н.э. на стадии расцвета классической буддийской философии. Щербатской хотел, привлекая лучших из отечественных и зарубежных коллег-буддологов, исследовать историко-культурные закономерности распространения буддизма на материале переводов «Энциклопедии Абхидхармы». Он осознал всю сложность предпринимаемого проекта: «Попытки перевода его отпугивали своей, казалось, безнадежной темнотой. Но это, конечно, объясняется недостаточным знакомством с кругом идей и их технических обозначений, которые для буддиста составляют его вторую природу» [11, с. 301]. Щербатской разработал принципиально новую концепцию перевода буддийской терминологии. В отличие от многих переводчиков, он считал себя обязанным не оставлять нераскрытым ни одного философского термина, и там, где, как и в наших языках, одним и тем же словом передаются в зависимости от контекста разные термины, он предварял перевод долгим исследованием, необходимым для установления терминологии [11, с. 283]. В этой работе над терминами могли быть востребованы познания Боваева, двенадцать лет проведенного в Брайбуне, самом большом из «желтошапочных» монастырей Тибета, расположенном в западных окрестностях Лхасы. К сожалению, осенью 1917 г. Бадма Боваев (Боован Бадма) трагически погиб.

В советский период комплексное исследование «Энциклопедии Абхидхармы» Васубандху стало одной из тем Института изучения буддийской культуры (ИНБУК), сформированного в октябре 1928 г. как самостоятельное подразделение АН СССР под ру-

ководством Щербатского. В 1930 г. после образования Института востоковедения ИНБУК вошел в него в статусе индо-тибетского кабинета. Постепенно буддологические разработки были свернуты. Школа Щербатского стала жертвой кампании против буддизма, начавшейся в том же, 1930 году. Большинство его последователей погибло во время сталинских репрессий [11, с. 333]. Эту участь разделил другой выдающийся представитель калмыцкой религиозной мысли Шарап Тепкин.

В заключение следует отметить, что позитивный взгляд востоковедов позднеимперского периода на восточные и южные национальностей и активная поддержка их «национального пробуждения» шли вразрез с общепринятыми представлениями правительства и общества того времени. Начиная с 1907 г. националистические настроения в русском обществе были особенно на подъеме, что сказывалось на политике царского правительства. Русские националисты всё более открыто выступали против «чрезмерного инородческого засилья» в России, которого должен был остерегаться русский народ». В 1910 г. Ольденбург в письме к сыну отмечал: отказываясь видеть в представителях этнических меньшинств полноправных граждан России, такие ультранационалистические организации, как Союз русского народа, только приближали «конец великой России» [13, с. 52].

Востоковеды позднеимперского периода, то самое «творческое меньшинство», составляли часть русской интеллигенции, у которой, по выражению Исаи Берлина, «обостренная чувствительность к нравственным, социальным и эстетическим проблемам, важное значение которых» в конце концов их западные коллеги осознали лишь во второй половине XX века [23, с. 192].

Литература

1. Архангельский А. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1877. № 9.

2. Багратион-Мухранели И.Л. Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX –начала XX века. Дисс.... д. филол. наук. Тверь, 2015.

3. Бентковский И.В. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины её живучести // Ставропольские губернские ведомости. 1877. №5-6.

4. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. В 2 т. Т.1. СПб., 1896.

5. Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь/ Под ред. И. Андреевского, К. Арсеньева, В. Шевякова. СПб., 1901. Т. 34. Кн. 67.

6. Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии/ Перевод с франц. Д.В. Соловьева. СПб.: «Искусство – СПб», 2011.

7. Владимирцов Б.Я. Буддизм в Тибете и Монголии // Ермакова Т.В. Указ.соч.

8. Джалаева А., Цапник Г. «Аюкинцы» глазами иностранца // Известия Калмыкии. 1, 8, 15, 22 февраля, 1 марта 2014 г.

9. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Роберт П. Джераси; авторизов. пер. с английского В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

10. Енисейский альманах. Красноярск, 1828.

11. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века (Россия и сопредельные страны). СПб.: Наука, 1998. С. 84-110.

12. Законы мунгальские и калмыцкие. Перевод с права мунгальского и калмыцкого народов// Северный архив. 1828. Ч. 31. №2. Ч. 32. №3; Сын Отечества. СПб., 1828. Кн. 1,3.

13. Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006.

13а. Кичикова Б. «Желай мне здравия, Калмык!» // Теегин герл. Элиста, 2011. №8.

14. Колчинский Э.И. Наука и гражданская война в России// Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003.

15. Ку-м А.К. Исторические сведения о калмыках, кочующих на земле войска Донского // Северный архив. 1824. №6.

16. Мاستюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века. М.: Форум; ИНФРА – М, 2014.

17. Мининков Н.А. Павел Петрович Сахаров – историк донского казачества// Казачий сборник. Вып. 3. Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2002.

18. Переводы с права мунгальского и калмыцкого народов// Восточные известия. Астрахань, 1814. №№45-49, 52; 1815. №№ 1, 2-7.

19. Ростовцев Е.А. Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе «корпораций» // Санкт-Петербургский университет в XVIII – XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф. 23-25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Издат. дом СПб. гос. ун-та, 2009.

20. [Свиньин П.П.]. Русский калмык, баденский придворный живописец// Отечественные записки. 1823. №42.

21. Станкевич Н.В., Мельгунов Н.А. Калмыцкий пленник. Отрывок из романтической поэмы// Молва. 1832. 16 сентября.

22. Тумим Г.Г. Детская литература об инородцах // Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / Под общей ред. Г.Г. Тумима и В.А. Зеленко. Пг., 1916.

23.Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / Вера Тольц; перевод с английского. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

24.Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып.1. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения. 1889. С. III.

25. Уложение монгольского и калмыцкого народов (Список П.Б. Шереметева)// Опыт трудов Вольного Российского собрания. М., 1776. Т. 3.

26. Хамаганова Е.А. Мункэ Борманжинов – бакша донских калмыков. Страницы жизни // Orient. Вып. 2-3. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. СПб.: Утпала, 1998.

27.Хара-Даван Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Эренжен Хара-Даван и его наследие: сборник статей и материалов / Сост. П.Э. Алексеева. Элиста: АУ РК «ИД «Герел», 2012.

28.Шастина Н.П., Сазыкин А.Г. А.М. Позднеев// Mongolica – VI. Посвящается 150-летию со дня рождения. А.М. Позднеева. Составитель И.В. Кульганек. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2003.

29.Щербатской Ф., Ольденбург С., Тубянский М. Институт изучения буддийской культуры. Объяснительная записка к проекту

учреждения при АН СССР Института буддийской культуры // Известия АН СССР. Л., 1927.

30.Юзефович М.В. Памяти Пушкина// Русский архив. 1880. III.

31.Bormanshinov A. Kalmyk Notes VI. 22. A Kalmyk Leonardo da Vinci // The Mongolia Society Newsletter. New Series. № 13 (1993).

32.Bormanshinov A. Who were the Buzāva? Mongolian Studies X (1986 – 1987).

В. Т. Дулахаева,
магистрант КалмГУ
им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

**Первые правительственные документы и материалы
по реабилитации калмыцкого народа
в первой половине 1950-х гг.**

Депортация (от лат. deportation) в законодательстве некоторых государств означает изгнание, ссылку. В период массовых репрессий в 1920-1940-х гг. депортации подверглись многие народы СССР.

Депортации как репрессии имели свои специфические особенности. Это, во-первых, их административный, т.е. внесудебный характер. Во-вторых, репрессии были направлены не на конкретное лицо, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную. Решения о репрессиях принимались, как правило, руководителями Коммунистической партии и советского правительства, по инициативе органов ОГПУ-НКВД СССР.

Долгое время трагедия выселенных народов оставалась запретной темой. В общесоюзной и российской историографии эта проблема до начала 90-х годов XX века не являлась объектом специального исследования. Официальная историографическая наука в течение нескольких десятилетий умалчивала даже сам факт депортации репрессированных народов.

Процесс депортации калмыков с точки зрения историографического освещения, естественно, берет начало с указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Согласно этому указу, калмыки были обвинены в измене Родине, а Калмыцкая АССР – ликвидирована. Эта оценка отражала позицию тогдашнего советского руководства и была призвана решать политическую задачу – объяснить и оправдать ликвидацию автономии народов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа и поголовное насильственное выселение этих народов в восточные районы страны. Она определила оценки депортированных народов и во всех последующих документах советского руководства на разных уровнях вплоть до XX съезда КПСС.

Перелом в советской историографии этой проблемы наметился после смерти И.В. Сталина, и произошел он в результате XX съезда КПСС и предпринятой новым советским руководством работы по развенчиванию культа личности. Особый интерес представляет доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. Было признано, что власти более не считают выселение репрессированных народов законным и правильным. Как правильно отметили многие исследователи, несмотря на то, что в докладе Н.С. Хрущева была показана роль И.В. Сталина в организации политических репрессий в стране, тем не менее, обвинения в его адрес прозвучали [1, с. 10].

Научная разработка проблемы депортации калмыцкого народа и его реабилитации смогла начаться лишь после восстановления калмыцкой автономии в начале 1960-х гг. в связи с подготовкой к печати сборника официальных документов и материалов «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [2]. Во «Введении» к этому сборнику впервые в отечественной историографии были обозначены некоторые вопросы этой проблемы. Стоит заметить, что в 1985 году этот сборник, получивший широкие отклики в научной общественности, вышел вторым, затем и третий изданием.

Через десять лет после восстановления калмыцкой автономии вышел первый обобщающий труд по истории Калмыкии (второй том), где в главе VII «Калмыцкая АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)» освещается довольно содержа-

тельно вклад калмыцкого народа в победу над фашизмом в Отечественной войне [3].

Параграф 4 той же VII главы кратко констатирует события 1943 года: «в конце 1943 – начале 1944 г. Калмыцкая АССР была упразднена, калмыцкое население подверглось переселению в восточные районы страны. Было сфабриковано ложное обвинение в адрес целого народа в сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины» [4, с.309]. Создается двойственное впечатление: с одной стороны, упоминание об упразднении и выселении калмыков, а также признание несправедливости этих актов являлось в те годы небольшим шагом в реабилитации народа; с другой стороны, отсутствие более подробного освещения депортации объясняется официальным подходом в историографии.

Истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны посвящена работа М.Л. Кичикова [5, с. 267], вышедшая в 1974 году. Несмотря на то, что это одна из самых подробных работ по истории Калмыкии в Великой Отечественной войне, период депортации в ней практически не освещен. В главе V о депортации автор писал: «В конце декабря 1943 г. Калмыцкая АССР была упразднена, а ее коренное население было переселено в восточные районы страны. В Сибири, Средней Азии, Казахстане калмыцкое население при поддержке местных партийных и советских органов, рука об руку с местным населением своим самоотверженным трудом ковало в тылу окончательную победу над гитлеровской Германией и империалистической Японией. Это привело к повышению продуктивности животноводства многих районов Сибири, особенно Алтайского края» [6, с.171].

Таким образом, при анализе советской историографии и официальных документов можно прийти к следующим итогам по освещению проблемы депортации: 1) о признании на XX съезде незаконной и несправедливой депортации калмыцкого народа; 2) о сфабрикованности ложного обвинения калмыцкого народа в сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины; 3) об упразднении в декабре 1943 года Калмыцкой АССР и выселении в восточные районы страны, а именно в Сибирь, Крайний Север, Сахалин и Казахстан; 4) о самоотверженном труде калмыков в местах выселения; 5) об отзыве с фронта военнослужащих на строительство Широковской ГЭС, где трудились около 5 тыс. калмыков.

Новые подходы в изучении истории нашего государства стали возможными в конце 80-х гг. прошлого столетия, в период так называемой перестройки М.С. Горбачева. В связи с преобразованиями, начавшимися в СССР, ученые приступили к комплексному рассмотрению государственной национальной политики, в том числе и ранее не исследованных ее аспектов.

Большим толчком в развитии исследований данного направления явились принятые Верховным Советом СССР правовые документы, в частности, Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» от 14 ноября 1989 года и постановление Совета министров СССР «Об отмене постановлений бывшего Государственного Комитета Обороны СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению».

Огромную роль сыграло появление распоряжения кабинета министров СССР от 26 марта 1991 года №225 «О рассекречивании нормативных актов и материалов, связанных с противоправным насильственным переселением отдельных народов из мест проживания», а также незаконной ликвидации некоторых национально-государственных образований.

Постепенное открытие соответствующих фондов в центральных и региональных архивах России и др. стран СНГ привело к высокой активизации интереса к этой проблематике и многочисленным публикациям. Начиная с конца 1980-х годов, стали появляться публикации, в которых на общесоюзных материалах рассматривается тема депортаций в 30-50-е годы XX в. отдельных народов, народностей и групп населения, в частности, поляков, немцев, корейцев, финнов, калмыков, карачаевцев, ингушей и чеченцев, балкарцев, крымских татар, народов Прибалтики, а также части белорусов, молдаван, народов Закавказья, евреев.

Следует отметить недостатки основной массы публикаций по данной теме, учитывая при этом, что историки-исследователи находились на начальном этапе изучения этой сложной проблемы. Появление в научном обороте ранее недоступных документов привело к тому, что в основной массе публикации были перегружены фактическим материалом, статистикой, нормативными актами. Что касается анализа данных документов, то он нередко был до-

вольно поверхностен или просто подменялся общими рассуждениями.

В 1990-е годы XX в. происходило становление историографии по каждому из подвергшихся депортации народов. В начале это были публикации, которые рассматривали проблему в обобщающем плане, но в основном конкретно по каждому народу или народности.

Можно выделить работы исследователей Н.Ф. Бугая, А.А. Германа, В.Б. Убушаева, К.Н. Максимова, В.А. Исупова и др., а также воспоминания самих депортированных.

Одним из первых исследователей проблемы депортации калмыков стал Н.Ф. Бугай. Работа Н.Ф. Бугая была посвящена непосредственно депортации калмыцкого народа: «Операция «Улусы» (Трагические страницы в истории Калмыкии конца 20-х-начала 50-х гг. XX в.)» [7], которая вышла сразу после открытия архивов, что сделало её актуальной и популярной среди не только научной интеллигенции, но и широкого круга читателей. Важным достоинством работы является ее тщательное разработанный научно-справочный материал, точные ссылки на использованные источники, что значительно повышает ее научную значимость. Впервые в книге были использованы еще не обработанные, извлеченные непосредственно из документов статистические данные о численности высланных семей и людей, о размещении их в местах ссылки – Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской и Омской областях, смертности ссыльных при переселении, о значительном превышении смертности над рождаемостью в местах проживания спецпереселенцев и т.д.

Одной из первых работ по депортации калмыцкого народа была книга В.Б. Убушаева, вышедшая в 1991 году: «Калмыки: выселение и возвращение 1943-1957 гг.» [8] почти одновременно с трудом Н.Ф. Бугая. Книга написана в научно-публицистическом стиле, так как рассчитана в основном на широкий круг читателей.

Стоит отметить и работу П.Д. Бакаева: «Размышление о геноциде». Депортацию калмыцкого населения в 40-е гг. прошлого столетия он назвал «четвертым потрясением», постигшим многострадальный народ (первое – уход калмыков в 1771 году; второе – гражданская война и 20е гг.; третье – голод, коллективизация и политические репрессии 30-х гг. XX в.) [9].

В начале 90-х годов XX в. по инициативе историков Калмыкии состоялись российские и международные научно-практические конференции по проблемам репрессированных народов: в Элисте в 1992 г., 1993 г., 2003 г., в Карачаевске – 1993 г., в Нальчике – 1994 г. В научных докладах и сообщениях участников конференций была предпринята попытка показать участие репрессированных народов в Великой Отечественной войне, ликвидацию их национальной государственности, расселение в новых местах спецпоселения, их трудовое и бытовое устройство, социально-философское осмысление причин геноцида и проблемы развития репрессированных народов России на современном этапе.

Сравнительно недавно В.Б. Убушаев совместно с К.В. Убушаевым опубликовали крупное исследование, посвященное выселению и возвращению калмыцкого народа, его возрождению. При написании работы были использованы различные виды архивных сведений, начиная с законов и указов и заканчивая приказами НКВД.

Говоря об изданных до настоящего времени трудах по теме депортации некоторых народов в СССР, следует подчеркнуть, что большинство авторов занимается историей депортации и реабилитации только одного народа, почти не увязывая его судьбой других народов, без сравнительного анализа, ссылок на документы, свидетельствующих о лишениях и потерях др. народов.

До настоящего времени лишь в работах некоторых крупных исследователей и сборниках документов последнего времени опубликованы архивные материалы, касающиеся депортации большинства репрессированных народов. Но это лишь маленькая часть тех источников, которые имеются в российских архивах. Они не позволяют сделать главного: составить целостной картины причинно-следственных связей депортации целых народов и групп населения, их повседневной жизни на спецпоселении. Кроме того, уже опубликованные и введенные в научный оборот документы и материалы нуждаются в серьезном научном анализе и обобщении.

Безусловно, огромная трагедия репрессированных народов России в XX веке по своему содержанию и характеру настолько сложна, что требует объединения усилий историков, юристов, социологов, экономистов и демографов, чтобы сделать объективные выводы для грядущих поколений.

Литература

1. Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943-1959 гг. Элиста, 2007. С.10.
2. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Элиста, 1967.
3. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970.
4. Там же. С.309.
5. Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста, 1974.
6. Там же. С.171.
7. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы»: (Трагические страницы в истории Калмыкии конца 20-х начала 50-х гг. XX в). – Элиста, 1991.
8. Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943-1957 гг. Элиста, 1991.
9. Бакаев П.Д. Размышление о геноциде. Элиста, 1992.

А. С. Кдиршаев, *д-р пед. наук, профессор,*
О. А. Кдиршаев, *магистр,*
Б. Е. Шагимгереева, *магистр,*
А. С. Мендигалиева, *магистрант,*
Западно-Казахстанский государственный
университет им.М.Утемисова,
Казахстан, г. Уральск

Традиции красноречия у кочевых народов (на примере казахов)

Красноречие – отличительное качество личности лидера. Красноречие нужно принимать как дар, с помощью которого мы покоряем сердце и разум слушателя, заставляем поверить в то, о чем рассказываем, в чём убеждаем. Красноречие – талант, присущий людям, у которых развита не только речь, но и мыслительная деятельность, у которых прекрасное чувство языка. Красноречие – это не только умение заставить слушателя без каких-либо трудностей прислушаться к разговору, но и искусство вызвать особый инте-

рес у слушателя, особое стремление понять сущность вопроса. Красноречие – ораторское искусство, умение говорить о любом конкретном предмете и при этом приблизить слушателей к своим мыслям. Красноречие – искусство, которое волнует и очаровывает внутренний мир слушателя красотой слов, яркостью образов. Красноречие – искусство, которое осуществляется и приводит ко всем достижениям через слово. В этой связи оно объединяет все, вмещает все достоинства и силу искусств. Значит, красноречие – высшая стадия языкового искусства и культуры речи. Также ораторская речь – наука об обществе и об управлении им. Ораторская речь – устное обсуждение определенного вопроса, раскрытие истины определенной мысли. Красноречие – устное литературное творчество. Истина в том, что красноречие рождается от эрудиции и знаний, от мощной интуиции и глубокого чувства, от резвого сознания и безудержной фантазии, в результате большого труда и глубоких раздумий. В то же время суть красноречия кроется не только в ораторах, но и в сложившейся ситуации.

Ораторство – искусство, требующее понимания увиденного-услышанного, постоянного вступления в полемику, усердной тренировки. Ораторское искусство – это мощное средство, которое в любую эпоху, в любом обществе глубоко влияло на большинство, овладевало его сознанием и чувствами, преисполняло силой и которое по сей день не утратило своей силы и достоинства. Ораторское искусство – одно из ценных и почитаемых духовно-культурных искусств народа. Ораторская речь – народная мудрость, умственная способность, источник литературного языка. Традиционная ораторская речь – остроумная мысль, переданная художественным языком, принятые и используемые народом слова, сказанные относительно какого-либо вопроса. Ораторская речь – умение ответить обоснованно и быстро на высказанную мысль. Долгие раздумья, медлительность не сочетаются с красноречием. Ораторское искусство родственно импровизаторскому поэтическому дару. Хотя, в общем, ораторское искусство только формально называют искусством, на самом деле – это творческий вид деятельности, которым может овладеть любой. Каждый грамотный человек при непрерывном, упорном, нацеленном на результате труде может освоить основы красноречия, то есть может интересно и убедительно произносить речь перед аудиторией.

Исходя из трудов ученых, в том числе Платона, красноречие есть мастерство убеждения, в котором заключаются весь смысл и задача. Аристотель же говорил, что задача риторики состоит не только в убеждении, но и в умении находить способы убеждения в определенных ситуациях. Выдающийся мыслитель Абу Наср Аль-Фараби считал, что если диалектика будет способом заключения логичных доводов, основанных на знании, то риторика основывается на обоснованном красноречии, последовательности мысли, слаженности сути и понятия. Ахмет Байтурсынов обобщал, что цель красноречия – не только высказать основное мнение, растолковать разными доводами, но и убедить в этой мысли, внушить, привлечь внимание, запасть в душу. Согласно М.Сперанскому, основа красноречия кроется в увлеченности, в чувственной сути. Основной принцип красноречия – влияние на сердце, подчинение разума. Согласно Ф.Честерфильду, основная цель красноречия заключается в убеждении человека. *Значит, красноречие сегодняшнего лидера должно быть выше данных выводов и заключений.*

Знать и различать ораторов-биев (Майкы, Кетбуга, Асан кайгы, Жиренше, Толе, Казыбек, Айтеке, Сырым) в древней истории казахов, художественной литературе, изучение наследия, при необходимости применять их – правила для молодого оратора. Мнение о связанности возникновения и становления ораторского искусства с образованием общества подтверждает и история развития казахского ораторского искусства.

Таким образом, литературное наследие есть отрасль, являющаяся гордостью богатого культурного наследия казахского народа. Слова, полные глубокой мысли и ума, сочетающиеся с философией, усердие, порыв, увлечение, справедливость – качества, показывающие благородство казахского устного народного творчества. И поэтому казахская пословица гласит: *«Вершина искусства – красноречие»* («Өнер алды – қызыл тіл»). Казахский народ ценил слово как одно из важных средств взаимоотношений в обществе. Как *«уместное слово не вызывает спора»* («Сөз тапқанға қолқа жоқ»), так и к месту сказанные слова быстро распространялись среди народа и становились для большинства поучительными. Такие слова назидания передавались из уст в уста, из поколения в поколение, дошли до наших дней. Хранящееся веками устное творчество казахского народа – неиссякаемый источник, неисчерпаемая казна.

Культурное наследие казахского народа, не учитывавшееся долгое время, изучаемых авторов великих слов, слова ораторов и слова назидания биев занимают почетное место в фольклоре казахского народа. Передавшиеся от ораторов такие слова, с одной стороны, – зеркало, отражающее все грани казахского общества и их жизнь, с другой стороны, показывают уровень развития мышления, самосознания народа, общее направление мировоззрения, достигшего совершенства. Красноречивые слова, сказанные от имени нации, народа, края, справедливые взвешенные решения сделали известными среди всего казахского народа имена ораторов-биев, советников-аксакалов. Таким образом, смелые и острые на язык ораторы-бии – наши национальные предводители. Устные выражения, авторы которых нам известны в казахской литературе, в фольклоре, это слова данных ораторов-биев. В казахской истории насчитываются сотни людей, чьи слова назидания распространились в народе, слава которых не исчезла со временем, наоборот, их слова остаются актуальными и сегодня. Большинство ораторов, слова которых дошли до нас, берут начало со времен становления казахского ханства. Но в то же время известно, что Сыпыра жырау, изображающийся в богатырских эпосах, описывающих древние времена казахского народа, являлся предсказателем и мудрецом, воплощающим в себе вековую историю степи. Следовательно, общие для всех трех жузов казахского народа Асан кайгы, Жиренше шешен, Сыпыра жырау были из ряда тех избранных, кто умел извлекать опыт из прошлого, являлся поддержкой для народа, предвидел его будущее. Имена ораторов, чья слава распространялась далеко за пределы своего народа, меткие выражения, которые ставили на место провинившегося, сохранились и во времена распада ханства Алтын Орда, также начинают определяться со дня становления Казахского ханства.

Казахская пословица *«У истоков цельного слова только один человек, а именно – Майкы би»* (*«Түгел сөздің түбі бір, түп атасы – Майқы би»*) является подтверждением тому, что народ находится в поиске истоков назидательных слов. Упомянутый Майкы би – личность времени правления Чингиса, Жошы. Слова назидания таких ораторов Великого жуза, как Жаныс Толе бий, Саржан бий, Среднего жуза – Тобыкты Анет баба, Аргын Казыбек бий, Суйндик Айдабол бий, Ормамбет бий, определивший достоинство

мужчины двумя словами Едиге бий, Керей, Жанибек бии, Аргын Бекболат, Тиленши бий, Младшего жуза – Алшын Айтеке Бий, Каражигит бий, Маме Бий, Кара Тока Есет бий, Монке бий, являются богатым наследием народа. Говорят, несколькими назидательными словами определялось достоинство мужчины, решались дела рода. Значит, все дела казахского народа решались перед мудрецами, которые знали толк в слове, и все подчинялись данным назидательным словам ораторов. Если рассматривать значение данных слов, то они охватывали все грани жизни, замечается, как глубоко они распространились в народе. Такие ораторы мало говорили, но многому учили. Беря урок от увиденного и услышанного, опираясь на справедливость, делая выводы, они воспитывали народ, призывая беречься от зла и быть ближе к добру. Во времена, когда на страну надвигалась опасность, либо когда народ обессилел от войн, либо когда жестокость хана, несправедливость брали верх, и простой народ изнывал от нетерпимости, слова ораторов-биев оказывали отпор, и такое не повторялось вновь.

Не говоря о временах правления Аз Жанибека, Аз Тауке, период становления казахского народа при Абылай хане особенно ярко запечатлен в истории казахского народа. Мудрый Абылай, собирая вокруг себя мудрых людей, стремился делать благие дела для народа. В те времена огромные земли, воды, богатство казахского народа не давали покоя многим его врагам. Казахский народ дрался в схватке со многими врагами, встречался со многими трудностями. В те дни ораторы-бии благодаря мудрости вместе с батырами сохранили целостность государства, защитили честь народа. Это доказывает, как во времена Аз Жанибека было только два типа людей: одни – батыры, другие – бии.

В истории народа ораторские речи встречались не только в столкновениях и спорах во время ярмарок, но и известно, что не ограничивались поэтическими, ораторскими айттысами. В этой связи немало показательных, поучительных, агитационно-пропагандистских, шуточных слов выдавших многое мудрецов. Однако очень трудно определить, когда данные слова возникали и как они формировались. Например, в истории древних греков указывается, что становлению ораторского искусства способствовал знаменитый закон Солона. Социальные реформы государственного деятеля Древней Афины Солон (638-558 гг. до н.э.), направленные на демократиза-

цию рабства и судебных дел, назывались «закон Солона». Согласно закону Солона, каждый гражданин Афин должен был защищать свои интересы. Понятно, что не каждый мог сделать это. Исходя из этого появились логогрифы – люди, заранее готовившие речь, которая позже говорилась на судебном заседании.

Древний закон обычая (похожий на «Жеты жаргы»), который рассматривает споры в казахской общине, похож на закон Солона греков. Значит, в казахской общине использование ораторской речи как народного способа в решении споров компромиссным путем влияло на развитие традиционного ораторского искусства. Как и жители Афин, которые в целях защиты и отстаивания перед публикой своей точки зрения и политических целей должны были работать над своими ораторскими способностями, так и казахские бии должны были знать традиции народа, быть острыми на язык и красноречивыми для вынесения справедливого решения относительно решаемого спора. *Значит, личностные качества сегодняшних лидеров нации должны отличаться данными умениями и навыками.*

Одним словом, присущие лидерству ветви истории казахского ораторского искусства разнообразны. Знание ветвей народного ораторского искусства – залог воспитания рассудительного и красноречивого лидера. Всем известно, что народ всегда обращал внимание на искусство речи. В настоящее время ощущается, что народ нуждается в высоко культурных лидерах, владеющих ораторским искусством в разных сферах. Вновь вернувшаяся наука об ораторском искусстве, «полезное коммуникационное условие и средства его формы», призвана повышать культуру речи в обществе и должна представлять пути воспитания, формирования личностей лидеров-ораторов [1, с.13]. А как мы учим последующее поколение наследию, дарованному нам нашими предками – духовному богатству в виде ораторского искусства? Например, одна из граней ораторского наследия казахского народа, которую должны понимать юные лидеры, – *слово обладает могучей силой, у слова есть присущая ему краска, вкус, есть свойство влиять на чувства человека, а сила его передается голосовым ритмом.* Значит, звучность – главное орудие, выражающее различные качества говорящего. Люди, которые перед аудиторией боятся своего противника, не могут уместно использовать слова, и дрожание голоса может

передать, что ты из себя представляешь. Например, из народной летописи мы знаем, что слова Казыбек бия, адресованные хану калмыков Контажы, проговариваются с особой сдержанностью, каждое слово звучное, нет места суете, запинке. Замечаем, что его враг благодаря степенно произнесенной речи, приятному низкому голосу, без промедления высказанным словам определяет психологию говорящего. Там чувствуется не только храбрость, настойчивость Казыбека, но и дружеская расположенность. Слова оратора расслабляют внутрений мир противника, приводят в замешательство, но они также кратки, выражают готовность в сопротивлении, в них нет места отклонению от клятвы, они сбивают мысли противника и заставляют задуматься. Например, во времена Абылая и враждебности между калмыками и казахами хан калмыков Контажы с многочисленным войском нападает на окраину территории, где мирно живет казахский народ. Вместе со стадами овец и табунами лошадей он забирает сыновей – «в качестве рабов, дочерей – в качестве рабынь». Не тот ли он Контажы, который бил себя в грудь, говоря, что он *«оратор, не уступающий в слове, вождь, не уступающий дорожку, батыр, ведущий за собой отряд, заменяющий собой тысячи людей»* («Сөз бермейтін шешенмін, жол бермейтін көсеммін, қол бастаған батырмын, мың кісіге татырмын»). Контажы убивал всех людей из враждующих с ним стран, появившихся перед ним, а и их лошадей добавлял к своему табу. К этому самому Контажы собираются ехать 100 посланников из числа желающих. В то время Казыбек был пятнадцатилетним молодым парнем, седлавший стригунка. Абылай, провожавший послов, дойдя до одной из возвышенностей, остановил всех и сказал:

- *Батыр болып қол бастау, көсем болып ел бастау оңай емес. Осының бәрінен де ел тағдырын шешерлік сөз бастау оңай емес. «Жауластырмақ жаушыдан, елдестіркек елііден». Ел тағдыры қылыштың жүзімен де, шешеннің сөзімен де шешілетін кез болады. Айтылған сөз атылған оқпен тең, оны қайтып ала алмайсың, байқап сөйлеңдер. Дәлдеп атып жауды өлтіруге де болады, дәлдеп айтып көндіруге де болады. Қонтажыға құлақкесті құл емес екендігімізді естеріңнен шығармаңдар. Жау алдында жасық елдің адамына ұқсамаңдар. Тауындағы түлкіні бабындағы тазы алар. Тозғындаған аққуды шалғындаған қаз алар. Бірліктерің берік болсын. Үлкендеріңді кішің сыйлаңдар. Орынды жерінде кішіні де*

тыңдаңдар. Басшыларың Тайкелтір би болсын, атишыларың мына тайлы бала болсын. Атишыдан бастап басшыға дейін ел намысы үшін бара жатқан еліңі екендеріңді естеріңнен шығармаңдар. Қонтажы икемге келетін болса, асықпассыңдар, егер икемге келмесе, қар суы кеппей келетін болыңдар. Ал, жолдарың болсын, барыңдар (Будучи батыром, не легко вести за собой отряд, будучи мудрецом, не легко возглавлять народ. Из всего этого не легко начинать речь, которая решает судьбу народа. «Раздор зависит от посредника, перемирие – от посла»). Бывают времена, когда судьба решается острием меча, словом оратора. Произнесенное слово подобно пуле, которую не вернуть: говорите обдуманно. Можно, метко прицелившись, и убить врага, можно, метко высказавшись, и убедить его. Не забывайте, что мы не рабы Контажы. Не будьте похожи перед врагом на людей слабого народа. Справный тазы одолеет лису на высоте. Гусь на сенокосе одолеет лебедя в упадке. Пусть будет прочным единство. Младшие, уважайте старших. К месту слушайте и младшего. Пусть главой будет Тайкелтир бий, а коневодом – этот мальчик на стригуне. Начиная от коневода до главы, не забывайте, что вы послы, идущие за честь народа. Если Контажы будет благосклонен, не торопитесь, если же не склоним – возвращайтесь, пока не растает снег. Ну, в добрый путь, идите), – сказал Абылай и остался стоять на возвышенности. Посланники пустились в путь к Контажы.

В свою очередь посланники достигают ханской орды. Тайкелтир Айдабола был скрытным человеком, говорит учтиво и складно. Не решаясь сразу раскрываться перед ханом и стараясь понять замысел хана, начинает разговор:

- Алдияр, мы пришли к вам, борясь со своей гордостью! («Өгізді өлеңге, өрлікті төменге байлап, алдыңызға келіп отырмыз, алдияр!») – обращается он к хану.

Слова Тайкелтира, с самого начала произнесенные скромно, заставляют хана возвыситься, почувствовать себя выше, сильнее, и он начинает свирепеть. Привыкший издеваться над слабыми, высокомерный хан, в полулежачем положении, опираясь на локоть, отвечает следующее:

- До вечера дам вам какой-нибудь ответ, если же не отвечу, можете возвращаться, пока целы ваши лошади, к себе на родину, – и указывает в сторону порога. Не зная, как продолжить разговор,

Тайкелтир запинается. В это время мальчик, сидевший у порога, встает с места и произносит:

- *Народ не перекаати-поле, а мужчина не бабочка, господин! Прошу высказаться! (Ел ебелек емес, ер көбелек емес, тақсыр! Дат!)* – Хан спрашивает у мальчика:

- Ты кто такой?

- Мой народ – казах, род – Каракесек, отец – Келдибек, имя мое – Казыбек. В народе был главой детей, а здесь я коневод старших. Первый раз участвую в скачках, – отвечает мальчик, нисколько не мешкая.

- Даю тебе слово! – и хан показывает на место перед собой. Мальчик не спеша идет к хану и, не отводя глаз от него, говорит:

*Қазақ деген мал баққан елміз, Ұл мен қыз сенің тұтқыныңда
отырса,*

*Ешкімге соқтықпай жай Оларды азат етпей еліміз тын-
жатқан елміз. байды.*

*Елімізден құт қаипасын деп, Қатты болсаң, темір
шығарсың*

Жерімізді жау баспасын деп, Сен темір де, мен көмір

Найзамызға үкі таққан елміз. Еріткелі келгенмін.

Жау аяғына басылмаған елміз, Сен көкте ұшқан құс болсаң,

*Ешбір дұшпан басынбаған Мен іліп түсер сұңқармын.
елміз.*

*Адал көңілімізді жасырмаған Сен жерде жортқан аң болсаң
елміз,*

*Басымыздан намыс асырмаған Мен қуып жетер тұлпармын.
елміз.*

*Атаның өсиеті балаға, Сен қабылан болсаң, мен ары-
стан –*

Баланың айтатын анты анаға: Алысқалы келгенмін.

– *Арымнан жаным садаға!*

Ерлеріміздің анты осындай, Жау тілегенге жасыл түседі,

Еліміздің салты осындай, Табысқалы келгенмін.

*Елімнің шетіне ойран салған Елімнің шетіне ойран салған
өзің,*

Досымызды сақтай білген Беретін болсаң, айыбыңды елміз,
 Дәм-тұзын ақтай білген елміз. мойындап бітім бер!
 Еңкейді деп шалқая берме, Болмаса тұрысатын жеріңді айт,
 Асқақтаған хандардың Шабысқалы келгенмін! – депті
 [2, с.99].

Ордасын таптай білген елміз.
 Анадан ұл туса, құл боламын
 деп тумамайды,
 Енеден қыз туса, күң боламын
 деп тумамайды.

Мы – казахи, в степи пасем Дочь, рожденная честной ма-
 скот, терью,
 Никому не угрожаем, мы – мир- Рабыней не станет.
 ный народ.

Чтобы счастье и удача не по- Мы вольные люди, дети степи,
 кинули нас,

Чтобы враг невзначай не ри- Сыновей и дочерей своих
 нулся на нас,

Мы держим копье наготове, в неволе содержать не станем.
 И знаем цену доброго слова. Если вы – железо, мы распла-
 вим вас.

Мы – народ верный в дружбе, Мы за мир, не за вражду.
 Мы гостеприимны и щедры. Коль надо – схлестнемся в от-
 крытом бою.

А в грозный час, когда это И клинком, и мечом отстоим
 нужно, свою честь,

Ханские юрты обрушим мы. Ты – леопард-кабан, я – лев-
 арыстан,

Сын, рожденный от достой- Ты – скакун-тулпар, я – горный
 ного отца, сункар

Никогда рабом не станет.

И спуску вам не дадим.

*С добром пришли – добром от-
веть,*

*Не хочешь мира – получишь во-
йну [2, с.99].*

Хан продолжал сидеть, выпучив глаза, чуть позже, будто бы придя в себя, с восхищением сказал:

- Вот какой звонкий твой голос, какие голосистые бывают казахи. Будь с этого дня Каз дауысты Казыбек. Садись рядом со мной, – и приглашает к себе. Так, посланники смогли сломить хана в сторону справедливости. Каким бы упрямым ни был Контажы, ему пришлось согласиться. Он намеревается освободить пленных и вернуть имущество с взысканием. Трудно было хану возвращать все, пока собрали – наступила весна. Посланники засобирались в путь. Очень много народу собралось, чтобы проводить их. Во время проводов один молодой парень казах подошел и высказал свою жалобу:

- Я – табунщик, меня схватили люди Контажы, когда я пас табун. Привели сюда в плен. Один уазир отобрал мой полушубок. Я не хотел по своей воле отдавать, но меня избили и сломали зуб. У меня была единственная лошадь, но я не могу найти ее среди этого табуна. Мой резец сломан – я перестал смеяться, отобрана одежда – изменился вид, если я лишусь коня, то пропадет мой сон, что вы скажете на это, народ? – сказал тот парень.

Хан и посланники стояли лицом к лицу. Народ стал окружать их в ожидании развязки ситуации. Неожиданная жалоба парня вновь привела к конфликту интересов.

Хан, намеревавшийся сесть на свою лошадь, возразил:

- То, что ты называешь лошастью, наверно, худой стригун, а полушубок – шкура барана, после перемирия надобно ли поднимать шум? «Если сломана рука, то она остается в рукаве, а если сломаны зубы, то остаются во рту». Слова хана были к месту. Посланники почувствовали, что снова оказались в тупике. Тогда Казыбек, оседлавший стригуна, сказал:

- *Қалайша тіс сынса, ауыз ішінде, қол сынса, жең ішінде кете бермек. Біз – жаманымызды жасырмайтын, жақсымызды*

асырмайтын елміз. Астыңдағы мінген ат, қанат емей немене, Тоқтышағым терісі, жанат емей немене, Ауыздағы отыз тіс, болат емей немене, Қанатынан айырылу, болатынан майрылу оңай емес, хан! Табысқаның рас болса, еліміздің адамын қанатынан қайырмай табыс, болатынан майырмай табыс, жанатынан айырмай табыс. Жаяу, жалаңаш жүре беретін ол – сенің құлың емес, еліміздің ерікті ұлы. Ерікті ұл көрікті болуға тиісті (Как мы уйдем, когда сломанные зубы – во рту, а сломанная рука – в рукаве? Мы – народ, который не скрывает плохое и не хвалится добром. Лошадь – крылья батыра, а шкура барана разве не шуба? Разве тридцать зубов, что, не сталь? Хан, нелегко лишиться крыла, стали. Если правда, что мы братские народы, сойдишь с нами, не лишая парня крыла, стали, шубы. Он не твой раб, который может идти пешком, он – наш джигит. Джигит свободного народа должен соответствовать ему).

И в этой полемике хан бесспорно проигрывает Казыбеку.

- Мой енот – твой енот, – с этими словами снимает свою енотовую шубу. Мой скакун – твой скакун, – отдает свою лошадь. Мой клинок – твой клинок, – отдает свой меч. Парень одевает шубу, берет меч и садится на коня. Когда посланники тронулись, хан остался стоять на месте. Контажы, понимающий суть слов назиданий, был бессилен перед Казыбеком. Исполняет все пожелания. Так, благодаря метко сказанным словам целый народ сохранил свою честь. *Согласно нашему мнению, высокий пример ораторства, присущий лидеру, должен быть именно таким.*

Также к поучительному влиянию казахского ораторства относят ораторскую свободу мысли, свободу слова, красноречивое расположение слов во время устной речи, усиление эффекта, умение уместить смысл в сказанные слова, умение остановить словом, сбивать с толку, заставить оппонента вслушиваться в смысл слов, умение говорить загадками, намекать, символизировать, говоря об одном, иметь в виду другое, то есть вести к глубокому устремлению и вдумчивости, что вычурно говорить является манерой речи народа, понимать, что оно развивает силу мышления, также можно добавить умение слушать других и брать пример, умение красноречиво говорить выделяют из толпы и являются качеством человека с резвым умом [3, с.53].

Слов гора, а суть, как крупица, мала, красноречие как источник духовного богатства – украшение лидера нации. Значит, призывая последующее поколение к назиданию ораторского искусства как примера национальной ценности, дарим вам здравомыслие. Сильное духом, духовно богатое поколение – надежная основа страны, будущее которого совершенно.

Литература

1. Кыдыршаев А.С. Шешендіктану (Риторика). Уральск, 2004. – 156 с.
2. Кыдыршаев А.С. Шешендік тағылымы (Ораторское искусство: ученье и опыты). Уральск, 2005. – 142 с.
3. Кыдыршаев А.С. Шешендіктану: теориясы мен практикасы (Риторика: теория и практика). – Уральск, 2012.- 230 с.
4. Кыдыршаев А.С. Шешендік өнер (Ораторское искусство). Уральск, 2015. – 60 с.

А. В. Львова,

*магистрант Тульского государственного университета
Россия, г. Тула*

Влияние внутренней миграции казачества на процесс взаимообогащения горской и казачьей культур

Процессы внутренней миграции, безусловно, присущи народам России. Одним из знаменательных событий в отечественной истории было появление казачьих сообществ на Кавказе, начиная с XVI и в период XVIII-XIX веков. Причины данного явления были различными: недовольство народа состоянием сословного государственного строя, реакцией на которое было создание вольных поселений с самоуправлением, переселение на Терек беглых старообрядцев; освоение новых территорий; введение института назначаемых императором наказных войсковых атаманов в 1723 г. для охраны границ государства. В совокупности это породило тенденцию включения казаков в государственную систему управления.

Казаки на Кавказе стали связующим звеном между местными народами и институтами российской государственной власти. В грубой форме это выражалось в участии войск наказных атаманов императора в Кавказской войне XIX века, но, несмотря на это, мирные формы взаимодействия русского казачества и горцев преобладали. Казачество зародилось на окраинных землях Русского и Польского государств в XV-XVII веках. Впоследствии расселились также на территории Среднего и Нижнего Поволжья, Предуралья, южного Урала, Сибири и Дальнего Востока. Широко распространена точка зрения на казаков как на «особый субэтнос, впоследствии ставший этносом», высказанная Л.Н. Гумилёвым [1]. Такую точку зрения поддерживает большинство российских этнологов и антропологов.

Необходимо отметить, что первыми русскими поселенцами на Кавказе и первым слоем казачества на Тереке были гребенские казаки, появление которых большинство историков относит к первой половине XVI века. Внутриполитическая ситуация на Тереке в XVI веке складывалась таким образом, что гребенским казакам пришлось поселиться рядом с племенами горцев. Поселившись по берегам Сунжи и Терека, казаки вступили в тесный контакт с кабардинцами и чеченцами. Все это создавало благоприятные условия для развития дружественных связей и различных заимствований между народами. Как отмечал в середине XIX века исследователь Кавказа И.Д. Попков: «у казаков всё горское – оружие, одежда, сбруя, ухватки. Почти все они водят дружбу с жителями аулов, чтят родство по похищенным женам. Гребенская женщина во множестве случаев была местного происхождения» [4].

Что касается кубанских казаков, то до образования в 1860 году Кубанского казачьего войска на территории Кубани несли службу Черноморское казачье войско и Кавказское линейное казачье войско, отличавшееся по этническому фактору: черноморцы состояли из запорожцев-украинцев, линейцы же были русскими с Дона; а также религиозному фактору: черноморцы являлись православными, линейцы – старообрядцами [5].

Так, одной из важных форм взаимоотношений горцев и казаков было аталычество. Его сущность состоит в передаче своих детей вскоре после их рождения из одной семьи на воспитание в другую. Отдавали на воспитание как мальчиков, так и девочек. Необходимо

отметить, что в результате исполнения обычая аталычества устанавливалось родство с тем или иным родом. Аталык всю жизнь оставался для воспитанника очень близким человеком, к которому он мог обратиться за помощью в случае нужды. Благодаря установленным крепким связям новые родственники помогали друг другу, обеспечивали защиту ребёнку в случае опасности. Зачастую ребёнка отдавали на воспитание представителям чужого этноса – для обучения языку, обычаям, нормам поведения и т.д. Данный аспект имеет отношение и к казачеству – терскому и кубанскому. Терские казаки имели обыкновение отдавать своих детей на воспитание в кумыкские, чеченские и иные семьи. Кубанские казаки обычно отдавали своих детей черкесам. В свою очередь, горцы также отдавали своих детей в терские и кубанские станицы, большей частью в семьи знакомых казаков, чтобы они учились разговорному русскому языку, что было одной из форм сближения с русской культурой [3].

Ещё одним важным общественным институтом, способствующим возникновению и укреплению связей между казаками и горскими народами, было куначество. В Энциклопедии Кубанского казачества приводится следующее определение куначества: «Куначество – обычай, распространенный у народов Северного Кавказа и казачества Терека и Кубани. Кунак у казаков, как терцев, так и кубанцев, считался другом семьи, практически родственником. Кунаки участвовали в семейных событиях друг друга, оказывали необходимую помощь один другому, проводили совместно свободное время, оказывали моральную и материальную поддержку. Также куначество помогало разрешать межнациональные конфликты: нередко старики-казаки и уважаемые аксакалы-горцы собирались вместе, чтобы разрешить тот или иной конфликт, возникший у молодёжи» [7].

Кроме того, взаимовлиянию горской и казачьей культур способствовало то обстоятельство, что национальный состав казачьего населения был неоднороден. Нередко «в казаки» уходили горцы, для которых, по какой-либо причине, невозможно было продолжение нормальной жизни в родном ауле. От новоприбывших казаки требовали принятия крещения и только после этого включали их в свои ряды. Также в казачьих семьях нередко воспитывались дети-сироты той или иной горской национальности, найденные в захва-

ченных аулах или же при каких-либо других обстоятельствах. Это было характерно как для терских, так и кубанских казаков.

Важнейшим видом социальных отношений казаков и горцев являлась торговля. Для удобства торговли были открыты специальные меновые дворы, которые сыграли значительную роль в расширении торгово-экономических связей местного населения с российскими переселенцами. Первый меновой двор был учрежден в Екатеринодаре в 1794 году. Тем самым провозглашалась войсковая монополия на меновую торговлю с закубанскими горами [2]. Благодаря торговле в обиход казаков вошли различные черкесские товары, и отдельно хотелось бы отметить наиболее необходимые кубанскому и терскому казачеству в силу их военизированного быта предметы торга: лошадей, одежду, оружие. Кроме того, большим спросом у кубанских казаков пользовались привозимые черкесами звериные шкуры и туши диких кабанов и свиней. Одним из важных продуктов обмена являлись вытканые казачками холсты.

Стоит отметить существование заимствования одежды и вооружения у горцев в среде казачества терского, а потом уже кубанского. Первоначально одежда и вооружение терских казаков не отличались от костюмов, носимых в тех районах, из которых они переселялись, но по прибытии на Кавказ казаки очень быстро стали заимствовать горское вооружение и костюмы, поскольку они лучше отвечали местным условиям, чем их прежняя одежда. Вместе с тем, одежда и вооружение отражали представления горцев о красоте, мужественности и олицетворяли тип лихого и отважного наездника, который на Кавказе стал понятен и близок казакам. Мужчины-терцы носили кавказскую бурку, бешмет, папаху, башлык и черкеску. Украшали себя кавказским поясом, кинжалом и газырями с металлическими или серебряными наконечниками. Праздничная одежда казака висела в избе на видном месте: несколько черкесок разных цветов, украшенных простыми и серебряными газырями, мягкая праздничная обувь – сапоги, ноговицы и чуваки с чулками, обшитыми галуном или бархатом [6].

В заключение стоит сказать, что все вышеперечисленные виды взаимообогащения казаков и кавказцев происходили неотрывно друг от друга, становились общим социо-культурным достоянием тех и других, задавая новый виток российской культуры.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. М., 2008.
2. Клочков О.Б. Деятельность генерала Г.А. Рашпиля по организации торговых отношений с горцами в контексте основных тенденций российской политики на Северо-Западном Кавказе в 1840-х гг. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. 2008. №1.
3. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С.63.
4. Попков И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
5. Ратушняк В.Н. История кубанского казачества. Краснодар, 2013.
6. Сизенко А.Г. Полная история казачества России. Ростов н/Д., 2009.
7. Федосов П.С. Казачество: традиции, обряды и календарные праздники. Ставрополь, 2009.

М. И. Магомедов,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра РАН,
Россия, г. Махачкала*

Миграционные процессы и проблемы сохранения дагестанских языков

Современный социально-экономический и этнокультурный облик Дагестана – во многом продукт миграционных процессов. В целом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и сегодня отличается относительной стабильностью. С середины XX века под влиянием миграционных процессов наблюдаются новые тенденции в этнической структуре населения Дагестана: снижение общей численности и доли представителей горных районов, увеличение численности и доли населения равнинной части региона. За

последние десятилетия изменилась привычная этническая структура. Тем не менее, опыт взаимодействия населяющих Дагестан народов друг с другом оттачивался веками. В итоге выработались механизмы единой самоорганизации и саморегуляции, которые до сих пор успешно срабатывают. Они в какой-то степени компенсируют недоработки государства в данной области. Миграция оказывает воздействие на разные стороны жизни общества. Разные народы и группы населения всегда взаимодействовали между собой. Как отмечает А.В. Головнев, «долгие века с момента эпохального «разделения труда» кочевники и оседлые сосуществовали в небесконфликтном, но устойчивом этногенезе» [1, с. 161].

Анализ миграционных процессов может дать дополнительную информацию о социолингвистической ситуации в Дагестане.

Многоязычие – исторически сложившаяся объективная реальность Дагестана, примечательная тем, что она создает условия и проблемы исключительного порядка, требующие неординарного, щепетильного отношения и диктующие особые подходы к их изучению, восприятию и разрешению. Сама структура расселения стимулирует высокую интенсивность миграционных и этнических процессов, которые в последние десятилетия принимают катастрофические формы. Из-за тяжелых социально-экономических условий в горных районах произошло массовое переселение горцев на равнины, где они проживают, как правило, в многонациональных населенных пунктах. Сегодня властные структуры должны предпринимать срочные меры по упорядочиванию миграционных потоков.

Мотивы миграций очень разнообразны, но главные из них носят социально-экономический характер и тесно связаны с улучшением условий жизни людей, поисками работы, получением образования, семейными обстоятельствами и т. п.

Процесс миграции населения с гор на равнину касается как «больших», так и «малых» народов. В этой ситуации дагестанские языки подвержены большому риску, так как вне своей исторической родины они не смогут выжить. По данным наших ученых, до 92 % школьников в Махачкале не владеют дагестанскими языками [2, с. 51]. Это серьезный и тревожный сигнал.

Бесписьменные языки Дагестана существуют только в устной форме. К сожалению, с каждым годом сужаются функции дагестан-

ских литературных языков, а о бесписьменных языках, у которых нет письменных памятников, в результате чего теряется история и культура его носителя, говорить и не приходится. Доминирующий в республике русский язык вытесняет письменные и бесписьменные языки в школе, на телевидении, в общении. Такая тенденция в недалеком будущем может привести к значительному изменению культурной картины дагестанцев. Статус дагестанских языков как государственных будет формальным до тех пор, пока они не займут надлежащего места в сферах культуры, образования и науки.

Так называемое стихийное «переселение с гор на равнину» – смешение районов и в результате – народов – привело к утрате родных языков. В городах особая ситуация – здесь роль родных языков, их функции практически сведены к нулю. Неорганизованная миграция в последние десятилетия привела к более серьезному оттеснению родных языков на вторую роль. Русский язык – язык межнационального общения, он необходим. Речь не идет о том, чтобы ослабить позиции русского языка. Речь о том, чтобы придать родным языкам статус государственных языков. В городах они не выполняют даже роли языков бытового общения, и во многих семьях, даже если это не смешанный брак и все члены семьи одной национальности, дома говорят только на русском языке.

Чуть ли не единственная возможность сберечь чистоту дагестанских языков – это сохранение сел. В свете эволюции миграционного вопроса представляется актуальным для будущего создание в горных районах соответствующих условий для проживания горцев. Если не будут созданы необходимые инфраструктуры, не будет оказана поддержка в создании рабочих мест в горных районах, проведении газа и т. д., то через определенное время – лет через 50 или 100 – мы практически потеряем дагестанские языки. Если носители языка не будут проживать компактно, эта большая опасность для дагестанских языков будет сохраняться. Также необходимо уже в ближайшее время уделить самое пристальное внимание организационной, учебно-методической и финансовой поддержке сельских школ. Качественная реализация данных мер будет, на наш взгляд, перспективной и полезной для всех участников миграционного процесса и послужит толчком в развитии экономики и сельского хозяйства Республики Дагестан. Всё это в случае активного воплощения в жизнь может привести к макси-

мально возможному упорядочиванию миграционного вопроса в республике, постепенной регенерации дагестанских языков и расширению сфер их применения.

Сегодня миграционные потоки населения с гор на равнину (в города) продолжают оставаться подвижными и динамичными, и, к сожалению, наблюдается их стабильное увеличение.

В этой ситуации для сохранения дагестанских языков в городах эффективным может выступить метод по созданию национальных школ. Допустим, одна из городских школ – даргинская, вторая – аварская, третья школа профилируется на другом языке, и так хотя бы по одной национальной школе. Естественно, патриоты родных языков будут приводить своих детей туда даже с другого конца города.

Миграционный процесс в Дагестане негативно сказывается также на качестве знания русского языка. Каково же положение русского языка в Дагестане на сегодняшний день, какие меры необходимо принять для его развития в регионе? Русский язык в Дагестане выполняет функции главного языка межнационального общения и главного по значимости языка науки, образования, культуры, средств массовой информации и т.д. [3]. Современный русский язык в Дагестане – это не совсем чистый, а во многом гибридный язык. Мы говорим на особом русском языке – на дагестанском русском языке или на махачкалинском русском языке, который сильно отличается от норм современного русского литературного языка. У нас очень много штампов, много искаженных слов, неправильное произношение. Знать русский язык – это значит знать в совершенстве литературу, фольклор, традиции, песни, танцы русского народа. Однако необходимо отметить, что миграционные и демографические процессы, происходящие в Республике Дагестан, объективно не ведут к сужению сферы применения русского языка в регионе.

Языку, как и народу, надо служить, самоотверженно бороться за него. К сожалению, сегодня мы не задумываемся над тем, что творится с нашими языками, не думаем о том, что человек, не знающий родного языка, лишается связей со своим этносом, со своими корнями, культурой и традициями и в определенной степени чувствует себя обделенным.

Каково же истинное положение дагестанских языков сегодня? В Дагестане четырнадцать письменных и восемнадцать беспись-

менных языков[4, с. 17]. И можно констатировать, что городские дагестанцы достаточно глубоко оторваны от своего литературного языка, родной этнокультурной почвы. Многие из них, за исключением тех, кто учился в сельской школе, не умеют ни читать, ни писать на родном языке. Продолжается миграция молодежи из села в город, и этот процесс в силу экономических и социальных причин вряд ли возможно остановить в ближайшем будущем. А это грозит тем, что родным языком не будет владеть значительная часть нашего народа, что наводит на тревожные мысли.

Можно ли поднять престиж родных языков? Мировой опыт показывает, что для этого требуется создание законодательных актов по защите языков малочисленных народов. К сожалению, Республика Дагестан – это единственный регион в Российской Федерации, где до сих пор не принят закон о языках. Министерству образования и науки РД также было бы желательно предпринять ряд мер, направленных на сохранение дагестанских языков, и тщательно подготовить программу преподавания их в школах и вузах гуманитарного профиля.

Кроме того, предмет родного языка и литературы как в сельской, так и в городской школе необходимо сделать одним из основных, а не факультативным, как сейчас. Необходимо в обязательном порядке ввести ЕГЭ по родному языку и литературе. А для решения этой важнейшей задачи нужна государственная концепция языковой политики и программа проведения в жизнь будущего «Закона о языках народов Дагестана».

Родной язык – святыня, наследуемая нами от наших предков, – должен не только уцелеть, но и развиваться, обогащаться, ибо он – символ духовного здоровья народа.

Литература

1. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. – 496 с.
2. Магомедов М.И. Гуманитарный Дагестан: язык, образование, культура. Махачкала, 2013. – 558 с.
3. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. – 182 с.
4. Языки Дагестана. – Махачкала, 2000. – 553 с.

С. Х. Манджиев, аспирант,
Н. Ю. Манджиев, магистрант,
М. А. Отчиев, магистрант,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, Элиста

Российские корейцы: полтора века в России

В поисках лучшей жизни люди всегда следовали в те места, где, по их мнению, они найдут все для достойного существования. Не имея возможности благоустроиться на территории своей страны, они стремились в другие страны в надежде на лучшую судьбу. Поэтому миграции (локальный или глобальный, сезонный или вековой антропоток) во все времена сопровождали человечество и оказывали на его развитие значительное влияние, способствуя адаптации людей к разным условиям существования. Основные черты географии международных миграций народов с течением времени менялись. Это касалось и Российского государства.

События последнего столетия дали возможность для переосмысления собственной истории многим народам, оказавшимся включенными в границы советского государства. Говоря о политической реализации права народов на самоопределение, которая создала некоторое множество этнотерриториальных образований, объединенных в едином государственном пространстве, исследователь Ким Ильгиза Анваровна считает, что «определенные государственные правовые гарантии, данные новым советским национальным административным образованиям, практически сводились на «нет» применением одного из видов социального и политического контроля государства – превентивного наказания целых социальных и национальных групп населения». Начиная с конца 30-х годов XIX века насильственное переселение, лишение свободы и поражение в гражданских правах коснулось многих народов, заключая в себе реальную угрозу для нормального развития этноса и даже для самого его существования [1, с. 457].

В нашей статье речь пойдет о миграции корё-сарам, корейцев России. Как и когда они здесь появились? Почему мигрировали, какая была миграция?

Корё-сарам – самоназвание этнических корейцев на постсоветском пространстве. «Корё» относится, как сообщают различные источники, к названию Корейского государства с 918 по 1392 года н.э., «сарам» означает «человек», «народ». Советские и постсоветские корейцы – потомки корейцев, исконно проживавших или переселившихся в 1860-х годах на российский Дальний Восток.

Предпосылкой к миграции послужила территориальная экспансия России, которая привела к тому, что в 1860 году империя Цин уступила Российской империи Приморье. В 1861 году появилась российско-корейская граница. Она сразу же получила важное стратегическое значение, так как стык границ России и Кореи изолировал Цинский Китай от доступа к акватории Японского моря. Первые 761 корейские семьи численностью 5 310 человек перешли реку Туманную с целью занять свободные земли в этом углу маньчжурского Китая, однако в одночасье оказались в России по условиям Пекинского договора.

Эта группа первых переселенцев, осваивавшая российские приграничные земли в 60-х годах XIX века под покровительством генерал-губернатора Восточной Сибири, оказанным за то, что «люди эти отличаются необыкновенным трудолюбием и склонностью к земледелию», показала высокий уровень готовности к адаптации в условиях иноэтничной среды, что вызывало благосклонные отзывы как российских чиновников, отвечающих за данные территории, так и исследователей, отмечающих нравственность, скромность и трудолюбие как основные черты народа [2, с. 106]. «Вообще корейцы трудолюбивы, опрятны, скромны и послушны... К русским они очень расположены. При переходе к нам они обрезают косы, стараются научиться говорить по-русски, и, вообще, сблизиться с русским населением» – приводят слова дореволюционного сибирского историка-краеведа и публициста В. Вагина авторы Борис Дмитриевич Пак и Николай Федорович Бугай [4, с. 43]. Хотя были и противоположные отзывы, вызванные опасением утраты государственного контроля над корейской колонизацией в Приморье в силу того, что корейцы «не поддаются ассимиляции и тем самым создают внутри России «свое государство» [3, с. 77]. О процессах миграции и заселения Дальнего востока корейцами пишут в своей книге большой книге к 140-летию переселению корейцев в Россию Б. Д. Пак и Н. Ф. Бугай [4].

Согласно докладу профессора Николая Васильевича Кюнера, сделанному в 1929 году, впервые корейские переселенцы, а именно 13 корейских семей, обосновались в Приморье (Южно-Уссурийском крае) в 1863 г. Гонимые нуждой и голодом, они втайне бежали из Кореи, которая в свою очередь находилась в полной изолированности от внешнего мира, на русскую территорию. Они были поселены на р. Тизинхэ, где в 1864 г. было официально основано первое корейское селение того же имени. Благодаря покровительству, оказанному этой иммиграции русской администрацией, учитывавшей пользу ее для края, тогда еще совершенно пустынного, селение Тизинхэ насчитывало в 1865 г. уже 60 семей. С этого времени, наряду с неимущими корейцами среди иммигрантов появились и представители более состоятельного класса, даже чиновники. Неурожай в Северной Корее в 1867-68 гг. вызвал массовое движение корейцев на русскую территорию (в ноябре и декабре 1869 г. до 4500 душ), причем большая часть иммигрантов разместилась в Посыетском районе по р. Тизинхэ и Янчихэ, меньшая же была направлена в Суй-фунский и Сучанский районы тоже на р. Лефу и Даубихэ. В этом сказалось желание русской администрации ввиду желания корейской иммиграции принять меры к урегулированию и перемещению вновь прибывавших корейских переселенцев из пограничных районов, где они предпочтительно оседали, подальше внутрь страны. В этих целях, в 70-х гг., когда численность корейских переселенцев достигла 8400 душ, отдельные партии их были поселены на Амуре в деревне Осиповке близ Хабаровска (в 1871 г.) и в пределах бывшей Амурской области в специально устроенном для корейских переселенцев селе Благословенном в 547 верстах ниже Благовещенска (в 1876 г.). Впоследствии новые выходцы из Кореи расселялись в бывшей Приморской области от корейской и китайской границы к северу на всем пути вдоль р. Усури и на Нижнем Амуре и от этой же границы вдоль морского побережья, появились также в отдельных случаях в Удском крае и на Сахалине, наконец, единицами в Гижигинском крае и на Камчатке, где, однако, рост корейской иммиграции преграждается непригодностью местных условий для земледелия и ограничивается временным переселением малочисленных групп корейских рабочих (на рыбалках и других промыслах). Попытки русской администрации в царское время бороться с наплывом корейских иммигрантов

в пограничные районы, как из политических соображений (боязни пограничных осложнений), так и экономических (корейцы занимали здесь лучшие земли, которые могли бы иначе быть отведены русским переселенцам) закончились тем, что корейцы, переселившиеся в край до 1884 г., были приняты в русское подданство и получили земельные наделы, остальным же была предоставлена также возможность остаться в крае, и началась подготовка к постепенному приему их в русское подданство, с предоставлением им мест жительства по р. Иману, Хору и, наконец, Амуру. Однако вследствие продолжающегося перехода на русскую территорию все новых групп корейских иммигрантов, большинство их до революции не имели русского подданства и земельных наделов, небольшая часть их была вовсе не зарегистрирована [5, с.80-81]

Миграция корейцев в Россию продолжалась до начала 1930-х годов. Её не остановила даже революция. Стимулом к миграции корейцев в Россию служила нехватка земли в Корее, благосклонное отношение российских чиновников, а также оккупация Кореи Японией в 1905 году.

Опубликованные Николаем Федоровичем Бугаевым цифры по количественному соотношению разных национальностей на Дальнем Востоке в 20-е годы 20 века, собранные им по разным источникам, разнятся: по одним источникам, в 1921 году в Дальневосточном крае проживало русских 1175 тыс. чел., украинцев 315 тыс. чел., китайцев 73 тыс., корейцев 168 тыс., белорусов 41 тыс. чел. [3, с. 39]; по другим данным, корейцев проживало около 87 тыс. чел., китайцев 45 тыс. чел., народов Севера (63 тыс. чел.) и др. [3, 42]. По опубликованным данным Учетно-информационного отдела Президиума ВЦИК, в Дальневосточном крае в Приморской области в некоторых районах корейцы составляли от 15 до 90% всего населения [3, 27-41]. По данным того же источника, количество корейцев, проживавших в Дальневосточном крае (до 1925 г.) составляло 204 тыс. человек [3, с. 42], что резко контрастирует с приведенными выше цифрами первой всесоюзной переписи населения 1926 г. Разница объясняется тем, что не все корейское население Дальневосточного края состояло в «русском подданстве» и соответственно не могло быть адекватно учтено, поэтому вопрос о необходимости «выделения корейского населения в автономную единицу» поднимал в Наркомнаце Советской республики замести-

тель председателя Корейского бюро Восточного отдела ИККИ Г. Войтинский [3, с. 40].

К 1917 году в России проживало около 100 тысяч корейцев, причём в Приморском крае они составляли почти треть всего населения (в Посъетском районе – до 90 %). Корейцы компактно проживали на территории современного Приморского края задолго до появления первых русских колонистов, однако большинство корейцев переселялись в Приморский край во второй половине XIX века. Переселенцы стремились получить подданство Российской империи. В целом же отношения корейских переселенцев с коренным местным русским населением сложились как вполне благополучные – о проявлениях недружелюбия или враждебности со стороны местного населения сообщили только 11%.

Корейцы первыми в СССР подверглись сталинской депортации по национальному признаку. В 1937 году на основании постановления Совнаркома СССР 172 тысячи корейцев депортировали в Казахскую ССР и Узбекскую ССР под предлогом «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» [6]. До депортации 1937 года в Приморье было 2 национальных корейских района и 77 национальных корейских сельсоветов, около 400 корейских школ, корейский педтехникум, корейский пединститут во Владивостоке, корейский театр, издавалось 6 журналов и 7 газет на корейском языке. По данным переписи 1959 года, в Узбекистане проживало 44,1 % всех советских корейцев, в Казахстане – 23,6 %. О депортации корейцев подробно пишет профессор Герман Ким [7; 16].

Когда началась Великая Отечественная война, корейцы не остались в стороне, хотя они не подлежали призыву в армию. Уже в 1941 г. большое количество молодых корейцев призывного возраста, как пишет Н. Ф. Бугай, обратилось в военкоматы республик с единственной просьбой отправить их на фронт. Они продемонстрировали тем самым и свой патриотический и гражданский долг, уважение к предкам, любовь к Родине, той, которую избрали для них отцы и деды, а ею была Россия, а затем Советский Союз.

В этом плане корейцы выступали как истинные защитники Родины, восприняв тяжелое для нее время как обязанность, как проявление возможности исполнения своего гражданского долга. Следует отметить, что эта привязанность к Родине проявлялась ко-

рейцами на разных этапах истории российской государственности [8, с. 23].

Теперь уже досконально известно об участии около 400 корейцев в войне 1941-1945 гг. Это подтверждают и опубликованные в книге обстоятельные очерки о каждом из выявленных участников войны, сообщает Николай Федорович Бугай [8, с. 24].

Корейцы-мужчины были заняты во всех родах войск и в сфере обеспечения военных подразделений, в медицинской военной службе, явились непосредственными участниками и военных сражений на фронтах, командовали подразделениями в Красной армии. Многие из них прошли школу партизанской борьбы. На службе были и те, кому удалось попасть в армию под чужими фамилиями – русскими, узбекскими, казахскими. Некоторые из советских корейцев испытали на себе фашистский плен [8, с. 24].

Большой труд по истории советских корейцев опубликовала исследовательница Жанна Григорьевна Сон, ее книга «Российские корейцы: всеилие власти и бессилие этнической общности. 1920-1930» приурочена к 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию [9].

1 апреля 1993 года постановлением Верховного Совета Российской Федерации были признаны незаконными акты, принятые, начиная с 1937 года в отношении советских корейцев, и, по сути, корейцы были реабилитированы как жертвы политических репрессий [10].

Всего на территории бывшего СССР проживает около 500000 корейцев. Из них:

- В Узбекистане – 184699 (2013 год)
- В России – 153156 (согласно переписи населения России в 2010 г)
- В Казахстане – 103315 (согласно переписи в 1989 г.)
- В Киргизии – 19000
- На Украине – 13000
- В Таджикистане – 6000
- В Туркменистане – 3000 [11].

В СССР советские корейцы занимали первое место по количеству Героев Социалистического Труда на 1000 человек (звания «Герой Социалистического Труда СССР» удостоены 209 корейцев) и второе место по количеству людей с высшим образованием на

душу населения. Эти факты привел, говоря о качестве корейского потенциала, профессор ДВГУ Николай Фокин, выступая 30 мая 201 года на международной конференции «К дорожной карте мира и развития в Северо-восточной Азии: от конфликта к диалогу на Корейском полуострове» [12].

На Юге России и в Нижнем Поволжье в настоящее время доля корейского населения увеличивается. По данным переписи 2002 года в Южном федеральном округе, в т.ч. в Астраханской и Волгоградской областях, Краснодарском крае и Республике Адыгея, Ставропольском крае и Карачаево-Черкессии, Дагестане, Ростовской области, Кабардино-Балкарии, Республике Калмыкия, Республике Северная Осетия (Алания), Чечне, Ингушетии, в 2002 году еще находившимся в ЮФО (ныне в СКФО), насчитывался 39031 представитель корейского народа [12]. Для сравнения данные, которые приводит Ильгиза Ким: в этих же границах численность корейского населения в 1939 г. составляла 3523 чел., в 1959 г. 12268 чел., в 1970 г. 17604 чел., в 1979 г. 21633 чел., в 1989 г. 25662 чел., в 2002 г. 39031 чел. составляя цифру в 39031 чел., или более четверти от общей численности российских корейцев [2, с.110].

Удельный вес корейского населения в общей структуре населения России, по расчетам И. А. Ким, в 2002 году составил 1,02%. В Дальневосточном федеральном округе наивысший показатель концентрации корейского населения равен 5,41% в Сахалинской области, 0,86% – в Приморском крае, 0,66% – в Хабаровском крае. В Южном федеральном округе максимальный показатель концентрации корейского населения – в Калмыкии (0,36%), в Ростовской и Ставропольской областях (по 0,26%) области, в Волгоградской области – (0,22%) [2, с.111].

Согласно данным, российские корейцы в Калмыкии поселились в начале 1970-х годов. Это было связано с освоением Сарпинской низменности и развитием кормопроизводства и рисосеяния в Калмыкии. В 1966 году был создан в Калмыкии первый рисоводческий совхоз – «Восход». А по постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР от 6 мая 1977 года «О мерах по дальнейшему развитию рисосеяния и кормопроизводства в Сарпинской низменности Калмыцкой АССР» предусматривалось повышение зарплаты (коэффициент 1,5 к зарплате) «работников предприятий и организаций, занятых на работах по мелиорации и освоению земель

Сарпинской низменности Калмыцкой АССР» [14]. Также предусматривалось направление в Калмыкию в 1978-1985 годах специалистов с высшим и средним образованием, открытие в КГУ гидро-мелиоративного факультета, прием по 150 выпускников Калмыкии в Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт, а также бронирование жилья за работниками предприятий и направление в Калмыкию студенческих строительных отрядов. На освоение целины в Калмыкию прибывали жители других регионов СССР, представители разных народов, в том числе и корейцы, сделавшие немало для освоения Сарпинской низменности и развития рисоводства. Профессор Герман Ким в «Исповеди корё-сарам», опубликованной в его «Избранных трудах по корееведению», отметил: «...развитие рисоводства, овощеводства... во многом произошло благодаря корё сарам» [16]

Народ	<u>1926</u> год тыс. чел.	<u>1939</u> год тыс. чел.	<u>1959</u> год тыс. чел.	<u>1970</u> год тыс. чел.	<u>1979</u> год тыс. чел.	<u>1989</u> год тыс. чел.	<u>2002</u> год тыс. чел.	<u>2010</u> год тыс. чел.
<u>Корейцы</u>	↑1,1	↘0,6	↑ 1, 0 (0,3 %)	↑ 1, 3 (0,5 %)

Источник: Википедия

Таким образом, активно расселяющееся корейское население меняло этнический ландшафт не только российского Дальнего Востока, но и большей части Поволжья и воздействовало на технологические основы ведения сельского хозяйства, применяя в сходных российских климатических условиях привычные сельскохозяйственные приемы. Корейские иммигранты, компактно проживая в сельской местности, сумевшие не только сохранить многие элементы традиционной материальной культуры, устойчиво придерживались своих народных обрядов, обычаев и традиций, но также приняли русскую культуру и язык и внесли свой вклад в историю нашей страны [1, 460].

В статье о советских корейцах на фронте и в тылу в годы войны социолог Л. В. Намруева рассказывает историю жительницы п. Большой Царын Елены Трофимовны Ким, приехавшей в Калмыкию в 1970 году [15, с. 39]. В статье говорится, что в годы Великой

Отечественной войны корейский народ проявил истинную любовь к своей Родине, героически участвовал в защите ее от врагов, мужественно трудился в тылу [15, с. 40].

По мере изучения истории России и Кореи, выявления новых архивных документов и материалов можно четко увидеть непосредственную связь между двумя народами – русским и корейским, – между двумя государствами – Россией и Кореей.

Как сообщает Ж. Г. Сон в обращении к читателю в ее, указанной выше, книге, в 1999 году историк-исследователь С.Н. Ку-Дегай предложила руководителю РОО «Первое Марта» пастору Ли Хен-кыну (Республика Корея) издать книгу-мартиролог о «расстрелянных корейцах». Были изданы первые три тома. В первом томе издания «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР» было опубликовано и Дело Ли Вонсу. К настоящему времени С.Н. Ку-Дегай уже изданы 14 томов мартиролога, содержащие архивные справки репрессированных корейцев, которые также, как и Ли Вонсу, верили в будущее, активно участвуя в организации своего Отечества, имя которому – Советский Союз. [9, с.7]

Корейцы занимают во многих отраслях народного хозяйства руководящие посты, отличаются законопослушанием и трудолюбием, высокой степенью патриотизма. Они заняты в аграрной сфере, многие из них являются фермерами, трудятся в других отраслях производства. Также они имеют значительный слой российской интеллигенции, их имена известны в сферах здравоохранения, науки, спорта. Они в современных условиях выполняют важную международную миссию, выступая связующим элементом в отношениях России и странах Корейского полуострова, за объединение Корей, создание единого государства. Пример их беззаветного служения, преданности Родине, в полном понимании этого слова, заслуживает оценки и признания [8, с. 27].

Литература

1. Ким И. А. Процессы этнической идентичности корейского населения Нижнего Поволжья // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: мат-лы междунар. науч. конф. – Ставрополь: СГУ, 2008. – С. 456-464.
2. Ким И. А. Этническая идентичность корейского населения Нижнего Поволжья // Корейцы Юга России и Нижнего Поволжья:

история и современность: мат-лы междунар.науч.конф. – Волгоград, 2011. – С. 105-121.

3. Бугай Н. Ф. Корейцы в Союзе ССР – России: XX век. История в документах. – М.: «ИНСАН», 2004. – 300 с.

4. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М.: ИВ РАН, 2004. – 464 с.

5. Кюнёр Н. В. Корейцы в дальневосточном крае. – Подготовка текста А. М. Решетова // Этнографическое обозрение: ИЭА РАН – 2004, №4. – С. 80-96.

6. Постановление №1428-32БСС Совнаркома Союза ССР и Центрального комитета ВКП (б) «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 г. – Электронный ресурс Красноярского общества «Мемориал». – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370821.htm> (дата обращения: 01.10.2016)

7. Ким Г. Н. Депортация корейцев в Казахстан. – 2004. – URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/tyk5rtf.shtml (дата обращения: 02.10.2016)

8. Бугай Н. Ф. 150 лет добровольному переселению корейцев в России: трансформация этнической общности (историография проблемы) // ИСОМ (Историческая и социально-образовательная мысль). – №1, 2014. – С. 16 – 27.

9. Сон Ж. Г. Российские корейцы: вселиие власти и бесправие этнической общности. 1920-1930 . – М.: Гриф и К., 2013. – 547 с.

10. Постановление Верховного совета Российской Федерации N 4721-1 от 1 апреля 1993 г. «О реабилитации советских корейцев». – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/> (дата обращения 01.10.2016)

11. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php

12. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по федеральным округам // Демоскоп Weekly. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php

13. От конфликта к диалогу на Корейском полуострове. Выступления экспертов на конференции 30 мая 2014 г. – URL: <http://eurasia.upf.org/peace-and-security/neapi/1141-konference-vladivostok-upf-neapi.html> (дата обращения: 01.10.2016).

14. Летопись Октябрьского района Калмыкии: http://oktrmo.ru/application/sectionfiles/file/letopis/letopis_2.pdf

15. Намруева Л. В. Советские корейцы на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник КИГИ РАН, №1, 2010. – С. 37-40.

16. Ким Г. Н. Избранные труды по корееведению. – Алматы: КазНУ, 2013.

Э. А. Манджиева,
магистрант КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Истоки современного миграционного кризиса в Европе

Современный миграционный кризис в Европе является наиболее тяжелым и практически поставившим на грань кризиса Евросоюз, который фактически потерял контроль за потоком беженцев, покинувших родину, охваченной войной. Сотни тысяч нелегалов стремятся попасть в высокоразвитые европейские страны. Истоками современного миграционного кризиса стало вмешательство администрации Барака Обамы во внутренние дела Сирийской Арабской Республики.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. одним из приоритетных внешнеполитических направлений США в регионе была заявлена борьба с терроризмом. Геоэкономические интересы США в регионе выражаются главным образом в обеспечении свободного доступа к нефтяным и газовым ресурсам, а также в пресечении любых попыток любого государства установить контроль над месторождениями и путями транспортировки углеводородных продуктов.

Помимо государств-сателлитов США на Ближнем и Среднем Востоке есть те, которые относятся Вашингтоном к так называемым «враждебным государствам» (Иран и Сирия, а до свержения «неугодных режимов» в 2003 г. и 2011 г. – Ирак и Ливия). После свержения С. Хуссейна в Ираке и М. Каддафи в Ливии США был взят жесткий курс на запуск «подрывных процессов» в Сирии.

Сирия – одно из немногих ближневосточных государств, последовательно проводящих самостоятельную внутреннюю и

внешнюю политику. Государство, которое играет одну из основных и ключевых ролей на Ближнем Востоке и является значимым региональным актором, на территории которого теснейшим образом переплетаются международные геополитические и геэкономические интересы. Сирия – один из главных, непримиримых оппонентов Израиля, Ливана, Турции и суннитских монархий Персидского залива, большинство из которых претендует на политическое и экономическое лидерство в арабском мире и расширение для себя необходимого «жизненного пространства». С другой стороны, Сирия – главный союзник шиитского Ирана, стоящего на антиизраильских и антиамериканских позициях. Таким образом, Сирия является «ареной противоборства» между Ираном и США наряду с Турцией, Саудовской Аравией и Катаром. Кроме того, в ближневосточном регионе находятся богатые месторождения газа в объеме более 80 млрд м3 (более 50 % от мирового запаса); центр этих месторождений располагается в сирийском г. Кара, между столицей Дамаском и г. Хомсом [1, с.16].

Стоит отметить, что механизм антисирийской кампании был запущен и реализуется с 2006 г. (за пять лет до начала протестных движений), когда в здании Исполнительного управления им. Эйзенхауэра состоялась встреча сирийского эмигранта, активиста борьбы за права человека А. Абдулхамида и его сподвижников с помощниками заместителя госсекретаря США Э. Абрамса. По итогам встречи стороны договорились, что Вашингтон будет всячески содействовать формированию широкой коалиции оппозиционных группировок на территории Сирии, а также контролировать ее деятельность. Так, в период с 2006 по 2011 г. на территориях Турции, Иордании и Ливана стали формироваться штабы будущей Свободной сирийской армии, готовиться лагеря для будущих беженцев, осуществляться вербовки боевиков из разных регионов мира.

В 2011 г. проект «Арабской весны» затронул «сердцевину» Ближнего Востока – Сирийскую Арабскую Республику. Осенью массовые антиправительственные волнения и беспорядки в стране переросли в открытое вооруженное гражданское противостояние, которое продолжается до сих пор.

Антиправительственные выступления шаг за шагом привели страну к кровавому противоборству между Дамаском и разношерстной оппозицией. Лидеры повстанцев требовали безусловной

отставки президента Башара Асада и правительства, а также демократизации политической системы.

При этом были сделаны определенные практические уступки со стороны официального Дамаска: 29 марта 2011 г. правительство Сирии ушло в отставку, на смену которому 14 апреля было сформировано новое, а его премьер-министром был назначен Адель Сафар. Далее, 20 апреля, президент официально подтвердил отмену режима чрезвычайного положения, действовавшего в стране 48 лет. Однако оппозиция заявила, что это – «запоздалые меры», и продолжила свои вооруженные акции.

Ряд повстанческих вооруженных подразделений пошли на взаимное объединение, провозгласив образование Свободной армии Сирии (ССА), и таким образом стали демонстрировать всё более организованный характер своих боевых операций.

Практически с самого начала вооруженного выступления сирийской оппозиции, особенно с мая 2011 г., США и другие страны, заявляя о жестоком подавлении правительственными силовыми органами протестов и выступлений оппозиции, начали оказывать на сирийского президента Башара Асада нарастающее давление.

В то время как Хилари Клинтон убеждает мировое сообщество в необходимости военной интервенции в Сирию, ЦРУ активно поддерживает и тренирует боевиков. США и их союзники по НАТО вербовали главарей террористических организаций и обычных уголовников из разных стран мира в качестве наемников, а затем готовили их в специальных лагерях на турецкой и ливанской территориях. А президент США Б. Обама подписал секретный указ о разведывательном и коммуникационном обеспечении военных операций ССА [2, с.126-127, 150].

Такой подход со стороны внешних сил предопределил массовые потери среди сирийского населения.

На этом основании президент США Б. Обама подписал указ о замораживании активов Б. Асада и еще шести высших сирийских чиновников в американских финансовых учреждениях. В руководстве НАТО принялись обсуждать вопрос о вооруженном вмешательстве сил альянса в Сирии (естественно, для свержения существующего в стране режима).

Достаточно жестко отнеслась к сирийскому руководству ЛАГ (Лига арабских государств). Так, были сделаны следующие шаги: 1) приостановка участия Сирии в заседаниях этой организации; 2)

Лига призвала арабские правительства отозвать послов из Дамаска; 3) обратилась с призывом к сирийской армии остановить насилие против демонстрантов; 4) рекомендовано ввести экономические и политические санкции против официального Дамаска.

Барак Обама заявил, что «поддерживает инициативу ЛАГ завершить политический кризис (в Сирии) и возложить ответственность (за него) на сирийское правительство» [3, с.276]. 29 апреля 2011 г. по инициативе США на специальной сессии Совета ООН по правам человека была принята антиасадовская резолюция, за которую проголосовало немногим более половины членского состава этого органа. Россия, Китай и еще 7 государств голосовали против, 11 стран воздержались или не участвовали в голосовании.

В результате многостороннего давления и шантажа со стороны внутренних и внешних сил, в начале 2012 г. президент Сирии, выступил с обращением к согражданам о принципиальных перестановках при формировании правительства страны: он объявил о возможности вхождения оппозиционных сил в состав кабинета министров. Более того, проявляя определенную гибкость, сирийское правительство выпустило из мест заключения более пятисот политических заключенных.

В пользу гибкости политической линии Дамаска в конфликте с оппозицией говорит и тот факт, что 26 февраля 2012 г. в Сирии был проведен референдум по проекту новой конституции. В обнародованных итогах этого события было сообщено, что в референдуме приняли участие 57,4% от списка избирателей. Новый Основной закон Сирии упразднил главенствующее положение правящей политической партии «Баас», провозгласив равные возможности в выборах в парламент и исполнительные органы для всех политических партий. Оппозиция, в свою очередь, считала референдум «политической игрой» и призвала население к его бойкоту. США расценили прошедший референдум как попытку удержаться у власти. Санкции Запада в отношении Дамаска еще более ужесточились.

4 января 2012 г. администрация Обамы создала специальный секретный комитет для подготовки «вариантов» помощи сирийской оппозиции.

Различные СМИ признавали, что оборонительное и наступательное вооружение поставляется в Сирию в том числе и из западных стран, хотя поставки и не санкционируются напрямую их правительствами.

Таким образом, «борьба за Сирию» на «внешнем фронте» в течение 2011-2012 гг. продолжала идти противоположными курсами без каких-либо признаков сближения позиций между западными и восточными державами.

17 февраля 2012 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, выражавшую осуждение режима Башара Асада и полную поддержку требований ЛАГ. За резолюцию проголосовали 137 государств, 17 государств воздержались. Против проголосовали 12 государств: Россия, Китай, Иран, Венесуэла, КНДР, Боливия, Белоруссия, Зимбабве, Куба, Никарагуа, Эквадор, Сирия. Хотя в поддержку центрального правительства Сирии в ООН выступил только ограниченный круг государств, однако гораздо большее число стран заявили о неприемлемости варианта внешнего вооруженного вмешательства в этой стране. В частности, 7 июня 2012 г. страны-участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) приняли декларацию, в которой предостерегли Запад от военных операций в Сирии и Иране.

В 2013 г. ожесточенное внутреннее противоборство в Сирии продолжилось. Вплоть до мая военные действия между правительственными войсками, с одной стороны, и подразделениями разношерстной оппозиции – с другой, происходили практически во всех провинциях страны. Это ещё более разрушала Сирию экономически и как единое многонациональное сообщество. Спекулируя на этом, внешние оппоненты режима Башара Асада усиливали давление на Дамаск, чтобы вырвать власть из рук правящего режима и передать её оппозиционерам, связанным с проамериканскими режимами Катара и Саудовской Аравии и членом НАТО – Турцией. Активно в травлю правительства Асада включился Вашингтон, угрожавший расширить поставки вооружений и предоставление финансовой помощи сирийским оппозиционерам. Москва, приняв защитные меры, послав в восточное Средиземноморье группу военных кораблей и продолжая поставки вооружений Дамаску по прежде заключенным контрактам, настаивала на проведении переговоров между противоборствующими сторонами для политического разрешения внутреннего сирийского конфликта.

Таким образом, раскачивались дипломатические качели внешних оппонентов Сирии.

Тель-Авив, удовлетворенный происходящими в соседней Сирии трагическими событиями, разрушающими её, не преминул

воспользоваться таким удобным обстоятельством: в начале мая 2013 г. нанес ракетный удар по ряду военных объектов Сирии. Дамаск заявил, что оставляет за собой право на ответ, а президент Сирии Башар Асад пригрозил Израилю в случае повторения ракетного удара по сирийской территории полномасштабной войной [4, с.49].

Ещё большее беспокойство у Израиля, США, Британии и Турции вызвали поставки Сирии новейших противокорабельных ракет «Яхонт» и других более совершенных крылатых ракет, оснащенных сверхсовременным радаром, который увеличивает их эффективность, а Москва усилила свою группировку ВМС у берегов Сирии. Кроме того, были согласованы поставки до конца 2013 г. боевых самолетов МиГ-29 (по контракту, заключенному еще в 2007 г.).

Далее, стали широко распространяться слухи о возможном появлении у Дамаска российских систем противовоздушной обороны С-300 (согласно информации, предоставленной Израилем, речь идет о шести пусковых установках и 144 ракетах, контракт на поставку которых оценивается в 900 млн долларов).

Таким образом, Сирия была гарантирована от вооруженного вмешательства извне.

В качестве предварительного вывода о затянувшемся внутреннем конфликте в Сирии и дипломатической дуэли между державами представляется целесообразным сказать следующее: как видно из двухлетнего противоборства сторон в Сирии и вокруг нее, страна разрушена, рассечена трещинами на множество социальных слоев, а также по национально-религиозным и территориальным сегментам. Причем, внешний фактор в лице мировых держав и ряда заинтересованных международных организаций по-прежнему активно влияет на развитие политической ситуации в Сирии. Иностранная помощь воюющим сторонам не прекращается.

Если оценивать итоги гражданской войны в Сирии даже за период с 2011 г. по 2013 г. с точки зрения реализации американской концепции «Большого Ближнего Востока», представляется целесообразным констатировать, что определенные результаты Вашингтоном достигнуты: Сирия, хотя и сохранила свою целостность, вместе с тем еще много лет будет залечивать нанесенные ей раны, будет заниматься нейтрализацией сильно обострившегося внутри страны этноконфессионального и социального антагонизма, а так-

же восстановлением своих позиций в международной сфере. То есть Сирия, также как и Афганистан, Ирак и Ливия, оказывается отброшенной на несколько десятилетий назад в своем естественном развитии, находится под прессом угрозы начала процесса территориального распада. Инициатива в формировании общего политического климата в регионе все более стала принадлежать аравийским монархиям, а, следовательно, прозападным режимам.

Литература

1. Заблочкий Ф.Ю. Сирия в ближневосточной политике США в начале XXI в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2015. – Т.1. – №12.
2. Мусин М., Эль-Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет далее с нами. – М., 2013.
3. Шарипов У.З. Концепция Большого Ближнего Востока в действии. – М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013.
4. Самохин А.А. Военное вмешательство как фактор международных отношений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 4 (167).

М. У. Монраев,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

По следам калмыцких географических названий на Северном Кавказе и Кубани

Калмыцкая степь интересна не только хуннскими курганами, тюркскими и половецкими «каменными бабами» (недалеко от Сарепты), но и многочисленными Бэровскими буграми, расположенными в широтном направлении от низовьев Волги и Астрахани до Кумы и Терека. Известно, что в топонимах сокрыто много полезной информации историко-культурного характера. Некоторые связаны с легендами и преданиями. Например, гора Богдо, о которой Э.М.

Мурзаев пишет: «Много легенд связано с Богдоулой, в прошлом ей приписывалась чудодейственная сила. Уверяли, что в буддийской кумирне у озера верующие излечиваются от недугов» [11, с.29]. И эта вера сохранилась до сих пор в памяти калмыков, которые организовано выезжают на луговую сторону Волги, чтобы поклониться Священной горе [1]. А на месте Сарай-Бату (на Ахтубе Астраханской области) калмыки возвели культовое сооружение Ова (газета Хальмг үнн) Калмыцкий топоним Ова – «куча, груда камней» – место паломничества калмыков. Не менее значимы ойконимы Цаган Аман (Счастливые ворота), Улан Холл «Барханный проток», связанный со строительством ж/д Кизляр-Астрахань (1942), Зензели (калм. Жинжин) стоит на караванном пути: Центральная Азия (Китай) – Европа, другой путь проходил через Алеппо – Дамаск. Речь идет о Шелковом пути в двух направлениях.

В данной статье рассматриваются публикации, в которых трагируются топонимы монгольского (калмыцкого) происхождения. Одним из первых, обративших внимание на эту тему, является Т.А. Гуриев, который столкнулся с рядом трудностей при выявлении языковой принадлежности отдельных географических названий в Северной Осетии. Он рассматривает несколько топонимов, которые не этимологизируются на материале осетинского языка. К ним относятся название местности Нар, и оно связано, по словам автора, с монгольским наран «солнце», а топоним Даргавс со значением «начальник», «предводитель», «староста» восходит к монгольскому дарга (daruga). К этому ряду относится название горного аула Унал «падение», «упадок» а так же топонимы с обозначением сторон света. Т.А. Гуриев считает, что вышеназванные топонимы являются монгольскими по происхождению и связаны с татаро-монгольским нашествием на Русь и свидетельствует о глупине алано-монгольских контактов (4, с.43-44).

Определенный интерес представляет статья Темировой Раисы, в которой отмечается, что в ходе работы по топонимии региона ряд географических названий трудно определим. По словам автора, она анализирует несколько достаточно хорошо известных (и малоизвестных) топонимов, которые, возможно, являются по своему происхождению калмыцкими (9, с.29).

Особый интерес представляет «Хроника событий...» (с.97-101), которая начинается с момента появления ойрат-калмыков на на-

горной части Волги (1644г.) и завершается ко времени ухода части торгутов в Джунгарию (1771г.) во главе с Убаши ханом. Главной причиной откочевки части торгутов в Джунгарию автор считает разногласия, возникшие между г-м Медемом и калмыцким наместником Убаши ханом. Военные действия на Северном Кавказе дорого обходились Убаши хану. Видимо, и личные взаимоотношения не складывались.

Автор обращает внимание не только на фольклорный материал (предания, песни) но и на ряд публикаций известных исследователей региона. Например, ученых Б.К. Мальбакова, К.Ф. Дзамыкова, Дж.Н. Кокова и др., в работах которых речь идет о тургуты (в современной орфографии – торгуты). Темирова пишет, что «начиная с I половины XVII в. предпринимаются многочисленные походы на Северный Кавказ русских и калмыцких войск против Крыма и прокрымски настроенных кабардинских князей и ногайцев (9, с.94). Ситуация часто менялась в зависимости от складывавшихся обстоятельств. У ойрат-калмыков часто менялись союзники. Но не раз бывало, что вчерашние враги оказывались союзниками по совместной борьбе.

«После того как русские заключили союз с калмыками и разогнали ногайские орды» – как пишет Гумилев (3, с.31) – на огромной территории между Волгой и Доном стало относительно спокойно.

Литература

1. Басаев Д.Э. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания. – Элиста, 2004.
2. Газета «Хальмг үнн», 2016.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 2008.
4. Гуриев Т.А. Топоимы монгольского происхождения в Северной Осетии // Исследования по Восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. Главная редакция восточной литературы. – М., 1974, с.40-50.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. Р-V. С-Пб – М., 1882.
6. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Муниева Б.Д. – М., 1977, с.229.
7. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена. Семантика. – Элиста, 2012.

8. Митиров А.Г. Избранные труды. – Элиста, 2012.
9. Темирова Р. Калмыцкий след в топонимике Карачаево-Черкесии // Теегин герл, №6, 2001.
10. Тепкеев В.Т. Первое появление калмыков на Северном Кавказе в 1644 г. // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы научно-практической конференции. Ч I. – Элиста, 2007.
11. Мурзаев Э.М. Годы скитаний в Азии. М., Мысль, 1973.

В. Н. Мушаев,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

**К теоретическим вопросам создания словаря
омонимов калмыцкого языка***

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект №16-34-01049*

Современные тенденции ассимиляции языков и постепенная потеря языковой самоидентификации подталкивает ученых к поискам новых путей комплексного и системного решения исследовательских задач, связанных с привлечением эмпирического материала других языков и созданием многоязычных лексикографических источников для использования в школьной и вузовской практике преподавания с целью расширения методических возможностей и инструментариев обучающихся и обучаемых. Одним из подобных актуальных направлений в области грамматики являются сопоставительные исследования омонимического корпуса калмыцкого языка с материалами других языков.

Говоря о современном состоянии исследований по данной научной проблематике, необходимо отметить следующее: если в русистике собран обширный материал и всесторонне изучены особенности функционирования омонимов, имеется два словаря омонимов (О.С. Ахмановой, 1974, 1986 гг.; Н.П. Колесникова 1976, 1978 гг.), то на материале калмыцкого языка подобных специ-

альных исследований и словарей не существует, можно лишь говорить о трехязычном разговорнике (сост. А.Н. Биткеева, 2003) и трехязычным словаре (сост. С.С.Харькова, Б.Э. Убушиева, 1986), где приводятся примеры омонимов.

Одним из направлений, связанных с данной проблематикой, являются вопросы соотношения многозначности слов и омонимии. Не обращаясь к вопросам истории языка и закономерности развития семантических гнезд, следует отметить, что при любых формах полисемии базовое, стержневое значение, которое объединяет группу слов, остается. Эти слова так или иначе связаны друг с другом, мотивируют одно другое, при различном количестве значений оно постоянно, например:

Ээл [ээл[^]] – хотон, селение: ээл – община: ээмгиг ахнь залдг «община правится старейшими»; ээл – семейство; ээл – двор, хозяйство; ээл – соседи: ээл бээх «живущие по соседству»; ээл – гость, гости: тер ээлд одхдан дурта «он любит бывать в гостях».

Бархһр [барх[^]һр] – темный: бархһр үүлн – «темная туча»; бархһр – хмурый, мрачный: бархһр күн – «хмурый человек»; бархһр – недружелюбный (переносное значение).

Батлх [бат[^]лх[^]] – подтверждать, утверждать: батлж авх – «принимать постановление»; ратифицировать; батлх – заверять, гарантировать; батлх – укреплять: герин үүд батлх – «укрепить двери дома».

Хотя при всем этом следует подчеркнуть, что на материале калмыцкого языка имеется достаточное количество примеров, когда семантика омонимических рядов порой имеет разнонаправленную траекторию, например:

Бардм [бард[^]м] – чванство, кичливость, хвастливый: бардм күн – «кичливый человек»; бардм – гордец: бардм күүнэ толһа цецн болдго – «в голове гордеча нет мудрости»; бардм – гордость; тщеславие, честолюбие. Балвһр [барв[^]һр] – мохнатый (о собаке); шершавый (о руках); отвислый (о губах); балвһр – толстолицый: балвһр чирэтэ күн – «толстолицый человек».

Ачх [ачх[^]] – грузить: түлэ ачх «грузить топливо»; ачх – навьючивать: темэнд ачх «навьючивать верблюда»; переносное значение: ачх – валить (свалить) вину на кого-либо; ачх – перекидывать противника через бедро (в национальной борьбе).

Утверждение, что омонимы существуют и развиваются внутри каждого конкретного языка отдельно, совершенно самостоятельно

и они абсолютно несопоставимы типологически в разных языках, нам представляется достаточно категоричным [1, с.47]. Кроме случайных совпадений звуковых форм, например, калмыцкого и русского языков, типа: улан – (калм. «красный»), (русс. «кавалерист»); то (калм. «цифра»), (русс. «однако, ну так»); чи (калм. «ты»), (русс. «разве, ли»), в омонимическом ряду калмыцкого языка достаточно широко используются различные формы заимствования, например:

Бал [бал[^]] – мёд, нектар: бал цуглулх «собирать мед»; бал – привкус (окиси металла), бал – след (от прикосновения металла), бал – синяк; бал – бал: бал-маскарад; бал – графит: бал карндаш «графитовый карандаш».

Баз [баз[^]] – свояки (мужья родных сестер); баз – база: хот-холын баз «продовольственная база».

Асхн [асх[^]н] – вечер, вечернее время; асхн – вечер: литературн асх кех «устроить литературный вечер».

Говоря об основных разновидностях омонимов калмыцкого языка с учетом современных подходов и формировок, следует выделить следующие группы.

Лексические или полные омонимы: звуковая оболочка и написание одинаковые, принадлежат к одной и той же части речи, но семантическое значение форм различно, например: двойные: хурһн «ягненок», хурһн «палец»; халх «страница», халх «щека»; тавг «деревянная чаша», тавг «пятка»; тройные: хол «река», хол «сердцевина», хол «фитиль»; үлгүр «пример», үлгүр «поговорка», үлгүр «выкройка»; нэ «надежда, упование», нэ – междометие «согласен, ладно», нэ «тщательность». Если формы парадигм данных омонимов полностью совпадают, то у неполных омонимов совпадают лишь некоторые его формы, чаще всего это бывают различные между собой части речи, например: ора «вершина» (орас – множественное число); ора «поздно» (формы числа нет); оошк «легкие» (оошкс – множественное число), оошк «алый» (формы множ.числа нет); ки «гриб» (кид – множ.число), ки «мимо, промашка» (формы множ.числа нет).

Вторая группа омонимов связана с фонетическими закономерностями употребления, их традиционный термин – омофоны. При различии в написании они достаточно близки по произношению, например: сөң «тост», сөң «один из пары»; ең «каприз»,

еңг «ковш»; бордх «откармливать», произносится как [бортх] – «кожаный сосуд – бортх»; өөрдх «приближаться» произносится как [өөртх] – «гноиться»; хөв «счастье» произносится как [хүв] – «доля, часть»; өмсх «надевать – үмсх «целовать»; төгэх «раздавать» – түгэх «заражать» во всех трех случаях произносится через «ү». Близки к данной группе омонимов слова с разным значением, которые близки по произношению, но все же не тождественны, например: күсл «цель» – күцл «успех»; альчур «платок» – арчур «тряпка»; арсм «спекуляция», аршин – «аршин». Также к данной группе, как противопоставление по соответствию написания и произношения, можно было бы отнести омографы, которые пишутся одинаково, но произносятся по тем же фонетическим принципам различно, например: ах [ах[^]] – брат, ах – междометие; хов [хов[^]] – сплетня, хов – усиленная частица; хад [хад[^]] – хад чолун (без гласного в конце) хад – «гранит».

Следующую группу омонимов необходимо выделить как морфологические. Они чаще всего относятся к разным частям речи, различаются по смыслу, совпадают по написанию и звучанию лишь в отдельных грамматических формах, например: көрэ «пила»: көрэн шүдн «зубья пилы»; көрэ «мерзлый»: көрэ һазр «мерзлая земля»; һар «рука»: һаран өгх «подать руку»; һар «выйди» – повелительная форма глагола; таг «полка», таг «совершенно, полностью» – наречие.

И в завершении данной группы омонимов следует отметить, что, кроме приведенных видов, существуют омонимы, которые образовались в результате смыслового распада, т.е. связи между значениями многозначного слова утратились. Например: йовх – йовдл («ход, ходьба»), йовдл («поступок, случай»). Подобных примеров достаточно много, и мнение исследователей по этому поводу различно. Понимая, что закономерности перехода многозначных слов в раздел омонимов требует дальнейшего системного изучения как с точки зрения формы, так и его семантических особенностей, считаем необходимым на материале современного калмыцкого языка обратиться к вопросу о так называемых «первичных омонимах» [2, с.47].

Ученые подчеркивают, что характерной чертой первичных форм является их специфическая семантика, заключающаяся в одном фонетическом комплексе разные части речи, которые различа-

ются контекстом или морфологическими показателями, например: атх «хватай, сжимай» (глагол повелительной формы), атх «горсть»: атх һуйр «горсть муки»; атхм «горсть», атхм «клещи, щипцы». Интересное объяснение подобных явлений можно найти на материале тюркских языков в классических трудах ученых-тюркологов XIX – XX веков [3;4;5].

Обобщая основные направления дискуссий К. Гренбека, П.М. Мелиоранского и Б.М. Юнусалиева, необходимо отметить два аспекта в предложениях исследователей. Первая гипотеза «первичные омонимы» – реликты периода недифференцированности имен и глаголов [3, с.22].

Второй причиной появления первичных омонимов является звуковое совпадение имяобразующих и глагольных аффиксов [4, с.5]. Опираясь на историю языка и материалы современных языков, тюркологи утверждают, что при архаизации первичных омонимов существуют определенные закономерности замены первичных на более сложные формы [2, с.5]. Думается, что на этапе систематизации и определения закономерностей современного слово и формообразования на материале монгольских языков сравнительно-типологические сопоставления, в первую очередь с тюркскими и другими контактирующими языками, являются достаточно интересным и актуальным.

Литература

1. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985. – 153 с.
2. Биткеева А.Н. Англо-калмыцко-русский разговорник. – Элиста, 2003. – 536 с.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965. – 47 с.
4. Grønbech K. Der Türkische Sprachbau. – Kopenhagen, 1936.
5. Калмыцко-русский словарь, под ред. Б. Д. Муниева. – М., 1977. – 764 с.
6. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, XII, вып. II-III. СПб., 1899, примеч. 22.
8. Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. – Элиста, 2014. – 218 с.
9. Сусеева Д.А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII века: морфонология морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников). Элиста, КИГИ РАН, 2011 – 200 с.

10. Сусеева Д.А. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков: морфемика и словообразование. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 157 с.

11. Харькова С.С., Убушиев Б.Э. Калмыцко-монгольско-русский словарь. – Элиста, – 1986

12. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч.I. Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959. – 63 с.

Л. В. Намруева,

*Калмыцкий научный центр РАН,
Россия, г. Элиста*

Миграция сельского населения как следствие трансформации крестьянского сознания (на примере Республики Калмыкия)

Результаты наших социологических исследований, проведенных в 2010-е гг., показывают, что смысложизненные ценности сельского населения республики связаны в первую очередь с перспективами трудовой занятости и восходящей мобильности (качественное образование для детей, возможность построения карьеры). К сожалению, обе эти ценности не присутствуют сегодня в жизнедеятельности большинства сельских территорий республики. Поэтому миграционные устремления сельчан не ослабевают, а усиливаются, данные тенденции характерны для сельского населения всей страны. В этой связи используем характеристики, данные Ф. И. Гиренком в отношении пролетаризации крестьянства вследствие промышленной революции XVIII-XIX вв., которая, по его словам, разрушая «ячейки» традиционной социальной структуры общества, выталкивала в пространство истории огромные массы людей. «Выветривание» крестьянской «почвенности» формировало идеологию переселенца, для которого земля, обычаи, нравы всегда чужие [3, с. 246]. Для огромной массы бывшего крестьянства освобождение от традиционных общинных уз в социальном и культурном плане означало не долгожданное становление человеческой индивидуальности, провозглашавшееся философами

XVIII-XIX вв., а лишь слом традиции, крушение прежней системы ценностей, на место которых не становилось практически ничего позитивного [3].

В ходе дальнейшей социокультурной эволюции индивид, лишенный одних корней и не могущий достаточно быстро укорениться на иной «почве», превращается в субъекта, живущего в обезличенном и отчужденном мире. Эту ситуацию точно описал М. Хайдеггер: «Современные средства информации доступны всем, они ежечасно стимулируют человека, наступают на него и гонят его. Созданное ими воображаемое царство пытается заменить мир, не являясь им. Оно уже сегодня ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, ближе, чем смена ночи днем, чем обычаи и нравы его села, чем предания его родного мира» [Цит. по: 3]. А. А. Крисанов отмечает, что проблема хайдеггерского «бездомного» человека – одна из ключевых проблем, порожденных трансформацией сознания крестьянства. При этом не имеет большого значения, покидает ли такой человек родину предков или остается: отчужденность от «почвы» дает о себе знать везде [3].

Сельские территории пострадали от негативных последствий разрушения сельскохозяйственного производства, бесконечного реформирования агропромышленного комплекса. Это проявилось в снижении уровня жизни сельских жителей, сокращении рабочих мест, развале социальной инфраструктуры. Отсутствие условий социального комфорта, возможности удовлетворять растущие жизненные запросы, снижение качества жизни побуждает сельских жителей покидать родные места, отрываться от своих корней. Республика Калмыкия относится к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда, которая характеризуется трудовой избыточностью, обусловленной: недостаточным развитием экономического потенциала; нехваткой собственных инвестиционных ресурсов для ввода новых рабочих мест; сложным финансовым положением сельскохозяйственных предприятий, низким уровнем занятости сельского населения. На научной конференции «Архаизм и модернизация в условиях устойчивого развития сельских территорий: современные проблемы и перспективы», состоявшейся в г. Элисте 31. 10 . 2014 г., было отмечено, что половина сельских поселений республики не имеет селообразующих предприятий. Сельчан, занятых в аграрных предприятиях, небольшое количество [6].

Население, не имеющее возможности трудоустроиться в сельской местности или вести подсобное хозяйство, вынуждено выезжать за пределы родного поселка. По окончании школы сельские дети уезжают в город (Москва, Петербург, Элиста, соседние мегаполисы), чтобы получить образование, большая часть из них, как правило, там и остается из-за отсутствия возможности трудоустройства по специальности и низкой средней заработной платы в республике.

Статистические показатели свидетельствуют, что сельское население неуклонно уменьшается: если в 1995 г. насчитывалось 196,1 тыс. человек, то через 20 лет, в 2015 г. сельчан стало 154,0 тыс. человек [2, с. 19]. За два десятилетия численность сельского населения сократилась более чем на сорок тыс. человек, т.е. исчезло в среднем население трех средних районов региона.

Выделим четыре основных миграционных вектора, характерных для сельских жителей Калмыкии:

1) миграция в средние и крупные сельские поселения, где есть возможность дать детям качественное среднее общее образование (в малых сельских школах либо отсутствуют учителя-предметники, либо ученики получают только начальное образование);

2) миграция в районные центры как наиболее крупные поселения, где сосредоточена административная, социальная инфраструктура, позволяющая не только трудоустроиться, но и удовлетворить социальные и культурные запросы;

3) миграция в город, как правило, в Элисту – столицу региона, являющуюся крупным городским образованием, в котором сосредоточено 2/3 населения всей республики [5].

4) миграция за пределы Калмыкии

Депопуляция, убыль населения стала характерна почти для всех районов республики, исключение составляет лишь Целинный район, близлежащий к г. Элисте, где население растет из-за притока сельчан из других уголков республики. Люди активного трудоспособного возраста покидают село в поисках работы, повышения материального благосостояния и более высокого качества жизни. По этой причине вынуждены выезжать в районы Крайнего Севера высококвалифицированные специалисты (врачи, медицинские работники, педагоги). Значительно сократилась численность учителей в республике. Если в 1995/96 учебном году в республике

трудилось 5833 учителя, то в 2005/06 учебном году – 5541 учитель, а в 2015/16 – 3760 [2, с. 42]. Сельские учителя, имеющие педагогический стаж, звания, отличия, составляют солидную часть педагогического коллектива принимающих образовательных учреждений районов Крайнего Севера. А школы республики теряют ценнейшие кадры, которые могли бы еще долгое время трудиться на развитие образовательной сферы.

Калмыцкие врачи, медсестры также востребованы в других регионах страны, отток этих работников негативно сказывается на функционировании медицинских учреждений, на качестве оказания медицинских услуг населению. Если численность врачей всех специальностей увеличивалась с 1416 в 2000 г. до 1519 в 2014 г., то в 2015 г. она уменьшилась до 1485 человек. Уменьшение наблюдается и в категории среднего медицинского персонала. В 2000 г. работало 3833 медсестры, в 2010 г. – 3421, в 2015 г. – 3153 [2, с. 47].

Многие сельские жители выбирают работу «вахтовым методом» не только в близлежащих областных городах (Волгоград, Астрахань), но и отдаленных (Москва, Петербург), а также весьма удаленных от Калмыкии регионах (Ханты-Мансийск, Чукотка и т.д.), формируя армию временных и сезонных мигрантов. По окончании смены (вахты) они возвращаются домой, на заработанные деньги приобретают дорогостоящую бытовую технику, автомобили, благоустраивают квартиры, некоторые приобретают жилье не только в столице республики, но и за ее пределами, в том числе Москве и Подмосковье [6].

Новые формы трудовой занятости, длительное пребывание за пределами родной земли в инокультурном пространстве трансформируют сознание сельского жителя. В этой связи А. А. Крисанов точно описывает вышеописанные процессы: «... крестьянство утрачивает субстанциальность, что влечет за собой трансформацию крестьянского сознания, которое претерпевает разрушение своей целостности, что выражается в том, что под воздействием «демонстрационного эффекта» города в нем начинают доминировать урбанистические социокультурные ценности и стандарты, происходит утрата полноты связи с землей, деформация крестьянства как моральной общности» [3].

Калмыцкие жители, выезжающие за пределы республики, проявляют конкурентоспособность в принимающей среде различных

российских регионов и других государств, тем самым демонстрируя высокий адаптационный ресурс, выработанный тысячелетним опытом кочевого образа жизни [4]. В отношении современных калмыков воспользуемся выводами, сделанными кыргызскими коллегами относительно своих соотечественников, которые, как и калмыки, являются потомками древних кочевников. К. Исаев пишет, что современные кыргызы «как будто вернулись к кочевому образу жизни. К тому образу жизни, который благодаря своей мобильности, выносливости, открытости к новациям, огромному адаптационному потенциалу вновь берет на себя «спасительную» историческую миссию, давая возможность целому поколению преодолеть социально-экономические трудности» [1, с. 26]. В трудовой миграции потомков кочевников – современных калмыков прослеживается позитивная тенденция, свидетельствующая о том, что обстоятельства вынуждают их адаптироваться в непривычных условиях природно-климатических зон (Крайний Север), мегаполисов, чтобы включиться в новые отношения, получить новые знания, умения, стать востребованными в сверхсложном современном мире. Эта адаптация вызывает изменения социальной структуры населения, процессов социальной мобильности, самоорганизации жизнедеятельности различных социальных групп, трансформацию сознания и поведения.

Литература

1. Исаев К. Миграционные процессы в современном Кыргызстане // Социологические исследования. 2012. №10. – С. 21-27.
2. Калмыкия в цифрах, 2016: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2016. – 153 с.
3. Крисанов А.А. Модернизация крестьянства и трансформация его сознания в индустриальном обществе // Перспективы модернизации традиционного общества: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа 23 июня 2011 г.) Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. – С. 245-250.
4. Намруева Л. В. Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2. – С. 64-70.

5. Намруева Л. В. Влияние производственной ниши на изменение этничности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. – С. 109-114.

6. Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. – 186-192.

Э. У. Омакаева,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

**Тема миграции и антропотока
в монголоязычном песенном фольклоре:
на материале ойратских и калмыцких исторических песен
о Шуна-баторе и Убаши-хане***

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 16-24-03005 а(м)*

Феномен миграции (пространственного перемещения населения) в различных проявлениях наблюдается в разных этнических сообществах. В строгом смысле этого слова миграцией является переселение (смена постоянного места жительства), так называемый безвозвратный вид миграции. Естественно, масштаб, направленность и состав антропотоков, а также последствия миграции (социально-экономические, демографические, культурные, языковые) существенно разнятся в разные исторические периоды, зависят от причин, ее вызвавших, уровня экономического и социального развития общества, его территориальной дифференциации, ландшафтных и природно-климатических условий.

В статье историка В. И. Колесника [5] анализируются причины последней трансконтинентальной миграции евразийских кочевников 1771 г., когда большая часть калмыков, покинув пределы России, возвратилась на историческую родину. Автор пишет: «Погубив Калмыцкое ханство, Убаши-хан вписал имя калмыков во всемирную историю» [5, с. 20].

Будучи выходцами из глубин Центральной Азии, калмыки в начале 17 в. обрели свою новую родину в российском степном пространстве между Доном, Волгой и Северным Кавказом. Внезапный уход калмыков через полтора столетия назад, в Центральную Азию, нашел отражение в песенном творчестве ойратов и калмыков, изучение которого как части традиционного наследия монголоязычных народов крайне востребовано сегодня. В песне, как ни в каком другом жанре, наиболее рельефно отражаются особенности национального мировидения и мировосприятия в синтезе вербального и музыкального выражения. Песенное искусство калмыков, отразившее исторические перипетии их судьбы и игравшее значительную роль в различных сферах жизни народа (в семейно-бытовых обрядах, в храмовых традициях, в праздниках, в военных сражениях, в дворцовом церемониале), представлено различными формами, требующими междисциплинарного комплексного изучения.

Региональные и локальные традиции песенного творчества ойратов и калмыков относятся к числу малоразработанных тем монголоязычной фольклористики. Назрела необходимость исследования песенного творчества отдельных ойратских субэтносов в сопоставлении с калмыцким музыкальным фольклором в широком историческом и социокультурном контексте.

Лучшие образцы народной словесности западных монголов были опубликованы акад. Б.Я. Владимирцовым в 1926 г. в Ленинграде, но только в транскрипции, без перевода [4]. В свои «Образцы монгольской народной словесности» он включил 118 песен западномонгольских народностей: байтов, дербетов, мянгатов, захчинов, торгутов, урянхайцев.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют как опубликованные, так и еще не введенные в научный оборот архивные и полевые материалы (аудио- и видеозаписи), собранные среди различных групп ойратов Монголии, родственных российским калмыкам и ойратам Китая, в ходе целой серии экспедиций в данный регион в течение последнего десятилетия (2007, 2008, 2013-2015 гг.) [7-9]. Собран достаточно обширный материал о песенном фольклоре западных монголов (захчинов, дербетов, торгутов, байтов, урянхайцев, мянгатов, олетов) по состоянию на начало XXI в. Его особая ценность – в аутентичности и жанровом многообразии (в частности, удалось записать исторические песни).

Сложный жизненный путь и миграции ойратов и калмыков-кочевников нашли отражение в исторических песнях, выражающих национальный характер, дух народа. Одной из таких песен является песня, посвященная миграции 1771 г., записанная в разных вариантах и под разными названиями. Так, среди песен, записанных в 1909-1911 гг. Номто Очиловым среди калмыков Астраханской губернии и Багацохуровского улуса, значатся: «Сальклад харсн торһудыг» (№ 22), «Маниг яһтха гисмб?», «Машин цэвдрэн көлглгсн» (№ 39, № 21).

Дербетский вариант песни «Машин цэвдрэн көлглгсн» состоит из 7 строф, торгутский вариант представлен 4 строфами. Приведем в качестве примера первый вариант:

№ 39

Машин цэвдрэн көлглгсн,

Маңһд бориһэн көтлгсн,

*Мана **хан Уви***

Маниһэн яһтха гисмб?

Эргни Мацгин хоорнд

Эрвэкэ баран харгдхи,

Еңнэд зусдг торһудыг

Хааран одв гихв?

Ховң Ижл хоорнд

Харгдх баран үзгдхи,

Хоорлад зусдг торһудыг

Хааран одв гихв?

Шемнр тамһта уланта,

Шеерң нойн һазрчта.

Серглж харсн торһудыг

Хамаран одв гихв?

Уласт гидг һолыг,

Услур муута гисмб?

Урдк цагин нойдудыг

Ухан муута гисмб?

*Нәрни гидг холыг
Намржң муута гисмб?
Наад захин хасгудыг
Наһиңран болһад нүүсмб?*

*Жирн терзтә өргәнһ
Жирлһң болж үзгднә.
Жирһн иртә **Уви хан**
Маниһән яһтха гисмб? [МД, с. 146-147]*

Восседающий на великолепном игренево́м (коне),
Держащий в качестве запасного коня татарского сивого
Наш хан Убаши
На кого нас оставил?

Между Кубанью и Волгой
Не видно даже очертаний бабочки,
Кочующие торгуты
Куда направились?

На красно-рыжих конях с тавром шебинеров,
С проводником нойоном Шеренг,
Оживленно выдвинувшиеся торгуты
Куда направились?

Или воду реки Уласты
Посчитали непригодной для питья,
Или нойонов прежних
Посчитали недальновидными?

Или реку Нарин
Посчитали непригодной для осенних стоянок,
Или казахов у ближней границы
Посчитали своими родственниками?

Дворец с шестьюдесятью окнами
Виднеется, как мираж,
Убаши хан
Куда направился?

Второй вариант этой песни отличается от первого не только количеством стрóf (их меньше), но и лексическими синонимическими заменами [МД, с. 262].

Неоценимое значение для сохранения и научного изучения лучших образцов песенного творчества имеют разновременные записи песен и их вариантов, а также издания песенных текстов, осуществленные как в самом регионе бытования, так и за его пределами. Публикация западномонгольских песен связана с именами выдающихся монголоведов (А.М. Позднеев, Г.И. Рамстедт, А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов и др.). Так, в 1880 г. вышла в свет книга А.М. Позднеева «Народные песни монголов», где было опубликовано 64 песенных текста вместе с переводом, в том числе и знаменитая «Песня о Шуна-батыре», которую исследователь записал у улангомских дербетов [10].

Считается, что песня о Шуна-батыре, личность которого до сих пор представляет загадку, появилась среди калмыков на Волге в начале 18 в. (в 1725-1732 гг., т.е. в последние семь лет жизни Шуна-батыра).

Главный герой песни о Шуна-батаре наделен чертами богатыря. У монголов вообще принято величать титулом «баатар» (богатырь) храбрых воинов, отличившихся в борьбе за родную землю. Шуна-батор в одиночку разбил войско маньчжуров, когда его брат, Галдан Цэрэн, позорно бежал. Интригуя, последний оклеветал своего брата, чем вызвал гнев отца. В сложившейся ситуации Шуна-батор направился к калмыкам, к Аюке-хану, но тот уговорил Шуна-батара все-таки вернуться на родину.

Характерные черты богатыря – его необыкновенная сила и даже волшебство. Так, в калмыцкой народной песне «Чон-Баатр» есть такие строки: *Дөрдг бичкн Чонаг дөрвн түмэр ядла* («Пылкого юношу Чону не может одолеть сорокотысячная вражья рать»).

Каждая новая публикация приоткрывает завесу тайны над именем любимого и воспетого народом героя [6; 11-16]. Так, вариант этой же песни был записан позднее и акад. Б.Я. Владимирцовым под названием «*Нарийн говийн зээрд*» (Поджарый гобийский рыжий).

Известный монгольский ученый П. Хорлоо, записавший в 1967 г. в сомоне Манхан Кобдоского аймака новый вариант этой песни, сличил сюжеты всех известных песен и их вариантов, по-

священных Шуна-батыру, с привлечением калмыцкого и бурятского материала, что позволило ему проследить жанровую эволюцию данного песенного текста [13].

В материалах Н. Очирова зафиксировано 2 текста калмыцкой песни о Шуна-батаре: *Цагин цаһан уул* [МД, с. 145] и *Цацан цаһан уул* [МД, с. 261]. В других сборниках эта песня называется *Цастын цаһан уул* («Снежно-белая гора»).

Для сравнения приведем вариант захчинской песни «*Нарийн говийн зээрд*»:

*Нарийн говийн зээрд
Наашаа харж цэрвэнэ.
Нас багатай Шуну нь
Нагац нар тэмцэж оргоно .*

*Гунан гунан зээрд нь
Гуяа цохим шанхтай .
Гулжинхай бяцхан Шуну нь
Нагац нараа тэмцэж оргоно*

*Дөнөн дөнөн зээрд
Дөрөөгөө шүргэм шанхтай.
Туранхай бяцхан Шуну нь
Нагац нараа тэмцэж оргоно.*

*Эрвэлзсэн бор
Эгэм цохим шанхтай .
Эрдэнийн хувилгаан Шуну нь
Энд юундаа эргэнэ.*

*Тавалзсан бор
Далаа цохим шанхтай .
Дара эхийн хувилгаан Шуну нь
Дацангаа юунд эргэнэ.*

*Галуун хүзүүн гаанстай
Ганган хөх тамхитай .
Галдангийн хувилгаан Шуну нь
Газар юундаа эргэнэ.*

*Хунгийн хүзүүн гаанстай
Хури хөх тамхитай .
Хутагтын хувилгаан Шуну нь
/Газар юундаа эргэнэ/ [ЗАУДД]*

Таким образом, проблема характеристики исторических песен, посвященных событиям, связанным с миграцией целого народа или отдельных лиц, и выявления их специфических черт остается пока открытой: ее решение предполагает тщательный анализ разновременных записей песни, сравнительное изучение разных вариантов, существующих у разных этносов и субэтносов.

Источники

ЗАУДД – Захчин ардын ургын дуу, дуулаачид / Баттулга Т. УБ.: Мөнхийн үсэг, 2015.

МД – Мөнк дееж / Н. Очиров. Элиста, 2006. 398 с.

Литература

1. Алексеева П.Э. О джунгарском князе Лоузанг-Шуну // Теегин герл. 1999. № 8. С. 123–126.

2. Биткеев Н.Ц. Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 141 с.

3. Биткеев Н.Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 191 с.

4. Владимирцов Б.Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926. 202 с.

5. Колесник В. И. Ошибка хана Убаши // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1. С. 11-20.

6. Кульганек И.В. Мир монгольской песни. СПб., 2001. 224 с.

7. Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста: КИГИ РАН, 2011. № 1. – С. 21-27.

8. Омакаева Э. У., Алимаа А. Песенный фольклор монгольских народов: наследие и современность (по материалам полевых исследований 2007 г.) // Фольклор в контексте культур: мат-лы Всерос. науч. конф., г. Махачкала, 12 марта 2009 г. – Махачкала, 2009. – С. 44-47. 14.

9. Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста: КИГИ РАН 2012. № 4. – С. 180–186.

10. Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов. Вып. I. СПб., 1880. 346 с.

11. Ramstedt G. Kalmuckische Lieder. Helsinki, 1962. Pp. 76–77.
Руднев А.Д. Мелодии монгольских племен // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб., 1909. С. 395–430.

12. Садалова Т.М. Загадки Шуну-батыра. Горноалтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха», 2006. 112 с.

13. Тулохонов М.И. Историческая основа песен о Шоно баторе // Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1968. С. 81–106.

14. Хорлоо П. К вопросу эволюции эпических песен монголов // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 156–160.

15. Церенов В.З. Исторические легенды и песни о Шуна-батыре (гетерогенезис образа) // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщ. 5 Всесоюз. тюркол. конф. Фрунзе, 1988. С. 436–437.

16. Яцковская К.Н. Народные песни монголов. М., 1988. 250 с.

В. И. Рассадин,
КалмГУ Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

**Тюрко-монгольские соответствия в области лексики,
относящейся к человеку и человеческому обществу***

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-
МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований
«Тюрко-монгольская лексическая общность
как результат взаимодействия
тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)*

Хотя тюрко-монгольские языковые связи разрабатываются достаточно давно, главным образом в рамках алтайской теории, и в этом аспекте наука добилась значительных успехов, однако явные тюркские параллели, имеющие доказанный определённо тюркский генезис, до сих пор окончательно не выявлены. Их установление имеет большое научное значение, поскольку позволит реально оценить роль влияния тюркских языков на историческое развитие монгольских языков, ибо не могли пройти бесследно тысячелетние контакты этих двух соседствующих этносов. Вклад тюркских языков в процесс формирования монгольской лексики можно оценить лишь проанализировав состав лексики по определённым семантическим группам, особенно отражающим специфику не только окружающей человека живой и неживой природы, его хозяйственной деятельности, материальной культуры, но и самого человека, черты его духовного мира, социально-политической и социально-экономической деятельности. Поставив задачу выявления в монгольских языках тюрко-монгольских параллелей бесспорно тюркского происхождения по семантическим группам, мы в рамках специального международного гранта начали эту работу, выявив в монгольских языках тюркизмы, относящиеся к неживой и живой природе, хозяйственной деятельности, некоторых элементов материальной культуры. Сейчас здесь хотелось бы в продолжение этой темы остановиться на выявлении явных тюркизмов в лексике, относящейся к человеку, к его социально-политической и социально-

экономической деятельности. Обращаясь к лексике, называющей части тела человека в монгольских и тюркских языках, следует отметить, что в составе большого количества терминов, относящихся к этой тематической группе, оказалось не так уж много явных тюрко-монгольских параллелей. Так, здесь можно назвать такие слова, например, как монг. *хулхи* «ушная сера; внутреннее ухо» // др.-тюрк. *qulqaq, qulyaq, qulaq* «ухо», монг. *сахал* «борода; усы» // др.-тюрк. *saqal* «борода», монг. *бөөр* // др.-тюрк. *bögür* «почки», монг. *гар* «рука» // др.-тюрк. *qar* «верхняя часть руки», *qarī* «локтевая часть руки». Среди монгольской лексики, называющей отношения по родству и свойству, выявляются некоторые термины типа монг. *ах* «старший брат; старший» // др.-тюрк. *ақа* «старший брат», *ав* «отец, папа, батюшка» // др.-тюрк. *aba* «мать», *ара* «старшая родственница, старшая сестра», *aba, ара* «отец», монг. *ач* «внук (по мужской линии); племянник (по брату)» // др.-тюрк. *atī* «внук; племянник (сын младшего брата)», монг. *зээ* «внук, внучка (по матери); племянник, племянница (по материнской линии)» // др.-тюрк. *jegän, jegin* «племянник», монг. *эх* «мать» // др.-тюрк. *ekä* «старшая сестра, тётя», монг. *эр* «муж, супруг; мужчина; самец» // др.-тюрк. *er* «мужчина; муж, супруг». К тюрко-монгольской лексике монгольского языка, отражающей социально-политические отношения, относятся такие, например, слова, как монг. *эл* «народ, государство, племя» // др.-тюрк. *el* «племенной союз; народ; государство», монг. *улс* «государство, держава; люди, народ; династия» // др.-тюрк. *ulus, uluś* «селение», монг. *төр* «строй, режим; государство, держава; власть; правление; закон, законность; пир, свадьба» // др.-тюрк. *törä* «закон, обычай», *törü* «порядок, правило, закон; обычай, обряд». Социально-экономические отношения называют такие, например, тюрко-монгольские лексемы, как монг. *эд таваар* «товар, товары; вещь» // др.-тюрк. *ed* «вещь, имущество, богатство», *tabar* «имущество», *tavar* «добро, имущество, богатство; товар», *ed tavar* «имущество, богатство», монг. *ашиг* «выгода, польза, доход, прибыль» // др.-тюрк. *asīy* «польза, выгода; прибыль».

Таким образом, наличие слов явно тюркского генезиса в составе монгольской лексики рассмотренных семантических групп свидетельствует о большом влиянии тюрков уже на древний монгольский язык в процессе его исторического развития.

А.С. Ряжев,
Поволжский православный институт,
Россия, г. Тольятти

**Миссионерская работа пиетистов и гернгутеров
в первой половине XVIII в.:
планы в отношении российского буддизма*.**

**Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
научный проект «Территория войска волжских
ставропольских калмыков в XVIII-XIX вв.:
историко-ландшафтное исследование», № 15-11-63601/15.*

Доклад посвящён начальному периоду миссионерства протестантов-мистиков в пределах Российской империи. В работе обозначено, что присоединение к России прибалтийских провинций в ходе Северной войны вызвало к жизни планы остзейских и германских пиетистов по организации всемирной миссии. Миссионерство среди российских ойратов-буддистов представлялось важным шагом в осуществлении этих планов. В статье также указано, что подобные устремления разделяли в середине 1720-х – 1740-е гг. и гернгутеры («моравские братья»). Прибытие миссионеров в Россию поддерживал лидер гернгутеров граф Н.Л. фон Цинцендорф. Он же выступал за основание в России миссионерских станций, подобных тем, что создавались гернгутерами в Индии, Гренландии, Северной Америке.

В целом результаты представленного исследования расширяют научные представления об изучении буддизма европейцами, о взаимоотношениях религий в России раннего Нового времени.

Ключевые слова: буддизм, ойраты, пиетисты, гернгутеры, миссионеры, граф Николаус Людвиг фон Цинцендорф.

Вероисповедная политика Российского государства в раннее Новое время – актуальный вопрос отечественной политической истории [Ряжев 2006: 84-85]. Одним из её важных аспектов является вопрос о взаимоотношениях исповеданий и роли светских властей в регулировании этих взаимоотношений [Ряжев 2004: 43-45].

Среди представителей вероучений активность в межконфессиональных контактах с начала XVIII в. на территории России проявляли австрийские капуцины [Ряжев 2010: 110-112]. Пытались следовать за ними адепты и других исповеданий, в частности, гернгутеры, или «моравские братья», утвердившиеся в российских владениях в 1720-е гг. Подтверждением служат новые архивные документы. Их необходимо изучить, что и составляет задачу настоящей работы.

Названные документы сохранились в составе переписки российской Коллегии Иностранных дел (далее – КИД) о приезде в Россию в 1743 г. проповедников-гернгутеров. Здесь же материалы следствия о гернгутерах в Остзейском крае за вторую половину апреля 1743 – 1744 гг., проводившегося особой комиссией при лифляндском генерал-губернаторе и её местными отделениями. В своё время бумаги также поступили в КИД. Данный комплекс материалов, озаглавленный «Дело о «Гернгутерской» секте», ныне хранится в Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).

Об антигернгутерском расследовании, предпринятом российскими властями при императрице Елизавете Петровне и завершившемся запретом исповедания в России, историкам известно: ряд его материалов в своё время был опубликован в «Русском архиве» [Правительственные меры: 1391-1395]. Но переписка и документы именно из указанного дела ранее в научный оборот не вводились. Они содержат весьма интересные подробности о развитии гернгутерского миссионерства в России, и их значение трудно переоценить.

Движение гернгутеров имеет большую историографию, в мас-се своей немецкую и англо-саксонскую [Meyer: 12-58]. Миссионерская работа «моравских братьев» стала одной из основ проблематики исследований, однако внимание уделяется преимущественно истории миссионерства и миссионерских поселений «в атлантическом мире» (Британия, Гренландия, Северная Америка, Карибский бассейн, Южная Африка) и в Индии [Pious Pursuits: 223-248; Singh: 18-46]. О гернгутерах-миссионерах в России сказано много меньше. Так, оценена их работа в Остзейском крае на протяжении 1720 – 1730-х гг., охарактеризованы усилия, которые приложили здесь лидеры «моравских братьев» – граф Николаус

Людвиг фон Цинцендорф и его супруга графиня Эрдмут Доротея [Geiger: 8-52]. Обозначена попытка гернгутеров-миссионеров тогда же обосноваться среди самоедов – народов полярных областей России, пресечённая властями [Hamilton: 58]. О миссионерских начинаниях в отношении же российских ойратов и, шире, буддистов, в литературе не сказано. Между тем подобные начинания, по крайней мере, намечались к воплощению в жизнь: изученные источники дают недвусмысленные свидетельства на сей счёт.

Коренные причины преследования гернгутеров в Прибалтике диктовались внутренней борьбой в среде местной верхушки – немецкого остзейского дворянства [АВПРИ. Л. 44-65]. Однако обстоятельства, способствовавшие расследованию «о гернгутерской секте» как таковому, были во многом связаны именно с планами глобальной миссии гернгутеров и их лидера – графа Цинцендорфа, подразумевавшими и ойратов в пределах России.

Следствие по доносам на остзейских гернгутеров началось в ЮКЛЭФ по указу императрицы Елизаветы Петровны на имя лифляндского вице-губернатора генерал-лейтенанта Д.Ф. Еропкина от 16 апреля 1743 г. [АВПРИ. Л. 7 и об] (здесь и далее даты даны по старому стилю, если не оговорено иное). Около этого времени в коллегияу обратились трое иностранцев, недавно, как следует из документов, прибывших в Санкт-Петербург: К. Ланге из Гессен-Касселя, З. Гиршель из Дрездена и М. Кунд из Кёнигсберга. Они подали в ЮКЛЭФ прошение на немецком языке. Все трое назвали себя посланцами «моравских братьев» и «яко назначенные от евангелического общества к службе Святого Евангелия люди» заявили о намерении далее направиться к «язычникам» под властью Российской империи, «а имянно к мунгалам и калмыкам до границ Китайского государства». В этой связи миссионеры высказали просьбу выдать им паспорта для беспрепятственного продвижения по российской территории [АВПРИ. Л. 3 – 4 об].

Инициатива иноземцев встревожила коллегияу, вовлеченную в прибалтийское следствие против гернгутеров. ЮКЛЭФ немедленно сообщила о просителях Кабинет-секретарю императрицы барону И.А. Черкасскому, контролировавшему ход расследования. 4 июня 1743 г. тот обратился к вице-канцлеру графу А.П. Бестужеву-Рюмину с просьбой допросить пришельцев в КИД. Не позже 14 июня туда из ЮКЛЭФ был направлен и подлинник прошения

иноземцев, «дабы по посылке промемории к делу приложить» [АВПРИ. Л. 2 об]. На допросе надлежало установить: как давно челобитчики пребывают в российской столице, какими документами, удостоверяющими их личности, располагают, где имеют местопребывание, «и кто ещё их секты и где обретается в гражданах российских». Интересовалось следствие и мотивами намеченной поездки гернгутеров «к мунгалам и калмыкам» [АВПРИ. Л. 5-6].

К этому времени остзейские дворянские комиссии, ведшие расследование против гернгутеров на местах, накопили множество доносов на них в том, что они ведут проповедь и в среде остзейского дворянства, и «сворачивают в свою ересь» латышское простонародье. Из показаний заезжих проповедников в КИД следовало, что и ойратам уготована та же судьба.

После допросов гернгутеров в Прибалтике и Санкт-Петербурге власти не могли не обратить внимания на графа Цинцендорфа. Ранее графу приходилось приезжать в Россию: в Ревеле он произносил публичные проповеди, в Лифляндии встречался со своими сторонниками – как мирянами, так и духовными лицами. В результате имения прибалтийских дворян, поддерживавших графа и разделявших его взгляды, становились всё новыми и новыми центрами движения. К концу 1730-х гг. активность гернгутеров в остзейских землях была одной из самых высоких в Европе: в 1739 г. Цинцендорф, перечисляя в предисловии к одному из изданий своих работ страны и части света, в которых процветала миссия гернгутеров, назвал среди них Лифляндию и Эстляндию [Hardin: 67-68].

При этом мотив всемирной пропаганды учения имел в его проповедях стойкость и вызывал отклик среди слушателей графа, особенно остзейской дворянской и городской молодёжи. Вряд ли аудитория имела сколь-нибудь прочные знания о буддизме, но её моральная мобилизованность благодаря зажигательным проповедям была высока: ряд пасторов-гернгутеров на следствии показал, что им в своё время довелось слушать Франке и Цинцендорфа, и проповеди обоих затем весьма способствовали проявлению слушателями миссионерского рвения [АВПРИ. Л. 23 об, 27]. Подобной популярности немало способствовали выдающиеся личные качества самого графа – его ум образованность, ораторские и проповеднические способности, несомненное обаяние.

Играя роль не только лидера, но и покровителя гернгутеров у престолов европейских владык, Цинцендорф, к тому времени при-

бывший из Северной Америки, откликнулся на сообщения о прибалтийском следствии против одноверцев. Поэтому граф решил обратиться к духовным и светским властям России. 14 июня 1743 г., судя по донесению ЮКЛЭФ в КИД, «швецкой нации гернгутерской секты известной студент, именуемый Градин, от графа Цинцендорфа к Святейшему Правительствующему Синоду прислан с писмом...» [АВПРИ. Л. 74 и об]. Послание самого Цинцендорфа из Берлина к вице-губернатору Д.Ф. Еропкину с просьбой о приостановке следствия до тех пор, пока граф не прибудет в Россию и даст показания властям («пока я сам выслушан не буду», – настаивал Цинцендорф), датировано 28 июля (нов. ст.) 1743 г. [АВПРИ. Л. 67].

Цинцендорф действительно хотел лично повлиять на следствие, для чего прибыл в Ригу и 17 декабря 1743 г. подал письменное прошение лифляндскому губернатору П.П. Ласси «о допущении своем в Санкт-Петербурх или о учинении с ним в Риге экзаминования о его чести и содержании гернгутерской секты...» [АВПРИ. Л. 77 и об]. Но КИД предписала П.П. Ласси приказать графу немедленно покинуть пределы России, и 29 декабря Цинцендорф через рижского коменданта получил такой приказ [АВПРИ. Л. 77 об, 98]. Выслали из Санкт-Петербурга восwoяси и троих задержанных миссионеров. По окончании следствия учение гернгутеров в России оказалось под запретом. Российским подданным отныне не полагалось не только держаться гернгутерского учения, но и оказывать гернгутерам материальную помощь. «... Наказание и до тех касат[ь]ся имеет, – говорилось в определении ЮКЛЭФ 1744 г., – которые изобличены будут, что они к службе и споспешествованию гернгутеров некоторые деньги из нашей империи переводят» [АВПРИ. Л. 109 об – 110].

Ситуация с проповедниками-гернгутерами и их вождём, высланными из России, имеет вполне определённый исторический контекст. Он образован планами широкого развития миссионерства, выношенными гернгутерами и их идейными предшественниками – пиетистами с начала XVIII в. Горячим сторонником миссионерства был основоположник пиетизма, профессор А.Г. Франке (A.H. Francke) из университета в г. Галле (Halle). Его своим миссионерским опытом вдохновляли Б. Цигенбалг (B. Ziegenbalg) и Г. Плютшай (H. Plutschau) – основатели гернгутерского поселения Транке-

бар (Tranquebar) на юго-восточном побережье Индии. Знакомство с восточными религиями в этом опыте присутствовало и вызывало большой интерес в среде германских пиетистов. [Jeyaraj: 27].

Тенденцию поддержали и остзейские пиетисты, тесно связанные с германскими центрами движения, прежде всего, университетами. Инициатива развития миссионерства обсуждалась в окружении остзейского просветителя пастора И.Э. Глюка (J.E. Glück), и это во многом явилось реакцией на успехи русского оружия в Северной войне. Остзейские пиетисты восприняли факт вхождения Прибалтики в состав России как исчезновение границы между ними и объектом миссионерской работы. Переход остзейских земель под российский скипетр означал для них внезапное и громадное расширение миссионерского пространства: именно они впервые высказали призыв к миссионерству на российских просторах вплоть до границы с Китаем [Ряжев 2006: 97, 101]. Отсюда и троица заезжих проповедников-гернгутеров, обращавшаяся с челобитной в ЮКЛЭФ в 1743 г., извещала о своём намерении направиться для миссионерского служения именно к китайской границе отнюдь не случайно.

Намерение нести Евангелие ойратам вписывалось в глобальный замысел Цинцендорфа. Оно вполне отвечало собственному моральному посылу «графа без границ», справедливо названного современниками теоретиком-пионером христианской миссии в мировом масштабе [Schattschneider: 63-67]. Вместе с тем внимание к ойратам-буддистам на окраинах России коррелировало и с практикой гернгутерского миссионерства. Миссия в Индии стала наиболее далёкой среди всех прочих миссионерских станций гернгутеров. В представлениях Цинцендорфа, знавшего о свершениях Цигенбальга, она обладала в этой связи особой значимостью и ценностью, её, полагал граф, было должно сохранять и подпитывать, для чего требовалось найти удобный и безопасный путь в Индию. Отсюда поиск шёл и через территорию России, в XVIII в. всё более открывавшейся европейцам.

С точки зрения сухопутного транзита ориентация на монголов и калмыков выглядела вполне оправданной: ведь именно их могли встретить миссионеры при движении по обеим ветвям российского пути в Индию – и по берегу Каспия, и через Сибирь. Сам Цинцендорф хорошо это понимал. К тому же его уверенность подкрепля-

лась книгой Ф.И. Страленберга о России «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (Стокгольм, 1730) и приложенным к ней калмыцко-монгольским словарём: историко-ландшафтные, этнографические и лингвистические сведения, изложенные в издании, граф высоко оценивал именно с позиции планирования миссионерских маршрутов.

Неудача 1740-х гг. не охлаждала пыл гернгутеров-проповедников. Они по-прежнему грезил о путях в Индию: в гимнах гернгутеров среди народов, которым в перспективе предназначалась проповедь учения, упоминались и персы, и «моголы» (монголы) [Hardin: 232], и тем самым подкреплялось прежнее внимание к трассам российского сухопутного транзита.

Можно предположить, что заявленное гернгутерами и Цинцендорфом миссионерское стремление к ойратам лежало в русле поисков удобных торговых путей, поддерживавшихся в XVIII в. европейскими монархиями. Посланцы католических орденов, шедшие на Восток, опирались на помощь Бурбонов и Габсбургов. С учётом связей и репутации Цинцендорфа при датском и прусском дворах не исключено, что в случае с гернгутерами имели место аналогичные попытки, поддержанные протестантскими монархиями исподволь.

В итоге интерес европейцев к буддизму в России рос, формировалась потребность в соответствующих знаниях. Если миссия 1740-х гг. не увенчалась успехом, то с возникновением в 1765 г. колонии гернгутеров Сарепта процесс получил новое движение, обогатив общество устойчивыми знаниями о российском буддизме. В научный оборот также был введён массив историко-ландшафтных, этнографических и лингвистических сведений, характеризующих жизнь народов – носителей буддизма.

Литература

1. АВПРИ. Ф.10. Оп. 10/1. Д.1. 1743-1744. Л.1-112.
2. Правительственные меры по случаю появления в Лифляндии секты гернгутеров в 1743 году// Русский архив. – 1868. – № 9. – С. 1391-1395.
3. Ряжев, А.С. Просвещённое духовенство при Екатерине II/ А.С. Ряжев// Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 43-57.

4. Ряжев, А.С. Вероисповедная политика русского «просвещённого абсолютизма»: история изучения/ А.С. Ряжев// История и историки: историографический вестник. 2005. – М.: Наука, 2006. – С. 84-126.

5. Ряжев, А.С. Австрийские капуцины в Калмыцкой степи в 50 – начале 60-х гг. XVIII в.: аспекты вероисповедной политики русского «просвещённого абсолютизма» (по документам Архива внешней политики Российской империи)/ А.С. Ряжев// Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии. Материалы научно-практической конференции 30 сентября 2010. – Элиста, 2010. – С.108-112.

6. Geiger, Erika. Erdmuth Dorothea Countess von Zinzendorf: Noble Servant/ Erika Geiger. – Winston-Salem: J. F. Blair Publishing, 2006. – 110 p.

7. Hardin, Jon Edwin. Creating Convictional Community: Missional Spirituality in the Moravian Community of Bethlehem, Pennsylvania, 1741-1762/ Jon Edwin Hardin. – Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam, 2014. – XII, 456 p.

8. Jeyaraj, Daniel. Bartholomaeus Ziegenbalg: The Father of Modern Protestant Mission: an Indian assessment/ Daniel Jeyaraj. – Delhi, India: Indian Society for the Promotion of Christian Knowledge, 2006. – XIX, 318 p.

9. Meyer, Dietrich. Zinzendorf und die Herrnhuter Brüdergemeine, 1700-2000/ Dietrich Meyer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. – 176 s.

10. Pious Pursuits: German Moravians in the Atlantic World. Ed.: Gillespie, Michele; Beachy, Robert. – New York: Berghan Books, 2007. – VI, 267 p.

11. Schattschneider, David A. Pioneers in Mission: Zinzendorf and the Moravians/ David A. Schattschneider// International Bulletin of Missionary Research. – 1984. – Vol. 8. – N 2. – P. 63-67.

12. Singh, Brijraj. The first Protestant missionary to India. Bartholomaeus Ziegenbalg, 1683–1719/ Brijraj Singh. – New Delhi – Oxford: Oxford University Press, 1999. – VII, 195 p.

Р. Г. Саряева,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Миграция российских немцев: Калмыкия – новая родина

Российских немцев называют народом-скитальцем, «народом в пути» (Volk auf dem Weg) [21] Появившись в России еще в допетровские времена и при Петре Первом, немцы уже при Екатерине и до середины XIX века переселялись «несколькими волнами ... на вновь приобретенные Россией территории в Нижнее Поволжье, Причерноморье, Закавказье» [4, с. 13]

Первые немцы появились на Руси еще в 9 веке, о чем сообщает большая энциклопедия «Немцы России» [26, с. 10]. И, как пишут Михаэль Шиппан и Соня Штригниц, «во времена правления Ивана Грозного IV появились в предместье Москвы иностранные поселения, которые обозначались как «немецкие слободы». А словом «немец» русские в то время называли большинство выходцев из Западной Европы, которые были и других национальностей. Тем не менее в этих поселениях – слободах – доминировал немецкий язык» [33, с. 8]

В мае 1990 года в газете «Советская Калмыкия» появилась статья «Завещание первых поселенцев», содержащая исторические данные о приходе немцев в Калмыкию. Её автор, житель г. Городовиковска, пенсионер (как указано в подписи к статье) Иван Лауденшлегер назвал датой появления немцев в Калмыкии май 1870 г., именно тогда, по мнению автора, немецкие колонисты появились в долине калмыцкой речки Хагин-Сала на территории нынешнего Яшалтинского района РК [23, с. 2]. Это были «выходцы из Аккерманского уезда Бессарабии и Полтавского уезда из Черниговской губернии», еще раньше «в Бессарабию немцы попали из Голландии, а в Черниговщину из Варшавского герцогства». Причиной переселения немцев в калмыцкие степи автор назвал безземелье [23, с. 2].

В 1868 году ставропольское губернское руководство пригласило «делегатов» из Бессарабии и Черниговской губернии для осмотра места будущего поселения на 1000 семей на территории Боль-

шедербетовского улуса. Согласно данной статье, в которой приводятся и отрывки из дневника «первого учителя, приехавшего сюда, поляка Савицкого» (дневник, как указывается, вёлся Савицким, которого «в народе звали Гансом», с середины 1870 года до конца 1870-х), к переезду в Калмыкию немцы готовились почти два года. В начале 1870 года немцы двинулись в долгий путь. Переселенцы шли в калмыцкую степь группами по 20-30 подвод в сопровождении госохраны, скот гнали за собой. В течение полутора месяцев на правом берегу речки Хагин-Сала была произведена разметка и планировка будущего села [23, с. 2].

Инспектор народных училищ Ставропольской губернии Антон Твалчрелидзе в своей книге 1897 года пишет о селе Немецко-Хагинское, основание которому «положено в 1879 г. немцами, переселившимися сюда из Бессарабской и Черниговской губерний. Занятая селом земля принадлежала ранее калмыкам Большедербетовского улуса» [29, с. 630]

О том, что первые группы немцев появились в Калмыкии в конце 1870-х годов (а не в мае 1870 года, согласно Лауденшлегеру), сообщает в нескольких работах ученый-историк Сергей Белоусов [6, 333; 7, с. 88-89; 8, с. 172].

В 1991 г. в газете «Советская Калмыкия» историк Иван Борисенко со ссылкой на А. Твалчрелидзе дополняет статью «Завещание первых поселенцев» интересными сведениями и также называет датой поселения немцев на территории Калмыкии 1870-й год [11, с. 3].

В Калмыкии, как и повсеместно в стране, долгие годы отсутствовали публикации о депортации немцев, вообще о том, кто они, почему и когда появились в России. До их выселения летом 1941 года из АССР немцев Поволжья и других областей СССР газета «Ленинский путь» (печатный орган Калмыцкого областного комитета ВКП (б), ОИК и ОСПС) посвятила всего 5 публикаций, касающихся немцев, – в период с 1930 по 1941 год [1]. Две из них являются перепечатками из центральных газет: маленькое сообщение «Бурный рост колхозов Немреспублики» (31 октября 1930 г.) и выступление делегата от АССР НП на съезде «Речь товарища Д.Е. Керби, плотника Эйгемского колхоза республики немцев Поволжья» (20 февраля 1935 г.).

В 1970-х – начале 1980-х в калмыцких изданиях редко, но появлялись публикации о немцах. Они посвящались вкладу немецких

исследователей в изучение Калмыцкой степи в 17-19 веках и первым немецким поселениям в Калмыкии [См.: 5; 9; 10]

В 1988 году, когда Автономии немцев Поволжья исполнилось 70 лет (образованная декретом СНК в 1918 году АССР немцев Поволжья была упразднена в августе 1941 года), о советских немцах наконец вспомнили. В центральной прессе появились первые газетные публикации, касающиеся не только вклада немцев в развитие страны, но и депортации немецкого народа в годы войны. Затем «немецкую» тему стали исследовать и разрабатывать ученые. С конца 1980-х годов тема репрессий против народов, в т.ч. немецкого, стала ключевой в постсоветских и современных исследованиях, до сих пор вызывая немалый научный интерес [28, с. 6]

В калмыцких изданиях публикация о немцах появилась двумя неделями ранее, чем в центральной, московской, печати, – в газете «Советская Калмыкия» с заголовком «Оборванные корни» [20, с. 2]. Рубрика, в которой появилась данная статья, называлась «Немцы, выезжающие из СССР...». Впрочем, еще раньше, в июле 1987 года, в той же газете увидела свет заметка как письмо читателя – жительницы села Березовское Яшалтинского района под названием «Моя родина – СССР». Мнение читательницы можно расценить как идеологическую полемику и некий «отпор» «вражеским голосам». Такая нота звучит и в очерке «Оборванные корни» с подзаголовком «О чем думают Иван Браун и другие в ожидании визы на выезд за границу»: *В годы Великой Отечественной войны советские немцы – в подразделениях «трудового фронта»...В наше время, время перестройки, гласности, обеспечения прав человека, перед некоторыми из них встала весьма сложная проблема: о воссоединении с родственниками, живущими в ФРГ...Западная пропаганда не учитывает, как сложно, а порой больно человеку сказать: «Прощай, Родина!»*. В этом очерке в той или иной степени сквозит и осуждение в адрес эмигрантов [28, с. 53].

Публикации о немцах в калмыцких газетах 1988-1990 гг. носят не только познавательный-информационный характер, но и зачастую идеологический и пропагандистский характер. В 1987 году в Германию эмигрировало более 14 тысяч немцев. Реакция на это нашла отражение в газетных публикациях – выезжающих осуждали [28, с. 54].

Постановление СНК РСФСР «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа» от 24 июля 1919 года коснулось и нем-

цев. 18 февраля 1924 г. принято постановление ВЦИК «О передаче Яшалтинской, Эсто- и Немецко-Хагинских волостей из Ставропольской губернии в Калмыцкую автономную область» [25, с. 89].

По переписи 1926 г. в Калмыкии проживало 2603 немца [12, с. 60]. Согласно переписи 1939 г., в республике проживало 4140 немцев [13, с. 172].

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 года «О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» началась фактическая ликвидация АССР немцев Поволжья. Постановление указывало переселить немцев «общей численностью 479.841 человек» в Сибирь и Казахскую ССР [3]. Последующие указы ПВС СССР от 28 августа и 7 сентября 1941 года по сути закрепили «переселенческое» постановление от 26.08.1941 г. О том, как проходило принудительное выселение, в каких цифрах, какая была обстановка накануне и во время депортации – об этом сообщает немало авторов [13; 14; 16; 17; 21; 32, с. 121-126].

По сведениям НКВД КалмАССР, 5965 немцев было выселено с 3 ноября по 6 декабря 1941 г. [2] Однако ученые Саратова приводят данные НКВД СССР, согласно которым в Калмыкии на тот момент было учтено 5706 немцев. По сведениям НКВД, на которые ссылаются историки, из республики было отправлено три эшелона в количестве 5525 человек [16, с. 270].

Данные по улусам республики, согласно сведениям НКВД КАССР, выглядят так: из Яшалтинского улуса выселено 4011 немцев, из Западного – 1687, из Сарпинского – 18, из Кетченеровского – 3, из Черноземельского – 14, из Улан-Хольского – 7, из Лаганского – 15, из Троицкого – 14, из Приволжского – 30, из Долбанского – 30, из Приютинского (ныне Приютненский) – 20, из Малодербетовского – 11, из Юстинского – 26, из Элисты – 79. Всего – 5965 [2].

В газете «Советская Калмыкия, посвятившей в феврале 1991 года большую статью проходившей в те дни конференции немцев (участвовало более 100 делегатов, с основным докладом выступил тогдашний председатель Верховного совета КалмАССР В. М. Басанов), даются и воспоминания делегатов этого форума о депортации: *«С женщинами, стариками, детьми обращались, как со скотом. Везли нас глухими степными дорогами, с ночевками под*

открытым небом. В Сальск приехали на четвертые сутки, голодные и перемерзшие. По пути конвой устроил обыск. Отбирали все, что можно. Говорили: вам это больше не понадобится. К месту назначения прибыли только в феврале следующего года. Многие погибли в пути. Те же, кто остался жив, были направлены в трудармию» [18, с. 1,3]. В данной статье называются также болевые точки и узловые проблемы современного положения немцев в последние дни СССР.

Российские немцы подверглись репрессиям не только с началом Великой Отечественной войны. Как считает Виктор Кригер, немцы с 1914 года подвергались репрессиям как по социально-классовым, так и по этническим признакам, являлись объектом государственной германофобии и антинемецких предрассудков окружающего населения [21, с. 7]. Это подтверждали и делегаты калмыцкой республиканской конференции немцев 1991 года, упомянутой выше: *«И как же больно читать сейчас плакаты с надписями «Нам немцев не надо!» и тому подобные. Земля на Волге не захвачена нами. Это земля, которую обживали наши деды, прадеды. И мы имеем на нее право» [18, с. 3]. Или в интервью председателя Калмыцкого республиканского общества «Возрождение» В. Пешкова «Остаюсь в России», опубликованном в «Известиях Калмыкии» в апреле 1992 года: «...В сталинских лагерях погибло полмиллиона немцев. Кто эти потери возместит? А моральный ущерб? Сам я немец лишь наполовину, но и то не раз доводилось слышать: «фашист!». Сегодня, когда мы решились заговорить о своих правах, в отдельных регионах, например, в Красноярском крае, через печать, призывают к немецким погромам...» [28, с. 59].*

К концу 1970-х гг. советская власть вынуждена была решать вопрос о необходимости создания немецкой автономии. 31 мая 1979 г. принято постановление ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области (НАО)» на территории Казахстана, где к этому времени проживало около 1 млн. немцев. Однако уже 16 июня 1979 г. на площадь в Целинограде вышли толпы студентов, которые скандировали: «Казахстан неделим!» [32, с. 150]. В советских СМИ того времени события 1979 г. освещения не получили. Многое остается неясным до сих пор [28, с. 39]. И спустя 37 лет отсутствует полная оценка тех событий.

По замечанию японского исследователя С. Ханья, после провала попытки создания немецкой автономии в Казахстане между

Москвой и Саратовом с 1979 по 1989 гг. продолжались закулисные переговоры по поводу создания немецкой автономии в Поволжье [30, с. 163]. Но это, а также принятые впоследствии документы, в том числе и постановление ПВС РСФСР от 22 апреля 1991 г. «О необходимых мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР», не решили проблемы немцев до сих пор. В результате число эмигрировавших из СССР немцев только увеличилось [27; 31].

Народ, внесший неизмеримый вклад в развитие России, преданный ей, не смог вернуть свою государственность, даже спустя много лет после восстановления автономий других народов, также «наказанных» и пораженных в правах.

Согласно переписи 1989 г., в Калмыкии проживало 5 586 немцев, всего в СССР – 2 038 603 [15]. Уже по переписи 2002 г. в республике осталось 1643 немца, в России – 597 212.

Эмиграция немцев не только образовала социальную «брешь», но и вызвала другие экономические и социальные проблемы. Поэтому государству необходимо было удержать немцев. В большой статье «С Родиной в сердце» К. Гаммершмидта, опубликованной в 1989 году в «Советской Калмыкии» и посвященной немцам России и Калмыкии, говорится об их истории и сегодняшних проблемах, о надеждах на восстановление справедливости [28, с. 54]. И также звучат нотки осуждения в адрес эмигрантов: *«Мне больно от того, что многие из моих земляков спешат покинуть Родину и землю, в которую они выросли буквально корнями... Многие желающие покинуть Родину объясняют это стремлением сохранить национальную самобытность, традиции, культуру. Но разве это не зависит от нас самих? И разве не в состоянии здесь, на родине, мы решить эти проблемы...»*. [28, с. 55]

Многие хозяйства республики потеряли квалифицированные трудовые ресурсы, что отмечается и в статье «Немцы покидают родину не от хорошей жизни» [19:3]. К примеру, село Розенталь Городовиковского района потеряло немало трудовых династий – Вендель, Ольденбург, Шварц, Юнг, Литай, Ганский.

Заголовки статей также свидетельствуют о проблеме. К примеру, «Душа в тревогах и надеждах» или «Неправильно мы расстаемся» в газете «Советская Калмыкия». Обиды, тревоги и надежды – такими были чувства немцев перед эмиграцией [28, с. 59]. О том, что трудолюбивый и дисциплинированный народ (именно так ча-

сто характеризуются немцы Калмыкии в газетных публикациях) не востребован на новой «старой» родине – в Германии, отмечает-ся и в статье «Неправильно мы расстаемся».

При этом во многих статьях проходит мысль: если бы в России был решен вопрос с восстановлением автономии, если бы немцы чувствовали себя равными среди других народов России, то никто бы не уезжал [28, с. 61]. Однако, по мнению А. Германа, *«весь опыт исторического развития Республики немцев Поволжья показывает, что наличие национально-территориальной автономии вовсе не может быть гарантией, а следовательно, и обязательным условием подлинной реализации национальных интересов и потребностей, защиты национальных прав того или иного национального меньшинства»* [17, с. 464].

Когда большинство немцев покинуло Россию, «немецкая» тема в СМИ на некоторое время подзабылась. А в 2007-2008 годах в федеральных СМИ появляются статьи и телесюжеты о возвращении российских немцев из Германии в Россию и Казахстан. Скорее всего, переселившиеся в Германию в течение 1990-х гг. немцы отреагировали на принятую указом президента РФ от 28 июня 2006 г. «Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом» [28, с. 52].

С сожалением приходится констатировать, что народ, переживший ужасы сталинской депортации, так и не смог вернуть свою государственность. Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие социально-экономического и этнокультурного потенциала российских немцев» была скептически воспринята немцами. К примеру, Виктор Кригер сравнил ее с «бусами для туземцев» [22]. Кригер считает, что огромные капиталовложения в строительные объекты не являются «Немецкой программой», они не решают главной задачи – восстановления автономии немцев, создания национального архива, а также Мемориала жертвам депортации и института по сохранению и изучению историко-культурного наследия российских немцев.

Российские немцы имеют общую судьбу со всем остальным народом России, являются его частицей. Слишком большая цена заплачена немцами, чтобы покинуть огромными потерями выстраданную родину. Слишком большую утрату понесла Россия, не сумев удержать немцев, не создав им условий на родине.

Литература

1. Материалы Государственного архива электронной документации РК.
2. Данные архива Информационного центра МВД РК: фонд 9, опись 1, архивный номер 44 (до 2004 года по учетам КГБ – фонд 11-В, опись-62, арх.30).
3. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» // Немцы Поволжья: электронная библиотека. URL: http://wolgadeutsche.ru/history/verordnung_26_08_1941.htm
4. Айсфельд, А. Россия и ее немцы // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии. Материалы научно-практич.конфер. 30 сентября 2010 г. – Элиста, 2010. – С. 13-20.
5. Алексеева, Прасковья. Калмыкия в материалах экспедиций XVIII века // Теегин герл, 1983, №2. – С. 106-110.
6. Белоусов, С. С. Религиозная жизнь немецкого населения Калмыкии (конец XIX – начало XX веков // Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепта в XVIII-XX веках. – Волгоград, 2001. – С. 333-347.
7. Белоусов, С. С. Миграции немецкого населения в Калмыкии в 1990-е годы XX – начале XXI в. // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. – Ростов-на-Дону, 2008. – С.88-95
8. Белоусов, С. С. История поселения немцев в Калмыцкой степи // Этномир Калмыкии: Сборник статей и материалов. – Элиста: ИД «Герел», 2012. – С.172-177.
9. Борисенко, Иван. Первопроходцы // Комсомолец Калмыкии, – 1977, 2 апреля. – С. 4.
10. Борисенко, Иван. Первые исследователи калмыцкой степи // Теегин герл, 1977, №4. – С. 141-147.
11. Борисенко, И. Немцы в Калмыкии // Советская Калмыкия. – 1991. – 22 февраля. – С. 3.
12. Борисенко, И. В., Убушиева, С. И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 1990-х годов. – Элиста, 2000. – 168 с.
13. Бугай, Н. Ф. 40-е годы: «Автономии немцев Поволжья ликвидировать...»// История СССР, 1991, №2, С. 172-180.

14. Бугай, Н. Ф. Депортация народов – результат сталинской национальной политики// Репрессированные народы: История и современность. Элиста, 1992. – С.3-6.

15. Всероссийская перепись населения. Национальный состав по регионам России // Демоскоп Weekly : Институт демографии НИУ – ВШЭ. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

16. Герман А.А., Илларионова Т.С., Плеве, И. Р. История немцев России. М. : «МСНК-пресс», 2005. – 544 с.

17. Герман, А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. – 2-е изд. – М., 2007. – 576 с.

18. Иващенко, И., Ковалев, В. У советских немцев есть будущее. Считают делегаты прошедшей в Городовиковске конференции // Советская Калмыкия, 1991. – 28 февраля. – С. 1,3.

19. Иващенко, В. Немцы покидают родину не от хорошей жизни // Известия Калмыкии, 1992. – 17 ноября. – С. 3.

20. Ковалев, В. Оборванные корни. О чем думают Иван Браун и другие в ожидании визы на выезд за границу. // Советская Калмыкия, 1988. – 18 октября. – С. 2.

21. Кригер, Виктор. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути / Пер. с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI. – 2010. – 104 с.

22. Кригер, Виктор. Московская программа для российских немцев – всего лишь бусы для туземцев? (Пер. Н. Николаевой). – URL: http://wolgadeutsche.ru/krieger/Glasperlen_ru.htm (дата обращения – 1.10.2013).

23. Лауденшлегер, И. Завещание первых поселенцев // Советская Калмыкия, 1990. – 18 мая. – С. 2.

24. Лауденшлегер, Иван. Где правда? // Советская Калмыкия, 1991, 22 февраля. – С. 3.

25. Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.). – Сб. документов и материалов. Элиста: ККИ, 1981. – 366 с.

26. Немцы России: энциклопедия: т. 1: А – И / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.) и др. М.: ЭРН, 1999. – 822 с.

27. Полян П. «Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. с. 493-519.

28. Саряева, Р. Г. Немцы Калмыкии: история и судьба этноса в прессе Калмыкии. – Элиста: изд-во Калм.ун-та. – 2015. – 86 с.

29. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991 (Репринт. воспроизведение изд. тип. М. Н. Корицкого 1897 г.). – С. 630-631.

30. Ханья, Сиро. Планы воссоздания немецкой автономии в Поволжье в 1980-х годах // Новейшая история Отечества XX-XXI вв.: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2002. – Вып. 1. – С. 156-164.

31. Чеботарева, В. Г. Российские немцы от политического самоопределения до национальной катастрофы // Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений Рос. научно-практической конференции, 28-29 мая 1992 г. Элиста, 1992. – С. 16-19.

32. Eisfeld, Alfred (1999): Die Russlanddeutschen: 2., erweiterte und aktualisierte Auflage. Band 2. Erste Auflage vom 1992. München, 1999. – 252 S.

33. Schippan, Michael / Striegnitz, Sonja (1992): Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Dietz Verl., GmbH. 1992. – 240 S.

С. С. Туржанова,
магистрант КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Казахстан, г. Атырау

**Евразийская миграционная система:
от экономического прагматизма
к возрождению цивилизационного единства**

В настоящей статье рассматриваются проблемы влияния миграции на разъединение и одновременно объединение стран бывшего Советского Союза, складывания Евразийской миграционной системы, формирования на постсоветском пространстве миграционной взаимозависимости, придающей миграционным связям особую устойчивость, роли в этой системе России, а также анализируется проблема отражения российской миграционной политики на тенденциях развития Евразийской миграционной системы.

В миграционной теории определяют миграционную систему как группу стран, связанных между собой относительно масштаб-

ными и устойчивыми миграционными связями. Устойчивость миграционных связей в системе может определяться как историческими причинами (колониальные отношения или политические союзы, например), так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обуславливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности. Миграционные связи между странами системы воздействуют на эти страны таким образом, что их развитие в результате становится «миграционно обусловленным», приобретает свойства, порожденные внутрисистемными взаимосвязями. Иными словами, в миграционных системах миграция является и причиной, и результатом системного взаимодействия всех стран [1].

Миграционная система может включать в себя подсистемы и быть связанной с другими миграционными системами через внешние для нее миграционные потоки. При этом элементами системы являются входящие в миграционную систему страны, свойства элементов (демографические и экономические характеристики стран) определяют их место в системе, а совокупность отношений и связей между ними дает представление о строении и функционировании системы. При анализе миграционных систем важно выяснить условия их возникновения, пройденные этапы, современное состояние, а также возможные перспективы развития [1].

Внутри миграционных систем существуют не только потоки людей. Они дополняются товарными и финансовыми потоками. Денежные переводы мигрантов на родину часто становятся важным источником финансовых ресурсов в странах-экспортерах рабочей силы. При этом сами денежные переводы со временем могут выступать стимулом для новых волн миграции, поскольку, с одной стороны, они вселяют надежду на хороший заработок у потенциальных мигрантов, а, с другой стороны, дают средства для миграции. Статистика отмечает увеличение товарооборота между теми странами, которые вовлекаются в устойчивый миграционный обмен. По возвращении мигранты предъявляют повышенный спрос на иностранные потребительские товары, к которым они привыкли за время пребывания за рубежом. Кроме того, мигранты-предприниматели часто основывают свой бизнес на экспорте продукции из своей родной страны или на импорте иностранных потребительских товаров на родину. Таким образом, благодаря ми-

грации населения усиливается экономическая интеграция между странами, связанными масштабными и устойчивыми миграционными потоками [1].

В крупнейших мировых миграционных системах миграционные потоки обычно фокусируются на одной или нескольких странах назначения, при том, что миграционная система остается открытой, т.е. имеет миграционные связи также со странами, не входящими в эту систему, а также с другими миграционными системами. В мире существует несколько крупнейших миграционных систем: Североамериканская система, Европейская система, система, объединяющая страны Персидского Залива, Азиатско-Тихоокеанская система, Южноамериканская система, Евразийская система. Первые пять достаточно подробно описаны и проанализированы в западной литературе (Kritz и др., 1992; Massey и др., 1998; Zlotnik, 1996). Внимание исследователей было также привлечено к региональным подсистемам, например, (под)системе, связывающей США и Мексику, (под)системе, связывающей североафриканские страны с Европой, (под)системе, включающей Германию и Турцию (De Haas, 2007; Canales and Mendoza, 2001; Rubenstein, 1992; Fawcett and Arnold, 1987) [2].

Евразийская миграционная система – это группа стран постсоветского пространства, связанных между собой устойчивыми и многочисленными миграционными потоками, которые обусловлены взаимодействием ряда факторов – исторических, экономических, политических, демографических, социально-этнических, географических. Центральным звеном Евразийской миграционной системы является Россия; центром, входящей в ее состав Центрально-Азиатской миграционной подсистемы, является Казахстан. [2]

Распад Советского Союза на отдельные самостоятельные государства одномоментно превратил прежние внутригосударственные, межреспубликанские миграционные потоки, существовавшие внутри СССР, в межгосударственные. Поскольку распад сопровождался острым политическим и экономическим кризисом, охватившим все постсоветское пространство, это вызвало «взрыв» международной миграции, по большей части вынужденной, панической, этнически-мотивированной [2].

Однако миграционные последствия распада СССР не сошли на нет, как это можно было предполагать, через 5-7 лет, по мере ос-

лабления форс-мажорных обстоятельств, сопутствующих дезинтеграции страны. Приняв новые формы, межстрановая миграция на постсоветском пространстве стала важнейшей характеристикой экономического и социального развития всего региона. На смену вынужденным, преимущественно этническим, миграциям начала 1990-х гг. пришла экономически мотивированная миграция, в значительной своей части незаконная, точнее, нерегистрируемая. На постсоветском пространстве определились страны, принимающие мигрантов (Россия, Казахстан, Украина), страны выезда мигрантов (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, Молдова, Беларусь), а также транзитные страны (Россия, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Украина, Молдова, Беларусь), при этом, как видим, ряд государств СНГ объединяют эти роли. В результате к середине 2000-х гг. страны СНГ оказались связанными многочисленными, устойчивыми и многообразными миграционными потоками, что заставляет рассматривать этот регион как единое миграционное пространство [2].

Примечательно, что в западной миграционной литературе Евразийская миграционная система практически не получила внимания, прежде всего в силу объективной малодоступности статистической информации, но, думается, не только поэтому. Миграционный анализ развития постсоветского региона не мог не привести потенциальных авторов к выводам об усилении интеграционных тенденций между странами бывшего СССР, что совсем не соответствует тому, что хотел бы видеть Запад на этом пространстве. Именно поэтому в западной литературе доминирует позиция, откровенно сформулированная Международным центром развития миграционной политики в Вене: «Особое внимание следует обратить на тот факт, что регион, который известен под общим названием «регион СНГ», имеет очень мало общего» [3].

Исторические факторы связаны, прежде всего, с длительным историческим периодом существования государств СНГ как единого государства. Внутренняя миграция в Российской империи и позже в Советском Союзе была относительно многочисленной, несмотря на ее преимущественно плановый характер. Она привела к «смешению народов», когда определенная часть коренного населения республик, входивших в состав СССР, проживала на территории других республик. В особенной степени это касалось русских.

Исторические факторы определяют ряд особенностей Евразийской миграционной системы, связанных с возникновением феномена «ближнего и дальнего зарубежья», существование которого накладывает серьезный отпечаток как на структуру миграционных потоков, так и на миграционную политику в регионе. Прежние межреспубликанские миграции заложили основу формирования многочисленных межгосударственных миграций в постсоветский период, а тесные исторические, культурные, психологические, эмоциональные связи между новыми самостоятельными государствами предопределяют доминирование внутрирегиональных миграционных потоков в общем объеме иммиграции и эмиграции во всех без исключения странах СНГ [3].

В современной Евразийской миграционной системе экономические факторы миграции являются доминирующими. Переход экономик новых суверенных государств к рыночным формам происходит везде непросто, но существовавшие и ранее различия в экономических возможностях для населения отдельных стран и ситуациях на рынках труда в кризисные годы проявляются особенно очевидно. Именно они запустили механизм экономической миграции между постсоветскими государствами и сформировали экономический вектор международной миграции, направленный на Россию [4].

Следует отметить, что в 1990-х гг. потоки трудовой миграции в Россию формировались на фоне глубокого экономического кризиса, сопровождавшего реформирование российской экономики. В то же время, однако, экономическое положение в других республиках прежде единой страны оказалось еще хуже: разрыв экономических и производственных связей с Россией и другими государствами бывшего Советского Союза; массовый отток населения, в том числе профессиональных кадров; увлеченность национальных элит политическим самоутверждением в ущерб развитию экономики – все это привело к резкому падению производства, росту безработицы, катастрофическому снижению уровня жизни большей части населения новых суверенных государств на территории бывшего СССР. Получается, что не столько экономическая привлекательность России, сколько резкое сокращение экономических возможностей для населения в бывших союзных республиках оказалось значимым в тот период [4].

Результаты социологических исследований в ряде стран СНГ позволяют заключить, что участие в международной трудовой миграции стало для значительной части населения Украины, Молдовы, Армении, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана нормой жизни. Так, в Украине в каждом пятом домохозяйстве по крайней мере один человек временно работает или работал в другой стране, в Молдове каждый третий трудоспособный житель участвует в международной трудовой миграции, в Армении в составе каждой третьей семьи есть трудовой мигрант, в Азербайджане не менее 20% домохозяйств имеют трудового мигранта в России, в Таджикистане 40% домохозяйств получают денежные переводы из России от работающих там ближайших родственников, в Кыргызстане в международной трудовой миграции принимают участие каждый третий из числа занятого населения [5].

Демографические факторы формирования Евразийской миграционной системы связаны, прежде всего, с существующим демографическим дисбалансом между странами бывшего СССР. Для России, Украины и Беларуси характерно сокращение численности населения, прежде всего, вследствие отрицательного естественного прироста населения. Уже сейчас это проявляется в нехватке трудовых ресурсов во многих областях производства в этих государствах. К этой же группе стран приближаются Грузия и Молдова, где ситуация усугубляется миграционным оттоком населения. В то же время в республиках Центральной Азии продолжается рост численности населения. Исключение там составляет Казахстан, занимающий уже сейчас промежуточное положение и имеющий тенденцию приближения к российской демографической модели [5].

Еще более контрастна ситуация с возрастной структурой населения. На фоне процесса старения населения в России и Украине государства Центральной Азии отличаются преобладанием молодых возрастов. В настоящее время доля населения в возрасте 0-14 лет в Таджикистане составляет 42%, в Узбекистане – 37%, в Туркменистане – 36%, в Кыргызстане – 35%, в то время как в России и Украине она не достигает и 20%. Прогнозные расчеты показывают, что к 2025 г., при общем снижении удельного веса детей в общей численности населения, в центрально-азиатских государствах он все равно будет составлять не менее 25%, а в Таджикистане – 30%.

При этом доля населения в возрасте 65 лет и старше едва достигнет к 2025 г. 5-7%, в то время как в России доля пожилых людей в населении возрастет почти до 20%, что в абсолютном выражении составит почти 26 млн. человек [5].

Таким образом, в евразийской миграционной системе Россия является центром притяжения. Исторически и географически Россия являлась и является основой Евразийского пространства. Соответственно, для большинства стран бывшего СССР она ближайший сосед, с которым их связывает прямое транспортное сообщение. Она экономически превосходит все бывшие союзные республики, как по экономическому потенциалу, так и масштабу рынка труда. При этом демографически Россия испытывает такие количественные и структурные изменения, которые ставят ее в зависимость от привлечения иностранной рабочей силы. Безусловно, Российская Федерация политически проявляет заинтересованность в укреплении интеграции на постсоветском пространстве, отдавая приоритет в своей миграционной политике гражданам стран СНГ. Все это позволяет надеяться, что активное взаимодействие в миграционной сфере действительно способно возродить цивилизационное единство народов, имеющих многовековой опыт совместного существования.

Литература

1. Национальный состав населения СССР. Государственный комитет СССР по статистике. М.: Финансы и статистика, 1991.
2. Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Аналитический обзор. Европейская Комиссия / Международная организация по миграции. Алматы, 2005.
3. Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999, № 6. – С. 66-71.
4. Топилин А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. М.: Экономика, 2004.
5. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система // Вестник МГУ. Серия Экономика. 2007, № 3. С. 36-57.

В. Б. Убушаев,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Взаимодействие народов Юга России в первые годы Советской власти

Октябрь 1917 года создал все необходимые социально-экономические и политические предпосылки для ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народов.

Многие народы, раскрепощенные Октябрьской революцией, в том числе и калмыцкий, в силу отсталости не могли в полной мере воспользоваться этим равноправием и самостоятельно подняться до уровня наций, ушедших далеко вперед в своем развитии. Решение этой задачи стало одной из главных для политических органов Советской власти.

X съезд РКП (б) (март 1921 г.), принявший решение о переходе к НЭПу, вместе с тем положил начало и новому этапу в разрешении национального вопроса, определил конкретные задачи национально-государственного строительства в советских республиках.

Съезд в своей резолюции по национальному вопросу впервые выдвинул и теоретически обосновал задачу ликвидации фактического неравенства народов как очередную задачу Коммунистической партии.

Уничтожение фактического неравенства требовало длительной и упорной работы. Съезд отметил, что уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства.

Главным звеном в решении этого большого вопроса была ликвидация экономической отсталости народов и прежде всего активная индустриализация национальных районов, приближение фабрик и заводов к источникам сырья. Это решало не только экономические, но и политические задачи советского строительства, было основным средством формирования рабочего класса – социальной базы диктатуры пролетариата, способствовало росту организованности и политической активности трудящихся. X съезд РКП (б) призвал

оказать помощь трудовым массам окраин в развитии и укреплении на их родном языке советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов: суд, администрацию, органы хозяйства и власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения, прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения; широкую сеть курсов и школ для ускоренной подготовки национальных кадров [1].

Осуществляя новую экономическую политику, советская страна успешно восстанавливала промышленность, сельское хозяйство, увеличивала свои продовольственные и сырьевые ресурсы. Рос сектор народного хозяйства, улучшалось материальное положение рабочих и крестьян.

Но на почве НЭПа происходил и известный рост капиталистических элементов в городе и деревне. Оживление частного капитала возродило надежды буржуазных националистов и их агентуры в рядах РКП (б) на возможность реставрации капитализма в СССР.

Рост капиталистических элементов вел к усилению великодержавного шовинизма, активизации деятельности местных буржуазных националистов. Игнорируя интернациональные задачи трудящихся всех советских республик, они стремились обособиться и замкнуться в своей национальной скорлупе, не хотели видеть того, что сближает и объединяет трудящиеся массы СССР, а видели лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Усиление буржуазного национализма было проявлением обострившейся классовой борьбы, которая шла не только на экономическом и политическом, но и на идеологическом фронте. Поэтому важнейшей задачей партии в этот период являлся разгром идеологии капиталистической реставрации во всех ее проявлениях, укрепление идеологических позиций большевистской партии, организация решительного наступления на идеологию буржуазного национализма и всестороннее усиление интернационального воспитания трудящихся.

Конкретные задачи партии по реализации национальной программы и политики, которые в условиях новой экономической политики приобрели особо важное значение, были определены в решениях XII съезда РКП (б), состоявшегося в апреле 1923 г.

Съезд со всей силой подчеркнул необходимость ликвидации фактического неравенства как важнейшего условия разрешения

национального вопроса и укрепления дружбы между народами. Средством решения этой задачи партия считала действительную и длительную помощь русского пролетариата трудящимся массам отсталых районов.

Для выработки практических мероприятий по проведению в жизнь решений XII съезда партии в июне 1923 г. было созвано IV совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей. В работе этого совещания приняли участие 58 представителей от партийных организаций национальных республик и областей, в том числе от Калмыцкой автономной области.

Мероприятия, разработанные совещанием, нацеливали партийные организации на строгое соблюдение важнейших принципов советской власти в национальной политике, что должно было способствовать изживанию пережитков великодержавного шовинизма и местного национализма.

Пролетариат господствовавшей в прошлом нации должен своим обращением к национальным меньшинствам рассеивать «то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством, «великодержавной» нации» [2].

Освобожденные от ига буржуазии трудящиеся массы всеми силами потянутся к союзу с большими и передовыми нациями, лишь бы, «...не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем...» [3].

К мусульманским народам, необходимо было проявлять «максимум доброжелательности» и симпатии. Наш опыт убеждает, что только огромное внимание к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, взаимное недоверие.

В проведении национальной политики, было важно органически сочетать национальную специфику с решением общих интернациональных задач, проявлять гибкость, не допускать механического копирования тактики русских коммунистов. В письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» В. И. Ленин писал, что для укрепления Советской власти более всего важно, «чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения» в отличие от коммунистов в Российской

Федерации. Он считал, что в этих районах необходим «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму...». Не копировать тактику, «а самостоятельно продумывать причины и условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917–1921 годов» [4].

Партийные организации национальных районов, коммунисты в своей практической деятельности всегда стремились руководствоваться советами своего вождя. Например, индустриализация ряда национальных районов нашей страны началась не с развития тяжелой промышленности, а с легкой. Эта специфика объяснялась тем, что еще слабо была разведана сырьевая база, не были в достаточной степени развиты средства сообщения для связи с другими экономическими районами, не хватало кадров из местного пролетариата. Развитие же легкой промышленности на базе кустарных промыслов по первичной переработке сельскохозяйственного сырья позволило на первых порах комплектовать из числа кустарей национальные кадры рабочего класса.

В ряде районов страны, в том числе и в Калмыкии, индустриализация развернулась позже, чем в передовых районах и проводилась более высокими темпами. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что большевистская партия в процессе борьбы за фактическое равноправие наций всегда учитывала конкретные особенности национальных республик и областей.

Особенно большое внимание она уделяла разрешению аграрного вопроса в национальных республиках и областях. В решениях X и XII съездов партии подчеркивалась необходимость решительных мер по ликвидации враждебных отношений между русскими переселенцами и местным населением Средней Азии и других национальных районов, установившихся на почве земельных отношений, возможно более полного удовлетворения интересов и нужд трудового крестьянства из местного населения в земле и водопользовании. Учитывая аграрный характер экономики национальных республик, предлагалось местным коммунистам принимать необходимые меры по улучшению положения крестьян, развернуть работу по электрификации и орошению.

Исключительно большое внимание IV совещание ЦК РКП (б) обратило на «выращивание подлинно интернационалистских коммунистических кадров, из местных людей в республиках и обла-

стях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов...» [5]. Отмечая настоятельную необходимость и дальше расширять работу по привлечению трудящихся масс местного населения к деятельности партийных, профсоюзных и советских организаций, совещание рекомендовало «...допускать некоторые отступления от принятых норм, могущие облегчить вступление в партию и выдвижение в руководящие органы партии местных пролетарских и полупролетарских элементов национальных республик и областей». Эти предложения преследовали цель облегчить воспитание на местах кадров руководителей, хорошо знающих местные условия [6].

Руководствуясь решениями XII съезда партии, IV совещание ЦК РКП (б) наметило широкую программу подготовки партийных, советских, профсоюзных и комсомольских кадров из числа пролетарских и полупролетарских элементов местного населения национальных республик и областей. Большая роль в подготовке и воспитании местных кадров отводилась русским коммунистам.

В результате планомерной, систематической помощи и конкретного руководства со стороны ЦК РКП (б) в национальных республиках, областях и округах из числа растущего национального рабочего класса, передовой части крестьянства и интеллигенции было подготовлено большое количество способных организаторов и руководителей различными участками советского строительства.

Таким образом, в процессе борьбы за ликвидацию фактического неравенства национальностей, за расцвет экономики и культуры всех народов СССР партия успешно решала и такую важную задачу, как создание национальных кадров.

Политика ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов, закрепленная в решениях X и XII съездов РКП (б), предусматривала коренные преобразования не только в экономике, но и в области идеологии, всемерное развитие культуры национальной по форме и по содержанию. В соответствии с национальной программой Советская власть отменила обязательный государственный язык и провозгласила полное равноправие всех языков народов нашей многонациональной страны. Это создало благоприятные условия для успешного распространения грамотности, образования, воспитания советских людей на родном языке, в доступной для них и понятной национальной форме.

Создание широкой сети школ и просветительных учреждений, развитие устной и печатной агитации на родном языке, коренизация местных органов власти, государственного и хозяйственного аппарата, организация национальной прессы, театра – все эти мероприятия осуществлялись в стране путем оказания всесторонней помощи отставшим нациям со стороны русского народа.

Последовательное проведение национальной политики, советской власти постоянная и систематическая помощь русского и других более развитых народов нашей страны дали возможность за короткий срок ранее угнетавшимся и отставшим народам добиться значительных успехов в развитии их экономики и культуры, улучшении материального благосостояния и таким образом ликвидировать их фактическое неравенство.

Мобилизация широких трудящихся масс национальных республик и областей на практическое выполнение исторических решений X и XII съездов РКП (б) и последующих постановлений Советского государства, борьба за ликвидацию фактического неравенства советских народов, развернувшаяся на первых этапах советской реконструкции народного хозяйства, определила одну из важнейших особенностей довоенных пятилеток.

В.И. Ленин всегда говорил, что основным условием построения социализма является диктатура пролетариата, а государство в руках рабочего класса есть орудие построения социализма. Коммунистическая партия никогда не ограничивала задачу построения советского типа общества решением проблем индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции.

Партия должна содействовать быстрой ликвидации фактического неравенства отсталых народов, воспитывались народы СССР в духе интернационализма и их единства.

Таким образом, достижение фактического равенства всех народов нашей страны явилось решением одной из сложнейших и труднейших задач, входящих как важная составная часть в государственный план строительства социализма. Рассматривая национальный вопрос, предлагалось, что ликвидация национального гнета и установление равноправия и дружбы между народами является одной из главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма.

Литература

1. X съезд РКП (б). Стенографический отчет. С. 603-604.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.
3. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 36.
4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 175.
5. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 119.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М. Политиздат, изд. 8. 1970. Т. II. С. 488.

К. В. Убушаев,
КалмГУ им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

История и география принудительной миграции народов юга России в восточные регионы СССР в 1940-е годы

Слова «У каждого своя Сибирь» давно стали расхожими для многих спецпереселенцев, потому что с Сибирью связаны у них годы мучительных страданий, морального унижения и большого человеческого горя. Здесь, в сибирской ссылке, калмыки похоронили близких и родных, оставили их навечно в стылой земле. Но в то же время о Сибири, далекой и близкой, холодной и родной, с теплотой вспоминают калмыки, как и другие народы, высланные на долгие годы в сибирские края. Молодые люди провели здесь детство и юность, нашли первую любовь и приобрели добрых друзей.

В памяти спецпереселенцев особенно сохранилась Сибирь военной поры, которую невозможно представить без нескончаемой вереницы поездов, с предельной скоростью несущихся на запад. Сибирь отправляла на войну своих сыновей. Сибирь снабжала фронт военной техникой, одеждой и продовольствием. Поезда шли без задержки в любую погоду – и в снежные метели, и весеннюю распутицу.

Шли эшелоны и на восток: со переселенцами – чеченцами, ингушами, балкарцами, карачаевцами, калмыками... Народы (в общей сложности свыше миллиона человек), веками проживавшие на Северном Кавказе, в Калмыцкой степи и Поволжье пере-

селялись в восточные районы страны. Все они официально именовались «переселенцами», но ехали как арестанты – в зловонных теплушках с наглухо закрытыми дверями и под строгой охраной автоматчиков. Они и были арестантами.

Каждому человеку хорошо известна непреложная истина: время лечит даже самые тяжелые раны. Но вот прошли уже десятки лет с тех трагических дней, когда целые народы в спешном порядке были погружены в скотские товарные вагоны и под усиленной охраной отправлены в холодные восточные районы. Лишь через тринадцать лет, после двадцатого партийного съезда, эти народы вновь вернулись к родным очагам. А память по-прежнему не отпускает.

Большая часть бывших спецпереселенцев, родилась, училась, выросла, прокладывала первую борозду на житейском поле уже на земле своих предков. Для этого поколения трагический отрезок жизни дедов, отцов, старших братьев оказался за пределами истории народа. О нем до последнего времени запрещали писать историкам, о нем ничего не писали в школьных учебниках, о нем не принято было дискутировать. Его, этого мрачного времени, как будто и не было. А оно было. Оно до недавней поры как не смытое пятно лежало на совести народов.

Верховный Совет РСФСР в апреле 1991 года своим законом «О реабилитации репрессированных народов» решительно осудил произвол советского правительства по отношению к целым народам и подтвердил их полную невиновность. Однако высший орган власти страны не выполнил, на наш взгляд, нравственного долга, да и правовой обязанности, не принес официального извинения народам за нанесенное верховной властью моральное и гражданское унижение. По сию пору не решены многие вопросы территориального и имущественного характера.

Несомненно, время излечивает раны. Но не боль человеческой души, не шрамы общечеловеческой трагедии. Преступно было бы предать это забвению. Люди должны знать всю правду о том времени, о жизни своего народа. Правду без прикрас и без очернения.

Многострадальные народы вместе с другими репрессированными народами прошли весь подневольный путь длиной в тринадцать лет – голодал, замерзал, умирал, но остался жить. Исследователи-историки обязаны считать священным долгом – представить читателю всю правду о трагическом прошлом каждого народа.

В это время шла кровопролитная война, и десятки тысяч воинов, не щадя своей жизни, мужественно сражались на различных фронтах с германским фашизмом и приближали своими ратными делами великий день Победы. А их отцов и матерей, жен и детей в это время согнали под дулом автоматов и винтовок с родных мест, погрузили, как скот, в тысячи «телячьих» вагонов и повезли под охраной как преступников на восток. Сотни железнодорожных эшелонов со спецпереселенцами медленно потянулись в Сибирь, оставляя в пути сотни, тысячи трупов, в основном стариков и детей, сыновья и отцы которых бились в смертельной схватке с фашизмом.

Представьте, как горько и обидно было им на юге и Поволжье, когда их повезли в Сибирь по железной дороге, построенной за короткий срок их героическим трудом ради ускорения победы над ненавистным врагом. И было им невдомек: зачем в разгар всеобщей беды, этой страшной войны, снимать с фронта тысячи железнодорожных вагонов, целые воинские части для охраны ни в чем неповинных людей? В чем повинен весь народ, который, как и все другие народы Советской страны, отдавал все силы для фронта, не щадя жизни своих лучших сыновей и дочерей, для победы над германским фашизмом? Но на эти вопросы, казалось, ясные и простые, ответа никто тогда, естественно, дать не мог.

Пока железнодорожные эшелоны, забитые до предела выселенцами (большинство составов имело 45-50 вагонов, в вагоне – не менее 50 человек, в пульмановском вагоне – до 100 человек), медленно ползли на восток к станциям назначения, в стенах НКВД на Лубянке шла интенсивная переписка с сибирскими управлениями НКВД, летели срочные телеграммы с грифом «секретно», перезванивались по «ВЧ» начальники отделов НКВД СССР и УНКВД. Все это происходило в характерном для того времени стиле: «нагоняй» сверху из Москвы за упущение, халатность, неточности и т. д., «нагоняй» из области в райотделы, они – своим уполномоченным на местах.

Хотя, как видно из документов, наказания не следовало, и это было как раз совершенно нехарактерно для грозных военных лет. В центре давали, очевидно, послабление: зачем наказывать своих людей за каких-то «предателей, изменников и отщепенцев»?

Вопросы организации приема, встречи на железнодорожных станциях, расселения и материального обеспечения спецпереселенцев обязаны были решить крайоблисполкомы на своих специальных заседаниях.

Первые из них прошли в начале декабря 1943 года. Например, 8 декабря 1943 года состоялось совместное заседание Новосибирского облисполкома и бюро обкома ВКП (б), посвященное приему и размещению калмыцкого населения. В постановлении, принятом «в совершенно секретном порядке» и присланном в НКВД СССР, приводится подробный перечень необходимых вопросов, которые надлежит решить в ближайшее время местным партийным, советским и хозяйственным организациям области.

К этому совместному постановлению дается план размещения спецпереселенцев-калмыков по районам области.

Это подтверждает и телеграмма из Красноярска, подписанная двумя ответственными за спецпереселенцев края лицами – начальником УНКВД Семеновым и специальным уполномоченным НКВД СССР Тархановым. В документе обращается внимание на то, что обеспечить питанием спецпереселенцев в пути следования и в местах расселения краевые органы не смогут, так как не имеют на это выделенных фондов, и поэтому просят их выделить для края незамедлительно. Однако времени для получения необходимых фондов до прибытия калмыков (их предполагалось по «плану» не менее 25 тысяч человек) оставалось не более недели, т.к. телеграмма поступила в НКВД СССР 5 января 1944 года [1].

Конечно, на фоне гладких рапортов данный документ стоит, в некоторой степени, особняком, хотя в других сибирских районах было наверняка не лучше.

Подобные трудности большей частью преодолевались благодаря активной подготовительной работе на местах, в деревнях Сибири, где ответственные лица стремились подходить к порученному делу добросовестно, а главное – заинтересованно, по-человечески.

Как и в других местах Сибири, 7 декабря 1943 года Алтайский крайисполком принял развернутое решение по расселению 25 тысяч человек. Кроме краевого совещания районных «троек», состоявшегося в Барнауле 16 декабря 1943 года, был также проведен 2-дневный семинар начальников райотделов и уполномоченных УНКВД, отвечающих за прием спецпереселенцев, подготовку для них жилья и обеспечение их работой в новых местах расселения.

Список конкретных лиц – оперуполномоченных УНКВД по Алтайскому краю – был определен почти за месяц до выселения калмыков, направлен в НКВД СССР для утверждения, после чего для всех сотрудников НКВД, командированных в районы расселения спецпереселенцев, была разработана подробная памятка. Опять же, в отличие от других мест, здесь проверка подготовки к приему калмыцкого спецконтингента была завершена к 30 декабря (например, в Красноярском крае мероприятия по приему и расселению населения предполагалось завершить только к 5 января 1944 года). Расселение спецпереселенцев первоначально планировалось провести в более чем 30 районах, т.е. почти по всему краю.

Определенную подготовку по приему и размещению спецконтингента провели и в Омской области. В информации от 18 декабря года сообщается, что прибывающее население численностью в 25 тысяч человек решено расселить в 20 районах области. Для их приема областные власти подготовили 14 пунктов выгрузки (в основном крупные железнодорожные станции), где на первое время планировалось разместить спецпереселенцев в Домах колхозника, клубах, школах, кинотеатрах и других общественных зданиях [2].

Таким образом, к концу декабря 1943 г. – началу января 1944 г. была завершена вся подготовительная работа по приему и расселению в сибирских краях и областях спецпереселенцев-калмыков. О предварительных результатах этой работы 31 декабря 1943 года информирует начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин справкой «О ходе подготовки к приему и расселению спецпереселенцев-калмыков в Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской и Омской областях».

Первые поезда со спецпереселенцами из Калмыкии начали прибывать на станции назначения 10-11 января 1944 года. Алтайский край за 5-6 дней принял 12 железнодорожных эшелонов, расселив по 23 районам края 6167 семей (22219 человек).

В самый дальний сибирский регион – Красноярский край (к тому времени в основном край ссыльных) прибыло также, как и в Алтайский край, 12 железнодорожных эшелонов. За это время краевые власти приняли и отправили к новым местам расселения 7525 семей, всего 24998 человек [3].

Что касается Новосибирской и Омской областей, то здесь ввиду их географического расположения погодные условия были не-

сколько «мягче», хотя сибирские дороги были везде одинаковыми, зачастую практически непроезжими.

В Новосибирскую область с 11-го по 16 января 1944 года было подвезено к станциям назначения (в основном крупным районным центрам) 16379 человек.

В тех железнодорожных эшелонах, которые прибыли в Новосибирскую область, умерло в дороге 193 человека, сразу в местах расселения по прибытию – 49 человек, 224 остались в больницах при районных центрах. Опять же основную часть этого печального списка составляли старики и дети (данные НКВД явно занижены) [4].

Районные органы постарались прибывших спецпереселенцев после серьёзной санобработки отправить по колхозам и сельсоветам сразу или на 2-й день. Раздача людей шла как на невольничьем рынке: приезжали председатели колхозов, приглядывались, приценивались, изучали спецпереселенцев, сговорившись, грузили их в сани и отправлялись в путь. От семей, в которых было много маленьких детей и стариков, они всячески отказывались, пока районная тройка не заставляла забрать их в свое хозяйство.

Учет спецпереселенцев в поездах был приблизительным, зачастую запутанным. Конечно, лицам, ответственным в эшелонах за доставку калмыцкого населения, не было резона подставлять себя и давать истинную картину погибших в дороге. Например, начальник железнодорожного поезда № 393, следовавшего в Красноярский край, в рапорте сообщает о 63-х умерших в пути человека, а представитель НКВД дает другую цифру – 76 человек. В некоторых поездах, по сведениям НКВД СССР, учет трупов начальники эшелонов совершенно не вели и в конце пути давали лишь приблизительные цифры.

Только в относительно «благополучном» Алтайском крае умерло сразу по прибытию в места расселения 164 человека, в пути погибло 314 (всего 478 человек). Основными причинами смерти послужили воспаление легких и дистрофия – 289 человек. Только в одном Троицком районе Алтайского края, не доехав до мест назначения, умерло от воспаления легких 26 человек.

Эшелоны, следовавшие в Красноярский край, имели в вагонах большое количество умерших и обмороженных людей. Здесь, по прибытию эшелонов на станциях назначения, умерло 94 человека, и было сразу госпитализировано 294 человека с тяжелыми простудными заболеваниями (данные УНКВД края).

К сожалению, смертность среди калмыков в новых местах поселения, ввиду непривычных для них суровых условий жизни, стала принимать массовый характер. Такая картина вызвала тревогу даже у высоких «бонз» НКВД-НКГБ, и они стали принимать некоторые экстренные меры, а главное – информировать друг друга, в первую очередь своего шефа – Л. Берия. Поспешность и жестокость при выселении, холодные вагоны, суровые сибирские морозы, нечеловеческие условия и отсутствие медицинской помощи в пути следования и, самое главное, недостаток продовольствия – привели к страшным физическим и морально-психологическим последствиям.

Так, по явно уменьшенным данным НКВД, в дороге умерло 1,5-2% из выселенных калмыков, и столько же прибыло к местам поселений тяжело больными. В первый год ссылки умерло 10% депортированных.

Если в первом квартале 1944 года из 81294 калмыка умерли 4205 (4,9%), то в первом квартале 1945 г. из значившихся 80905 калмыков число умерших составило 1288 (1,5%), а в первом квартале 1946 г. из 79487 – 566. (0,7%). По данным за апрель 1946 г., из всех депортированных калмыков умерли 14343. Число умерших с 1945 по 1950 г. составило 15206 человек, родившихся – 7843. Доля умерших от туберкулеза и легочно-простудных заболеваний в 1946 г. составила 61,5%. Известно также, что с момента переселения и до июня 1949 г. в Казахской ССР умерло 405 спецпоселенцев.

Рождаемость среди переселенцев была чрезвычайно низкой. Так, в Новосибирской области родилось 297 детей, т.е. в 9 раз меньше, чем умерло. По данным спецотдела МВД СССР, на учете в 1950 г. калмыков-спецпереселенцев числилось 77943. Число родившихся на спецпоселении за период с 1 января 1945 г. по 31 декабря 1950 г. составило 7843, за этот же период умерло 15206 человек, а количество детей, достигших 16-летнего возраста, составило 7728. Всего, с конца декабря 1943 до начала 50-х годов, по официальным данным, численность калмыков уменьшилась почти на 40 тысяч человек (на 41,4%), т.е. до 81475 (с учетом родившихся, вернувшихся с фронта и из лагерей). Однако, в реальности, цифры потерь, вероятно, значительно выше. Только в 1945 году умерло 3735 детей, а родился всего 351 ребенок, т.е. смертность превысила рождаемость почти в 11 раз, а в первом квартале того же года

– в 25,7 раза (родились всего 57 детей). [5] Тяжелое положение депортированных людей, невыносимые условия транспортировки, моральная подавленность и растерянность от поспешного и жестокого выселения и предъявленных огульных обвинений в «пособничестве немцам» – усугублялись плохой подготовкой районов расселения для принятия, размещения, трудоустройства, обеспечения продуктами питания и топливом огромного количества людей, особенно в условиях войны и зимнего времени.

Спецпереселенцев расселяли крайне рассредоточено по всему востоку СССР, даже внутри краев и областей их стремились рассредоточить по районам так, чтобы избежать компактного проживания. Это дисперсное расселение семей из состава депортированных народов на новых местах, являлось специфической репрессивной мерой, которая разрушала единство этносов. Такая мера наносила удар по народам, создавая угрозу их ассимиляции, и причиняла дополнительные страдания конкретным лицам.

Переселенцев неоднократно перераспределяли как внутри территорий, определенных для проживания, так и между соседними республиками и областями восточного региона страны. Так, 6 января 1944 г. постановлением СНК и ЦК ВКП (б) № 19 было решено переселить уже переселенных еще далее – в Якутию, для работы в рыбной промышленности. Однако навигация не позволяла осуществить переброску контингента в северные районы республики, и спецпоселенцы были временно переданы в распоряжение «Якутлеса» и Наркомата лесной промышленности. Заместитель наркома рыбной промышленности СССР А. Сбродов обратился к заместителю наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышеву с настоятельной просьбой, «дать указание о переброске в навигацию 1944 г. калмыков в северные районы Якутии».

Первая группа спецпереселенцев прибыла в Якутию в июле 1944 г. в количестве 280 человек. Калмыки были направлены на Покровский кирпичный завод (150 человек) и на Сангарский каменноугольный рудник «Главсеверморпути» (130 человек). Из Красноярского края и Омской области 1000 семей калмыков в июле 1944 года были переправлены в Якутскую АССР и Иркутскую область.

Переселенные семьи перебрасывали и на Крайний Север для работы на предприятиях рыбодобывающей и рыбообрабатываю-

щей промышленности. 2796 калмыцких семей (8548 человек) с мая по октябрь 1944 года из Омской области отправлены в Тобольский округ (522 семьи, 1377 человек), Ханты-Мансийский округ (1760 семей, 5961 человек), Ямало-Ненецкий округ (514 семей, 1210 человек) [6].

В дальнейшем, переброска спецпоселенцев продолжалась регулярно в те районы, где государство испытывало недостаток в людских трудовых ресурсах.

Трагическую участь народа разделили известные животноводы, знатные рыбаки, прославленные земледельцы, а также немногочисленная калмыцкая интеллигенция – учителя, врачи, инженеры, агрономы, зоотехники, писатели, поэты и ученые. Например, писатель Батр Басангов попал при депортации в Красноярский край, где и умер; поэт, писатель и фронтовик Морхаджи Нармаев оказался в Киргизии; молодой поэт Давид Кугультинов отбывал каторгу в Норильске. Известный до войны калмыцкий поэт Санджи Каляев после Колымы попал в Алма-Атинскую область. Польский спецпереселенец Эдуард Гузовский, работавший в одной из казахских школ, написал о нем превосходные воспоминания [7].

В документах о выселении «наказанных» народов не определялось правовое положение спецпереселенцев, их социальное обеспечение. Поэтому облисполкомы, крайисполкомы сибирских регионов, Совнарком Казахской ССР сразу же обратились за разъяснениями в высшие органы власти страны. НКВД СССР представил ответ, что не предусматривается лишение или ограничение каких-либо гражданских прав спецпереселенцев, за исключением права выезда из мест поселения, что они сохраняют полностью права на все виды социального обеспечения. Однако жизнь спецпоселенцев-калмыков и других депортированных народов в местах ссылки протекала не в соответствии с обычными нормами и законами, а в условиях специального режима, определяемого жесткими правилами и инструкциями ведомства Л. Берия. 8 марта и 7 декабря 1945 года НКВД СССР издал приказы об установлении режима спецпоселения и административного надзора над выселенцами. В местах расселения «опальных» народов были утверждены комендатуры и вооруженные посты внутренних войск. Согласно правилам режима, все переселенцы, начиная с грудных младенцев, становились на специальный учет. Для усиления надзора за переселенцами,

населенные пункты, в которых они проживали, были разбиты на т.н. «десятидворки». В них назначались старшие, которые каждые десять дней отчитывались перед комендантом о положении дел во вверенной им «десятидворке».

Изучить это ужасное прошлое, создать правдивую историю насильственного выселения с родных мест – священный долг перед памятью тысяч и тысяч безвинных жертв бериевского геноцида.

Литература

1. Ссылка калмыков: как это было. Сб. док. и материалов по депортации калмыков. Т.1. Кн.1. Элиста. 1993. С.139-140
2. Информцентр МВД РК. Д. 28. Л.259.
3. Информцентр МВД РК. Д. 36-38.
4. Там же. С.278.
5. Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918-1940 гг. М., 2004. – С.283.
6. Ссылка калмыков: как это было. Т.1. Кн.2. Элиста, 2001. С.202-203.
7. Гузовский Э. Чтобы остаться человеком: [Воспоминания польского спецпереселенца о Санджи Каляеве] // Изв. Калмыкии. – 2002. – 28 мая (№ 100). – С. 5.

Р. М. Ханинова,
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

«Бродячие сюжеты» литературы в аспекте миграционной теории

Бродячие сюжеты или странствующие сюжеты – «понятие сравнительно-исторического литературоведения и фольклористики, объясняющее сходство фольклорных сюжетов разных народов результатом их культурно-исторического взаимодействия» [1, с. 99]. Миграционная теория, она же теория заимствования, она же теория бродячих сюжетов возникла в XIX веке как реакция на господство мифологической школы, возводившей сюжеты, понима-

емые как мифы, к прасюжету, прамифу, безличному поэтическому творению «народной души» [1, с. 99].

В России последователем немецкого филолога, основоположника сравнительного литературоведения, создателя так называемой «миграционной теории» Теодора Бенфея стал Александр Николаевич Веселовский. Он «считал возможным совмещение теории самозарождения сюжетов и миграционной теории при условии естественного разделения сфер их приложения, когда первая занималась бы происхождением мотивов, простейших сюжетных единиц», «вторая же исследовала бы механизм заимствования более сложных сюжетов и, соответственно, культурное взаимодействие народов» [1, с. 100]. Такой подход в отечественном литературоведении отстаивал и Виктор Максимович Жирмунский, «тяготевший к миграционной теории, однако признававший самостоятельность развития национальных эпосов и общее типологическое развитие национальных литератур» [1, с. 100].

В.М. Жирмунский выявил два типа сравнений: сравнение «историко-генетическое, рассматривающее сходные явления как результат их родства по происхождению и последующих исторических расхождений» и сравнение «...историко-типологическое, объясняющее сходство генетически между собой не связанных явлений сходными условиями общественного развития» [3, с. 74-75].

Среди бродячих сюжетов, например, называют сюжеты «дурацкой литературы», особого рода сатиры, основанной на том, что дураки как носители различных социальных пороков являются объектами обличения, а также на том, что дурак высмеивает людей якобы здравомыслящих, а на самом деле пребывающих в неразумении, тогда как мнимый глупец является носителем истины [2, с. 251].

Каталогизация бродячих сюжетов обычно опирается на два принципа: в основе одного – сборник сказок (например, арабские «Тысяча и одна ночь») или новелл («Декамерон» Д. Боккаччо), в основе другого – тематические параллели определенных типов (например, «бой отца с сыном», мачеха и падчерица, красавица и чудовище).

Кристофер Букер определил семь бродячих сюжетов мировой литературы, Хорхе Луис Борхес назвал четыре.

Интересующий нас бродячий сюжет «бой отца с сыном» представлен в фольклоре и литературе многих народов. Например, в

персидской литературе это поэма Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей»). В русском фольклоре, например, былина «Илья Муромец и Сокольник», в русской литературе – повесть Николая Гоголя «Тарас Бульба», в «Донских рассказах» Михаила Шолохова – рассказы «Родинка» и «Продкомиссар».

Модификации такого сюжета – бой отца с неузнанным сыном (Илья и Сокольник, Рустам и Сухраб), убийство отцом сына-предателя (Тарас Бульба и Андрий), расстрел сыном отца как классового врага (отец и сын Бодягины) и др.

В поэме калмыцкого писателя Михаила Хонинова «Хальмг күүкнэ туск баллад» (1979) [4] архетипический поединок отца с сыном представлен с помощью вставного рассказа, в русском переводе Риммы Ханиновой – богатырской колыбельной.

В переводе «Сказания о калмычке» (1998-1999) «Богатырскую колыбельную» поет новорожденному сыну умирающая от смертельного ранения ханша Цаган Баин.

В своей ранней статье мы отмечали, что такой оксюморон, с одной стороны, подчеркивал саму природу жанра: детская направленность, с другой – замещал развернутый материнский наказ. Традиционно эта форма воспитания младенца – музыкальным ритмом, интонацией, содержанием; последнее, казалось бы, невнятно новорожденному, не владеющему речью, но онтологически ребенок открыт для восприятия речи, потому колыбельная выполняет и функцию благопожелания помимо непосредственного убаюкивания [5, с. 149].

Колыбельная строится по законам предания. Об этом говорит сама главная героиня: «Товчта нег / тууж сонслав, түүг келлго бээж чадшгов. / Кезэнэ бээж... Геср богд / күм ширгэжэсн / хортнла дээллднэ» [4, с. 136].

В переводе зачин подчеркивает эту давность событий: «Давно это было – не вспомню когда – / жил славный на свете Гесер богдо хан, защитник отчизны, гроза других стран» [6, с. 69].

Победив врагов, богатырь не смог устоять перед чарами красавицы, которая оказалась шулмой – ведьмой. «Өшэтэн баатр / дарж йовад / эрлг күүкнд / дарунь авлгдна» [4, с. 137]. Из опасного заблуждения хана вывел один из его воинов, сообщив всю правду. «Күүкн-эрлг / түүг меклсинь / дээчин негнь / күргж келнэ» [4: с. 137]. Гесер, убив мечом свою жену, оставляет в лесной чаще.

«Шулм гергэн / үлдэр чавчад, шуһуд хайчкад / һархар седнэ» [4, с. 137]. Но внезапно из чрева беременной женщины выпал мальчик, намотал на большой палец руки пуповину, связавшую его с матерью, и бросился на отца. «Экин геснэс / көвүн унад, / эркэдэн киисэн / орачкад ноолдна» [4, с. 137].

Фольклорный прием троекратности использован автором в подчеркивании детали: новорожденный обмотал трижды пуповину на большой палец, чтобы усилить материнское воздействие в противостоянии взрослому противнику. «Киисэн эркэдэн / һурв орасн / көвүн, бийэн / өглго бээв» [4, с. 137].

В переводе: «К измене всегда непреклонен был хан / – бесовку убил, разрубив пополам. // И вдруг из утробы ее мальчуган / комком мокрым выпал, на ноги он встал. / Трижды шулмы пуповинную нить / на палец руки намотал, чтоб убить / противника, словно той мести вкусил, / когда он в утробе у матери жил. / И ринулся сразу в бой голым, как был» [6, с. 70].

В отличие от эпической традиции, когда богатыри «Джангара» сражались с чужими малышами на равных по закону фольклорной гиперболы, в поэме Хонинова в поединок вступает новорожденный сын-младенец.

Ср.: в калмыцком эпосе Джангар увидел в железной люльке сидит, игрушку вертя, трехмесячное дитя: «Дерзкий! Вчера мою мать в преисподней убил, / Братьев моих семерых сегодня убил, / И после этого, Джангар, с каким лицом / Входишь в мой дом! Э, видно, в надземной стране / Между бесстыжими первым ты был наглецом! / Ну-ка, нойон, подойди поближе ко мне!» (перевод С. Липкина) [7, с. 289].

У Хонинова поединок продолжался семь дней, но не смог взрослый одолеть ребенка. «Геср долан / өдрин дуусн / һазр цокв, / эс чадв» [4, с. 137].

В переводе представлены подробности боя. «Семь дней продолжалась эта борьба, / семь дней решалась державы судьба – / и семь ночей долгих младенец во тьме / так прыгал, как альчик в азартной игре, / меж рук ускользал он, как рыба в реке, / меж ног пробегал он быстрее, чем сайга, / он ползал по телу большому врага, / кусаясь, царапаясь так без конца» [6, с. 70].

Фольклорное число «семь» автором поэмы увеличивается до десяти для того, чтобы акцентировать нечеловеческую мощь младенца.

И победу в эпическом противостоянии взрослый человек одержал благодаря не силе, а хитрости, тем самым актуализирован мотив детскости противника. «Арвдгч өдртэн / арһ, мекэр / аштнь Геср / көвүг диилнэ» [4, с. 138].

«И стал тут Гесер богдо хан уставать: / как странное противоборство прервать, / как ведьмину силу ему одолеть, / ведь тело ушло уж под землю на треть. И лишь на десятый день, хитростью взяв, / младенца совсем на лопатки прижал» [6, с. 70-71].

Характерно, что автор не указал, в чем заключалась хитрость мужчины, оставляя простор для фантазии читателя.

В произведении устного народного творчества эта деталь оказалась бы развернутой по законам жанра.

В фольклорной традиции младенцы владеют речью. В эпосе «Джангар» долгий бой сопровождался угрозой маленького шулму-са превратить жизнь нойона в мимолетный сон.

В поэме такой бой продолжался молча, беззвучно, тем самым усилено невероятное напряжение борцов.

По старинному обычаю победитель предлагал побежденному выразить последнее желание. «Диилсн залу / баатрин йосар / дуудад: “Һундл / бээнү?” – гинэ» [4, с. 138].

В переводе: «Обычай батыров – спросить у врага / желанье последнее: милость одна. // – Как воин, сражался со мной ты, стервец! / Желанье последнее выполняю...» [6, с. 71].

Ср.: в эпосе Алый Хонгор обратился к Тега Бюсу: «Человек, побежденный в бою, / Молвит последнюю волю свою. / Требуй, чего желаешь ты!» [7, с. 63].

У Хонинова в ответе ребенка подчеркнута мистическая связь с матерью-шулмой, лазутчицей в стане Гесера: «”Бээнэ. Сонс”, – / гинэ тернь. / “Экиннь уурган / һурвн оочлсн / болхнь, эмжл / цаһан элкндчн / эрэс эрх / билэв”, – гисмн» [4, с. 138].

В переводе: «Есть! / Да, есть у меня, у младенца, мечта – / Глотнуть материнского бы молока! / И если б я сделал три быстрых глотка, / Я смог бы тебя победить – чужака!» [6, с. 71].

Если в оригинале поэмы ребенок грозил в случае победы над взрослым конкретной казнью, то в переводе эти подробности опущены.

Автор завершил старинное предание, переданное главной героиней, ответом младенца. Переводчик же продолжил, предложив свою версию.

То, что в онтологической природе есть зависимость ребенка от матери, подтверждено в поэме новорожденным: «Других я желаний на свете не знал – / я жизни еще никакой не познал» [6, с. 71]. Потому отсюда дистанцирование от отца, как от чужака, врага.

В ответной речи Гесер богдо-хана звучит гордость за сына-воина, но и горечь от необходимости выполнения долга перед державной страной. В его словах («кровь ведьмы смешалась с моею – беда») и действии («чтоб избавить от ведьмы дитя, ему пуповину отрезал, любя») стремление скорректировать недолгую судьбу сына под знаком родства. Лишь когда Гесер «связь вражью мечом своим острым прервал, / тогда лишь младенец на миг закричал» [6, с. 72].

Эпический мотив рассечения пуповины отцовским мечом в поэме подчеркнул освобождение ребенка. Получается, что в этой битве принимала мистическое участие на стороне новорожденного и мертвая мать, передавая ему нечеловеческие силы через пуповину.

В детском крике – гамма переживаний: и расставание с матерью, отсюда боль душевная и физическая, и сложная встреча с отцом-победителем, с которым также предстоит прощание: «Простите, владыка, мне дерзкую речь – / Хотел я быть сыном... Наследный же меч / Не даст мне возможности вас обнимать...» [6, с. 72]

Признание ребенком отца сопряжено с покаянием и с сожалением о непознанном сыновнем чувстве. Но и признание суровых законов жизни и судьбы, подтверждение наследных черт отца, славного воина и правителя, наглядно демонстрируется в последней фразе младенца: «Честь воину смерть в поединке принять!...» [6, с. 72].

Эта сложная двойственность трагической ситуации и в заключительных словах колыбельной, в которых откликается и душа Цаган Баин: «Свой долг, как властитель, исполнил боец. / Там с сыном расстался, страдая, отец» [6, с. 72].

По законам жанра предание, рассказанное ханшей, должно иметь концовку, которая отсутствует в богатырской колыбельной.

Нет сомнения, что, напевая колыбельную, мать думала о том, что ее сыну не суждено увидеть погибшего отца, а Улан Бюргюду не дано познать долгожданную радость отцовства, что и сама она не насладится взрослением наследника.

Так текст колыбельной экстраполируется в текст поэмы и, будучи вставным элементом (правда, графически названием не выделенный в оригинале), несет важную сюжетообразующую функцию. Не случайно определение переводчиком колыбельной как богатырской – контаминация колыбельного жанра и жанра богатырской сказки.

Поэма Хонинова перекликается с «Богатырской колыбельной» и в финале, когда свитой хана был найден младенец в дупле ивового дерева.

В духе народных традиций звучит йорял-благопожелание старейшины ребенку: «Удн модн / мет эн / уудан ут / наста болтха. / Жирһлд дурта / хальмг нутган / Жаңһр нойншн / хардж йовтха. // Дээни эвдрлтиг / эвин медрлэр / даңгин дандл / уха хаһлтха. / Хальмг эмтн / ни-негэр / хөөн-хөөнэн / жирһх болтха!» [4, с. 147].

При переводе в это напутствие вошли фольклорные элементы благопожелания новорожденному: «Пусть будет крепким дыханье его, / Пусть будут пыльны ножонки его, / Пусть сильным духом быстрее растет, / Державе родной пусть на радость живет. / Пусть его ноги коснутся стремян, / Пусть будет путь его честен и прям, / Чтобы не знала невзгод страна, / Чтобы она в благоденстве цвела, / Чтобы по светлomu предков пути / Вместе во славу отчизны идти!» [6, с. 78]

Архетипический мотив обнаружения царственного наследника под деревом или в дупле акцентировал сиротство ребенка: «Мальчика, матерью чьей был тот клен, / чьим же отцом – ханский сокол, потом / старец к себе на колени позвал» [6, с. 77]. Отметим смену названия дерева переводчиком (иву на клен).

Так севший на вершину дерева ханский сокол, при помощи которого по обычаю могли выбрать правителя, определил проявление сакральных сил Неба.

Таким образом, бродячий сюжет о поединке отца с сыном в поэме Михаила Хонинова «Сказание о калмычке» представлен в традиции устного народного творчества, в частности, калмыцкого героического эпоса «Джангар», в форме богатырской колыбельной.

Такое обращение к архетическим сюжетам и мотивам свидетельствует о включении устного народного творчества калмыков и калмыцкой литературы в широкий аспект мировой словесности, подтверждая существование бродячих сюжетов, преломленных в народном восприятии и в авторской индивидуальности.

Литература

1. Юрченко Т.Г. Бродячие сюжеты // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 99-100.
2. Пронин В.А. «Дурацкая литература» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 251-252.
3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. М.: Флинта; Наука, 2011.
4. Хоньна М. Хальмг күүкнэ туск баллад // Хоньна М. Баһ насн, ханжанав: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. Х. 97-149.
5. Ханинова Р.М. Об одном эпическом сюжетном мотиве в «Сказании о калмычке» Михаила Хонинова // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»): материалы междунар. научно-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2004. С. 149-154.
6. Хонинов М. Сказание о калмычке // Хонинов М.В, Ханинова Р.М. Час речи: стихи и поэмы. Элиста, 2002. С. 45-79.
7. Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. с калм. С. Липкина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989.

К. Б. Шадманов,
*Бухарский филиал
Ташкентского государственного
стоматологического института,
Узбекистан, г.Бухара*

Восточная школа переводчиков и Ренессанс Запада

В связях и общениях между частями и ступенями развития мира проблема преемственности во времени и пространстве имеет первостепенное значение. Под этим углом зрения мы рассматриваем линию преемственности мусульманского Возрождения, идущего от Востока к Ренессансу Запада. В IX-XIII веках на Востоке,

главным образом в Центральной Азии, передовые мусульманские мыслители, возрождая эллинскую и эллинистическую философию, дали ей свою интерпретацию и в таком виде познакомили с ней представителей западного мира. Так осуществлялась преемственная связь между философией античности и философией Средневекового Востока, с одной стороны, и между философской мыслью арабо-язычного культурного мира и философией Запада – с другой. Именно арабо-язычная философия в свое время (IX–XIII вв.) оказала огромное влияние на философию Западной Европы, способствуя тем самым синтезу этих культур.

Изучение трактатов арабских философов европейцами было обязательным этапом освоения ими основ философских знаний, о чем свидетельствует тот факт, что уже в X – XIII веках в библиотеках Оксфордского и Кембриджского университетов имелись в наличии фундаментальные труды наших соотечественников Фараби и Ибн-Сины. Этому способствовала и школа переводчиков, сформировавшаяся в Испании (VII – XII вв.), которая не только открыла Европе мир античной философии, но и сделала ее достоянием научную мысль и произведения многих ученых – Хорезми, Фараби, Фергани, Беруни, ибн Сины. Среди ученых, служивших в Халифате и занимавшихся переводом на арабский язык с греческого, сирийского, фарси и хинди, особо выделяются Хунайн ибн Исхак (810–873гг.), Исхак ибн Хунайн, Хубайш Сабит ибн Курра (886–901гг.), Яхья ибн Ади, Исхак ад-Димишки, семья Масарджувайхов, Ноубахт, ибн Мукаффа, ибн Манка, ибн Вахшиа.

Благодаря усилиям переводчиков, достижения философской мысли мусульманского Востока стали также достоянием Запада: они были восприняты, развиты дальше и подняты на новую, более высокую ступень. Труды мыслителей мусульманского Востока оказали плодотворное влияние на творчество и мировоззрение таких ярчайших представителей европейской философской мысли, как Сигер из Бранбанта, Адельярд из Бата, Иоанн Солсберийский, Кларенбалд, Амальрик из Бена. Прежде всего это влияние шло от трех великих философов – Фараби, Ибн Сины и Ибн Рушда. Европейцы действительно активно изучали арабо-язычных мыслителей и в Средние века, и в Возрождение. Именно благодаря философам, выходцам из Центральной Азии, античная мысль не угасла. С IX века арабо-язычным просветителям стали известны

труды Аристотеля, и через них – благодаря переводам – вся Европа познакомилась с гениями философии [3, с.60]. Это подтверждают и работы Уотта У. Монтгомери и Ф. Дитерици. Уотт У. Монтгомери свидетельствует о том, что в “XIII веке европейские ученые, интересующиеся наукой и философией, осознали, как много им надо учиться у арабов (т.е. арабо-язычных ученых – *К. Ш.*), и принялись штудировать основные арабские труды, а также переводить главные из них на латынь...” [6, с.82]. Ф. Дитерици отмечает, что средневековая Европа ознакомилась с древнегреческой философией, прежде всего, через арабо-язычную философию, благодаря трудам Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда [7, с.34]. По мнению Гюи, в Европе XII-XIII веков после знакомства с переводами трудов ученых мусульманского мира появляется потребность сближения вообще с Востоком и его культурой [2, с.513–514]. Центрально-азиатский регион (Бухара, Самарканд, Мерв, Хорезм, Балх), будучи перекрестком мировых торговых путей, являл собой своеобразную богатую культуру и стал центром развития передовой науки и философии, сыграв решающую роль в формировании Багдадской «Байт ул-Хикма». По справедливому утверждению многих ученых, эта эпоха была периодом широчайшего распространения среднеазиатской, хорасанской культуры, науки, литературы и искусства на страны, завоеванные арабами, эпохой усвоения ими этих культур [1, с.170].

Завоеванный арабами Пиренейский полуостров, начиная с IX века, становится одной из передовых стран мира: в Андалузии растут производительные силы, ширятся экономические связи с западными и восточными странами, развиваются города и городская культура, расцветают торговля и ремесла. Все это служит благодатной почвой и обосновывает расцвет арабской культуры на Западе, включая и царицу наук – философию в лице ее ярчайших представителей – Ибн Баджа (ум. в 1138 г.), Ибн Туфейля (1110-1185), Ибн Рушда (1126-1198), на философские и научные концепции которых решающее влияние оказала философия Фараби. Деятели науки и искусства из различных стран мусульманского Востока также стекались в Андалузию, где они находили лучшие условия для творческой работы. Следует также отметить особую роль средневековых еврейских мыслителей-переводчиков, таких как Моисей Маймонид и другие, создавшие собственную культуру

в рамках арабской цивилизации, оказав влияние, в частности, на развитие философской мысли Запада; они во многом способствовали установлению преемственной связи между арабо-язычной и латинской культурами.

Научные и философские памятники, написанные или сохранившиеся на арабском языке, перешли в Западную Европу в значительной своей части благодаря деятельности испанских евреев-переводчиков. Приблизительно с середины XII века философия великих мыслителей мусульманского Востока ал-Кинди, Фараби, Ибн Сина, ат-Термизи становится главным источником философии арабского Запада. Именно эта философия и поразила современников своей огромной внутренней духовной силой, позволившей, возможно, впервые в истории поставить и теоретически сформулировать всю основную гамму проблем всеобщего универсального уровня, касающихся всех пластов, форм и типов бытия и, прежде всего, бытия человека и бытия общества. Эта философия явилась в истории новым колоссальным по своей силе полюсом духовности, консолидировавшим в себе на протяжении IX-XIII веков все проявления прогрессивной рациональности, плодотворно синтезируя при этом культуры Востока и Запада. Восток сохранил и передал Западу важнейшие памятники философии античного мира и Аристотеля. Так философия арабо-язычного Востока была перенесена на Пиренеи, и на ее основе была разработана и расцвела философия арабского Запада (Ибн Туфейль, Ибн Рушд, ал-Араби), которая, в свою очередь, дала мощный толчок всей европейской мысли, сделав очень многое для формирования и развития теоретического мышления вплоть до эпохи Ренессанса, когда европейская философия, органично и прочно стоящая на античной традиции, переданной ей восточными перипатетиками, смогла не только выявить и очертить проблемное поле философии, но и сформулировать собственный язык, понятийно-категориальный ряд, утверждая и неизменно поддерживая ничем не ограниченный интеллектуальный поиск.

Литература

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. – 736 с.
2. Гюи. Влияние крестовых походов на западную цивилизацию // Атеней. – 1858. – №24. – С. 513– 14.

3. Голенищев-Кутузов И.Н. Данте и предвозрождение. М., 1967.
4. Конрад Н.И. Средние века в исторической науке. М., 1975.
5. Маданиятимизнинг безавол дурдоналари. Британия кутубхоналаридаги буюк алломаларимизга оид манбалар. Лондон, 2002.
6. Монтгомери У. У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. – 128 с.
7. Dieterici F. Die Philosophie der Araber im. 9, 10 Jahrhunderten.
4. Buch / Die Logik und Psychologie der Araber. Leipzig. 1868. S. 34.
8. Шадманов К. Английская духовность и язык. Бухара, 2010. – 210 с.

Научное издание

ВЕЛИКИЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ МИГРАЦИИ

Материалы Международной научной конференции
г. Элиста, 11 – 14 октября 2016 г.

Подписано в печать 22.11.2016.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,73. Тираж 300 экз.
Заказ

ЗАОр "НПП "Джангар"
358000, РК, г. Элиста, ул. Ленина, 245